

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316(470+57)(09)+929 ТАХТАРЕВ

К.М. ТАХТАРЕВ О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

С.А. Ровнова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: DylnovG @info.sgu.ru

В статье рассматриваются особенности социологических воззрений известного русского социолога К.М. Тахтарева, понимание им исторического процесса и его закономерностей.

Ключевые слова: история социологии, развитие общества, общественная закономерность.

K.M. Takhtarev about Logic of Social Phenomenon

S.A. Rovnova

In the article the peculiarities of the famous Russian sociologist K.M. Takhtarev's sociological views are considered. His understanding of the historical process and its logic are presented.

Key words: history of sociology, society development.

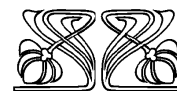
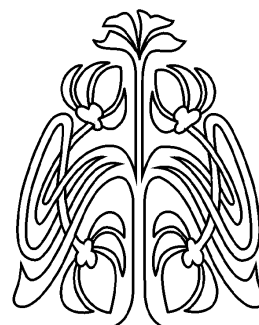
В начале XX в. ведущей школой в отечественной социологии становится неопозитивизм, наиболее яркими представителями которого являлись А.С. Звоницкая, К.М. Тахтарев и П.А. Сорокин. Остановимся на особенностях социологических воззрений К.М. Тахтарева.

Ученый полагал, что научные средства для выяснения вопроса о закономерности социальных явлений даются, с одной стороны, сравнительной историей общества, а с другой – сравнительной статистикой. Наряду с эволюционным методом он начинает использовать метод «численного измерения»¹. Вся дальнейшая исследовательская деятельность Тахтарева была посвящена пересмотру основных вопросов социологической теории на этой посылке.

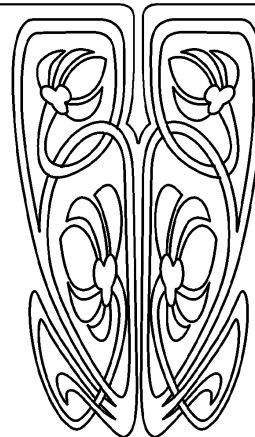
Специфика любой социальной науки, в том числе и социологии, полагал Тахтарев, определяется двойко – через ее предмет и историю. Изучение и систематизация современных проблем социологии немислимы без предварительного знакомства с их эволюцией, поэтому он интенсивно занимается историей социологии².

Изложение своей системы социологии Тахтарев начинает с методологических вопросов. «Без естествознания... правильное понимание общественной жизни вряд ли возможно», их объединяет и характер протекания изучаемых вопросов, и характер «точных приемов исследования»³. Речь идет не о превращении социологии в физику, биологию или психологию, а о методологическом сходстве, ибо социология призвана быть особой естественной наукой об общественной жизни, изучающей особый класс социальных явлений, впрочем, таких же естественных, как и все явления мировой жизни. Сходные суждения в это же время и несколько раньше высказывали и другие социологи – П.А. Сорокин, В. Парето и В. Томас.

Если понятия «совместное сотрудничество», «сожитие» выражают сущность общественной жизни, то последняя, писал Тахтарев, совершается в формах «общения», особенно «трудового общения»⁴. «Общество есть самодостаточное сожитие людей, находящихся во всевозможных формах общения друг с другом с целью всестороннего обеспечения жизни и сознающих свое общественное единство»⁵.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Совершенно очевидно, что здесь различие между обществом и межличностным общением прежде всего в наборе прилагательных «самодостаточное», «всевозможные», «всестороннее». Так как абстрактная сила его понимания общества в последних словах, то подробная расшифровка их и составила содержание книги.

Термин «самодостаточность», заимствованный у Аристотеля, был довольно неопределенным. У Тахтарева он означал «сотрудничество индивидов... достаточное для обеспечения всех их жизненных потребностей и стремлений к более совершенной жизни». Но что такое потребности и «стремления к более совершенной жизни»? И разве их качество и количество являются величиной постоянной? Чьи именно стремления принимаются во внимание в указанном определении? Ответа в его концепции мы не обнаруживаем.

Большую оригинальность Тахтарев проявил в вопросах расслоения общества и его строения. Общение, пишет он, неизбежно объединяет людей в каких-либо отношениях и этим противопоставляет другим, т.е. разъединяет. Оба эффекта, считал он, подкрепляются фактическим биопсихическим неравенством людей, и на их совместном действии вырастает вся групповая дифференциация общества. Социальному различию, антагонизму и борьбе противостоят сходство, соглашение, солидарность, которые лежат в основе любого социального института, учреждения.

В толковании проблем структуры общественной жизни Тахтарев в целом следовал за современными ему американскими социологами. Он различал группы стабильные, действующие долгое время в рамках одного или даже нескольких типов социальных структур, и временные, преходящие. Особое внимание он уделяет на этом основании роли каждой группы, которая, как он полагал, зависит от людского состава – количества и качества, степени организованности, набора групповых материальных средств и символов, способов действия, имеющих в распоряжении групп.

В особый тип он выделял те группы, которые оказывают давление на общественную власть, хотя бы в форме общественного мнения, через «политические машины» или экономическую борьбу. При этом он выступал против марксистского понимания классовой борьбы, противопоставляя ему идею межклассового сотрудничества и солидарности⁶. Таким образом, многочисленные социальные группы и институты составляют социальную структуру общества, т.е. часть системы общения.

Последний раздел его системы связан с темой «общение – закономерность общественной жизни». Между закономерностью «естественной» и «общественной», писал Тахтарев, нет принципиального различия, обе имеют ряд

главных и совпадающих элементов в виде повторяемости, зависимости и необходимого соотношения⁷. Общественная закономерность не есть производное от широких мировых законов природы, она специфична, так как стремится вскрыть отношения особого социального ряда явлений⁸.

Само по себе признание, что общественная жизнь протекает закономерно, похвально, но это происходит во всем мире явлений. Суть дела в том, какие именно это законы. Уже со времен О. Конта в социологии утверждались поиск двух типов законов: во-первых, законов генетической смены, определенной последовательности, эволюции и, во-вторых, законов функциональных.

В последние годы ряд социологов, пишет Тахтарев, справедливо выступил против того, чтобы так называемые эволюционные законы возводились в ранг научных обобщений. Установление их нередко бывает весьма трудной и щекотливой задачей, в недостаточной мере обоснованной даже фактически, несмотря на кажущиеся изобилие и достоверность фактов. И лишь законы функциональные оказываются социологическими в наиболее полном и истинном смысле этого слова⁹.

Они фиксируют необходимое равновесие между различными социальными явлениями (разделением труда, производством, политикой, культурой, классами, численным составом группы и т.д.), которое чаще всего непосредственно открывается сравнительно-статистическими методами. Правда, хотя «заветная мечта каждого социолога» выразить изучаемые общественные явления «точным языком чисел», Тахтарев подчеркивает, что при всей принципиальной «важности числа» для социологии, она, тем не менее, остается именно социологией, а не математикой и статистикой. Иными словами, речь идет о служебной роли статистики в социологии. Эту точку зрения в русской литературе активно защищали А.А. Чупров, А.А. Кауфман и др.

Только усваивая «точные науки, приемы массового наблюдения и исследования социальных явлений, численного их измерения и статистико-социологического выяснения их необходимых соотношений», социология может стать «действительно точной общественной наукой» – таким выводом Тахтарев заключает свою главную книгу¹⁰.

Итак, концепция социологии К.М. Тахтарева весьма оригинальна: социологию он определял как науку, которая «изучает общественную жизнь, взятую в целом, выясняет общественные явления в их естественных и необходимых соотношениях и устанавливает выражающиеся в них закономерности»¹¹. Социология изучает все общественные явления с целью выяснения их соотношения и закономерностей. Важной задачей социологии, по Тахтареву, выступает исследование социального процесса, хода развития общественной жизни и

связанных с ним явлений эволюции, прогресса и регресса, расширения форм общения, столкновения и борьбы различных сил и групп.

Поскольку общество есть некая взаимосвязанная целостность, важнейшей задачей социологии, считал ученый, является исследование взаимоотношений различных социальных явлений и установление их необходимой закономерности.

Примечания

- ¹ В журнале «Современный мир» (№ 8, 10, 12 за 1910 г.) появляются его социологические очерки под общим заглавием «Главнейшие направления в развитии социологии», которые венчались важной статьей «Чем должна быть социология» (№ 9 за 1911 г.).
- ² См.: Основные идеи социологов. Конт и Маркс // Со-

временный мир. 1914. № 9, Социология как наука. Пг., 1915.

- ³ См.: *Тахтарев К.М.* Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии. Пг., 1919. С. 29,55.
- ⁴ Там же. С. 45.
- ⁵ Там же. С. 141.
- ⁶ См.: *Тахтарев К.М.* Общество и государство и законы борьбы классов. Пг., 1918.
- ⁷ См.: *Тахтарев К.М.* Наука об общественной жизни... С. 249 и след.
- ⁸ См.: *Кареев Н.* Социология г. Тахтарева // Русское богатство. 1937. № 4–5. С. 204–205.
- ⁹ См.: *Тахтарев К.М.* Наука об общественной жизни... С. 373.
- ¹⁰ Там же. С. 413.
- ¹¹ Там же. С. 24

УДК [378. 005.6] (470.44–25)

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

И.Г. Малинский

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: mig@info.sgu.ru

В статье рассматриваются основные вопросы реформирования высшего образования в России, связанные, прежде всего, с решением проблем повышения качества образования, расширения круга образовательных услуг в вузах. При этом особое внимание уделяется менеджменту качества в СГУ.

Ключевые слова: качество, менеджмент качества, политика в области качества, профессиональная компетентность, управленческие решения.

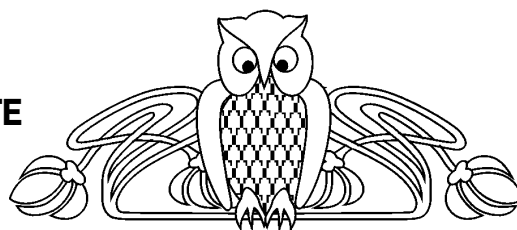
The Foundation of Quality Management System in Saratov University

I.G. Malinsky

The article examines the basic questions of reforming the higher education in Russia which are primarily connected to solving the problems of improving the quality of education and widening the range of educational services in universities. The emphasis is made on quality management in Saratov State University.

Key words: quality, quality management, policy in the sphere of quality, professional expertise, managerial decisions.

В течение двух лет (2007–2008 гг.) Саратовский государственный университет был участником федерального проекта «Образование» и выиграл грант на осуществление инновационной образовательной программы¹. В результате ее реализации в Саратовском государственном университете были укреплены материально-техническая база научно-образовательных лабораторий, мно-

гие сотрудники вовлечены в работу по созданию научных и образовательных структур, подготовлены и обновлены методические материалы, повысилась квалификация преподавательских кадров. Саратовский университет занял ведущую позицию в регионе как центр инновационных исследований в области естественных и гуманитарных наук.

Следует подчеркнуть особую значимость повышения качества образования в контексте Болонского процесса. Остановимся на некоторых аспектах ее решения в Саратовском университете.

Ученый совет СГУ рассматривал вопрос о функционировании в университете системы менеджмента качества. Контроль качества обучения является необходимым условием интеграции высшей школы России в мировой образовательный процесс, поэтому при аккредитации вузов особое внимание уделяется внутривузовской системе обеспечения качества образования.

Система менеджмента качества высшего образования намного сложнее аналогичной системы на производстве. Она складывается из множества различных составляющих, среди которых: результаты образовательного процесса, его организация, а также востребованность выпускников на рынке труда. Качество образования определяется в результате текущего, промежуточного и итогового контроля знаний студентов, а также реализации учебных программ. Отдельно оценивается сте-

связанных с ним явлений эволюции, прогресса и регресса, расширения форм общения, столкновения и борьбы различных сил и групп.

Поскольку общество есть некая взаимосвязанная целостность, важнейшей задачей социологии, считал ученый, является исследование взаимоотношений различных социальных явлений и установление их необходимой закономерности.

Примечания

- ¹ В журнале «Современный мир» (№ 8, 10, 12 за 1910 г.) появляются его социологические очерки под общим заглавием «Главнейшие направления в развитии социологии», которые венчались важной статьей «Чем должна быть социология» (№ 9 за 1911 г.).
- ² См.: Основные идеи социологов. Конт и Маркс //Со-

временный мир. 1914. № 9, Социология как наука. Пг., 1915.

- ³ См.: *Тахтарев К.М.* Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии. Пг., 1919. С. 29,55.
- ⁴ Там же. С. 45.
- ⁵ Там же. С. 141.
- ⁶ См.: *Тахтарев К.М.* Общество и государство и законы борьбы классов. Пг.,1918.
- ⁷ См.: *Тахтарев К.М.* Наука об общественной жизни... С. 249 и след.
- ⁸ См.: *Кареев Н.* Социология г. Тахтарева // Русское богатство. 1937. № 4–5. С. 204–205.
- ⁹ См.: *Тахтарев К.М.* Наука об общественной жизни... С. 373.
- ¹⁰ Там же. С. 413.
- ¹¹ Там же. С. 24

УДК [378. 005.6] (470.44–25)

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

И.Г. Малинский

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: mig@info.sgu.ru

В статье рассматриваются основные вопросы реформирования высшего образования в России, связанные, прежде всего, с решением проблем повышения качества образования, расширения круга образовательных услуг в вузах. При этом особое внимание уделяется менеджменту качества в СГУ.

Ключевые слова: качество, менеджмент качества, политика в области качества, профессиональная компетентность, управленческие решения.

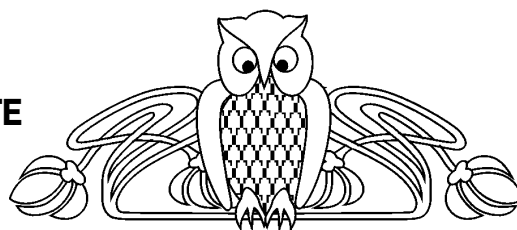
The Foundation of Quality Management System in Saratov University

I.G. Malinsky

The article examines the basic questions of reforming the higher education in Russia which are primarily connected to solving the problems of improving the quality of education and widening the range of educational services in universities. The emphasis is made on quality management in Saratov State University.

Key words: quality, quality management, policy in the sphere of quality, professional expertise, managerial decisions.

В течение двух лет (2007–2008 гг.) Саратовский государственный университет был участником федерального проекта «Образование» и выиграл грант на осуществление инновационной образовательной программы¹. В результате ее реализации в Саратовском государственном университете были укреплены материально-техническая база научно-образовательных лабораторий, мно-

гие сотрудники вовлечены в работу по созданию научных и образовательных структур, подготовлены и обновлены методические материалы, повысилась квалификация преподавательских кадров. Саратовский университет занял ведущую позицию в регионе как центр инновационных исследований в области естественных и гуманитарных наук.

Следует подчеркнуть особую значимость повышения качества образования в контексте Болонского процесса. Остановимся на некоторых аспектах ее решения в Саратовском университете.

Ученый совет СГУ рассматривал вопрос о функционировании в университете системы менеджмента качества. Контроль качества обучения является необходимым условием интеграции высшей школы России в мировой образовательный процесс, поэтому при аккредитации вузов особое внимание уделяется внутривузовской системе обеспечения качества образования.

Система менеджмента качества высшего образования намного сложнее аналогичной системы на производстве. Она складывается из множества различных составляющих, среди которых: результаты образовательного процесса, его организация, а также востребованность выпускников на рынке труда. Качество образования определяется в результате текущего, промежуточного и итогового контроля знаний студентов, а также реализации учебных программ. Отдельно оценивается сте-

пень доступности электронных и библиотечных ресурсов. Важную роль в системе менеджмента качества играют уровень организации вузовского документооборота и качество научных разработок.

Управление качеством действует в СГУ с 2005 г. В соответствии с действующим законодательством создано и переработано 170 нормативных документов. Это позволило уточнить и подробно описать все процедуры, необходимые для обеспечения учебного процесса. Учёным советом приняты важнейшие документы, отражающие образовательную деятельность университета, его миссию и политику в области качества². В структурных подразделениях университета был проведён аудит документов, при этом акцент был сделан на методическое консультирование. Подобные проверки по самооценке деятельности вуза будут проводиться два раза в год.

Политика Саратовского университета ориентирована на обеспечение качества образовательных услуг и научной продукции, гарантированно соответствующих всем законодательным нормам и ожиданиям заинтересованных сторон. Основными направлениями в области качества образования являются следующие: систематическое изучение текущих и будущих потребностей заинтересованных сторон (потребителей, работодателей, собственных работников, поставщиков, государства и общества) и оценивание их удовлетворённости; формирование в университете среды, способствующей мотивации каждого сотрудника в улучшении как своей деятельности, так и всего университета в целом; системное повышение профессиональной компетентности сотрудников в области качества; постоянное улучшение процессов образовательной, научной и научно-методической деятельности, жизнеобеспечения и взаимосвязей между ними с учётом собственных возможностей, результатов деятельности, удовлетворённости заинтересованных сторон и ориентацией на лучшие мировые достижения; непрерывное совершенствование системы менеджмента качества университета путём принятия управленческих решений и оценки их эффективности на основе достоверных фактов; установление и поддержание партнёрских отношений с заинтересованными сторонами, основанных на доверии, взаимопонимании, взаимном интересе в общем успехе и направленных на долговременное сотрудничество.

Настоящая политика реализуется путём установления измеримых целей в области качества, которые достигаются за счёт использования принципов и методов всеобщего менеджмента качества; создания условий для раскрытия творческого потенциала каждого сотрудника, сохранения и развития организационной культуры; внедрения инновационных технологий во все сферы деятельности; проведения регулярной самооценки

деятельности, изучения и внедрения передового опыта ведущих образовательных и научных организаций³.

Свидетельством активной работы системы менеджмента качества стало получение рядом преподавателей СГУ сертификатов Европейской ассоциации организаций гарантии качества в сфере высшего образования.

В университете выработаны механизмы реализации менеджмента качества образования. В 2008 г. была разработана система менеджмента качества, опирающаяся на внутренние нормативные документы – положения о факультете, о кафедре, об ученом совете факультета, о порядке замещения должностей научно-педагогических работников в университете, о порядке выборов декана факультета и заведующего кафедрой. Рассмотрим данную систему на примере положения о факультете.

Настоящее Положение о факультете Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (далее Университет) разработано в соответствии с Федеральным законом от 10.07.92 г. № 3266–1 «Об образовании» (с изменениями на 23.07.2008), Федеральным законом Российской Федерации от 22.08.96 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (с изменениями на 15.07.2008), Типовым положением об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении) Российской Федерации (Постановление Правительства РФ от 14.02.2008. № 71), Уставом Университета и другими законодательными и правовыми актами, регламентирующими учебную деятельность высших учебных заведений.

Первый раздел «Общие положения» содержит характеристику факультета как учебно-научного структурного подразделения университета, которое осуществляет образовательную, научно-исследовательскую, воспитательную, культурно-просветительскую и иную деятельность в рамках своих полномочий. Факультет не является юридическим лицом, имеет собственную символику и штамп. Он ведет подготовку по одной или нескольким родственным специальностям и направлениям на всех уровнях довузовского, среднего, высшего, послевузовского и дополнительного профессионального образования. В своей деятельности факультет руководствуется прежде всего действующим законодательством Российской Федерации, решениями ученого совета университета.

Во втором разделе «Структура и состав факультета» отмечается, что в его состав входят деканат, кафедры (невыпускающие, выпускающие, базовые), учебные и учебно-научные лаборатории, обеспечивающие реализацию основных направлений деятельности факультета.

Формирование факультета может осуществляться при выполнении следующих условий: приведенный контингент обучающихся не менее 150 человек (при полной программе подготовки); наличие в структуре факультета не менее двух кафедр, обеспечивающих преподавание обще-профессиональных и специальных дисциплин по направлениям (специальностям), реализуемым на факультете; наличие функционирующей системы послевузовской (постдипломной) подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации.

Следующий раздел – «Управление факультетом». Представительным органом сотрудников и обучающихся на факультете является конференция научно-педагогических работников, представителей других категорий работников и обучающихся. Высшим коллегиальным органом управления факультета является ученый совет. Руководство деятельностью факультета осуществляет декан, который подчиняется непосредственно ректору (директору института). Должность декана является штатной и относится к числу должностей профессорско-преподавательского состава.

Для обеспечения эффективности, качества и оперативности учебной, научной, социальной, воспитательной работы и других направлений деятельности факультета декан может назначать ответственных за эти участки работы из числа профессорско-преподавательского состава факультета.

Декан в пределах своей компетенции руководит образовательной, научно-исследовательской, воспитательной, культурно-просветительской и иной деятельностью; обеспечивает исполнение решений ученого совета университета, приказов и распоряжений ректора, решений ученого совета факультета; проводит общие собрания или конференции научно-педагогических работников, представителей других категорий работников и обучающихся для обсуждения важнейших вопросов деятельности факультета или выборов членов ученого совета и конференции университета; организует работу всех структурных подразделений факультета с учетом решений ученого совета университета, приказов и распоряжений ректора, решений ученого совета факультета.

Декан отчитывается в своей деятельности перед ученым советом факультета в конце календарного года. В штатном расписании деканата предусмотрены должности учебно-вспомогательного персонала. Для координации работы по составлению и модернизации рабочих учебных планов и основных образовательных программ, учебно-методических комплексов на факультете создается научно-методическая комиссия.

Четвертый раздел положения «Основные задачи и функции факультета» характеризует главные направления деятельности факультета, в числе которых: подготовка квалифицированных специалистов, обладающих общекультурной и

профессиональной компетенцией; проведение фундаментальных и прикладных научных исследований, распространение и пропаганда научных знаний; удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии посредством получения высшего, послевузовского и дополнительного профессионального образования на основе неразрывного единства процесса обучения и научных исследований. Из функций факультета необходимо прежде всего указать на такие, как организация деятельности входящих в его состав кафедр по реализации основных и дополнительных программ всех уровней довузовского, среднего, высшего и дополнительного профессионального образования, подготовка документов для лицензирования вновь открываемых образовательных программ; создание условий для разработки и издания учебной и учебно-методической литературы, отвечающей современным требованиям к образовательной деятельности; проведение систематической работы по контролю учебного процесса в части, осуществляемой кафедрами данного факультета; координация деятельности входящих в его состав кафедр по подготовке кадров высшей квалификации, переподготовке и повышению квалификации специалистов; проведение воспитательной работы и координация общественно-полезной деятельности обучающихся и сотрудников факультета; осуществление международной деятельности в области образования, подготовки кадров, научно-исследовательских и прикладных разработок, экспертизы; ведение документации и подготовка отчетных данных факультета по учебным, научным, методическим вопросам и воспитательной работе, а также документации, необходимой для аккредитации направлений подготовки и специальностей факультета, самоаттестации в ходе аккредитации университета и др.

В пятом разделе «Международная деятельность» освещаются вопросы международного сотрудничества факультета с зарубежными организациями, учреждениями и предприятиями.

Шестой раздел «Взаимодействие с другими подразделениями университета» характеризует взаимодействие факультета с другими подразделениями университета по обеспечению образовательного процесса, организации научно-исследовательской и хозяйственной работы.

Седьмой раздел «Ответственность факультета» содержит принципиальные положения о мере и степени ответственности факультета и его сотрудников за деятельность факультета.

В восьмом разделе «Реорганизация и ликвидация факультета» отмечается, что прекращение деятельности факультета осуществляется путем его ликвидации или реорганизации⁴.

Аналогичным образом построены и остальные положения данной системы менеджмента качества.

Руководством университета разработан план мероприятий по совершенствованию системы менеджмента качества на ближайшие годы. Этот план включает в себя целый ряд мероприятий организационного и методического характера. В частности, в нем выделены такие мероприятия, как формирование организационной структуры управления качеством в области образовательной деятельности; совершенствование политики университета в области качества; разработка целей в этой области по университету в целом, факультетам (институтам) и кафедрам; разработка, согласование и введение в действие обязательных документированных процедур; разработка, актуализация и введение в действие документации, регламентирующей выполнение ключевых процессов образовательной деятельности; обучение уполномоченных по качеству на факультетах и кафедрах по программе курса «Основы обеспечения качества образовательной деятельности»; самооценка деятельности университета по критериям модели «Совершенствование деятельности вуза»; формирование команды внутренних аудиторов системы менеджмента качества в области образовательной деятельности и их подготовка по программе курса «Внутренний аудит»; разработка программы проведения внутреннего аудита в области образовательной деятельности; проведение внутреннего аудита системы менеджмента качества в области образовательной деятельности; разработка процедуры

оценки потребностей и удовлетворенности заинтересованных сторон (студентов, выпускников и работодателей) качеством процессов образовательной деятельности методом анкетирования; проведение выборочной оценки потребностей и удовлетворенности заинтересованных сторон (студентов, выпускников и работодателей) качеством процессов образовательной деятельности; актуализация документации системы менеджмента качества; подготовка к сертификации и начало процедуры подтверждения соответствия системы менеджмента качества образовательной деятельности требованиям ГОСТ Р ИСО 9001:2000.

Естественно, что проводимая в СГУ работа по созданию системы менеджмента качества образования – это лишь начало большого и сложного процесса, который будет усложняться по мере возникновения перед вузом новых задач в плане перехода на двухуровневую систему обучения, в основе которой лежит качество образования.

Примечания

- 1 См.: Инновационная образовательная программа Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского: итоги и перспективы. Саратов, 2009. С. 1–3.
- 2 См.: <http://www.sgu.ru/node/30977>. – 10.09.2009.
- 3 См.: <http://www.sgu.ru/node/21012>. – 05.09.2009.
- 4 См.: Система менеджмента качества. Внутренние нормативные документы. Саратов, 2008. Вып. 3. С. 4–8.

УДК 316.334.3

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Д.В. Покатов

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: dvpokatov@gmail.com

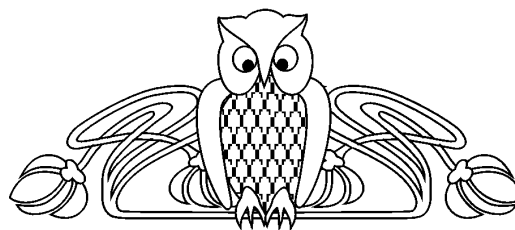
В статье рассматриваются особенности функционирования политической элиты современной России. Дается характеристика реализующихся на современном этапе управленческих парадигм, анализируются факторы, влияющие на их претворение, и определяется роль элиты в этом процессе.

Ключевые слова: политическая элита, парадигма, управление.

Political Elite of Modern Russia and Forming of the New Administration Paradigm

D.V. Pokatov

Peculiarities of modern Russia political elite functioning are considered in the article. The characteristic of the administration paradigms, which are realized at modern stage, is given, factors, influencing on

their realization, are analysed, and the role of elite in this process is defined.

Key words: political elite, paradigm, administration.

В последние годы в научной литературе отмечается определенный рост числа исследований, посвященных анализу процесса функционирования политической элиты и управленческих парадигм, во многом определяющих облик современных моделей управления. К рассмотрению сущности функционирования политической элиты обращались в своих исследованиях Ю.С. Дульшиков, В.Н. Иванов, Г.П. Лесников, Л.В. Бабаева, Е.Я. Таршис, Л.А. Резниченко и др. Анализ различных типов управленческих пара-

Руководством университета разработан план мероприятий по совершенствованию системы менеджмента качества на ближайшие годы. Этот план включает в себя целый ряд мероприятий организационного и методического характера. В частности, в нем выделены такие мероприятия, как формирование организационной структуры управления качеством в области образовательной деятельности; совершенствование политики университета в области качества; разработка целей в этой области по университету в целом, факультетам (институтам) и кафедрам; разработка, согласование и введение в действие обязательных документированных процедур; разработка, актуализация и введение в действие документации, регламентирующей выполнение ключевых процессов образовательной деятельности; обучение уполномоченных по качеству на факультетах и кафедрах по программе курса «Основы обеспечения качества образовательной деятельности»; самооценка деятельности университета по критериям модели «Совершенствование деятельности вуза»; формирование команды внутренних аудиторов системы менеджмента качества в области образовательной деятельности и их подготовка по программе курса «Внутренний аудит»; разработка программы проведения внутреннего аудита в области образовательной деятельности; проведение внутреннего аудита системы менеджмента качества в области образовательной деятельности; разработка процедуры

оценки потребностей и удовлетворенности заинтересованных сторон (студентов, выпускников и работодателей) качеством процессов образовательной деятельности методом анкетирования; проведение выборочной оценки потребностей и удовлетворенности заинтересованных сторон (студентов, выпускников и работодателей) качеством процессов образовательной деятельности; актуализация документации системы менеджмента качества; подготовка к сертификации и начало процедуры подтверждения соответствия системы менеджмента качества образовательной деятельности требованиям ГОСТ Р ИСО 9001:2000.

Естественно, что проводимая в СГУ работа по созданию системы менеджмента качества образования – это лишь начало большого и сложного процесса, который будет усложняться по мере возникновения перед вузом новых задач в плане перехода на двухуровневую систему обучения, в основе которой лежит качество образования.

Примечания

- 1 См.: Инновационная образовательная программа Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского: итоги и перспективы. Саратов, 2009. С. 1–3.
- 2 См.: <http://www.sgu.ru/node/30977>. – 10.09.2009.
- 3 См.: <http://www.sgu.ru/node/21012>. – 05.09.2009.
- 4 См.: Система менеджмента качества. Внутренние нормативные документы. Саратов, 2008. Вып. 3. С. 4–8.

УДК 316.334.3

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Д.В. Покатов

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: dvpokatov@gmail.com

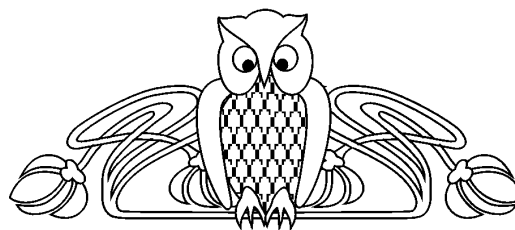
В статье рассматриваются особенности функционирования политической элиты современной России. Дается характеристика реализующихся на современном этапе управленческих парадигм, анализируются факторы, влияющие на их претворение, и определяется роль элиты в этом процессе.

Ключевые слова: политическая элита, парадигма, управление.

Political Elite of Modern Russia and Forming of the New Administration Paradigm

D.V. Pokatov

Peculiarities of modern Russia political elite functioning are considered in the article. The characteristic of the administration paradigms, which are realized at modern stage, is given, factors, influencing on

their realization, are analysed, and the role of elite in this process is defined.

Key words: political elite, paradigm, administration.

В последние годы в научной литературе отмечается определенный рост числа исследований, посвященных анализу процесса функционирования политической элиты и управленческих парадигм, во многом определяющих облик современных моделей управления. К рассмотрению сущности функционирования политической элиты обращались в своих исследованиях Ю.С. Дульшиков, В.Н. Иванов, Г.П. Лесников, Л.В. Бабаева, Е.Я. Таршис, Л.А. Резниченко и др. Анализ различных типов управленческих пара-

дигм представлен в работах А.В. Понеделкова, Г. Пюттнера и др.

Однако, несмотря на имеющиеся исследования, надо признать, что проблема управленческих парадигм ставится в них лишь в общем виде. Кроме того, большинство исследований по этой проблематике относится к 90-м гг. прошлого века. Все это, несомненно, придает рассматриваемой проблеме значительную долю актуальности и показывает необходимость её дальнейшего изучения.

На начальных этапах процесса функционирования политической элиты особое значение имеют управленческие парадигмы. Данная категория неоднозначно трактуется в современной научной литературе. Ряд авторов, в частности А.В. Понеделков, относит к основным параметрам парадигмы характер структурирования политической власти, способы взаимодействия с контрэлитой и массой, основные сферы приложения инструмента власти, степень идеолого-мировоззренческой толерантности, преобладающие стилевые характеристики управления¹. Однако данное определение, как думается, значительно расширяет границы этого понятия и не позволяет точно раскрыть его смысл. В этой связи можно предложить более прагматическую трактовку, вытекающую из его этимологии. В соответствии с ней под парадигмой в данной работе понимаются всеобщие идеальные конструкции, создающие возможности для возникновения новой реальности и определяющие направление функционирования политической элиты. Эти идеальные конструкции включают в себя не только исходную концептуальную модель, базовые идеологические приоритеты, но и видение механизмов и основные методы реализации проектов.

На современном этапе развития базовыми, по сути, являются две парадигмы: экстенсивно-традиционалистская (или технократическая) и инновационная (социальноориентированная).

Первая парадигма в основном базируется на производственно-технологических показателях и мало учитывает (или вовсе игнорирует) социальные цели и мотивацию отдельных индивидов. В рамках данной парадигмы, как справедливо отмечает В.Г. Поляков, «характерен бессубъектный подход к управлению безличностными элементами»². В центре внимания находятся в первую очередь организационно-правовые вопросы и средства хозяйственного управленческого механизма (план, цены, экономические нормативы и т.д.), определяющие рационально-инструментальный взгляд на индивида как средство решения производственных либо общегосударственных задач. Решение организационных вопросов (прежде всего в политической сфере) концентрируется на проблеме модернизации либо структурной перестройке системы органов власти и перераспределении властных полномочий. Деятельность политической элиты превращается здесь в

односторонний процесс реализации программно-целевого подхода.

Вторая, инновационная парадигма имеет ряд существенных отличий. На её основе функционирование осуществляется с учетом предвидения происходящих в обществе изменений и принятия адекватных экстренных решений.

Её главное отличие заключается в признании ценности отдельного индивида и создании условий, которые помогли бы ему раскрыть свой потенциал в наиболее полном виде. По сути, именно данная парадигма должна включать в себя целый комплекс мер по проведению социальной политики. При этом общество и его различные субъекты, в том числе представители трудовых коллективов, бизнеса, общественных организаций, должны быть вовлечены в процесс принятия решений в социальной сфере и контроля их реализации. Таким образом, в рамках данной парадигмы главной задачей политической элиты становится не реализация программно-целевого подхода, а «политический маркетинг» – анализ и учет основных интересов ведущих социальных слоев и групп общества.

В целом реализация данных парадигм зависит от многих факторов, среди которых одно из важных мест занимает потенциал элитной личности, включающий в себя опыт предшествующей деятельности политика, характер его образования, возраст, тип социализации.

Результаты современных социологических исследований (в том числе проведенный автором анализ биографий 675 федеральных и 90 региональных политических деятелей³) показывает, что по-прежнему лидирующие позиции в составе политической элиты занимает группа так называемых хозяйственников и менеджеров. При этом в составе данной группы (здесь нельзя не согласиться с известным российским политологом и элитологом Е.В. Охотским) достаточно большую роль играют руководители среднего звена⁴. К ним, в первую очередь, можно отнести бывших руководителей государственных предприятий ВПК и АПК, менеджеров фирм, работников финансовой сферы. Их доля в целом в политической элите составляет сегодня 37,6%, в том числе в Саратовской области после избрания губернатором П.Л. Ипатова она увеличилась до 58,8% (в том числе 49,4% составляли «хозяйственники» и 9,4% – менеджеры).

Среди других прослоек значительные позиции в современной политической элите, как в центре, так и на местах занимают: группа «силовиков» (включающая армейских военных, офицеров ФСБ, правоохранительных органов) и представители бывшей номенклатурной элиты. Численность «силовиков» в составе только современной парламентской элиты увеличилась к 2009 г. до 15,7%. Около 16% современных российских политиков является выходцами из бывшей партийной и комсомольской элиты. В данной группе (как и среди «хозяйственников») доминируют представители

так называемого среднего звена (бывшие секретари, руководители отделов и инструкторы обкомов и горкомов КПСС и ВЛКСМ).

Как правило, средний возраст современного представителя политической элиты равен 53 годам. На региональном уровне доминирует прослойка политиков, средний возраст которых варьируется от 41 до 55 лет.

Большинство представителей политической элиты имеет техническое образование. На федеральном уровне 60,8% политических деятелей являются технократами. В регионах (в частности, в Саратовской области) техническое образование у 31,2% представителей политической элиты.

У многих представителей политической элиты социализация проходила в условиях сельской местности. В настоящее время доля выходцев из села в составе федеральной политической элиты – 36%, а среди представителей региональной элиты – 39%. Все отмеченные выше показатели (особенно предшествующий опыт, характер образования, тип социализации) не могли не оказать влияния на мировоззренческие установки и стиль поведения представителей современной политической элиты. Нельзя не согласиться с А.А. Андреевым, отмечавшим наличие у российских политиков специфического «штабного мышления» с присущей ему своеобразной логикой схематизации, содержащей в себе потенциальную возможность подмены действительной жизни её идеализированными моделями, далекими от реальности⁵.

Поскольку в составе современной политической элиты велик процент лиц с большим опытом административно-управленческой деятельности и своеобразным «штабным» типом мышления, это не могло не отразиться на выборе и реализации управленческой парадигмы.

На современном этапе нельзя сказать, что на протяжении всех прошедших с распада СССР 18 лет парадигма управления оставалась неизменной. В начале и середине 90-х гг. прошлого века как на федеральном, так и на региональном уровне наблюдалось господство экстенсивно-традиционалистской парадигмы.

С середины 90-х гг. прошлого века и до 2000 г. в стране, охваченной чередой перманентных кризисов, вообще отсутствовала ярко выраженная парадигмальная ориентация.

И лишь с приходом к власти В.В. Путина было заявлено о необходимости выработки четких идеологических ориентиров. Постепенно представители политической элиты стали связывать дальнейшее развитие общества с реализацией инновационной парадигмы, включающей целый комплекс политико-идеологических (в том числе проведение административной реформы, борьба с коррупцией) и социально-экономических (удвоение ВВП, повышение качества жизни, борьба с бедностью и т.д.) мер.

С 2005 г. одним из центральных механизмов осуществления инновационной парадигмы была

избрана реализация национальных проектов. Выступая в сентябре 2005 г. на совместном заседании членов Правительства РФ, руководителей Федерального Собрания РФ и членов президиума Государственного Совета, В.В. Путин обозначил приоритетные направления, на которые, по его мнению, следует обратить внимание. Эти направления в дальнейшем и составили 4 национальных проекта – «Здравоохранение», «Образование», «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», «Развитие агропромышленного комплекса». В 2006 г. к означенным выше проектам добавилась ещё демографическая программа. 28 февраля 2009 г. на VI Красноярском экономическом форуме было заявлено о создании ещё двух национальных проектов – «Информационное общество» и «Энергоэффективность»⁶.

Сегодня авторы многих работ, посвященных национальным проектам, диаметрально противоположно оценивают их роль и значение. Некоторые эксперты считают, что национальные проекты – это чуть ли не «стратегия прорыва», позволяющая государству формулировать и решать первоочередные социальные задачи⁷. Ряд исследователей, в частности В.П. Мохов, считает, что «национальные проекты есть не что иное, как проекты государственной бюрократии, направленные, с одной стороны, на решение с помощью ограниченных средств частных общегосударственных задач, с другой стороны, на перераспределение части “свободных” государственных средств в пользу региональных бюрократий в обмен на влияние центра на регионы»⁸.

Конечно, нельзя полностью согласиться с последним суждением, однако элементы истины в нем имеются. Прежде всего, заметна рационально-прагматическая направленность проектов. Также очевидно, что их создание во многом действительно локализовало недовольство ряда социальных слоев и групп современного общества и значительно укрепило позиции самой элиты, что, несомненно, принесло ей более значительную выгоду, чем всему обществу в целом.

Вместе с тем, как думается, нельзя одномерно оценивать идею национальных проектов. В своем идеальном варианте, при учете всего комплекса составляющих, они действительно могли стать ведущим механизмом инновационной парадигмы управления.

Однако их реализация осуществляется достаточно несистемно, не всегда учитывает региональную специфику, возможности регионов, а также (что немаловажно) потенциал элитных личностей, осуществляющих данные проекты на практике.

Так, в национальном проекте по здравоохранению особое внимание планировалось уделить развитию первичного медицинского звена, первичной медицинской помощи, профилактике заболеваний. Также реализация проекта на практике предусматривала оснащение муниципальных поликлиник, прежде всего в сельской местности,

новым диагностическим оборудованием и повышение заработной платы терапевтов, педиатров и врачей общей практики, выдачу родовых сертификатов⁹.

В действительности осуществление данного проекта в регионах столкнулось с рядом трудностей. В регионах-реципиентах в большинстве случаев размещение оборудования было невозможно по причине неподготовленности соответствующих помещений. Заработная плата врачей во многом зависела от состояния регионального бюджета. В результате в динамично развивающейся Самарской области минимальная ставка врача общей практики составила 25–27 тыс., а медсестры – 12 тыс. руб.¹⁰ В Саратовской области с июля 2006 г. 384 врача получили надбавку к заработной плате в размере 5 тыс. руб., а в августе 2008 г. заработная плата врачей составляла только 11,5 тыс., а медсестер – 6 тыс. руб.¹¹

Весьма противоречивым был процесс реализации и других проектов, в частности национального проекта в области образования. Ряд мер, в том числе изменение системы оплаты труда учителей, внедрение стимулирующих принципов оплаты за качество работы педагогов и некоторые другие, удалось в целом реализовать. Однако такая мера как развитие региональной системы оценки качества (включая введение единого государственного экзамена, внешнюю аттестацию выпускников ступени основного общего образования и т.д.) пока ещё не дала должного эффекта. В частности, прием в вузы летом 2009 г. абитуриентов по результатам сдачи единого государственного экзамена показал, что многое в данной системе мер ещё требует длительной апробации и совершенствования. Это относится и к практике подачи документов сразу в несколько вузов, и к определению категории лиц, имеющих льготы при поступлении.

Как показывает даже краткий анализ некоторых приоритетных проектов, несмотря на заложенный в них значительный инновационный потенциал, они пока ещё не смогли изменить вектор развития общества. Многие действия, предпринимаемые политической элитой, пока не принесли ожидаемого результата, причем дело здесь не только в скорости принимаемых мер. Важно, что они носят в основном разрозненный, несистемный характер.

Комплексное и эффективное решение проблем общественного (и регионального) развития

возможно лишь при условии целой системы мер как политико-идеологического, так и социально-экономического и социодуховного характера, составляющих основу социально ориентированной инновационной парадигмы. При этом её реализация будет зависеть как от учета характера развития отдельных регионов и территорий, так и от качественного потенциала представителей самой политической элиты, включающего не только характер образования, особенности социализации, но и (что особенно важно) инновационный тип мышления, креативные способности, проявляемые в практике управления.

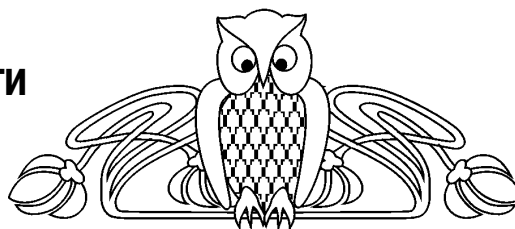
Примечания

- ¹ См.: *Понеделков А.В.* Политико-административная элита: генезис и проблемы становления в современной России // *Элитизм в России: «за» и «против»*: Сб. материалов интернет-конф. Пермь, 2002. С. 104.
- ² *Поляков В.Г.* Человек в мире управления. Новосибирск, 1992. С. 8.
- ³ Подсчитано автором по биографиям, опубликованным в: *Коммерсант-Власть*, 2008. № 2. С. 61–88; *Щеголев К.А.* Кто есть кто в России. Исполнительная власть. М., 2007; *Он же*. Кто есть кто в России. Законодательная власть. М., 2009; Саратовская областная Дума. Официальный сайт // [Социология](http://www.srd/index.php?option; Саратовская городская Дума. Официальный сайт // http://www.saratovduma.ru.–15.09.2009.⁴ См.: <i>Негруль С.В.</i> Динамика понятия «элита», критерии элитарности // <i>Социология и психология управления</i>. М., 2003. С. 64.⁵ См.: <i>Андреев А.А.</i> Российское общество: запрос на нравственность и компетентность // <i>Государственная служба</i>. 2006. № 1. С. 27.⁶ См.: <i>Устинкин С., Алабин Д.</i> Приоритетные национальные проекты в политическом процессе России // <i>Власть</i>. 2009. № 4. С. 14–15.⁷ См.: <i>Латина Н.</i> Есть ли будущее у социальных реформ в России? // <i>Элиты и власть в российском социальном пространстве</i> / Под ред. А.В. Дуки. СПб., 2008. С. 164.⁸ <i>Мохов В.П.</i> Государственная бюрократия как инструмент консолидации российских властных элит // <i>Элиты и власть в российском социальном пространстве</i>. С. 73.⁹ См.: <i>Аншичевич А.</i> Национальные проекты – инструмент возрождения России // <i>Наша власть: дела и лица</i>. 2007. № 1. С. 39.¹⁰ См.: <i>Латина Н.</i> Указ. соч. С. 164.¹¹ Саратовские вести. 2006. 4 июля.</div><div data-bbox=)

УДК 316.334.3

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕФОРМАТОРСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ВЛАСТИ В САРАТОВСКОМ РЕГИОНЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

И.А. Бегинина

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: BegininaIA@info.sgu.ru

В статье на базе результатов социологического опроса выявляется отношение населения Саратовской области к процессу социального реформирования в России и в регионе, анализируется влияние социально-демографических, образовательных, экономических факторов, ставится проблема адекватного информационного взаимодействия регионального сообщества и российских, региональных органов власти.

Ключевые слова: социальное реформирование, общественное мнение, модели режимов информационного взаимодействия органов власти и населения.

The Social Problems of Reformation Power Potential in Saratov Region: the Results of Sociological Investigation

I.A. Beginina

The article deals with the results of the sociological polls concerning Saratov region population attitude to the process of social reforms in Russia and in the region itself. The analysis of socio-demographic, educational and economic factors impact is presented. The problem of adequate information interaction of regional society and federal power organs is put forward as well.

Key words: social reformation, social opinion, regime models of information interaction between population and power.

Продолжающаяся на переходном этапе развития России реформаторская политика является многоуровневым сложным явлением. На верхнем, федеральном уровне разрабатывается нормативно-правовая база, принимаются основные законы и формируется система взаимоотношений субъектов разного уровня. На уровне региональной политики решаются задачи обеспечения комплексного, сбалансированного развития территории, конкретизируются и наполняются специфическим содержанием те или иные положения федеральных решений, вырабатываются механизмы их привязки к региональным проблемам. И, наконец, муниципальный уровень призван максимально конкретизировать методы, способы и механизмы достижения целей, определенных в рамках федеральной и региональной политики, «привязать» их к особенностям тех или иных муниципальных образований, учитывая специфику демографических, экологических, ресурсных и прочих его характеристик. Таким образом,

политика реформирования представляет собой комплексный, многослойный процесс, стержнем которого являются требования федерального уровня. На них накладываются региональные инициативы и на местном уровне – решения и мероприятия муниципальных образований. Сбой или непонимание процесса на каждом уровне снижает эффективность или искажает процесс реформирования вообще и социальной сферы в частности.

Специфичность реформирования политики в регионе вытекает из того, что регион внутренне дифференцирован «по вертикали», имеет свои специфические условия жизнедеятельности и обособления, исключения в связи с рыночным контекстом. В силу этого механизм адаптации и реформирования региональной политики призван включать в себя систему выявления интересов различных групп и слоев дифференцированно по районам, нахождения сферы их совпадения и различия, координации между собой и нахождения общего взаимоприемлемого решения. Нарастающие процессы социально-экономического расслоения, проявляющиеся и на региональном уровне, разобщают региональную социальную общность и как субъекта, и как объект политики, не способствуя консолидации как на уровне отдельных предприятий и социальных слоев, так и на уровне всего региона. Это привело к сужению социальной базы и преобразованию политики в комплекс непосредственного воздействия структур власти на население, вследствие чего нарастает отчуждение населения от органов власти, в том числе и от государства.

Так, большинство населения считает, что государство должно в первую очередь защищать малоимущие слои (67% опрошенных) и помогать промышленности, предприятиям (54% опрошенных). Это мнение особенно разделяют представители среднего поколения. Каждый третий из самых бедных, бедных и околобедных категорий населения считает, что государство практически не имеет к ним никакого отношения. Самые позитивные оценки государства как гаранта их прав выказали обеспеченные категории населения (верхняя часть среднего класса, которая может без труда позволить себе покупку дорогих вещей, например автомобиля) – 66% данной категории опрошенных. Чем старше население, тем меньше позитивных оценок и выше доля ощущающих

себя не защищенными государством. Не составляет исключения даже региональная элита, все представители которой отметили, что лишь проживают на территории государства.

Перераспределение социальной ответственности между уровнями государственной власти и управления от федерального центра в пользу регионов, децентрализация, муниципализация социальных обязательств предполагают формирование на основе региональных органов власти самостоятельных субъектов политики. Однако этот процесс не сопровождается передачей необходимых ресурсов и увеличением реальной хозяйственной самостоятельности, особенно на муниципальном уровне. Увеличивается разрыв между масштабами социальных обязательств региональных акторов социальной политики и возможностями их реализации. Это придает процессу политического реформирования в регионах формальный характер и проявляется в соответствующих оценках населения.

Социологические опросы¹ неоднократно демонстрировали, что население оценивает реформаторскую деятельность органов власти с позиций эффективности социальной защиты и адресности социальной поддержки населения. На этом акцентировало свое внимание большинство опрошенных жителей региона. Особенно это касается необходимости помощи малоимущим семьям (на это настаивает каждый третий представитель среднего поколения и почти каждый четвертый представитель молодежи) и предприятиям. Остальные функции государственной власти не представляются населению столь важными для повышения их качества жизни. В полной мере это касается и открытости власти. Менее 1% опрошенных в 2008 г. считали необходимыми порядок и честность во взаимоотношениях власти и социума.

На снижение оценки населением процесса реформирования социальной сферы значительное влияние оказывают ошибки, которые были допущены органами государственной власти различных уровней, например проведение пенсионной реформы и реализация федерального закона № 122 о монетизации льгот, который предполагал разделение всех льготников на региональных (40,7% домохозяйств) и федеральных (20,1%). В целом доля домохозяйств, где есть региональные льготники, в 2 раза выше группы домохозяйств с федеральными льготниками. Федеральным льготникам – более 200 млрд руб., а региональным – 90 млрд руб. При этом важно отметить, что и региональные, и федеральные льготники до монетизации в среднем получали примерно одинаковый объем ресурсов в расчете на душу населения. Иными словами, дискриминация региональных льготников была заложена в механизме реализации нового закона еще на этапе утверждения федерального и региональных бюджетов. Данное обстоятельство обозначает

одну из точек социального напряжения, поскольку деление на федеральных и региональных получателей льгот прошло через семейные бюджеты и внесло элементы обиды и несправедливости в пределах одной семьи. Поэтому не случайно 42% опрошенного населения в 2008 г. подчеркивало формальный характер этой реформы.

Результаты опроса зафиксировали, несмотря на мировой экономический кризис, инерционное ожидание сохранения уже имеющегося набора социальных льгот среди представителей всех поколений. Наиболее часто такое мнение встречается среди представителей среднего поколения (84,8% опрошенных по группе), далее следуют представители младшего поколения (78,9%), замыкают цепочку представители старшего (75%). Разрастание набора социальных льгот наиболее часто ожидается в младшей возрастной группе (так ответили 15,8% респондентов младше 30 лет), значительно реже об этом говорят представители самой старшей возрастной группы (8,9%), наименее распространено данное мнение в средней возрастной группе (4,5%). Видимо, это можно расценить как проявление патерналистского и нереалистического (у молодежи) характера индивидуальных стратегий. Напротив, сворачивание социальной льготной политики ожидают 16,1% представителей старшего поколения, 10,6% – среднего поколения, 5,3% – представителей младшей возрастной группы, что говорит о более оптимистических взглядах молодых респондентов на социальную льготную политику и большем пессимизме у представителей старших возрастных категорий.

Сходная ситуация и в отношении населения к реформированию в экономической сфере. Среди всех понимающих стратегию экономической политики федерального правительства (их доля составляет всего около 5%) доминируют представители среднего поколения (84% всех «понимающих»). Доля «понимающей» молодежи составила около 16%. В то же время представителей старшего поколения в данной категории не оказалось совсем.

Анализ поколенческого среза показывает, что среди молодежи доминирует полное непонимание экономической стратегии государства (42% этой возрастной категории). Каждый третий молодой человек понимает ее лишь отчасти. Каждый четвертый не смог определить свою позицию по данному вопросу. И лишь некоторые представители молодежи (около 3%) считают, что полностью понимают экономическую политику федерального правительства. Среди среднего поколения доминирует частичное понимание стратегии государства в экономической сфере (почти 46%). Однако почти каждый третий не понимает ее, и только 7% полагают, что им понятна экономическая политика органов власти. Среди старшего поколения уровень понимания государственной стратегии в данной сфере самый низкий. Среди

них, как и среди молодежи, доминирует полное непонимание этой политики (48%). 34% понимают, но далеко не всё. Полного понимания позиций государства по этому вопросу нет ни у кого. Обращает на себя внимание тот факт, что с возрастом уменьшается доля тех, кто не смог определить своей позиции по данному вопросу. И наоборот, чем моложе респондент, тем больше он затруднялся с самохарактеристикой степени понимания экономической стратегии государства. Видимо, на сегодняшний день степень рациональности в оценках действий власти населением значительно выросла, но объем предоставляемой информации о реформах явно не достаточен. Объем ощущений этого дефицита населением обратно коррелирует с возрастом.

Еще критичнее были отзывы о реформе ЖКХ. Ее положительно оценило лишь 6% опрошенных. 41% респондентов считает, что она не реализуется и 35% – что реализуется лишь формально. При этом с возрастом доля позитивных оценок населением этой реформы падает, а доля негативных растет. Показательно также, что чем моложе население, тем ниже оно оценивает свою степень информированности о данной реформе либо в силу своей критичности, либо в силу меньшей персональной актуальности решаемых в ходе этого реформирования проблем.

Примерно так же критично оценивает население и другие реформы – здравоохранения, образования, политической и административной сфер. Чем старше, тем менее позитивно оцениваются населением политические и административные реформы. Среди молодежи чуть больше доля лиц, позитивно оценивших реализацию политических реформ, а среди старшего поколения более популярна административная реформа.

Обо всех проводимых в стране реформах население информировано лишь в общих чертах. Примерно каждый пятый затруднялся с их оценкой. 37% населения подчеркнули, что у них нет информации о политических реформах, 38,5% – что не информированы об административных реформах. От власти, несомненно, требуется гораздо более высокий уровень прозрачности процесса реформирования.

Пессимизм проявился в оценке населением степени готовности регионального социума к реформированию, к наличию для этого предпосылок разного рода. 57% опрошенных считают, что для реформ недостаточно предпосылок, 27% – что их нет совсем. Хотя в последнем случае обращает на себя внимание тот факт, что чем моложе респонденты, тем выше они оценивают роль общественной поддержки и степень готовности принять реформы и способствовать процессу реформирования социума. Осторожно оценило население и правовую основу реформаторской деятельности органов власти, сочтя ее недостаточной (54% опрошенных). При этом чем старше люди, тем больше среди них распространенность

такой оценки. И наоборот, чем моложе – тем более распространены полярные (крайне положительные или крайне отрицательные) оценки этих предпосылок.

Оценка роли элиты в процессе социального реформирования коррелирует с возрастом населения. Среди старшего поколения в два раза меньше доля лиц, считающих, что стратегии элиты являются сложившейся предпосылкой для масштабных социальных реформ в регионе. Среднее поколение более критично, чем молодежь и пожилые люди, оценивает роль элиты в данном процессе, считая, что такая предпосылка реформаторской деятельности органов власти в регионе отсутствует. В то же время чем старше респонденты, тем выше они оценивают роль лоббирования как фактора развертывания социальных реформ.

Критично оценивает население и профессионализм управленческих кадров. Доминирует мнение, что его недостаточно для проведения социальных реформ (51% опрошенных). Каждый третий считает, что этой характеристикой управленческие кадры не обладают. Такое мнение особенно распространено среди представителей среднего поколения. Однако наиболее жесткую оценку получила такая характеристика, как уровень коррупции. Подавляющее большинство представителей всех поколений (68%) отметило, что нет даже предпосылок для ее снижения, причем чем моложе человек, тем более негативную оценку по поводу возможного снижения коррупции он высказывал. Можно предположить, что именно коррупция постепенно становится все более ощутимым тормозом на пути социального реформирования. И население, адекватно реагируя на эту ситуацию, все в большей мере выказывает потребность в наведении порядка в обществе.

В последнее время органами власти всех уровней активно используется такой механизм социального реформирования, как разные программы, проекты, создание различных социальных служб. Однако население очень осторожно оценивает их эффективность и роль в развитии регионального социума. При этом с возрастом становится чуть более распространенным мнение о них как о сложившейся основе социального реформирования. В то же время почти каждый третий представитель среднего поколения придерживается негативной оценки по данному вопросу, видимо, полагая их недостаточно эффективными.

Реформы в России проводятся под руководством государственных органов власти. Но очевидно, что практически все изменения в настоящее время недостаточно соответствуют интересам широких слоев населения, поскольку в обмен на возможные перспективы и стабильность в будущем населению, особенно в условиях современного глобального кризиса, предлагается «ограничивать самих себя и соизмерять свое поведение с установленными образцами поведения», быть лояльными к существующему строю не на-

рушать «действующих в обществе юридических законов», «оказывать необходимую поддержку политическим лидерам», «добровольно воспринимать и соблюдать все официальные решения» и т.д. Подобные объяснительные модели могут работать только в ситуации экзальтированного состояния активности масс и весьма недолго временно.

Большинство населения занимает политически пассивную позицию. 8,5% опрошенных отметили, что в своей повседневной жизни вынуждены приспосабливаться к действиям властей, 21,6% населения сознательно старается держаться в стороне от властей. Лишь 10,2% опрошенных обычно одобряют и поддерживают решения властей. 4,1% относятся к действию властей с неприязнью и, когда есть возможность, противостоят ей. Таким образом, можно сделать вывод о некоторой политической отчужденности населения, что связано преимущественно с неверием в то, что от их решения что-то может зависеть.

Опыт реформ в России и других странах свидетельствует о том, что для успешного их проведения требуется соблюдение, по крайней мере, двух условий. Во-первых, реформы должны соответствовать социокультурному пространству, в котором они осуществляются, т.е. быть санкционированы ментальностью различных социальных групп и культурными архетипами индивидов. Если инновации не воспринимаются как необходимое и конструктивное, не вызывают положительных эмоций, а наоборот, провоцируют массовое дискомфортное состояние, то это может вызвать всплеск социальной агрессивности у определенной части населения, стремление вернуться к привычному порядку вещей или, наоборот, все «разрушить до основания, а затем...». Во-вторых, реформы могут успешно проводиться легитимной государственной властью, которая в состоянии согласовать ценностные ориентации

различных групп населения по поводу целей и средств преобразований и не допустить перерастания социокультурных противоречий раскола в необратимый процесс социально-политической дезорганизации. Эти два условия проведения реформ тесно связаны между собой, поскольку речь идет прежде всего о ценностном обосновании социальных инноваций и реформаторской деятельности самой государственной власти.

Необходимо выделить основные сферы деятельности местных органов власти при проведении реформирования региональной социальной политики. Прежде всего это определение и оценка реального качества жизни всех социальных групп, слоев населения; прогноз возможных изменений положения социальных групп и слоев под воздействием экономических и социально-психологических факторов; разработка основных принципов, целей и задач формирования и реализации социальной политики; выявление общих и специфических проблем каждой из социальных групп; изыскание источников финансирования мероприятий; разработка проектов, программ и других мероприятий по решению социальных проблем; исследование отношения населения к предлагаемым проектам и программам; корректировка проектов и программ с учетом общественного мнения; реализация проектов и программ, включая контроль реализации.

Примечания

- ¹ Результаты социологического опроса «Отношение населения саратовского региона к политике реформирования общества, проведенного автором в рамках ЦРСИ СГУ в 2008 г. методом формализованного интервью. Объем вероятностной, квотно-стратифицированной выборки составил 739 респондентов.

УДК 316.334.2

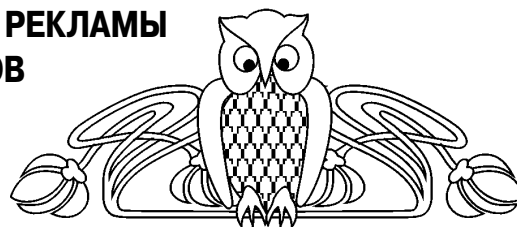
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ РЕКЛАМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ

А.А. Воронов

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье анализируются основные функции рекламы, которые реализуются в банковской системе. Особое внимание уделяется информационно-коммуникативной, коммерческой и общественно-благотворительной функциям.

Ключевые слова: коммерческие банки, реклама, социально-экономические функции рекламы, эффективность рекламы в реализации банковских услуг.

Socio-economic Functions of the Advertisement in the Commercial Banks' Activity

A.A. Voronov

The main functions of the advertisement, which are implementing in the banking system, are analysed in this article. A special attention

рушать «действующих в обществе юридических законов», «оказывать необходимую поддержку политическим лидерам», «добровольно воспринимать и соблюдать все официальные решения» и т.д. Подобные объяснительные модели могут работать только в ситуации экзальтированного состояния активности масс и весьма недолго временно.

Большинство населения занимает политически пассивную позицию. 8,5% опрошенных отметили, что в своей повседневной жизни вынуждены приспосабливаться к действиям властей, 21,6% населения сознательно старается держаться в стороне от властей. Лишь 10,2% опрошенных обычно одобряют и поддерживают решения властей. 4,1% относятся к действию властей с неприязнью и, когда есть возможность, противостоят ей. Таким образом, можно сделать вывод о некоторой политической отчужденности населения, что связано преимущественно с неверием в то, что от их решения что-то может зависеть.

Опыт реформ в России и других странах свидетельствует о том, что для успешного их проведения требуется соблюдение, по крайней мере, двух условий. Во-первых, реформы должны соответствовать социокультурному пространству, в котором они осуществляются, т.е. быть санкционированы ментальностью различных социальных групп и культурными архетипами индивидов. Если инновации не воспринимаются как необходимое и конструктивное, не вызывают положительных эмоций, а наоборот, провоцируют массовое дискомфортное состояние, то это может вызвать всплеск социальной агрессивности у определенной части населения, стремление вернуться к привычному порядку вещей или, наоборот, все «разрушить до основания, а затем...». Во-вторых, реформы могут успешно проводиться легитимной государственной властью, которая в состоянии согласовать ценностные ориентации

различных групп населения по поводу целей и средств преобразований и не допустить перерастания социокультурных противоречий раскола в необратимый процесс социально-политической дезорганизации. Эти два условия проведения реформ тесно связаны между собой, поскольку речь идет прежде всего о ценностном обосновании социальных инноваций и реформаторской деятельности самой государственной власти.

Необходимо выделить основные сферы деятельности местных органов власти при проведении реформирования региональной социальной политики. Прежде всего это определение и оценка реального качества жизни всех социальных групп, слоев населения; прогноз возможных изменений положения социальных групп и слоев под воздействием экономических и социально-психологических факторов; разработка основных принципов, целей и задач формирования и реализации социальной политики; выявление общих и специфических проблем каждой из социальных групп; изыскание источников финансирования мероприятий; разработка проектов, программ и других мероприятий по решению социальных проблем; исследование отношения населения к предлагаемым проектам и программам; корректировка проектов и программ с учетом общественного мнения; реализация проектов и программ, включая контроль реализации.

Примечания

- ¹ Результаты социологического опроса «Отношение населения саратовского региона к политике реформирования общества, проведенного автором в рамках ЦРСИ СГУ в 2008 г. методом формализованного интервью. Объем вероятностной, квотно-стратифицированной выборки составил 739 респондентов.

УДК 316.334.2

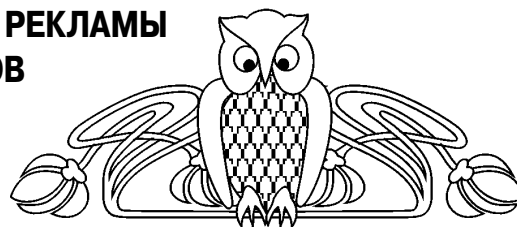
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ РЕКЛАМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ

А.А. Воронов

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье анализируются основные функции рекламы, которые реализуются в банковской системе. Особое внимание уделяется информационно-коммуникативной, коммерческой и общественно-благотворительной функциям.

Ключевые слова: коммерческие банки, реклама, социально-экономические функции рекламы, эффективность рекламы в реализации банковских услуг.

Socio-economic Functions of the Advertisement in the Commercial Banks' Activity

A.A. Voronov

The main functions of the advertisement, which are implementing in the banking system, are analysed in this article. A special attention

is paid to the characteristic of the informative-communicative, commercial and socio-charitable functions.

Key words: commercial banks, advertisement, socio-economic functions of the advertisement, advertisement efficiency in implementation of the banking services.

Реклама – это один из важнейших социальных институтов, способствующий формированию новых рыночных отношений и проникающий во все области жизнедеятельности современного российского общества, в том числе и в функционирование коммерческих банков.

Реклама является одним из основных инструментов рыночных реформ, способным оказать существенное влияние на все сферы общественной жизни посредством определенных функций, элементом общественной системы, обладающим целым набором определенных функциональных характеристик, которые решают как локальные задачи (продвижение товара на рынок), так и глобальные (формирование рыночных отношений).

Имеется обширная социологическая литература по проблемам рекламы. Применительно к целям данной статьи остановимся лишь на характеристике некоторых функций рекламы, имеющих особое значение в деятельности коммерческих банков.

В качестве основного критерия дифференциации функций выступает отношение рекламы к одной из главных задач – продвижению товара к потребителю. Данный подход предоставил возможность выделить социально-экономические функции, прямым образом связанные с продвижением товара, в том числе и банковских услуг.

К социально-экономическим мы относим прежде всего информационно-коммуникативную и коммерческую функции. *Информационно-коммуникативная функция рекламы* является ключевым фактором, обеспечивающим реализацию коммерческих интересов в вопросах сбыта товара. Посредством этой функции создается резонанс в рыночной среде, способствующий эффективному взаимодействию всех субъектов рекламных коммуникаций. Современные рекламисты создали целый спектр приемов информационного воздействия на потребителя, который включает в себя рациональную аргументацию, апеллирование к чувствам, создание необходимых условий для стремления потребителя соответствовать определенному имиджу или социальной прослойке. В то же время достаточно сложно переоценить роль информационно-коммуникативной функции в процессе формирования рыночных отношений. Ведь информационно-коммуникативная функция, по сути дела, создает информационно-экономическое пространство для взаимодействия всех субъектов рыночных отношений, формирует новые социально-экономические связи между хозяйственными субъектами, участвует в процессе оформления структуры СМИ в соответствии с принципами рыночной экономики. Кроме того,

посредством данной функции происходит крайне важный процесс вовлечения российских граждан в процессы новых социально-экономических взаимоотношений, что является актуальным в условиях становления рыночного хозяйства.

Под коммуникацией понимается передача информации, сообщений и влияния на избранную аудиторию адресатов¹. С социологической точки зрения коммуникация – это сложный процесс воздействия на социальные объекты с множеством промежуточных результатов²; механизм, посредством которого осуществляется регуляция взаимоотношений людей. В широком смысле реклама, выступающая как вид массовых информационных процессов, призвана налаживать функционирование коммуникаций с большими группами людей. В более узком смысле реклама призвана обеспечить целенаправленное коммуникативное воздействие торгово-промышленных организаций на те или иные социальные общности потребителей.

Повышение социальной значимости информационно-коммуникативной функции в современном обществе объективно. Посредством данной функции устанавливаются прочные связи не только между производителями и потребителями, но и оптовыми организациями, фирмами розничной торговли, государственными и общественными организациями, их лидерами и обществом. Вполне очевидно, что любая инновационная деятельность торгово-промышленных, общественно-политических, банковских объединений останется в замкнутом пространстве без соответствующей поддержки, основанной не на спонтанном, а на целевом рекламном информировании. Резонанс в социальной среде появляется лишь после получения информации о проводимых фирмой действиях по каналам рекламы, которая способствует регулированию рыночных отношений. Более того, благодаря рекламе стимулируется обратная связь, по каналам которой проходит исключительно ценная информация, представляющая собой индикатор правильности или же ошибочности предпринимаемых действий и *подсказывающая ориентиры на будущее*³. Следовательно, основное предназначение рекламной информации заключается в создании резонанса в рыночной среде и установление обратной связи.

На этом пути реклама решает задачи, связанные с продвижением знаний о товаре к потребителю. Согласно Ф. Котлеру⁴, можно выделить следующее социально-экономическое значение рекламы при продвижении товара к потребителю: во-первых, информирование аудитории о новых товарах или новых возможностях уже существующего товара, об изменении цены, объяснение принципов действия товара и описание оказываемых услуг, исправление неправильности представления или предотвращение опасений потребителя; во-вторых, информирование аудитории

с целью установления предпочтений потребителя определенной торговой марки; в-третьих, посредством рекламной информации производитель периодически поддерживает мнение потребителя о правильности сделанного выбора.

Следует отметить, что информационно-коммуникативная функция рекламы призвана стимулировать потребительское поведение не только за счет донесения сведений о товаре до конкретного сегмента рынка, но и посредством целенаправленного воздействия на поведение потребителя. В современной рекламной практике разработана целая методика воздействия, способствующая управлению и контролю покупателей.

Коммерческая функция, или функция достижения реального экономического эффекта, представляется наиболее важной как для отдельно взятой организации, так и для всей системы социально-экономических отношений в современной России. Для анализа социально-экономических показателей рекламной деятельности важно рассматривать рекламу в общей системе маркетинга, неотъемлемым компонентом которой она является.

В научных публикациях имеется более ста определений понятия «маркетинг». Наиболее распространенное принадлежит Ф. Котлеру: маркетинг – вид человеческой деятельности, направленный на удовлетворение нужд и потребностей посредством обмана⁵. Однако, как отмечает О.А. Третьяк, все еще не сформулирована более или менее устойчивая концепция, объясняющая зарождение и развитие маркетинга как социально-экономического явления⁶. Экономисты и социологи отмечают, что потребность в развитии маркетинга появилась в связи с переходом капитализма на стадию монополистического развития. Например, в числе социально-экономических предпосылок, вызвавших к жизни теорию и практику маркетинга, выделяют следующие:

- высокий уровень концентрации производства и капитала, рост степени монополизации рынков сбыта, обострение проблем монополизации и конкуренции;
- крупносерийный и массовый характер производства, повышение темпов обновления товарной номенклатуры на важнейших рынках;
- обеспечение управленческого спроса принципиально новыми техническими средствами сбора и оперативной обработки информации⁷.

В условиях формирования и развития рыночных отношений все более возрастает значение *общественно-благотворительной функции рекламы*, которая направлена на решение социально значимых проблем современности. Данная функция напрямую связана с функцией формирования общественных связей. Тем не менее ее роль в современном обществе настолько велика, что требует детального изучения.

В процессе коммерческой деятельности банк использует благотворительные акции как составной элемент комплексной программы с целью получить поддержку общества. На этом пути возникают объективные трудности, обусловленные нестабильностью социально-экономического положения, отсутствием государственной поддержки, большими финансовыми затратами. Перед предприятиями и фирмами встает проблема выбора: либо продолжить благотворительную деятельность (несомненно, с целью повышения своего имиджа), либо в силу объективных причин отказаться от этого и лишиться общества необходимой поддержки. Радует, что отечественной рекламный бизнес сделал выбор в пользу первого.

Общественно-благотворительная функция рекламы реализуется в организации и проведении социальных рекламных кампаний по утверждению жизненно важных ценностей. Под социальной рекламной кампанией понимается комплекс мероприятий, направленных на поддержку здоровья населения, укрепление семьи, улучшение экологической ситуации, формирование в обществе здорового образа жизни и др. Формы реализации социальных благотворительных кампаний весьма разнообразны: рекламные щиты и листовки, аудио- и видеопродукция, реклама в Интернете, мобильных телефонах и т.д.

В России динамика общественно-благотворительной функции рекламы имеет свою специфику. Это проявляется в несколько ином характере развития социальной рекламы. Отличительной чертой российской социальной рекламы является на данном этапе то, что фактически все мероприятия (ролики, рекламные щиты, полиграфическая продукция) выполняются за счет средств рекламных агентств.

Важное направление реализации общественно-благотворительной функции предполагает взаимосвязь всех компонентов маркетинга, поэтому такие благотворительные акции как спонсорство и материальные пожертвования являются важной частью рыночной стратегии банков и показателем развития новых социально-экономических отношений.

Примечания

- 1 См.: Панкрутин А.С., Панкрутин Т.Б. Словарь маркетинга. М., 1991. С. 13.
- 2 См.: Котлер Ф. Основы маркетинга. М., 1991. С. 11.
- 3 См.: Рожков И. Реклама как средство коммуникации // Проблемы теории и практики управления. 1993. № 4.
- 4 См.: Котлер Ф. Указ. соч.
- 5 Там же. С. 47.
- 6 См.: Третьяк О.А. Маркетинг: взаимосвязь производства, торговли и потребления. СПб., 1992. С. 13.
- 7 См.: Капустина Н.Е. Теория и практика маркетинга в США. М., 1981. С. 121.

УДК 316.728:796

РЕТРАНСЛЯЦИЯ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

В.Я. Шклярук

Саратовский государственный социально-экономический университет,
кафедра экономической социологии
E-mail: kochetov@ssea.runnet.ru

Статья посвящена проблемам формирования самосохранительного поведения школьников. Исследованы результаты внедрения здоровьесберегающих технологий в повседневную жизнедеятельность старшеклассников.

Ключевые слова: здоровьесберегающие технологии, первичная социализация, аксиологические и социальные факторы.

Retranslation of Health Preserving Technologies into the Formation of Self-Preserving Behavior of the Schoolchildren

V.Y. Shklyaruk

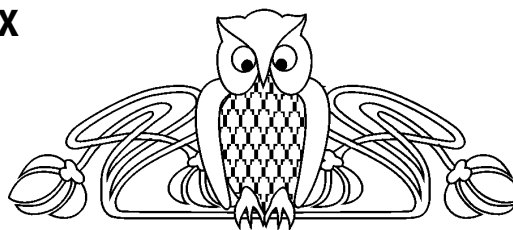
The article is devoted to problems of the formation of self-preserving behavior of the schoolchildren. The author considered the results of introducing of the health-preserving technologies to daily activities of the senior schoolchildren.

Key words: health-preserving technologies, initial socialization, axiological and social factors.

Формирование здоровья школьника в определенной степени зависит от условий обучения, характера учебного процесса, образа жизни ребенка, его нормальный рост и развитие во многом определяются средой, в которой он живет. По оценкам Института возрастной физиологии РАО, от 20 до 40% негативных влияний, ухудшающих здоровье детей школьного возраста, связано со школой.

Современная школа должна быть не только системой ретрансляции знаний. Во многом школа третьего тысячелетия – это школа формирования образа жизни, воспитания ценностей, основа будущего благосостояния общества¹.

На сегодняшний день поставлена актуальная задача: объединить усилия учителей, врачей, родителей, учащихся для повышения эффективности здоровьесберегающих технологий, действия оздоровительных программ в школе. Необходимо отметить, что в последние годы общество ждет от школы эффективных поведенческих моделей. На первый план выдвигается умение ученика делать самостоятельный выбор, принимать решения, ориентироваться в информационном пространстве, осознавать ценность здоровья и быть приобщенным к здоровому образу жизни.

На общем фоне социально-экономических преобразований в стране среди молодежи резко снизилась значимость духовно-нравственных ценностей. Ценностные ориентации во многом определяют мировоззрение личности, ее поведение в обществе. В процессе первичной социализации нынешних школьников изменились ценности жизни. По исследованиям социологов, современная молодежь не всегда имеет возможность собираться в клубах и на стадионах, возникают «позывы» к алкоголю, наркотикам. 90% подростков употребляют спиртные напитки, курят 50% юношей и 35% девушек, наркотические вещества пробовали 8–12% подростков. Все это является результатом серьезных изъянов нравственного воспитания².

Первичной социализации человек подвергается в детстве. Этот процесс формирует главным образом мотивацию действий. Первичная социализация, по мнению И.В. Солодниковой, заканчивается, когда у ребенка формируется понятие «общественного другого»³.

В дотрудовой первичной социализации действуют институты социализации: семья, детские дошкольные учреждения, школа, учебно-профессиональные учреждения, вуз. На наш взгляд, первичная социализация личности является основной на пути формирования самосохранительного поведения населения.

Именно создание стойкой мотивации детей, подростков, юношества к самосохранительным установкам, направленным на здоровый образ жизни, – насущная проблема сегодняшнего формирования самосохранительного поведения подрастающего поколения.

Н.П. Смирнова к участникам воспитательного процесса детских душ причисляет медико-педагогические молодежные центры, центры планирования семьи, квалифицированные кадры из среды медицинских работников, психологов, социальных работников⁴. В течение ряда лет в образовательных учреждениях Саратовской области действует программа «Основы здорового образа жизни» с подпрограммами для школьных учреждений, но она, по мнению Н.П. Смирновой, имеет низкую эффективность профилактической работы вследствие факультативного характера занятий.

С целью изучения состояния здоровья и физического развития школьников группой со-

циологов и психологов СГСЭУ в январе–марте 2004 г. была выполнена хоздоговорная исследовательская работа в МОУ СШ Ленинского района г. Саратова. Влияние социальных и аксиологических факторов на здоровье и работоспособность учеников выпускных классов определялось путем анкетирования. Всего исследовано 62 человека.

По результатам исследования весо-ростового индекса был определен уровень 3-балльной оценки; 4,2% старшеклассников нуждались в коррекции веса. Функциональные пробы с дозированной нагрузкой на организм показали, что 12,7% учеников требовали внимания и дополнительного наблюдения специалистов медучреждения.

Исследование основного физического качества – гибкости (подвижности в плечевых, тазобедренных, локтевых и др. суставах) – выявило, что данное качество развито у выпускников недостаточно и находится в зоне неудовлетворительного уровня, за исключением лиц, занимающихся в спортивных секциях (17,3%).

Исследование социальных и аксиологических факторов, влияющих на здоровье и работоспособность учеников, показало, что здоровье занимает важное место в системе ценностей, является необходимым условием полноценной жизнедеятельности; но ряд социальных факторов, в том числе отказ от процедур закаливания организма (71,4%), употребление алкоголя (28,7%), увлечение табакокурением (36,9%), говорит о противоречивости взглядов на здоровый образ жизни и реального поведения старшеклассников.

В связи с этим нами был намечен ряд мероприятий, связанных с просветительской работой и пропагандой здорового образа жизни; составлена «Программа пропаганды и внедрения здорового образа жизни в повседневную жизнедеятельность старшеклассников», в том числе разработан «Кодекс здоровья старшеклассника». С целью исследовательской работы (2005–2008 гг.) нами были привлечены ученики 9-х классов. Согласно плану исследования по разработанной анкете был проведен опрос учеников (анкета носила анонимный характер).

Результаты анкетирования были разделены по двум направлениям: первое – влияние аксиологических факторов на здоровье учащихся 9-х классов, второе – влияние социальных факторов на состояние здоровья учеников.

Ценностные ориентации юношей и девушек в исследуемой группе в отношении к здоровью как главному в жизни совпадают на довольно высоком уровне: у юношей 93%, у девушек – 100%; здоровье считают необходимым условием полноценной жизнедеятельности и те и другие – 100%. Далее мнения учащихся разделяются при ответах на вопрос: «Существуют ли ценности, ради которых можно поступиться здоровьем?». Среди юношей 58% готовы пожертвовать своим здоровьем для

достижения определенных целей. 38% девушек могли бы рискнуть в отношении своего здоровья, чтобы добиться успеха. Данные показатели говорят о неустойчивых здоровьесберегающих установках школьной молодежи, что потребует в дальнейшем пристального внимания к изменению системы знаний, взглядов, установок на формирование самосохранительного поведения.

Предпочитают жить, не думая о здоровье, всего 17,0% юношей, у девушек нет такого желания, что подтверждает их более строгий подход к ценности здоровья. На вопрос «Считается ли культурным человек, не заботящийся о своем здоровье?» 55% юношей и 76% девушек ответили утвердительно, что подчеркивает неустойчивость самосохранительных установок.

Систему взглядов школьников на ценность физической культуры и спорта нами в открытой форме предлагалось определить по значимости. На ведущую позицию 60% юношей и 67% девушек поставили здоровье, затем телесное выражение, далее остальные факторы – достижение спортивных результатов, эстетическое удовольствие, самоутверждение.

Ценностные ориентации учеников 9-х классов в формировании двигательной активности (кроме учебных занятий) выразились в следующих формах: преимущество занятиям в спортивных секциях отдали 58% юношей и 19% девушек; 33 и 38% соответственно занимаются самостоятельно (активный отдых). Всего 9% юношей не ведут активный образ жизни; среди девушек 43% не уделяют внимание двигательной активности, что отражает их негативное отношение к укреплению и сохранению здоровья.

На фоне ценностных ориентаций учащихся 9-х классов проанализируем социальные факторы, воздействующие на состояние их здоровья. 86% юношей и 33% девушек воспитываются в полных семьях. Большой процент учащихся (67%) находится на воспитании у матерей-одиночек. По состоянию здоровья ученики распределены: в основной группе – 93% юношей и 52% девушек, в специальной группе – 7% и 43% соответственно, что говорит о проблемах со здоровьем у девушек. При этом факторам риска для здоровья подвержены: 41% юношей и 71% девушек – курят; употребляют алкогольные напитки 1–2 раза в неделю 21% юношей и 14% девушек, по праздникам – 58% и 62% соответственно, что показывает явно выраженную девиантную форму поведения. Следует здесь же отметить отказ от выполнения зарядки и закаливающих процедур: 41% юношей и 48% девушек и 59%, 81% соответственно. В своем окружении школьники имеют лиц, употребляющих наркотики – 34% юношей и 28% девушек. В такой асоциальной среде 31% юношей и 24% девушек не придают значения своему питанию. Удовлетворительные знания об отрицательном влиянии экологии на здоровье имеют 41% юношей и 29% девушек.

Нами проведено подробное описание основных аксиологических и социальных факторов, воздействующих на здоровье школьников 9-х классов (2005 г.), чтобы в дальнейшем, акцентируя повышенное воздействие комплексных мер, в течение 3 лет попытаться повлиять на изменение здоровьесберегающих установок молодежи.

Составленная нами «Программа пропаганды и внедрения здорового образа жизни в повседневную жизнедеятельность старшеклассников» реализовывалась посредством наглядной агитации и пропаганды здорового образа жизни (спортивные стенды, показательные выступления лучших спортсменов по видам спорта, спортивные праздники к Дню защитника Отечества, Дню Победы и др.); проводились методические семинары с родителями старшеклассников по формированию самосохранительного поведения. Был создан постоянно действующий рабочий совет по организации мониторинга определения состояния физического развития старшеклассников. В учебный процесс были внедрены здоровьесберегающие технологии самосохранительного поведения учащихся, применены рекреативные формы физической культуры.

На завершающем этапе исследований нами был проведен анкетный опрос (2008 г.) старшеклассников. По результатам анкетирования была построена динамика аксиологических и социальных факторов, воздействующих на здоровье учащихся выпускных классов. Необходимо отметить, что на общем фоне ценностного отношения выпускников к здоровью в определенной степени произошли позитивные сдвиги в ответах на вопрос, можно ли поступить здоровьем ради других ценностей: у девушек всего 21% готовы идти на риск, а 79% – против; юноши незначительно изменили свои взгляды, у них риск выше – 53%. Среди ценностей физической культуры и спорта возросла значимость здоровья и телесного выражения: у юношей – 64% и 27%, у девушек – 67% и 17% соответственно. При этом повысилась двигательная активность молодежи, включая вовлечение в занятия в спортивных секциях, и, что особенно важно, – занятия самостоятельно проводимые (по рекомендациям педагогов): у юношей – 63% и 35%, у девушек – 27 и 49% соответственно. Всего 2% юношей и 24% девушек не активизировали двигательную активность, а ограничились уроками физкультуры.

Динамика социальных факторов, оказывающих влияние на здоровье школьников, за исследуемый 3-годичный период претерпела определенные изменения. На фоне социальных факторов (воспитание в семье, разграничение выпускников по медицинским группам) отмечено снижение показателей девиантного поведения, а именно увеличилась доля некурящих юношей и девушек – 68% и 69% соответственно, отказа-

лись от употребления алкоголя 48% юношей и 60% девушек. Но в окружении школьников отмечено увеличение количества употребляющих наркотики: у юношей 31%, у девушек – 34% (а также пробовали 12 и 26%, соответственно), что является фактом ухудшения социального окружения школьников, провоцирующего девиантное поведение.

Среди факторов, позитивно отражающих повышение активности юношей и девушек к здоровьесберегающим установкам, формирующих самосохранительное поведение, выделяется отношение к закалывающим процедурам, предпочтение которым отдали 72% юношей и 58% девушек. Значение правильному питанию придает большинство старшеклассников – около 80%. Уровень познаний о влиянии экологии на организм человека повысили 87% юношей и 84% девушек.

В процессе наших исследований (2005–2008 гг.) под воздействием внедрения здоровьесберегающих технологий в повседневную жизнь школьной молодежи выявлена положительная ретрансляция знаний, мотивов, интересов, потребностей, установок на формирование их самосохранительного поведения. Повысилась результативность учебных занятий в связи с совмещением с дополнительной двигательной активностью оздоровительного, рекреационного и спортивного характера.

Положительные результаты были возможны только при совместном квалифицированном воздействии педагогов, медицинских работников, психологов, социологов и родителей на повседневную жизнедеятельность школьников. Создание стойкой мотивации школьной молодежи к самосохранительным установкам, направленным на здоровый образ жизни, – основная проблема формирования самосохранительного поведения сегодняшнего поколения.

Примечания

- 1 См.: Черненко Ю.В. и др. Формирование здорового образа жизни в современной школе // Здоровый образ жизни для всех возрастов: Сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. Саратов, 23 ноября 2006 г. Саратов. 2007. С. 191.
- 2 См.: Маликова Г.Т., Валуллина О.В. Социальное значение физической культуры в формировании ценностных ориентаций студенческой молодежи // Здоровый образ жизни для всех возрастов. С. 168.
- 3 См.: Солодников И.В. Социализация личности: сущность и особенности на разных этапах жизни // Социс. 2007. № 2. С. 34–35.
- 4 См.: Смирнова Н.П. Охрана репродуктивного здоровья – путь улучшения демографической ситуации // Демографическое развитие: проблемы и перспективы: Материалы обл. науч.-практ. конф. Саратов, 22 декабря 2006 г. Саратов, 2007. С. 37.

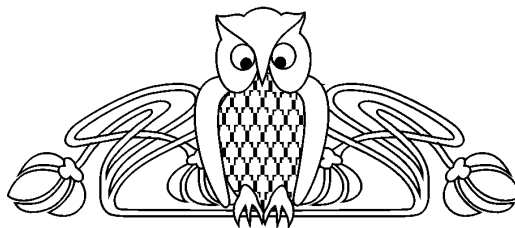

УДК 316:347

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

Б.Р. Могилевич

Саратовский государственный университет,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации
E-mail: mogilevich@sgu.ru

В статье анализируются методологические подходы к исследованию межкультурной коммуникации с позиций социокультурного дискурса. Дано обоснование этапов «культурного шока» в виде этноцентрических и этнорелятивистских подходов.

Ключевые слова: социология культуры, межкультурная коммуникация, «культурный шок», этноцентрические, этнорелятивистские.

Intercultural Communication in the Context of Sociology of Culture

B.R. Mogilevich

The article deals with the analyses of methodological approaches to the problems of intercultural communication. The process of «cultural shock» is investigated from ethnocentric and ethnorelative point of view.

Key word: sociology of culture, intercultural communication, «cultural shock», ethnocentric, ethnorelative.

Проблемы межкультурной коммуникации лежат на пересечении интересов этнологии, культурологии, антропологии, психологии. Определение места межкультурной коммуникации как составной части социологии культуры представляет собой важный и необходимый аспект исследования проблем человеческой жизнедеятельности в эпоху глобализации. Сама отрасль гуманитарного знания – социология культуры – находится на этапе своего становления, так как проблемы взаимосвязи и взаимодействия культуры и общества охватывают весь спектр жизнедеятельности индивидов и не всегда поддаются субъективному анализу.

В настоящее время отмечается резкое увеличение влияния культуры на жизнь общества. По мнению некоторых исследователей, «там, где раньше было «общество», стала культура»¹. Сам термин «культура» насчитывает более 150 определений, описывающих одну из характеристик этого явления. Определения культуры принадлежат выдающимся социологам П. Сорокину, Г. Беккеру, К. Янгу, У. Самнеру, А. Кеплеру, У. Томасу, Л. Уайту, лингвисту Э. Сепиру, антропологам Э. Тейлору, К. Уислеру, Р. Бенедикту, психоаналитику Г. Рохайму. Л.Г. Ионин, обобщив имеющиеся определения культуры, даёт своё понимание культуры, суть которого заключается в том, что культура есть отличие человека от животного; культуре можно и нужно обучать, т.е.

она не является врождённым качеством; культура существует в виде символов как вербальных, так и невербальных².

Социологическое исследование культуры было начато ещё основоположником социологии О. Контом. Его исследования были посвящены анализу культурного развития и функционирования общества. Именно он вывел закон трёх ступеней развития «прогресса духа» – теологической, метафизической и научной; причём каждой ступени (стадии) соответствовала своя общественная организация. По мнению О. Конта, его теория о законе трёх стадий – позитивизм – и была наивысшим достижением научной стадии³. В середине XX в. появилось понятие репрезентативной культуры как попытка объяснить новые явления социокультурного развития. Культура представляет (репрезентирует) все виды идеологий и мировоззрений, влияющих на поведение индивидов, принимающих их пассивно или активно. Все факты общественной жизни, обуславливающие существование индивидов, и есть репрезентативная культура.

О. Конт считал ранние стадии развития человеческого духа – теологическую и метафизическую – «фиктивными», полагая, что только научная стадия является позитивной и даёт возможность объективного познания мира. Предложенное Ф. Тенбруком понятие репрезентативной культуры означает, что культура не бывает фиктивной, или ложной, она просто представляет то общество, в котором существует и которое отражает. Это понятие предполагает отсутствие противопоставления культуры обществу. По словам Ф. Тенбрука, любое явление состоит из социального и культурного аспектов, причём эти аспекты неотделимы друг от друга при помощи «бесшовного соединения»⁴.

Теория О. Конта была основана на методологии объективизма, полагающей наличие объективных фактов общественной жизни – систем, структур, институтов, выстроенных по определённой неизменной модели независимо от мировоззрения и идеологии его членов.

XX в. стал свидетелем возникновения знаменитой теории «понимающей социологии» М. Вебера, базирующейся на культурно-аналитическом подходе, основой которого является изучение индивида как культурного существа, на поведение

которого оказывают влияние не инстинкты, не внешние факторы, а субъективный смысл совершаемых им действий. По словам М. Вебера, «социальным мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом (или действующими лицами) смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него»⁵. Субъективный смысл любого действия представляет собой социальный фактор интерпретации (понимания) эмпирической реальности этого действия. Тогда общество представляет собой не что иное как культурный продукт, созданный индивидами, а индивид – это культурное общество. Согласно М. Веберу, субъективный смысл действия и есть человеческая мотивация, которая отражает то, что есть в культуре, а социология, следовательно, изучает только то, что есть в культуре. Все социологические теории имеют в своей основе два главных подхода – объективистский и культурно-аналитический. Основоположник первого подхода Э. Дюркгейм считал, что все социальные явления не зависят от членов общества (индивидов), являются «вещами», а предметом изучения является характер взаимодействия социальных структур⁶. Культурно-аналитический подход предполагает существование социальных структур как продуктов идей и мировоззрений индивидов, объективных с точки зрения их принятия (понимания) индивидами, причём основной акцент в исследовании делается на понимании субъективного смысла любого социального действия, его мотивации.

Именно культурно-аналитический подход является основополагающим в определении места межкультурной коммуникации в социологическом знании, и в социологии культуры в частности, а концепции символического интеракционизма являются фундаментальными приоритетами при исследовании теории и практики межкультурной коммуникации. Основоположник символического интеракционизма Д. Мид считал основой своей теории определение понятия межиндивидуального взаимодействия, обуславливающего формирование общества и одновременно сознание индивида. В качестве основного механизма взаимодействия Д. Мид рассматривал жест как символ, имеющий своё значение, причём жесты (символы) могут быть вербальными и невербальными. При тождестве значений жестов адресантов и адресатов присутствует успех аккультурации.

С проблемой аккультурации связано понятие «культурный шок», которое было предложено К. Обергом⁷. В основе культурного шока лежит конфликт старых культурных форм с новыми, причём под «старыми» имеются в виду те формы культуры, которые существуют в обществе, где проживает индивид, а «новые» формы репрезентируют общество с другой культурой. Другими словами, культурный шок – это конфликт старого

и нового сознания, или старых и новых значений. Представляет интерес *конфликтологическая модель* Ф. Бока, объясняющая сущность культурного шока. Он писал, что «культура в самом широком смысле слова – это то, из-за чего ты становишься чужаком, когда покидаешь свой дом»⁸. Ф. Бок выделил пять способов разрешения конфликтов, вызванных культурным шоком:

1 – *геттоизация* – ситуация, когда индивид или группа индивидов в силу религиозных или других причин создаёт свою культурную среду в чужом обществе с доминирующей культурой. Примером могут служить еврейские гетто в черте оседлости в царской России, турецкие, индийские, китайские районы в городах Западной Европы;

2 – *ассимиляция* – полный отказ от своей культуры, внедрение в новую, причём часто ассимиляция бывает насильственной со стороны доминирующей культуры также существуют многочисленные примеры, когда доминирующая культура не принимает в свою среду «чужих» и создаются «невидимые гетто». Такая ситуация существует в бывших союзных республиках – странах СНГ, в Западной Европе, Канаде и Америке;

3 – *промежуточный этап* в виде культурного взаимодействия – этот способ достигает своей цели только при равноправии сторон, как принимающей, так и пришедшей культуры. Например, еврейские эмигранты из Восточной Европы внесли огромный вклад в развитие мирового искусства и киноиндустрии, создав Голливуд, первые студии звукозаписи – Л. Майер, С. Голдвин, Д. Селзник; немецкие учёные, бежавшие из нацистской Германии в США, внесли неоценимый вклад в становление современной социологии – А. Шюц, И. Гофман, А. Гурвич;

4 – *частичная ассимиляция*, означающая успешную аккультурацию в какой-либо сфере, например принятие всех норм принимающей культуры на работе и осуществление родной культуры дома, в конфессиональных учреждениях;

5 – *колонизация* – навязывание пришедшей культуры местному населению. Если раньше колонизация чаще всего имела результатом геттоизацию местного населения, то в настоящее время – в XX и XXI вв. – колонизация осуществляется в виде помощи слаборазвитым странам в денежной форме, в виде строительства промышленных предприятий, обучения студентов, внедрения современных технологических достижений. Следует отметить, что колонизация присутствует не только в виде помощи слаборазвитым странам, но и путём распространения образа жизни, принятого в более сильных в экономическом и политическом статусе стран, например, распространение американского стиля жизни в Западной Европе, на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны.

Межкультурная коммуникация как социальное и культурное явление появилась тогда,

когда люди стали путешествовать. До этого они не могли оценивать свою культуру, так как не имели возможности сравнивать. При восприятии других культур человек неизбежно сталкивается с различиями в социальных системах, властных иерархиях, системах образования и т.д. Изучение этих культурных различий послужило основой для создания наук о культуре. Родоначальником исследования культуры является Геродот – древнегреческий историк и географ. Он описывал другие земли, климат, географию, народы, их обычаи. Эти эмпирические исследования характеризовали все культурологические исследования вплоть до XIX в. Даже в XVII–XVIII в. – во времена Джеймса Кука, Марко Поло, Фернандо Кортеса, Христофора Колумба – все описания не носили научного характера, так как все путешественники имели целью завоевание, расширение торговли, религиозную пропаганду. Начиная с XIX в. путешествия стали проводиться с целью исследования других культур, что давало возможность расширять горизонты познания и представлений о новых формах существования человека.

Первыми исследователями культур, а по существу, первыми специалистами по межкультурной коммуникации были И.Г. Гердер и И. Форстер – немецкие философы и антропологи. Интересно отметить, что И. Форстер плавал на кораблях Д. Кука. В своих дневниках он исследовал проблемы приспособления человека к окружающей среде и осознания индивидом своего «Я» через познание «Другого» или «Других». И.Г. Гердер представил цели культурологических исследований, непосредственно связанных с проблемами межкультурной коммуникации, а именно: детальное описание культур и их носителей; анализ культурных достижений в контексте их приспособления к окружающей среде; познание «своей» культуры в процессе освоения «чужой». *Антропологическая модель* межкультурной коммуникации И.Г. Гердера была прорывом в функционировании наук, изучающих культуру, по двум причинам:

1) если раньше природное и культурное в человеке не было разделено, то теперь природное было противопоставлено культуре в виде приспособления к окружающей среде;

2) познание самого себя через понимание других было признанием равенства всех людей, живущих на Земле⁹.

Модель И.Г. Гердера стала культурным шоком, своего рода революцией в системе взглядов европейской, христианской цивилизации на социально-культурное устройство.

Считается, что первая революция мировоззрений связана с гелиоцентрической теорией Н. Коперника, вторая произошла после распространения теорий З. Фрейда, а третья революция означала смещение европейской цивилизации с верховного пьедестала. Мир каждой культуры стал исключительным и самодостаточным, достойным и нуждающимся в исследовании. XIX

в. был временем зарождения систематических исследований в социологии, культурной антропологии, философии культуры, а вместе с ними появилась и межкультурная коммуникация как междисциплинарная отрасль социокультурного знания. Осознание наличия «чужих» культур, отличных от «своей», является началом сложного многоэтапного процесса межкультурной коммуникации.

Виднейший специалист по межкультурной коммуникации М. Беннет придерживается мнения, что для успеха межкультурной коммуникации необходимо воспитание межкультурной чуткости. Он создал *модель межкультурных этапов* коммуникации, характеризующую этноцентрический и этнорелятивистский подходы.

Этноцентризм имеет своей основой философию функционализма, согласно которой человечество едино в своих проявлениях и, следовательно, культура также единообразна, а развитие идет от простого к сложному. Согласно этой парадигме «своя» культура является главной по отношению к «чужой». Этноцентризм означает объективистский подход к исследованию межкультурной коммуникации вследствие игнорирования конкретных социальных условий и межкультурных особенностей в условиях поликультурной социальной действительности. Абсолютистская культурная парадигма не обладает достаточным ресурсом исследования межкультурной коммуникации, особенно в период глобализации, нарастания миграции и социокультурных конфликтов вследствие конфликта культур.

Этноцентризм предполагает доминирующую роль «своей» культуры в процессе межкультурной коммуникации и реализуется на уровне: *отрицания* существования любой «чужой» культуры, проявляющейся в *геттоизации и сегрегации*. Примером могут служить так называемые места компактного проживания выходцев из Африки в Западной Европе либо отрицание европейской культуры со стороны жителей стран Ближнего Востока (Иран), индейские резервации в Канаде и США.

Этап *отрицания* предполагает проведение межкультурных встреч разного рода для формирования общего восприятия как базовых культурных ценностей, так и культурных различий без осуждения. В противном случае очень часто наступает этап *защиты и диффамации*, когда уже осознание культурных различий может вызвать защиту своих культурных особенностей и негативные эмоции по отношению к чужой культуре на уровне индивидов, групп, этносов, цивилизаций. Этот этап характеризуется проявлением чувства превосходства своей культуры (превосходство «белой» расы над «жёлтой» и «чёрной», европейской цивилизации над восточной) и враждебности к чужой культуре, которое может принимать экстремальные формы (фашизм, национал-социализм, апартеид, движение «бритоголовых»).

Этнорелятивистское восприятие межкультурных различий уходит корнями к символическому интеракционизму как теории межличностного взаимодействия, структурирующей основные проблемы межкультурной коммуникации, а именно: существование культурных различий является позитивным фактором в случае совпадения мнений (значений) символов (жестов) представителей различных культур. В процессе межкультурной коммуникации с участием многих индивидов (групп) происходит соединение этих значений в единую точку зрения, которую Д. Мид называл «установкой обобщенного другого». Признавая наличие культурных различий в поведении, языке, невербальном общении, индивид принимает установку на объективное существование различных культурных вариаций. Для адекватного понимания чужой культуры индивид должен адаптироваться к ней, т.е. идентифицировать мир её объектов; идентификация должна осуществляться в терминалах значений, которые имеют объекты в глазах членов групп. Более того, в процессе адаптации индивид осознаёт постоянные трансформации значений в зависимости от изменения ситуаций¹⁰.

Изменчивость социальных ситуаций и их значений характеризует символический интеракционизм в отличие от акцента на жесткую структуру и застывшие функции, характеризующие структурно-функциональный подход к проблемам межкультурной коммуникации, проявляющийся в этноцентрическом видении межкультурной коммуникации.

В процессе принятия роли «другого» индивиды эмпатийно воспринимают чужую культуру, что требует определенного уровня лингвистических и экстралингвистических знаний как основы формирования межкультурной компетенции. В процессе адаптации и проявления эмпатийности представители вступают в межкультурную коммуникацию. Это межкультурное взаимодействие представляет собой разновидность социального взаимодействия, т.е. совокупность действий представителей разных культур, имеющую целью генерацию реакции партнёра по общению. Другими словами, происходит обмен сопряжёнными действиями, которые предполагают возобновляемость и интерес к ответным действиям.

В процессе межкультурного социального взаимодействия эмпатия переходит в стадию признания плюрализма культур в виде позитивного восприятия культурных различий. Плюрализм возможен в результате тесных социальных свя-

зей коммуниканто – прямых / косвенных, односторонних / многосторонних, формальных / неформальных. Например, чтение литературы на иностранном языке с целью расширения кругозора, эрудиции, повышения профессионального уровня – косвенная социальная связь; проведение деловых переговоров – прямая социальная связь; процесс обучения – многосторонняя социальная связь; отношения субординации в армии – формальная социальная связь и т.д.

Социальное межкультурное взаимодействие осуществляется при помощи символов (вербальных, невербальных, паравербальных), общее значение которых является необходимым условием его осуществления, причём стадии адаптации, эмпатийности и плюрализма сменяются взаимной интеграцией, сопровождаемой контекстуальной оценкой. Эта стадия характеризуется тем, что формируется универсальная межкультурная личность, способная к осознанию и принятию межкультурной социальной реальности, выбору поступков, адекватных социокультурному контексту с учётом пространственно-временных параметров коммуникации. Данный процесс представляет собой оценку коммуникантами особенностей ситуации в контексте разницы культур и выбор адекватных способов осуществления межкультурной коммуникации.

Примечания

- 1 *Berking H.* Kultur-soziologie. Mode and Method. Warburg, 1989. P. 82.
- 2 См.: *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М.: ЛОГОС, 1998.
- 3 См.: История буржуазной социологии XIX – начала XX века. М.: Наука, 1979.
- 4 См.: *Tenbruch F.H.* Representative Kultur // Sozialsbrukt und Kultur / Hrsg von H. Haferkamp. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990.
- 5 *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 42.
- 6 См.: *Durkheim E.* Les formes elementaries de la vie religieuse. Paris, 1912.
- 7 См.: *Oberg K.* Culture Shock Adjustments to New Cultural Environment // Practical anthropology. 1960. № 7.
- 8 Culture Shock. A reader in modern cultural anthropology / Ed. by Ph. K. Bock. New York, 1970. P. 105.
- 9 См.: *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.
- 10 См.: *Blumer H.* Sociological implications of the thought of J.H. Mead // Amer. J. of Sociol. 1966. Vol. 71, № 5.

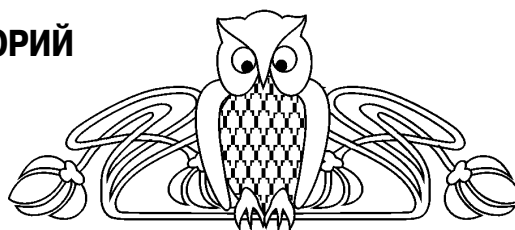

УДК 316.3:008

ТУРИЗМ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕОРИЙ

О.В. Лыскова

Саратовский государственный технический университет,
кафедра менеджмента туристического бизнеса
E-mail: 970380@list.ru

В статье анализируются социальные теории классиков социологической науки для выявления методологических оснований в исследовании современного туризма. Изучение туристских практик эпохи глобализации позволяет наметить пути позитивной практической реализации явных и скрытых возможностей туризма.

Ключевые слова: туризм, турист, туристская практика, социальная теория.

Tourism in a Context of Social Theories

O.V. Lysikova

In the article social theories of visible sociologists for revealing the methodological bases in research of modern tourism are analyzed. Studying tourist the expert of an epoch of globalization allows to plan ways of positive practical realization of the obvious and latent opportunities of tourism.

Key words: tourism, tourist, tourist practice, social theory.

Обратимся к рассмотрению теорий выходящих западных социологов для анализа туризма как социального феномена. М. Вебер оперирует понятием «социальное действие», которое предполагает применение статистического количественного исследования. В туризме человек – всегда актер, что относится и к туристу, и к агенту. Объективные смыслы современной туристской деятельности, активности, мобильности соотносимы с особенностями эпохи постмодерна, этапа новейшей истории. Туризм начала XXI в. характеризуется устойчивым динамичным ростом. Так каково же социальное действие в туризме, смысл которого, согласно М. Веберу, «соотносится с действием других людей и ориентируется на него»? Туризм в настоящее время представляет, прежде всего, коммуникацию, направленную на приобретение новых знаний, впечатлений, опыта, душевного комфорта посредством движения, перемещения, мобильности. Дж. Урри развивает идею о том, что путешествуют не только сами туристы, но и предметы, и образы культуры; складывается общая «мобильная культура», производная от «принуждения к мобильности». При этом многочисленны виды самой мобильности: физическая, воображаемая, виртуальная, добровольная, вынужденная, составляющие «мобильную культуру», истоки которой восходят к эпохе зарождения массового туризма начала XX в.²

При осуществлении туристской практики крайне важно участие других людей, призванных обеспечить комфортность перемещения и пре-

бывания туриста на отдыхе, сопровождающих его в путешествии специалистов (гид-переводчик, экскурсовод, групповод). Современному туристу-иностранцу важно ощущать гостеприимство и радушие местных жителей на территории принимающей дестинации, складывающиеся из множества социальных практик и фактов. Нельзя недооценивать в индивидуальной туристской практике степени участия других туристов. Используя социологические понятия и логику рассуждений М. Вебера, выстроим гипотезу о множестве социальных действий туристов, соотносимом с действиями других туристов, местных жителей туристских дестинаций, лидеров мнений в туристском сообществе как отправляющей дестинации, так и проявляющихся в ходе путешествия, турагентов, сотрудников предприятий и учреждений, обеспечивающих гостеприимство.

Туристы в своих социальных практиках ориентируются на действия: 1) институтов, регулирующих процедуры, сопровождающие турпоездки (посольство, консульство, паспортный контроль, таможня, администрация гостиницы и др.); 2) турпредприятий, обеспечивающих передвижение, размещение, питание, рекреацию, отдых, анимацию; 3) СМИ, представляющих актуальную и оперативную информацию.

Согласно М. Веберу, мотивы социального действия бывают целерациональными, ценностно-рациональными, аффективными, традиционными. Целерациональные мотивы присутствуют у потенциальных туристов, ожидающих внимательного, уважительного отношения к себе со стороны сотрудников турфирмы, предлагающих им услуги и оформляющих документы. Позитивное поведение других людей является непременным условием реализации целей, которые ставит перед собой турист. Целерациональные мотивы проявляются в конгрессном, образовательном, событийном видах туризма, направленных на продвижение бизнес-проектов, реализацию профессиональных целей. Ценностно-рациональные мотивы характеризуют культурный, рекреационный, экзотический виды туризма. Аффективные мотивы лежат в основе гедонистических социальных практик, реализуемых в ходе фестивального, спортивного, алкогольного, секс-туризма. Традиционные мотивы составляют основу паломнического, религиозного, этнического, ностальгического видов туризма.

По мнению М. Вебера, в каждой научной проблеме необходима предварительная функциональная постановка вопроса. Какое поведение туриста функционально важно с точки зрения «сохранения» культурного своеобразия типа социального действия, его направленного развития? Как возникает конкретная социальная практика туриста, какие мотивы ее определяют? Какое действие индивида, квалифицируемого как турист, важно для анализа социальных практик туризма? Насколько необходима типология туристов при осуществлении ими социальных практик? Ответы на эти вопросы могут быть получены в ходе эмпирических исследований, основанных, согласно М. Веберу, на методологической целесообразности сочетания качественных и количественных методов исследования.

Э. Дюркгейм вводит в научный контекст понятие социальных фактов, состоящих «в способах действий или мышления, распознаваемых по тому свойству, что они способны оказывать на отдельные сознания принуждающее воздействие»³. К неоспоримым социальным фактам современности относятся туриндустрия, туринфраструктура, разнообразные туристские практики и сами туристы, активно воздействующие на жизнедеятельность социума в условиях «многоликой глобализации». Возникновение и бытование социальных фактов связано с актуальностью деятельности агента-посредника, который решает стартовые и оперативные проблемы туристов, стремящихся свое свободное время и финансовые ресурсы использовать ценностно- и целерационально.

Каковы «коллективные представления» о человеке-туристе? Обыденное сознание определяет его как периодически путешествующего человека, реализующего собственные цели: отдых, лечение, познание, развлечение и др. В СССР турист ассоциировался с человеком, совершающим пешие многокилометровые переходы, ночующим в палатке, поющим песни под гитару у костра, питающимся консервами «Завтрак туриста», получающим за выполнение нормативов значок «Турист СССР». За последние двадцать-тридцать лет туристские практики претерпели колоссальные изменения. В начале XXI в. отчетливо прослеживается тенденция диверсификации туризма – освоение новых рыночных сегментов, стимулирование роста спроса на туруслуги, избирательность характера их выбора. Массовый популярный туризм демонстрирует новый образ жизни с ориентацией на освоение природного и социального пространства. Современный турист подвержен влиянию моды и легко меняет свои предпочтения, вкусы, мотивы, формат поведения на рынке туруслуг. Можно констатировать развитие социальных практик подражания и принуждения в туризме, когда модой навязываются коллективные способы действия и мышления индивидам, которые, приспособившись к ним, сохраняют социальную дифференциацию и ста-

тусность⁴. Выделим две полюсные, социально обусловленные позиции, зависящие, прежде всего, от дохода: так называемый дачный туризм и эксклюзивный, экзотический, экстремальный. Использование метода «каузального сведения» М. Вебера позволяет выявить экономическую и социальную корреляцию в социальных практиках туризма.

Следуя логике рассуждения Э. Дюркгейма, можно заключить, что туризм как система, туристы как сообщество, обладающее коллективным сознанием, мотивацией, потребностями, мнениями в фокусе социальных фактов являются перспективными объектами социологического исследования. Любой нетурист является потенциальным туристом, а турист, вернувшийся из поездки, перестает быть таковым. Отсюда важно определение идентичности и социальной роли туриста в современном социуме. Не теряет актуальности проблема социодинамики культуры туриста, характеризующейся чередованием периодов реального и рефлексивного туризма.

По мнению Т. Парсонса, в социальной подсистеме происходит интеграция индивидов по мере вовлеченности их в единую сферу деятельности⁵, что наблюдается в туристских практиках: интеграция образовательных и профессиональных институтов; взаимодействие всех уровней сложности между потребителями туруслуг и агентами; координация между турпредприятиями и туроператорами, турагентами и туроператорами, сотрудниками отдельно взятого предприятия. Теория Т. Парсонса позволяет обратиться к «проблеме смысла» в действиях туристов, ищущих в рамках своих путешествий «познавательные ответы» на многочисленные вопросы. Одним из концептов современного туризма являются самоактуализация и индивидуальное развитие человека путешествующего. Туризм как социальная система, согласно теории Т. Парсонса, может быть проанализирован исходя из типологии независимых переменных – ценностей, норм, коллективов, ролей, выполняющих функции сохранения и воспроизводства, интеграции, целедостижения, адаптации. Применительно к туристской деятельности перспективны идеи социетального сообщества как интегративной подсистемы общества, обеспечивающей либо препятствующей различным порядкам и уровням внутренней интеграции, установлению соотношения легитимного и социетального порядка в рамках системы туризма. Каждое сообщество имеет свою стратификационную шкалу легитимизированного престижа отдельных лиц, статусов, ролей. Положение коллектива, индивида в стратификационной системе измеряется уровнем его престижа, способностью оказывать влияние, что расценивается Т. Парсонсом в качестве обобщенного символического средства социетального взаимодействия наряду с властью и деньгами. В стратификационную шкалу, на наш взгляд, уместно ввести пункт о престижности

профессий, относящихся к индустрии туризма и гостеприимства.

Важной чертой многих современных туристов являются нежелание «сливаться с толпой», поиск своих направлений, агентов, видов туризма. Путешествие, как и прежде, остается «реализацией мечты и планов», «взглядом за горизонт», потому что «повседневность убивает», а путешествие спасает от рутины будней, ведет к освобождению от незнания, стереотипов, груза проблем. Туризм представляется одновременно и полем свободы, и способом ее обретения через преодоление фильтров несвободы. Множественность современных туристских практик ставит перед исследователем вопрос о грани между нормой и аномией в туризме. Свобода рождает маргинальные туристские практики: алкогольный, секс-туризм, туризм футбольных фанатов. Р. Мертон в рамках структурного функционализма рассматривает социальную структуру и аномию, явные и латентные функции⁶, что применимо для изучения социальных практик современного туризма.

В последние годы актуальна проблема глобальных рисков в туризме. СМИ все чаще сообщают о несчастных случаях, терактах, экологических, техногенных, антропогенных катастрофах в городах-курортах, популярных туристских дестинациях. Согласно статистике, ежедневно в мире погибает два российских туриста. Основные причины их гибели таковы: несчастные случаи; покушение на жизнь и собственность; теракты; экологические катастрофы. Представляется плодотворной идея Г. Маркузе о том, что катастрофа не изменяет сознания и поведения человека⁷, чему сегодня находим множество подтверждений в туристских практиках.

Н. Урили рассматривает четыре новейшие концепции в изучении современного феномена туризма: переход от дифференциации к дедифференциации повседневной жизни и туристского опыта; движение от генерализации к плюрализму и концептуализации; переключение внимания от туристических субъектов к туристическим объектным изменениям знаний; движение от противоречащих и окончательных утверждений к относительным и неокончательным интерпретациям⁸. Исследуемые концептуальные разработки

соответствуют «постмодернистским» теориям в социальных науках и актуализируют изучение феномена туризма в рамках различных научных концепций и подходов.

Исследование туризма как социального феномена может осуществляться при условии использования социальных теорий. Комплексное решение научной проблемы обуславливает селективное применение положений, следующих из них: теория социальных действий, социальных изменений, социальной мобильности (М. Вебер); теория социальных фактов, социального контроля (Э. Дюркгейм); теория структурного функционализма (Т. Парсонс); теория аномии, явных и латентных функций (Р. Мертон); критическая социальная теория (Г. Маркузе). Социальные практики туризма, развивающегося в условиях глобализации, дают возможность системно проанализировать и наметить пути позитивной практической реализации его явных и скрытых возможностей.

Примечания

- 1 Вебер М. Основные социологические понятия // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. М., 1996. С. 455.
- 2 Урри Дж. Взгляд туриста и глобализация // Массовая культура: современные западные исследования. М., 2005. С. 147.
- 3 Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послесл., примеч. А.Б. Гоффмана. М., 1995. С. 7.
- 4 Фенько А.Б. Туризм как показатель социального статуса // Социс. 2007. № 2. С. 125.
- 5 См.: Парсонс Т. Системы современных обществ. М., 1997. Гл. 1.
- 6 См.: Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1994.
- 7 Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развития индустриального общества / Пер с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина. М., 2002. С. 5.
- 8 Uriely N. The tourist experience – conceptual developments // Annals of Tourism Reserch. 2005. Jan. Vol. 32. P. 215.

УДК 316.65: 314.15.015

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Р.Р. Хайруллин

Академия государственного и муниципального
управления при Президенте Республики Татарстан
E-mail: rh-ghost@narod.ru

В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты демографической проблемы – рождаемости, результаты конкретно-социологического исследования, в котором представлены: репродуктивные установки населения республики, их особенности, факторы, влияющие на рождаемость, и меры государства, направленные на ее стабилизацию в республике.

Ключевые слова: демографические проблемы, рождаемость, репродуктивные установки, детность.

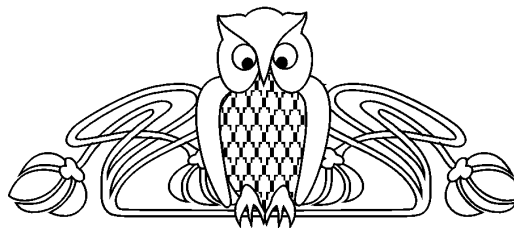
Demographic Program of the Republic of Tatarstan: State, Prospects of Realization

R.R. Khayrullin

This article considers theoretical and applied aspects of demographic problem of birth rate, results of special social research, which provides reproductive state of popularity of the republic, its peculiarities, factors, influenced on birth rate and government sanctions, directed to its stabilization in the republic.

Key words: demographic problems, birth rate, reproductive states, having children.

В начале XX в. уровень рождаемости в России был одним из самых высоких, зафиксированных когда-либо в крупной стране. Прошло сто лет, и Россия оказалась в числе стран с самой низкой в мире рождаемостью. Только во второй половине 1980-х гг. показатель рождаемости поднялся до отметки 2,1 ребенка в расчете на одну женщину, что составило границу простого воспроизводства при современном уровне смертности. С середины 1960-х гг. в России устанавливается режим воспроизводства, не обеспечивающий даже простого замещения поколений. Падение рождаемости в 1990-х гг. еще более усилило степень «недовоспроизводства» (каждое новое поколение детей было на 30–40% меньше родительского)¹. Схожая ситуация наблюдается и в отдельных регионах России. В частности, в Республике Татарстан, несмотря на менее радикальное сокращение динамики численности населения, согласно последней переписи, существует серьезный дисбаланс между ежегодными показателями рождаемости и смертности населения и прогнозируется существенная нехватка трудовых ресурсов даже в случае сохранения современного уровня рождаемости и миграции.

В Российской Федерации существует Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.² Закономерно, что в субъектах Российской Федерации предусматривается разработка региональных демографических программ, направленных на улучшение демографической ситуации, учитывающих специфику каждого региона, его социально-демографические приоритеты – обычаи и традиции деторождения и семейного воспитания, сложившуюся модель семьи, соотношение городского и сельского населения, половозрастную и этническую структуру населения.

Так, в Республике Татарстан в рамках разработки региональной стратегии решения демографических проблем запланировано создание Семейного кодекса. Он составляет один из пунктов реализации положений, содержащихся в Послании Президента РФ Государственному Совету на 2008 г. В кодекс войдут все законы, касающиеся семьи, опеки и попечительства, права и обязанности родителей, условия получения материнского капитала и разного рода пособий. Особое внимание в его содержании планируется уделить правам ребенка, не только рассматривать его как объект воспитания, но и видеть в нем полноправного и равноценного партнера.

В Комплексной программе демографического развития Республики Татарстан² планируется предусмотреть: улучшение состояния здоровья населения; повышение демографического сознания и ответственности за здоровье населения на уровне общества и личности; увеличение средней продолжительности жизни; укрепление института семьи и семейно-брачных отношений; повышение в будущем рождаемости до уровня, обеспечивающего замещение одного поколения последующим; улучшение социального положения женщин; решение проблем маргинальных групп населения; обеспечение безопасных условий труда, предупреждение несчастных случаев на производстве и в быту; обеспечение условий, способствующих продлению активной жизнедеятельности пожилых людей; совершенствование регулирования миграционных процессов и др.

В рамках Программы действует ряд подпрограмм, задачи которых заключаются в формировании в Республике Татарстан наиболее благоприятного для рождения детей социально-экономического климата, развития института ипотеки как наиболее действенного механизма

решения жилищной проблемы – одной из важнейших преград на пути роста рождаемости, разработки мероприятий по наиболее эффективному использованию материнского (семейного) капитала, дополняющих и развивающих положения федерального законодательства.

Так, подпрограмма «Стимулирование рождаемости» ставит перед собой цель увеличения рождаемости населения Республики Татарстан посредством реализации системных мер экономического и социального стимулирования. Индикатором ее эффективности являются повышение рождаемости к 2010 г. до 47,9 тыс. чел. в год (на 28,5% к уровню 2006 г.), снижение количества аборт в республике (число случаев на 1000 женщин фертильного возраста): в 2008 г. – до 30,8, в 2009 г. – до 30,7, в 2010 г. – до 30,6. В соответствии с Федеральным законом № 256-ФЗ от 25.12.2006 «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей» материнский (семейный) капитал нельзя использовать на важнейшую цель – лечение ребенка, – что требует изменения.

В рамках республиканской демографической программы предусмотрен проект «Расширение возможностей использования материнского (семейного) капитала», целью которого является обеспечение возможности направления материнского (семейного) капитала на оплату лечения ребенка, в том числе до достижения последнего возраста трех лет. В качестве вариантов решения данной проблемы планируется законодательная инициатива о внесении изменений и дополнений в Федеральный закон № 256-ФЗ от 25.12.2006 «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей» или разработка региональной схемы расширения возможностей использования материнского капитала. В соответствии со вторым вариантом следует предусмотреть возможность использования материнского капитала на лечение ребенка, в том числе не достигшего возраста трех лет (приобретение медикаментов, оплата операций и т.п.), через создание специализированного внебюджетного фонда либо наделение соответствующими финансовыми полномочиями Жилищного фонда РТ.

Еще один проект в рамках республиканской демографической программы «Расширение возможностей использования ипотеки молодыми семьями» направлен на увеличение категорий лиц, имеющих возможность воспользоваться инструментарием ипотеки для решения жилищных проблем. Именно решение жилищной проблемы, как показал проведенный анализ, – важнейший фактор повышения рождаемости. Хотя социальная ипотека в Республике Татарстан в настоящее время развивается достаточно активными темпами, необходимо законодательно и финансово обеспечить расширение возможностей использования ипотечных механизмов, в частности посредством реализации следующих мероприятий: увеличение критерия отнесения

семей к категории «молодая семья» (до возраста 35 лет); обеспечение роста компенсаций по социальной ипотеке (погашения части кредита) за счет средств республиканского бюджета при рождении второго ребенка на 200 тыс. руб., третьего – 300 тыс. руб. и т.д. в арифметической прогрессии с ежегодной индексацией указанных сумм на уровень инфляции; расширение возможностей использования льготных ипотечных схем для групп населения, которые не вправе претендовать на социальную ипотеку, за счет средств предприятий-работодателей.

На муниципальном уровне в рамках республиканской программы предусмотрен также конкретный перечень мероприятий, реализующих основные приоритеты программы. Они подразделены на различные направления.

Информационное направление:

– проведена актуализация банка данных по неблагополучным семьям и детям группы риска, по детям с ограниченными возможностями, по семьям многодетным, находящимся в трудной жизненной ситуации, а также по общественным организациям, фондам, работающим с социально уязвимыми категориями населения;

– организовано проведение мониторинга социально-экономического положения многодетных семей, созданы «горячие линии» по вопросам социальной защиты семьи и ребенка, начата работа по формированию списков детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, не имеющих закрепленного за ними жилья и состоящих на учете нуждающихся в жилых помещениях, для получения сертификатов за счет средств бюджета Республики Татарстан;

– проделана работа по формированию списков многодетных семей, состоящих на учете, нуждающихся в жилых помещениях для получения сертификатов за счет средств бюджета Республики Татарстан;

– проведена индивидуальная работа с кандидатами в приемные родители – семейный досуг на базе учреждений культуры (дни семейного отдыха, семейные творческие конкурсы, выставки семейного творчества и др.) по отдельному плану;

– оказана специализированная помощь подросткам в детских поликлиниках, женских консультациях;

– есть консультации юриста, психолога, врача для молодежи, вступающей в брак;

– оказана консультативная помощь родителям, дети которых имеют проблемы с выбором профессии и учебного заведения, установлены в центре занятости населения часы приема для консультирования родителей с детьми;

– осуществляется работа клуба «Молодая семья» при отделе ЗАГС;

– есть экскурсии для школьников на предприятия района «Профессия моих родителей»;

– деятельность школ будущих родителей в женских консультациях;

– в Год семьи был проведен ряд тематических мероприятий, направленных на пропаганду семейного образа жизни, позитивных семейных традиций, опыта воспитания детей и отношения к старшему поколению, таких как краеведческий конкурс «Семья», чествование многодетных семей, матерей на предприятиях района, праздничный вечер, посвященный Дню матери, классные часы в школах, посвященные Году семьи и др.

Социальное направление:

– содействие в предоставлении мер социальной поддержки семьям в соответствии с действующим законодательством;

– торжественное вручение сертификатов на материнский капитал;

– работа с предприятиями и организациями района по оказанию содействия в благотворительной деятельности, направленной на решение проблем семьи;

– акция «Собери ребенка в школу»;

– временная занятость детей в свободное от учебы и каникулярное время;

– комплексное медицинское обслуживание женщин-матерей, детей из малообеспеченных семей;

– установка приборов учета электрической энергии, холодной и горячей воды в квартирах многодетных семей (5 и более детей, приемные дети) на безвозмездной основе.

Итак, комплексная программа демографического развития Республики Татарстан учитывает специфику, традиции и особенности региона в сфере демографии, законодательно конкретизирует полномочия региональных и муниципальных органов власти и органов самоуправления в данной области. Ее реализация осуществляется с учетом результатов конкретно-социологического исследования в Республике Татарстан, проведенного с целью анализа мнения населения по основным демографическим проблемам, его ценностных установок и моделей поведения. Его выводы позволяют выделить первоочередные меры, которые должно предпринять государство для стабилизации рождаемости на республиканском и муниципальном уровне.

Социологическое исследование проводилось Центром перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан при участии автора в ноябре-декабре 2007 г. Выборочная совокупность исследования репрезентативна (5 %) и составляет 1100 единиц. Отбор респондентов от 18 лет осуществлялся на основе квотной выборки. Ее пропорции (пол, возраст, тип поселения) соответствуют основным социально-демографическим показателям населения Республики Татарстан. Исследование проводилось с целью анализа мнения населения по основным демографическим проблемам в Республике Татарстан и проводимым социальным преобразованиям. Его задачами стало выявление реальных и предпочтительных репродуктивных

установок населения республики, их особенностей в зависимости от типа поселения и возраста респондентов; определение факторов, влияющих на рождаемость, продолжительность жизни, миграцию; представление мнения населения о мерах, которые должно предпринять государство для улучшения демографической ситуации в республике.

Рассмотрим некоторые результаты исследования. Большинство респондентов из всех населенных пунктов считает, что ситуация с рождаемостью в республике нестабильная и требует ряда мер по ее улучшению. Они полагают, что ситуация с рождаемостью в РТ за последние 10 лет улучшилась (31,3%). Прогноз на изменение ситуации с рождаемостью в ближайшие 10 лет оптимистичен у всех опрошенных, больше всего верят в ее улучшение столичные респонденты (41,7%).

В целом семья в РТ является двухдетной – 41%, один ребенок у 24,6%, детей нет – у 18,9%, трое детей – у 11,2%, четверо – у 4,3%. Около 40% молодежи до 34 лет не имеет детей, семьи зрелого возраста в основном двухдетны, а пятая часть семей старшего возраста имеет троих детей.

Если сравнивать реальную ситуацию с предпочтительными установками респондентов, то они достаточно оптимистичны. Большинство опрошенных в РТ оптимальным для своей семьи, семьи своих детей считает наличие двоих детей (57,4 и 51,3% соответственно). Сами хотели бы иметь троих детей 15,3%, а в семье детей – 14,4%. Идеал средней российской семьи, по мнению респондентов из РТ, – это двухдетная (54,6%) или даже трехдетная семья (19,6%). Однодетность поддерживают 16,6% опрошенных, бездетность – 2,9%.

В то же время исследование показало, что реальное репродуктивное поведение населения далеко от предпочтительного. Так, больше не хочет иметь детей 51,5% опрошенных жителей РТ (с учетом всех возрастов). В ближайший три года планируют рождение первого или еще одного ребенка 10,6%; в сроки до пяти лет – 8,2%; в ближайший год и в сроки свыше пяти лет планируют пополнение в семье 4,9 и 3,6% соответственно. Казанцы хотят родить первого или последующего ребенка в ближайший год (4,2%), в течение трех лет – 10%, в течение пяти лет – 4,5%. Поведение жителей других городов схоже с поведением казанцев, но несколько больше родов, отложенных до пяти лет, – 11,3% и свыше пяти лет – 6,3%. На селе выше установки на рождение детей в ближайшие три года – 13,9%.

Рассмотрим реальное репродуктивное поведение респондентов из разных возрастных групп. Молодежь в возрасте от 18 до 24 лет в большинстве планирует рождение первого или еще одного ребенка в сроки до пяти лет (23%), в ближайшие три года – (18,7%, в ближайший год – 5,3%). Пока не определились 32,1%, не хотят иметь детей – 2,7%. Респонденты 25–34 лет

планируют рождение первого или еще одного ребенка в ближайшие три года – 23,7%, в сроки до пяти лет – 14,6%, в ближайший год – 12,6%. Среди этой возрастной категории много затруднившихся (22,7%) и тех, кто больше не хочет иметь детей – 18,2%. Зрелая возрастная когорта (35–44 года) также сохраняет некоторый репродуктивный потенциал. Так, 8% собираются иметь детей в ближайшие три года и 5,3% – в ближайший год.

Согласно оценкам респондентов по пятибалльной шкале, рейтинг основных факторов, влияющих на рождаемость населения республики, выглядит следующим образом. В первую тройку вошли семья (4,49), медицина (4,48), образ жизни человека (4,41), затем – экология (4,31), государство (4,19), место работы (4,11); некоторую роль играют система образования (3,57), религия (3,27), СМИ (2,88).

Наибольшее влияние на снижение рождаемости оказывают, по мнению респондентов, такие внешние причины как экономическая нестабильность, отсутствие должной поддержки государством семей с детьми, наркомания.

Среди внутрисемейных причин, которые могут повлиять на нежелание супругов иметь детей, респонденты в целом по Татарстану отметили отсутствие и нехватку жилой площади, низкий уровень дохода семьи.

Что касается мнения респондентов из разных типов поселений, то в качестве общих причин они называют отсутствие и нехватку жилой площади, а также низкий уровень дохода семьи. Жители Казани и других городов отметили неуверенность супругов в завтрашнем дне, а жители села – маленький размер детских пособий. Следующими по значимости причинами столичные жители назвали карьеризм супругов, маленький размер детских пособий и социально-экономическую незащищенность женщин при выходе в декретный отпуск. Жители других городов – маленький размер детских пособий, конфликтность супружеских отношений, карьеризм супругов. Жители села выделили конфликтность супружеских отношений, социально-экономическую незащищенность женщин при выходе в декретный отпуск и карьеризм супругов. Таким образом, предпочтительные репродуктивные установки населения РТ гораздо выше реального репродуктивного поведения, так как в современных условиях много факторов, негативно влияющих на рождаемость и процесс воспитания детей.

Как показали результаты исследований, респонденты ждут помощи от государства в решении своих проблем. Рассмотрим мнение населения о мерах, предпринимаемых государством для стабилизации рождаемости в республике. Большинство опрошенных респондентов в РТ оценило их как средние – 51,8%, плохие – 20,8%, хорошие – 6,1%.

Если рассматривать мнение о предпринятых мерах респондентов из различных типов поселе-

ний, то более лояльно их восприняли жители других городов, оценив как средние – 57,6%. Более критично настроены жители села, так как оценили меры как плохие – 24,7% и очень плохие – 24,2%. Наиболее критично настроена молодежь в оценке действий правительства РТ в решении проблемы рождаемости. Группа 18–24-летних оценивает их как плохие (15,5%) и очень плохие (18,2%).

Согласно мнению всех респондентов, опрошенных в РТ, государство для повышения рождаемости должно предпринимать следующие меры: увеличить размер пособий по уходу за ребенком, оказывать помощь в получении жилья семьям с детьми, увеличить размер пособий по беременности и родам.

В последние годы в качестве одной из существенных мер решения демографических проблем в России является реализация программы «Материнский капитал» – предоставление женщине за рождение второго ребенка сертификата на 250 тыс. руб. Отношение респондентов к этой программе следующее: 41,9% сомневаются в ее надежности и гарантиях, собираются ею воспользоваться 9,9%. Больше всего тех, кто собирается ею воспользоваться, – 11% респондентов в Казани и 10,5% в других городах. Собираются ею воспользоваться 16,5% 18–24-летних и 18,7% 25–34-летних.

Согласно ответам респондентов, размер каких пособий, выплачиваемых семьям с детьми, надо увеличить в первую очередь: 1) пособие по беременности и родам; 2) ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет; 3) единовременное пособие при рождении (усыновлении) ребенка.

Как показали исследования, кроме проблемы пособий современная семья с детьми испытывает жилищную проблему и надеется на помощь государства в ее решении. Респонденты выделяют следующие меры, целесообразные, с их точки зрения, для поддержки семьи в решении жилищных проблем: погашение за счет государства части долга по ипотечному кредиту в случае рождения детей; внесение государством первоначального взноса по ипотечному кредиту; предоставление государством семье, имеющей четырех и более детей, в собственность нового жилья с зачетом стоимости старого.

Сельские жители особо выделяют такие меры, как введение правовых и финансовых механизмов предоставления банками кредитов на жилье семьям при рождении четвертого и последующих детей с погашением процентов по кредитам за счет государства и предоставление застройщикам – семьям, имеющим трех и более детей, земельных участков в собственность под индивидуальное жилищное строительство по цене не более 1000 руб. за сотку.

Кроме решения проблемы пособий и жилья респонденты ждут от государства и других со-

циальных мер поддержки семей с двумя и более детьми, таких как снижение доли оплаты услуг ЖКХ в зависимости от числа детей в семье, предоставление «Сертификатов на образование» для оплаты получения высшего профессионального образования, предоставление семейных путевок для совместного отдыха.

В заключение выделим с помощью респондентов те социальные меры, которые необходимо предпринять для укрепления семьи и семейного образа жизни: пропаганда нравственных и семейных ценностей, формирование установок на создание полной, состоящей в законном браке семьи с двумя и более детьми; усиление воспитательной работы в учебных заведениях; создание центров помощи беременным женщинам и женщинам с детьми, оказавшимся в трудных жизненных ситуациях. Жители села, наряду с этим, особо вы-

делили необходимость демонстрации социальной рекламы антиалкогольной и антинаркотической тематики.

Примечания

- 1 См.: Демографическая модернизация России / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. С. 33–45
- 2 Указ Президента Российской Федерации от 11 октября 2007 г. «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N. –15.05.2009.
- 3 Комплексная программа демографического развития Республики Татарстан до 2010 года и на перспективу до 2030 года. Казань, 2008. Режим доступа: <http://mert.tatar.ru/rus/index.htm/news/14538.htm>

УДК[316.74:2+315.74:37] (470+571)

ПРАВОСЛАВИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е.Г. Сабаяев

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: Bratevgeny@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты введения в образовательное пространство духовно-нравственных традиций и значения православного образа жизни для становления личности.

Ключевые слова: духовно-нравственные традиции, социализация, образование.

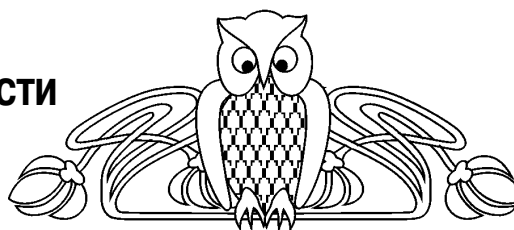
Orthodoxy as an Instrument of Socialization and Personality Formation in Contemporary Russia

E.G. Sabaev

In the article the aspects of the introduction in educational space intellectual, moral and scientific tradition are regarded. The focus of the article is the meaning of the orthodoxy living for intellectual and moral personality formation.

Key words: intellectual and moral traditions, socialization, education.

В 1992 г. вступил в силу Закон Российской Федерации «Об образовании», который внес духовно-исторические перемены в уклад жизни народа и государства (ст. 2 «О принципах государственной политики в области образования»). В январе 1996 г. был подписан новый Закон РФ «Об образовании», в котором сформулированные прежде принципы государственной политики в области образования полностью сохранены. При этом два положения получили новую редакцию. К принципам государственной политики этот закон

относит следующие: гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности; воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье; единство федерального культурного и образовательного пространства; защиту и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства.

В 1996 г. также был принят Закон РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». В ст. 8 в числе основных задач высшего учебного заведения значится сохранение и приумножение нравственных, культурных и научных ценностей общества. Ст. 3 указанного закона дает свободу педагогу излагать учебный предмет по своему усмотрению, выбирать темы для научных исследований и проводить их своими методами. Студенту предоставляется свобода получить знания согласно своим склонностям и потребностям. Закон ориентирует вузовскую науку на исследование духовно-нравственных традиций отечественного образования, изучение уклада жизни и форм национального опыта.

В 1997 г. был подписан Закон РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях». В преамбуле закона признается особая роль православия в истории России, становлении и развитии ее духовности и культуры. Закон ориентирован на интеграцию личности в национальную и мировую

циальных мер поддержки семей с двумя и более детьми, таких как снижение доли оплаты услуг ЖКХ в зависимости от числа детей в семье, предоставление «Сертификатов на образование» для оплаты получения высшего профессионального образования, предоставление семейных путевок для совместного отдыха.

В заключение выделим с помощью респондентов те социальные меры, которые необходимо предпринять для укрепления семьи и семейного образа жизни: пропаганда нравственных и семейных ценностей, формирование установок на создание полной, состоящей в законном браке семьи с двумя и более детьми; усиление воспитательной работы в учебных заведениях; создание центров помощи беременным женщинам и женщинам с детьми, оказавшимся в трудных жизненных ситуациях. Жители села, наряду с этим, особо вы-

делили необходимость демонстрации социальной рекламы антиалкогольной и антинаркотической тематики.

Примечания

- 1 См.: Демографическая модернизация России / Под ред. А.Г. Вишневецкого. М.: Новое издательство, 2006. С. 33–45
- 2 Указ Президента Российской Федерации от 11 октября 2007 г. «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N. –15.05.2009.
- 3 Комплексная программа демографического развития Республики Татарстан до 2010 года и на перспективу до 2030 года. Казань, 2008. Режим доступа: <http://mert.tatar.ru/rus/index.htm/news/14538.htm>

УДК[316.74:2+315.74:37] (470+571)

ПРАВОСЛАВИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е.Г. Сабаяев

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: Bratevgeny@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты введения в образовательное пространство духовно-нравственных традиций и значения православного образа жизни для становления личности.

Ключевые слова: духовно-нравственные традиции, социализация, образование.

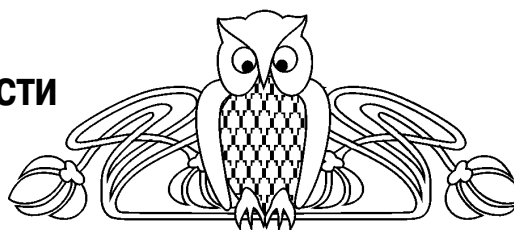
Orthodoxy as an Instrument of Socialization and Personality Formation in Contemporary Russia

E.G. Sabaev

In the article the aspects of the introduction in educational space intellectual, moral and scientific tradition are regarded. The focus of the article is the meaning of the orthodoxy living for intellectual and moral personality formation.

Key words: intellectual and moral traditions, socialization, education.

В 1992 г. вступил в силу Закон Российской Федерации «Об образовании», который внес духовно-исторические перемены в уклад жизни народа и государства (ст. 2 «О принципах государственной политики в области образования»). В январе 1996 г. был подписан новый Закон РФ «Об образовании», в котором сформулированные прежде принципы государственной политики в области образования полностью сохранены. При этом два положения получили новую редакцию. К принципам государственной политики этот закон

относит следующие: гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности; воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье; единство федерального культурного и образовательного пространства; защиту и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства.

В 1996 г. также был принят Закон РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». В ст. 8 в числе основных задач высшего учебного заведения значится сохранение и приумножение нравственных, культурных и научных ценностей общества. Ст. 3 указанного закона дает свободу педагогу излагать учебный предмет по своему усмотрению, выбирать темы для научных исследований и проводить их своими методами. Студенту предоставляется свобода получить знания согласно своим склонностям и потребностям. Закон ориентирует вузовскую науку на исследование духовно-нравственных традиций отечественного образования, изучение уклада жизни и форм национального опыта.

В 1997 г. был подписан Закон РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях». В преамбуле закона признается особая роль православия в истории России, становлении и развитии ее духовности и культуры. Закон ориентирован на интеграцию личности в национальную и мировую

культуру, свободу выбора и права на получение религиозного образования, действия и распространение религиозных убеждений, ответственность за оскорбление религиозных чувств.

Принятые вышеуказанные законы дают возможность говорить об особом служении государственной системы образования целям воспитания личности, которое заключается в защите национальной культуры. При этом образование рассматривается как механизм формирования духовно-нравственной культуры общества. Теоретическое осмысление и практический опыт духовно-нравственного становления бережно хранились православной церковью в Священном Писании, творениях Святых Отцов и учителей Церкви, работах православных педагогов, философов и классиков социологии.

Православию присуще убеждение в том, что человек способен к духовному единению с Богом. Это единение осуществляется через веру, под которой подразумевается не просто убежденность в существовании Бога, но и особый характер всей жизни верующего, соответствующий догматам и заповедям данной религии. Выбором веры человек свидетельствует о том, к чему он свободно стремится сердцем и мыслью. Этот факт подтверждает французский социолог Эмиль Дюркгейм. «Согласно афинскому праву, Сократ был преступником, и его осуждение было вполне справедливым. Между тем его преступление, а именно самостоятельность его мысли, было полезно не только для человечества, но и для его родины. Оно служило подготовке новой нравственности и новой веры, в которых нуждались тогда Афины, потому что традиции, которыми они жили до тех пор, не отвечали более условиям их существования»¹.

Любовь к Родине, освящаемая Церковью, составляет дорогое предание и наследие нашей истории и представляет ту великую силу, которая спасала Россию во все годы ее испытаний, объединяла, укрепляла, делала ее сильной внутри и могущественной извне. Под благотворным влиянием православия народ рос и креп в течение всей его исторической жизни. В области веры русский народ крепко держится отеческих преданий. Эта вера служит неиссякаемым источником нравственной силы народа, является залогом его будущего. В этом ключе Э. Дюркгейм пишет: «В каждый исторический момент в сознании каждого индивида для ясных идей, для обдуманных мнений – словом, для знания – существует определенное место, вне которого оно не может распространяться в нормальном состоянии. Так же и с нравственностью. Каждый народ имеет свою нравственность, определяемую условиями, в которых он живет. Невозможно поэтому навязать ему другую нравственность – как бы высока она ни была, – не дезорганизуя его; а такие потрясения не могут не ощущаться болезненно отдельными людьми. Но разве нравственность каждого обще-

ства, взятая сама по себе, не допускает безграничного развития предписываемых ею добродетелей? Никким образом. Поступать морально – значит исполнять свой долг, а всякий долг конечен»².

Любовь, свойственная каждому православному христианину, особенно нужна тем, кто занимается воспитанием людей. Любовь есть живая сила, образующая из любого учреждения, предприятия, института добрую семью, где воспитателю уготовано положение отца или матери. Любовь порождает доверие, а доверие любовь. Если наставляющий проникнут любовью истинной, бескорыстной, самоотверженной, ласковой, то воспитательное влияние его будет сильным и плодотворным. Эта любовь для своего выражения не требует слов, но показывает себя делами. Плодом ее будут взаимная любовь, и доверие воспитуемых к воспитателю, привязанность к нему, а вследствие этого и послушание – свободное, без принуждения. «Право и нравственность – это совокупность уз, привязывающих нас друг к другу и обществу, создающих из массы индивидов единый связанный агрегат. Морально, можно сказать, все то, что служит источником солидарности, все, что заставляет человека считаться с другими, регулировать свои движения не только эгоистическими побуждениями. И нравственность тем прочнее, чем сильнее и многочисленнее эти узы»³.

Культурным человек не рождается, а становится в процессе воспитания, образования и всей общественной жизни. Приобретение социокультурных черт и ценностей осуществляется социальным путем через механизм передачи их из поколения в поколение, когда каждый индивид, каждое новое поколение неизменно проходят собственный путь освоения культурного и духовно-нравственного наследия общества и его структур в процессе социализации. Благодаря ей человек приобщается к общественной жизни, получает и изменяет свои социальный статус и роль. В результате социального взаимодействия людей в малых и более или менее крупных социальных группах происходит усвоение человеком накопленных обществом знаний, опыта, духовно-нравственных и культурных ценностей. Немецкий социолог Георг Зиммель, касаясь этой темы, писал, что «задача прогрессирующей социализации состоит во все большем увеличении этой дани, дабы путь, ... по крайней мере, должен проходить через возможно большее число областей нравственного, помогая, таким образом, упрочить и расширить движение в этих областях»⁴. Далее автор подчеркивает негативную сторону, совершенные отдельными индивидами безнравственных проступков и деяний и что «...заслуга в этом должна быть приписана, конечно, не их воле, но социальному устройству, заставляющему отдельного человека в его безнравственных стремлениях следовать тому пути, на котором он обязан платить дань публичным учреждениям и, следовательно, публичному благу»⁵.

Учитывая высоту и важность воспитательно-го процесса, каждый кто готовится и приступает к этому жертвенному служению прежде всего должен понять, имеет ли он призвание к такому роду деятельности. Иметь призвание – значит быть призванным. Все силы, всю энергию и свои способности, всего себя он посвящает другим. Сам характер деятельности требует от воспитателя неистощимого терпения. Русский ученый-социолог Н.Я. Данилевский в своем главном труде «Россия и Европа» отмечает, что «нравственность заключалась единственно в чувстве меры, которое и есть все, что может дать эстетическое воспитание. Но это чувство меры – скорее основной принцип искусства наслаждаться жизнью, чем начало нравственно-религиозное, сущность которого всегда заключается в самопожертвовании»⁶. В этом произведении автор определяет деятельность религиозную как объемлющую собой отношение человека к Богу и понятие о своей судьбе как нравственно неотделимой от судьбы человечества и вселенной. Другими словами, речь идет о народном мировоззрении, но не теоретическом, доступном немногим, а о твердой вере, составляющей живую основу всей нравственной деятельности человека.

В основе православной школы мы видим один из вариантов системы образования, главным отличием которого является то, что человек не ставится в центр мироздания и не противопоставляется вселенной. Центром мироздания признается Творец «неба и земли», а человек входит в состав вселенской иерархии. Православное воспитание обращено к душе человека, к его внутреннему миру. Этим оно противоположно античной системе образования, с которой столкнулся христианский мир, возникший в рамках античной Римской империи. Православная система образования является носителем традиций, это особенное направление в духовной, общественной, научной или культурной жизни, то есть особый опыт жизни, связанный единством основных взглядов и идей. Следует согласиться с В.А. Ядовым в том, что включение ценностных ориентаций в структуру личности «позволяет уловить наиболее общие социальные детерминанты мотивации поведения, истоки которой следует искать в социально-экономической природе общества, его морали, идеологии, культуре, в особенностях социально-группового сознания той среды, в которой формировалась социальная индивидуальность и где протекает повседневная деятельность человека»⁷.

Мысль о необходимости и важнейшем значении гуманного, или общего, образования для представителей православной церкви создавалась и укреплялась в христианском обществе еще в III в. н.э. Наиболее влиятельным выразителем и двигателем этой мысли был знаменитый Ориген, которого чтит и к которому обращались за просвещением многие любознательные и даровитые умы

того времени. «Самым важным он считал соблюдение евангельских заповедей, в чем особенно и преуспел, показывая образец нестяжания и строгой аскетической жизни. Его поведение убедительно свидетельствовало о высоте его философии»⁸.

Были и другие богословские школы, каждая из которых развивала свой метод обучения и воспитания. Для примера возьмем Антиохийскую школу, или, как ее называют, Восточно-Сирийскую, с центром в Эдесе. Здесь в основе занятий лежал историко-грамматический принцип. Учащиеся разбирали, переписывали и заучивали сначала Пятикнижие Моисеево, затем книги пророков, затем благовестие Нового Завета. Вся ставка делалась на прилежание, память, на выработку правильного произношения при чтении священных текстов.

Вместе с тем история системы образования в России показывает многовековую, постепенный разрыв школы и церкви. Потеряв спасительный благодатный покров православной церкви, школа стала терять не только религиозно-нравственные основы своего бытия, но и свое национальное лицо. Она приобрела светский характер, что в рамках православного Российского государства имело характер антигосударственный. Дух оппозиции государству, дух протеста и скептицизма – неизменных спутников атеистической и безрелигиозной школы – сопровождал ее на всем протяжении последних десятилетий прошедшего века.

Современная школа сегодня представляет непрерывную череду образовательных реформ. Как правило, их суть сводится к стремлению изменить сознание человека, его воззрения и ценности и воспитать человека новой формации. Понимая, что в основе народных воззрений лежит религиозное воззрение, «реформаторы» основные усилия направляют на изменение именно этой основы. Длительное время в нашем обществе интенсивно внедрялось атеистическое мировоззрение. В школьной жизни мы встречаем ценности, близкие к традиционным, такие как коллективизм, взаимопомощь, чувство долга, ответственность, трудолюбие, дисциплинированность, воздержанность. Но были и явные противоречия. Чтобы прервать духовную традицию, была переписана история нашего государства. Целые пласты народной и духовной культуры были изъяты из образовательного пространства. Нельзя не согласиться с П.И. Новгородцевым, который отмечает, что, «отнимая нравственную ценность у отдельного лица, мы тем самым отнимаем ее у совокупности лиц, и наоборот, признавая нравственное значение за лицами, мы должны признать его и за союзом лиц, поскольку он утверждается на единстве присутствующего им идеала»⁹.

«Для того чтобы идеал общественного деятеля оказался реализуем, общество, – по мнению Н.И. Кареева, – должно предъявлять к нему определенные требования, которые будут определять его личностный облик и образовательную и

профессиональную подготовку». Мыслитель призвал обращать внимание на общее умственное и нравственное развитие представителя элиты, учитывать, «имеется ли у него уважение к личности, интерес к общественности, стремление к общему благу»¹⁰. Не можем мы оставаться равнодушными, если осмеивают самые дорогие наши убеждения, самые святые чувства. И в отстаивании этих убеждений мы должны быть тверды. В обществе, литературе, искусстве и на телевидении распространились мнения, подрывающие веру, авторитет церкви, ее служителей. Дух неверия и отступничества поразил не только образованные классы, но проник и в народ в виде ересей, раскола и лжеучений. Борьба с этими сектами и лжеучениями в основном ложится на плечи Церкви и ее служителей, но каждый православный христианин, а тем более руководители, учителя и родители не могут быть равнодушны в этой борьбе, но должны быть в ней деятельными союзниками и сотрудниками.

Чистота и твердость религиозных убеждений воспитателя любого уровня, несомненно, отражаются и на его воспитанниках. Искренняя религиозность полна любви и благих плодов. Она привлекает неиспорченные сердца и неотразимо влияет на них, а они инстинктивно, по внутренней чуткости своей природы угадывают ее правдивость. Поэтому религиозная настроенность в наставнике является живой воспитательной силой. Это подтверждает Н.И. Данилевский, говоря: «Если образование углубляет корни свои в народную жизнь и есть та же жизнь, только достигшая своего высшего развития, то, конечно, личности, обладающие этим образованием, имеют не только право, но и обязанность служить руководителями народа

как в его политической, так и в его умственной и нравственной жизни»¹¹.

Без воцерковления, без глубокого понимания задач церкви не может быть настоящего православного воспитания и образования. Вне церкви, вне ее Таинств непостижима полнота Божественной благодати. С социальной точки зрения наиболее важным является не только индивидуальное приобщение к благодатным силам церкви, но и создание церковной среды, церковного быта, благодатное преобразование социальной жизни, нашего единства в церкви и через церковь как начала благодатной соборности и социализации.

Примечания

- 1 Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод и назначение. М., 1995. Гл. 3. С. 15.
- 2 Дюркгейм Э. Социология. Хрестоматия: Учеб. пособие. Ижевск, 1995. С. 25.
- 3 Там же.
- 4 См.: Зиммель Г. Социальная дифференциация. М., 1909. С. 347.
- 5 Там же. С. 348.
- 6 См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003. Гл. XVII. С. 250.
- 7 См.: Ядов В.А. Образование и общество. 1999. № 2. С. 62.
- 8 См.: Евсевий П. // Богословские труды. 1984. Т. 25. С. 5–56.
- 9 См.: Новгородцев П.И. Социология. Хрестоматия. Саранск, 2000. С.281.
- 10 См.: Кареев Н.И. Мысли о сущности общественной деятельности. СПб., 1901. С. 131.
- 11 См.: Данилевский Н.Я. Указ. соч. Гл. XII. С. 252.

Слово молодым социологам

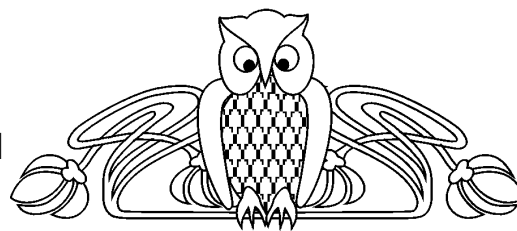
УДК 316.334.3

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ЕГО ОСВЕЩЕНИЕ В РОССИЙСКИХ СМИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

М.С. Ивченкова

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: ivchenkovams@yandex.ru

В статье на базе результатов социологического опроса выявляется отношение населения Москвы и Саратовской области к отражению в СМИ кризисной экономической ситуации в современной России, анализируются представления об эффективности антикризисных мер и процесса экономического реформирования, ставится проблема роли информационного взаимодействия СМИ, власти и социума в формировании адекватных индивидуальных стратегий экономической активности населения.

Ключевые слова: СМИ, антикризисное реформирование, общественное мнение, мировой экономический кризис.

World Economic Crisis and its Reflection Russian Mass Media through Social Opinion

M.S. Ivchenkova

The article tells about Moscow and Saratov region population attitude to crisis economic situation in modern Russia reflected in mass-media and presented in sociological polls. The analysis of anticrisis measures and the process of economic reformation is given. The problem of

профессиональную подготовку». Мыслитель призвал обращать внимание на общее умственное и нравственное развитие представителя элиты, учитывать, «имеется ли у него уважение к личности, интерес к общественности, стремление к общему благу»¹⁰. Не можем мы оставаться равнодушными, если осмеивают самые дорогие наши убеждения, самые святые чувства. И в отстаивании этих убеждений мы должны быть тверды. В обществе, литературе, искусстве и на телевидении распространились мнения, подрывающие веру, авторитет церкви, ее служителей. Дух неверия и отступничества поразил не только образованные классы, но проник и в народ в виде ересей, раскола и лжеучений. Борьба с этими сектами и лжеучениями в основном ложится на плечи Церкви и ее служителей, но каждый православный христианин, а тем более руководители, учителя и родители не могут быть равнодушны в этой борьбе, но должны быть в ней деятельными союзниками и сотрудниками.

Чистота и твердость религиозных убеждений воспитателя любого уровня, несомненно, отражаются и на его воспитанниках. Искренняя религиозность полна любви и благих плодов. Она привлекает неиспорченные сердца и неотразимо влияет на них, а они инстинктивно, по внутренней чуткости своей природы угадывают ее правдивость. Поэтому религиозная настроенность в наставнике является живой воспитательной силой. Это подтверждает Н.И. Данилевский, говоря: «Если образование углубляет корни свои в народную жизнь и есть та же жизнь, только достигшая своего высшего развития, то, конечно, личности, обладающие этим образованием, имеют не только право, но и обязанность служить руководителями народа

как в его политической, так и в его умственной и нравственной жизни»¹¹.

Без воцерковления, без глубокого понимания задач церкви не может быть настоящего православного воспитания и образования. Вне церкви, вне ее Таинств непостижима полнота Божественной благодати. С социальной точки зрения наиболее важным является не только индивидуальное приобщение к благодатным силам церкви, но и создание церковной среды, церковного быта, благодатное преобразование социальной жизни, нашего единства в церкви и через церковь как начала благодатной соборности и социализации.

Примечания

- 1 Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод и назначение. М., 1995. Гл. 3. С. 15.
- 2 Дюркгейм Э. Социология. Хрестоматия: Учеб. пособие. Ижевск, 1995. С. 25.
- 3 Там же.
- 4 См.: Зиммель Г. Социальная дифференциация. М., 1909. С. 347.
- 5 Там же. С. 348.
- 6 См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003. Гл. XVII. С. 250.
- 7 См.: Ядов В.А. Образование и общество. 1999. № 2. С. 62.
- 8 См.: Евсевий П. // Богословские труды. 1984. Т. 25. С. 5–56.
- 9 См.: Новгородцев П.И. Социология. Хрестоматия. Саранск, 2000. С.281.
- 10 См.: Кареев Н.И. Мысли о сущности общественной деятельности. СПб., 1901. С. 131.
- 11 См.: Данилевский Н.Я. Указ. соч. Гл. XII. С. 252.

Слово молодым социологам

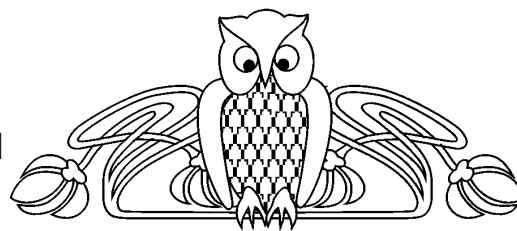
УДК 316.334.3

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ЕГО ОСВЕЩЕНИЕ В РОССИЙСКИХ СМИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

М.С. Ивченкова

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: ivchenkovams@yandex.ru

В статье на базе результатов социологического опроса выявляется отношение населения Москвы и Саратовской области к отражению в СМИ кризисной экономической ситуации в современной России, анализируются представления об эффективности антикризисных мер и процесса экономического реформирования, ставится проблема роли информационного взаимодействия СМИ, власти и социума в формировании адекватных индивидуальных стратегий экономической активности населения.

Ключевые слова: СМИ, антикризисное реформирование, общественное мнение, мировой экономический кризис.

World Economic Crisis and its Reflection Russian Mass Media through Social Opinion

M.S. Ivchenkova

The article tells about Moscow and Saratov region population attitude to crisis economic situation in modern Russia reflected in mass-media and presented in sociological polls. The analysis of anticrisis measures and the process of economic reformation is given. The problem of

mass media information interaction with power and society in the process of adequate individual strategies of population economic active is presented.

Key words: mass media, anticrisis reformation, social opinion, world economic crisis

Мировой экономической кризис, затронувший и Россию, достаточно часто является темой для разговоров людей на работе, дома, в кругу друзей, в транспорте. Бесспорно, повышенный интерес не является случайным. Аналитики прогнозировали весьма беспокойные времена на мировых рынках, поэтому опасения по поводу финансового положения, безработицы, роста цен оправданны, тем более что каждый день люди узнают из одних или других источников СМИ, как нестабильна экономическая система, чего стоит опасаться. На основе этого обыватели формируют собственное представление об экономической ситуации, которое может сильно отличаться от тех данных, которыми оперируют СМИ¹.

Правительство проводит экономические реформы, пытаясь убедить население в том, что это должно в конечном счете привести к положительному результату, к стабильности и достатку. Однако очень важно узнать, что же сами граждане думают на этот счет, считают ли они правильным проведение тех или иных экономических реформ.

Отношение россиян к кризисной экономической ситуации в стране в целом и к экономическим реформам проявляется через степень доверия к различным источникам СМИ, которые освещают события и преобразования, проводимые в государстве. Так, по результатам исследования² было выявлено, что экономической информации, публикуемой в журналах, доверяют 12,6% участников опроса (не доверяют – 35,5%, не определились с ответом – 51,9%). Информации Интернета доверяют чуть больше – 19,7% опрошенных (не доверяют – 13,8, затрудняются оценить – 66,5%). Сведениям, появляющимся на страницах газет федерального уровня, склонны доверять 16,8% опрошенных (не верят – 28,3%, 55% – не смогли определиться с точным ответом). Экономическим колонкам в местных газетах доверяют 9,2% ответивших (36,2% – оказывают недоверие, 54,6% респондентов выбрали ответ «трудно сказать»). Радионовостям оказывают доверие 16,5% опрошенных (не доверяют – 27,8%, 55,7% – затруднились с ответом). Экономической информации, озвучиваемой по ТВ, верят 6,7% (не верят – 22,7%, 70,6% участников опроса выбрали ответ «трудно сказать»). Таким образом, основная масса населения не склонна доверять СМИ как источнику экономической информации. Население полагает, что СМИ искажают многие данные, чтобы скрыть неблагоприятные моменты, что провоцирует искажение реальной экономической картины, формирование неадек-

ватных оценок и представлений об экономическом кризисе и, как следствие, принятие ложных решений в отношении собственного антикризисного поведения.

Доказательством данного тезиса служат результаты, показывающие отражение интересов в СМИ. 52,5% респондентов уверены, что в СМИ отражаются интересы государства и чиновничества. 31,5% опрошенных полагают, что СМИ ориентированы на потребности населения. Об ориентации СМИ на экономические интересы монополистов указали 9,5% опрошенных. 6,5% опрошенных уверены, что СМИ в первую очередь отстаивают собственные интересы.

Ответы на контрольные вопросы показали невысокий уровень информированности граждан, поскольку только 37,5% знают имя министра экономического развития – Эльвиры Сахипзадовой Набиуллиной. Германа Оскаровича Грефа на этой должности видят 34,5%. 28% респондентов не знают, какой человек находится на этой должности в данный момент.

Весомым доказательством невысокого уровня осведомленности является информированность респондентов об экономических реформах, проводимых в РФ. Самые известные реформы – жилищная (ипотека) – о ней знает 81% опрошенных, – земельная (81%), ЖКХ (79,9%), налоговая реформа (73,7%), поскольку они касаются каждого россиянина. Наименее известными являются реорганизация стабилизационного фонда (62%) и реформирование естественных монополий (39,5%). Не сталкиваясь с ними в повседневной жизни, население узнает об этих процессах лишь из СМИ.

Поскольку большинство населения не доверяет экономической информации, публикуемой в СМИ, закономерной является их низкая оценка степени своей информированности об экономической ситуации в стране. 72,5% опрошенных считают недостаточной экономическую информацию, публикуемую в местных газетах, 72% – в журналах, 69,5% – по радио, 65% – по ТВ. 64% опрошенных не довольны объемом экономических данных в газетах федерального значения, 55,5% ощущают недостаток информации в интернет-ресурсах. Данная негативная оценка широты освещаемой экономической информации говорит о том, что средства массовой информации не удовлетворяют потребности работающего населения, которое хотело бы больше знать не только о положительных и благоприятных изменениях в российской экономике, но и об определенных трудностях, угрозах, которые могут постигнуть любого работника в условиях кризиса.

Материальное положение населения обуславливает отношение граждан к экономике страны и позволяет выявить их адаптационный потенциал в кризисной ситуации. Опрос показал, что за чертой бедности (среднемесячный

доход на одного члена семьи составляет менее 4000 руб.) находится 1,5% опрошенного населения. 19% опрошенных имеют доход от 4001 до 7000 руб., что определяется как бедность. Низший средний класс (7001–10000 руб.) и средний слой этого класса (10001–20000 руб.) составляют примерно по 22%. 18,5% можно отнести к высшему слою среднего класса (их доход составляет 20001–30000 руб.). К элите (30001–75000 руб.) относится 17% участников опроса.

При оценке субъективного материального положения 0,5% респондентов отметили, что «не могут свести концы с концами», несмотря на то что по объективным признакам за чертой бедности оказывается большее число респондентов. 3% опрошенных указали, что «денег хватает на питание, да и то по минимуму». Проблема покупки вещей длительного пользования стоит перед 17,5% участников исследования. 38% респондентов отметили, что не могут себе позволить купить «дорогие вещи, такие как машина». В покупке квартиры или коттеджа себе отказывает 31% опрошенных. Не испытывают никаких материальных проблем 10% принявших участие в опросе. Можно сделать вывод о том, что среди опрошенных преобладают люди, которых можно отнести к низшему и среднему слоям среднего класса, что не является высоким показателем для страны с довольно широкими экономическими возможностями.

В силу недостаточной информированности население, не доверяя тезисам о необходимости участия денежных средств в рыночных отношениях, звучащим во всех средствах массовой информации, опасается за свои накопления (только 33,5% опрошенных указали на отсутствие у них свободных средств) и считает, что лучший способ сохранения денежных средств – хранение их у себя дома (26%). Вложению в недвижимость отдают предпочтение 14% опрошенных. Вкладывают деньги в развитие собственного дела 10,5%. Вкладчиками отечественных банков являются 9,5% участников опроса, а зарубежных – 6,5% всех респондентов. Таким образом, каждый третий россиянин не имеет возможности изыскивать в личном бюджете средства, которые можно было бы назвать «свободными».

Несмотря на то что у большинства населения имеются свободные средства, оно не в состоянии заставить «деньги работать на себя». Только 13,4% опрошенных отметили, что их сбережения важны как источник получения доходов, и 8,6% указали на проценты по вкладам в качестве такового. Иными словами, большинство населения не в состоянии самостоятельно демпфировать кризисную ситуацию. Пособие на детей имеют 13,5% опрошенных, скидки на жилье, коммунальные услуги получают 29,5%, различные пособия (по инвалидности, на детей) – 13% опрошенных. Большинство населения не имеет

финансовой поддержки со стороны государства, поэтому каждый четвертый прибегает к добычанию средств за счет заработка на дополнительной работе или за счет сдачи в наем квартиры, дачи. Помощь родственников важна для 8,2%. Иными словами, часть населения пытается пережить кризисное экономическое состояние за счет использования собственных ресурсов и сетевых взаимосвязей.

40,2% опрошенных весьма негативно относятся к произошедшим переменам за 2008 г., 34,2% смотрят оптимистично на происходящие события, утверждая, что произошедшие перемены к лучшему, 25,5% считают, что перемен в экономической сфере не произошло, 43,5% одобряют проводимые антикризисные меры и экономические реформы, 56,5% – нет. В качестве причин неодобрения указывалось, что «нет защиты от произвола» (45,6% ответивших), «не учитываются интересы народа» (32,4%). Фиктивный характер этих реформ наблюдают 21,9%. Однако при этом большинство опрошенных (70,4%) считает, что власть отражает интересы народа, только 29,6% придерживаются противоположной точки зрения. Можно предположить, что население четко понимает, что отражение интересов еще не значит следование интересам народа. Это подтверждается и данными всероссийских исследований³.

Прогнозируя последствия, которые повлекут за собой реформы, 20,5% респондентов пророчат рост инфляции, 17% считают, что нас ждет улучшение экономической ситуации в стране, 17% видят впоследствии рост безработицы, 14,5% надеются на экономическую стабильность, по 10,5% респондентов считают, что будет дефолт и рост недовольных, 10% участников исследования рассчитывают на привлечение иностранных инвестиций.

Подтверждая негативное отношение к проводимой в стране экономической политике, большинство респондентов (60,5%) считает Россию нестабильной страной. Оптимистов, придерживающихся точки зрения о стабильности и мощи страны, среди опрошенных 20,5%. Тем не менее 60,5% участников исследования не считают, что другие страны являются более стабильными, чем РФ, только 27,5% уверены в стабильности других стран. По прогнозам, составленным респондентами, 62% уверены в неизменности данной непростой экономической ситуации в стране, 32,5% – склонны думать, что экономическая ситуация поменяется.

Российская экономика, являясь не последним звеном в глобальной экономической цепи, во многом зависит от внешнеэкономических проблем, тенденций, влияний. Однако степень влияния мирового экономического кризиса на экономическую ситуацию в нашей стране неоднозначно отражается в мнении населения. Значительная доля опрошенных (49%) считает,

что мировые проблемы отрицательно повлияют на российскую экономику, 27,8% не уверены в этом, предполагают частичное влияние, 16,5% опрошенных твердо знают, что устои российской экономики ничто поколебать не сможет, 14,8% респондентов оптимистично предполагают, что мировая экономика окажет положительное влияние на ситуацию в России.

Таким образом, россияне недовольны качеством и количеством получаемой в СМИ экономической информации, не доверяют ей и, опасаясь за свое нестабильное материальное благополучие, очень осторожно относятся к активной рыночной экономической деятельности. Они в большей своей части не довольны проводимыми экономическими преобразованиями, которые, по их мнению, приведут страну к негативным последствиям, что способствует у них выработке индивидуальных стратегий выживания в кризисных условиях преимущественно за счет собственных и сетевых ресурсов социально-экономического взаимодействия.

УДК: 316.342.5 (316.342.6, 316.442)

СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ В РАКУРСЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

И.С. Галиева

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье анализируются основные методологические подходы к социологическому изучению процесса социального расслоения в современном российском обществе и раскрываются основные слюевые характеристики россиян.

Ключевые слова: социальное расслоение, трансформация, средний слой, элита.

Social Stratification from the Main of View of Transformation Processes in Modern Russia

I.S. Galieva

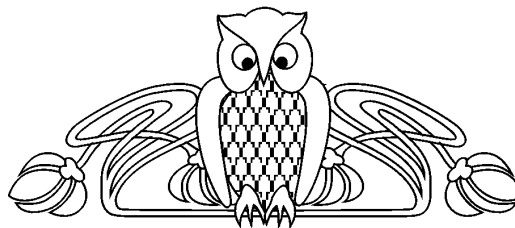
This article deals with the main methodological approaches to the sociological study of the process of social stratification in modern Russia society. The principal characteristics of the Stratification of Russia people are considered.

Key words: social stratification, transformation, middle class, elite.

Социальное расслоение стало одним из самых распространенных и самых болезненных явлений в современной России. В советский период развития доминировало трехзвенное видение социальной организации нашего общества (классы рабочих, крестьян и слой интеллигенции). М. Джилас, М. Восленский и другие исследователи¹ критиче-

Примечания

- ¹ Газета «Коммерсант». 2008. 30 янв. № 13 (3830); Мировая и российская экономика: оценки и прогнозы. Всерос. опрос, проведенный Фондом общественного мнения в феврале 2008 г. //http://bd.forum.ru/report/cat/business/d080623. – 15.09.09.
- ² В июле-августе 2008 г. на территории двух городов – Саратова и Москвы – автором был проведен социологический опрос работающего населения в возрасте от 25 до 65 лет на тему «Отношение к экономическим реформам, реализуемым в стране». Выборочная совокупность составила 200 человек. 47% опрошенных мужчины и 53% – женщины. По возрастному признаку результаты следующие: молодежь (25–34 года) – 26,5%, люди среднего возраста (35–49 лет) составили 40,5%, а также старшая возрастная группа (50–64 года) – 33% опрошенных.
- ³ См.: Мировая и российская экономика: оценки и прогнозы. Всерос. опрос, проведенный Фондом общественного мнения в феврале 2008 г.

ски рассматривали официальную концепцию трехкомпонентной социально-классовой структуры «общества реального социализма». Они считали, что по сути квазисоциалистическое общество было номенклатурно-классовым, сословным. Существование этой системы маскировалось предоставлением всем гражданам некоторого количества бесплатных медицинских услуг и образования, дешевого жилья, мест в детских учреждениях, путевок в дома отдыха и т.д. В результате резкие различия в благосостоянии нижних и верхних слоев общества сочетались с видимостью «справедливого» распределения доходов².

Развитие рыночных отношений разрушило это ненадежное равновесие. Резко ускорился процесс социального расслоения населения. По данным специальных исследований, в конце 1980-х гг. децильный коэффициент дифференциации доходов не превышал 4,5, в 1993 г. он составил 7,8, а осенью 1995 г. уже 10,5. Сходную картину рисует и государственная статистика: осенью 2005 г. разница между уровнями доходов, получаемых 10% наиболее и наименее обеспеченных россиян, составляла 25–30 раз³.

На протяжении 90-х гг. XX в. только вырисовывались контуры «переходной эпохи». Сейчас можно констатировать некоторые характеристики социетальной трансформации, которые, как справедливо отмечает Т.И. Заславская, необходимо оценить по трем важным осям: а) эффективности

что мировые проблемы отрицательно повлияют на российскую экономику, 27,8% не уверены в этом, предполагают частичное влияние, 16,5% опрошенных твердо знают, что устои российской экономики ничто поколебать не сможет, 14,8% респондентов оптимистично предполагают, что мировая экономика окажет положительное влияние на ситуацию в России.

Таким образом, россияне недовольны качеством и количеством получаемой в СМИ экономической информации, не доверяют ей и, опасаясь за свое нестабильное материальное благополучие, очень осторожно относятся к активной рыночной экономической деятельности. Они в большей своей части не довольны проводимыми экономическими преобразованиями, которые, по их мнению, приведут страну к негативным последствиям, что способствует у них выработке индивидуальных стратегий выживания в кризисных условиях преимущественно за счет собственных и сетевых ресурсов социально-экономического взаимодействия.

УДК: 316.342.5 (316.342.6, 316.442)

СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ В РАКУРСЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

И.С. Галиева

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье анализируются основные методологические подходы к социологическому изучению процесса социального расслоения в современном российском обществе и раскрываются основные слюевые характеристики россиян.

Ключевые слова: социальное расслоение, трансформация, средний слой, элита.

Social Stratification from the Main of View of Transformation Processes in Modern Russia

I.S. Galieva

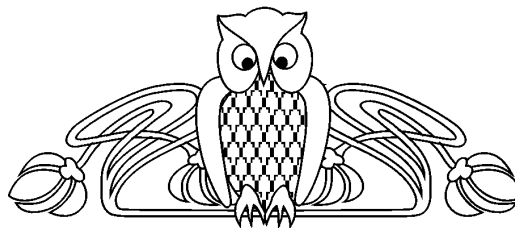
This article deals with the main methodological approaches to the sociological study of the process of social stratification in modern Russia society. The principal characteristics of the Stratification of Russia people are considered.

Key words: social stratification, transformation, middle class, elite.

Социальное расслоение стало одним из самых распространенных и самых болезненных явлений в современной России. В советский период развития доминировало трехзвенное видение социальной организации нашего общества (классы рабочих, крестьян и слой интеллигенции). М. Джилас, М. Восленский и другие исследователи¹ критиче-

Примечания

- ¹ Газета «Коммерсант». 2008. 30 янв. № 13 (3830); Мировая и российская экономика: оценки и прогнозы. Всерос. опрос, проведенный Фондом общественного мнения в феврале 2008 г. //http://bd.forum.ru/report/cat/business/d080623. – 15.09.09.
- ² В июле-августе 2008 г. на территории двух городов – Саратова и Москвы – автором был проведен социологический опрос работающего населения в возрасте от 25 до 65 лет на тему «Отношение к экономическим реформам, реализуемым в стране». Выборочная совокупность составила 200 человек. 47% опрошенных мужчины и 53% – женщины. По возрастному признаку результаты следующие: молодежь (25–34 года) – 26,5%, люди среднего возраста (35–49 лет) составили 40,5%, а также старшая возрастная группа (50–64 года) – 33% опрошенных.
- ³ См.: Мировая и российская экономика: оценки и прогнозы. Всерос. опрос, проведенный Фондом общественного мнения в феврале 2008 г.

ски рассматривали официальную концепцию трехкомпонентной социально-классовой структуры «общества реального социализма». Они считали, что по сути квазисоциалистическое общество было номенклатурно-классовым, сословным. Существование этой системы маскировалось предоставлением всем гражданам некоторого количества бесплатных медицинских услуг и образования, дешевого жилья, мест в детских учреждениях, путевок в дома отдыха и т.д. В результате резкие различия в благосостоянии нижних и верхних слоев общества сочетались с видимостью «справедливого» распределения доходов².

Развитие рыночных отношений разрушило это ненадежное равновесие. Резко ускорился процесс социального расслоения населения. По данным специальных исследований, в конце 1980-х гг. децильный коэффициент дифференциации доходов не превышал 4,5, в 1993 г. он составил 7,8, а осенью 1995 г. уже 10,5. Сходную картину рисует и государственная статистика: осенью 2005 г. разница между уровнями доходов, получаемых 10% наиболее и наименее обеспеченных россиян, составляла 25–30 раз³.

На протяжении 90-х гг. XX в. только вырисовывались контуры «переходной эпохи». Сейчас можно констатировать некоторые характеристики социетальной трансформации, которые, как справедливо отмечает Т.И. Заславская, необходимо оценить по трем важным осям: а) эффективности

базовых институтов; б) социальным структурам; в) уровню человеческого потенциала⁴. Современные представления о социальном расслоении общероссийского и регионального пространства носят многоуровневый характер и акцентируют внимание на действующем индивиде как источнике и результате данного процесса.

К концу XX в. в России постепенно начался процесс формирования социальных групп собственников – крупных, средних и мелких – с доходом в виде прибыли, поступлений от денежных операций. По данным Института комплексных социальных исследований РАН, богатых людей в стране сегодня около 5% населения (до 7 млн человек – с членами семей)⁵. Произошло ослабление цепи взаимосвязи «власть – собственность» и складывание специфических контракт-отношений между чиновниками и бизнесменами⁶. По сути, в России сложился специфический «административный» рынок, отражающий процесс интеграции прежних властных структур и людей в новые институционально-рыночные образования. Это наложило отпечаток и на характер формирования российской и региональной элиты. Ее тесная взаимосвязь и зависимость от власти затормозили процесс ее институционализации. Сегодня трудно отделить политическую элиту от бюрократии экономической, промышленной, торговой, банковской и других ее разновидностей.

Развитие рыночных отношений в сфере экономики, появление новых форм собственности вызвало активный процесс становления так называемого среднего класса – слоя предпринимателей, которые имеют пока небольшой удельный вес в общей структуре общества, но в будущем, видимо, они будут играть более значительную стабилизационную роль как в экономике, так и в политике. В сельской местности развивается слой фермеров, т.е. крестьян-собственников, в городе – слой мелких, средних и крупных предпринимателей.

Доля россиян, не имеющих собственных капиталов, как и доступа к распределению государственных и иных благ, за последние годы немного уменьшилась, но они по-прежнему составляют самую массовую часть общества. Экономический потенциал этих людей определяется уровнем доходов от работы по найму. Главные же сдвиги в их положении заключаются, во-первых, в гораздо более резкой, чем прежде, имущественной поляризации и, во-вторых, в почти полном исчезновении зависимости между трудом и доходом. Результаты социологических исследований подтверждают: в массовом сознании бытует представление, что богатство в наше время приобретено многими индивидами и группами несправедливо⁷.

Подавляющее большинство россиян относится к этому сравнительно слабо дифференцированному базовому слою общества. Общественная значимость этого слоя связана с тем, что он концентрирует основную часть трудового и потребительского потенциала России, ее электората и

армии. Однако его интересы слабо артикулированы, а поведение в деловой и политической сферах отличается низкой активностью. Нижний слой, по проведенным в ходе исследования расчетам, составляет менее десятой части экономически активного населения. Но, думается, с учетом не попадающих в социологические опросы люмпенизированных групп населения его доля составляет не менее 12–15%⁸.

Социальные слои российского общества обладают разным деятельностно-адаптационным потенциалом. Отсюда качественно различная роль этих слоев в трансформационном процессе. Они различаются и по прескриптивным признакам, детализирующим картину существенного неравенства. Например, велика разница в положении мужчин и женщин: в верхнем слое женщин в 4 раза меньше, чем в нижнем, а доля мужчин – в 3 раза больше. Младшие поколения адаптируются к новым условиям намного легче и эффективнее, чем старшие. В верхнем слое молодежи почти в 2 раза больше, чем в нижнем, а пожилых людей – в 20 раз меньше⁹. Национальный аспект стратификации российского общества выражается в том, что в верхних слоях заметно больше доля нерусского населения, чем в нижних. Представители сравниваемых слоев существенно различаются типом мест своего проживания, уровнем образования, квалификации и пр. Все это свидетельствует, что социальные слои российского общества располагают весьма различными социально-демографическими предпосылками и социокультурными капиталами для адаптации к новым условиям и участия в социально-инновационной деятельности.

Таким образом, по мере развития рыночных отношений в российском обществе происходят значительные изменения как позитивного, так и негативного характера. Происходит расслоение общества на богатых и бедных, значительно усиливая процесс социальной дифференциации, а также социальной мобильности, когда большие массы людей переходят в силу разных причин из одного социального слоя в другой и т.д. Можно констатировать в нашей стране формирование стабильного узкого слоя элиты. В недрах обостренного социального расслоения постепенно растет средний класс, тоже дифференцирующийся на нижний и верхний слои. Наиболее активны в нем молодежь, получающая профессиональное образование, специалисты¹⁰. Однако социальное расслоение современного российского общества носит неравновесный характер, поскольку основную часть его составляет базовый слой, находящийся в крайне неблагоприятном положении. Низкий статус и трудное материальное положение не позволяют ему найти достойное место в рыночной экономике, приспособиться к новым экономическим условиям. Дальнейшее ухудшение положения базового и нижнего слоев может поставить под угрозу социальную стабильность общества. Остро стоит проблема социальной справедливости,

социальной защиты интересов малоимущих слоев населения, людей, оказавшихся в результате этих явлений неспособными быстро адаптироваться и развиваться в данной среде, – пенсионеров, студентов, военнослужащих и т.д. Таким образом, социальное расслоение российского общества носит сложный характер, когда выделяются различные по своей роли социальные общности, складываются неоднозначные взаимосвязи между ними.

Это вызывает необходимость учета особенностей социального расслоения населения в ходе выработки основных стратегий общероссийского и регионального развития общества.

Примечания

- 1 См.: *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991; *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992; *Замогильный С.И.* Эволюция теорий классов и современность. Саратов, 1989; *Ильин В.И.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917 – 1996 гг. Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар, 1996; *Росс Л., Нусбетт Р.* Человек и ситуация. М., 2000.
- 2 Социальное самочувствие и ценности населения послекризисной России. Науч. семинар. Аналит. докл. «Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России» Ч. 3. Социальное расслоение российского общества //

<http://www.liberal.ru/sitan.asp>. Гражданское общество: теория, история, современность / Под ред. Д.Ю. Столярова. М., 2003; *Лапин Н.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России? Аналит. докл. <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=339>. – 05.06.2009.

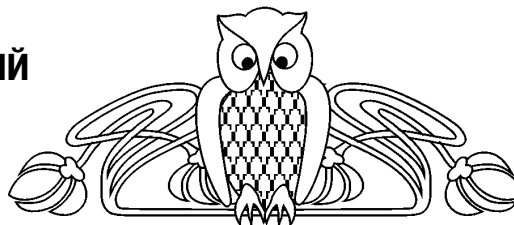
- 3 Социальное самочувствие и ценности населения послекризисной России: Аналит. докл. <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=339>. – 02.04.2009.
- 4 Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации. М., 2003. С. 393.
- 5 См.: *Бондаренко Н.* Типология личного потребления населения России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 1. С. 33–44.
- 6 См.: *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М., 1996. С. 8–15, 265–286.
- 7 *Лапин Н.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России? Аналит. докл. <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=339>. – 05.06.2009.
- 8 Гражданское общество: теория, история, современность. Эл. версия: <http://www.auditorium.ru/aud/p/index.php5319>. – 04.06.2009.
- 9 См.: Гражданское общество: теория, история, современность. М., 2003; *Лапин Н.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России? Аналит. докл. Ч. 3.
- 10 Социальное самочувствие и ценности населения послекризисной России. Социальное расслоение российского общества.

УДК 316.334:37

РАБОТОДАТЕЛЬ И РАБОТНИК – ОСНОВНОЕ ПОЛЕ ПРОБЛЕМ И ТРЕБОВАНИЙ

М.С. Перминова

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: ms-perminova@rambler.ru

Развитие человеческих ресурсов и подготовка квалифицированных кадров имеют ключевое значение для подъема экономики России и ее интеграции в мировое экономическое пространство. Однако рыночная экономика предъявляет повышенные требования к качеству рабочей силы, ее образовательному, профессиональному и квалификационному уровню. Всё это оказывает огромное влияние на особенности формирования, распределения и использования трудовых ресурсов, соотношение между потребностями рынка труда в рабочих и специалистах и предложением учреждений профессионального образования.

Ключевые слова: рынок образовательных услуг, потребители образовательных услуг, рынок труда, современный работодатель.

The Employer and the Worker – the Basic Field of Problems and Requirements

M.S. Perminova

Development of human resources and preparation of the qualified staff have key importance for rise of economy of Russia and its

integration in global economic space. However, the market economy shows increased requirements to quality of a labour, its educational, professional and qualifying level. It renders huge influence on feature of formation, distribution and use of a manpower, parity between needs of the market of work for the workers both experts and offer of establishments of vocational training.

Key words: market of educational services, consumers of educational services, labour market, modern employer.

Переход от индустриальной эпохи к качественно новому, постиндустриальному развитию способствует тому, что в настоящее время экономика развитых стран все больше базируется на интеллекте, нежели на материальной основе. На современном этапе развития человеческой цивилизации основным фактором прогресса становятся не капитал и средства производства, а знания и новые идеи. Именно поэтому сформировавшийся с переходом к рыночным отношениям рынок

социальной защиты интересов малоимущих слоев населения, людей, оказавшихся в результате этих явлений неспособными быстро адаптироваться и развиваться в данной среде, – пенсионеров, студентов, военнослужащих и т.д. Таким образом, социальное расслоение российского общества носит сложный характер, когда выделяются различные по своей роли социальные общности, складываются неоднозначные взаимосвязи между ними.

Это вызывает необходимость учета особенностей социального расслоения населения в ходе выработки основных стратегий общероссийского и регионального развития общества.

Примечания

- 1 См.: *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991; *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992; *Замогильный С.И.* Эволюция теорий классов и современность. Саратов, 1989; *Ильин В.И.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917 – 1996 гг. Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар, 1996; *Росс Л., Нусбетт Р.* Человек и ситуация. М., 2000.
- 2 Социальное самочувствие и ценности населения послекризисной России. Науч. семинар. Аналит. докл. «Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России» Ч. 3. Социальное расслоение российского общества //

<http://www.liberal.ru/sitan.asp>. Гражданское общество: теория, история, современность / Под ред. Д.Ю. Столярова. М., 2003; *Лапин Н.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России? Аналит. докл. <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=339>. – 05.06.2009.

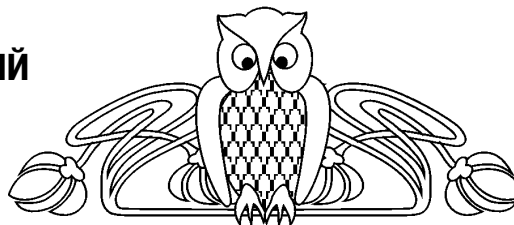
- 3 Социальное самочувствие и ценности населения послекризисной России: Аналит. докл. <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=339>. – 02.04.2009.
- 4 Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации. М., 2003. С. 393.
- 5 См.: *Бондаренко Н.* Типология личного потребления населения России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 1. С. 33–44.
- 6 См.: *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М., 1996. С. 8–15, 265–286.
- 7 *Лапин Н.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России? Аналит. докл. <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=339>. – 05.06.2009.
- 8 Гражданское общество: теория, история, современность. Эл. версия: <http://www.auditorium.ru/aud/p/index.php5319>. – 04.06.2009.
- 9 См.: Гражданское общество: теория, история, современность. М., 2003; *Лапин Н.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России? Аналит. докл. Ч. 3.
- 10 Социальное самочувствие и ценности населения послекризисной России. Социальное расслоение российского общества.

УДК 316.334:37

РАБОТОДАТЕЛЬ И РАБОТНИК – ОСНОВНОЕ ПОЛЕ ПРОБЛЕМ И ТРЕБОВАНИЙ

М.С. Перминова

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: ms-perminova@rambler.ru

Развитие человеческих ресурсов и подготовка квалифицированных кадров имеют ключевое значение для подъема экономики России и ее интеграции в мировое экономическое пространство. Однако рыночная экономика предъявляет повышенные требования к качеству рабочей силы, ее образовательному, профессиональному и квалификационному уровню. Всё это оказывает огромное влияние на особенности формирования, распределения и использования трудовых ресурсов, соотношение между потребностями рынка труда в рабочих и специалистах и предложением учреждений профессионального образования.

Ключевые слова: рынок образовательных услуг, потребители образовательных услуг, рынок труда, современный работодатель.

The Employer and the Worker – the Basic Field of Problems and Requirements

M.S. Perminova

Development of human resources and preparation of the qualified staff have key importance for rise of economy of Russia and its

integration in global economic space. However, the market economy shows increased requirements to quality of a labour, its educational, professional and qualifying level. It renders huge influence on feature of formation, distribution and use of a manpower, parity between needs of the market of work for the workers both experts and offer of establishments of vocational training.

Key words: market of educational services, consumers of educational services, labour market, modern employer.

Переход от индустриальной эпохи к качественно новому, постиндустриальному развитию способствует тому, что в настоящее время экономика развитых стран все больше базируется на интеллекте, нежели на материальной основе. На современном этапе развития человеческой цивилизации основным фактором прогресса становятся не капитал и средства производства, а знания и новые идеи. Именно поэтому сформировавшийся с переходом к рыночным отношениям рынок

труда должен обязательно дополняться рынком образовательных услуг.

Рынок образовательных услуг – это система экономических отношений между различными субъектами по поводу купли-продажи образовательных услуг, становящихся в силу этого товаром. Основной для данного рынка является функция связующего звена между производством и потреблением образовательных услуг как смешанных благ¹.

В силу специфики товара рассматриваемого рынка существуют особенности производства и потребления образовательных услуг. В частности, они производятся и потребляются одновременно. Потребитель образовательной услуги обязательно участвует в ее же производстве. Без его активного интеллектуального участия процесс теряет смысл. Если нет заинтересованности потребителя в образовательных услугах, результатом бывает, как правило, получение профессионального образования исключительно для «корочки», уже изначально не предполагая дальнейшей работы в соответствии с приобретенной профессией.

Для успешной деятельности в условиях рынка «производители» образовательных услуг должны ориентироваться на требования своих потребителей и прилагать все усилия, чтобы наиболее полно их удовлетворять.

На сегодняшний день существует глубокое внутренне расхождение в представлениях производителя и потребителя о том, что такое качественное образование. Производитель и потребитель ориентированы на совершенно разные критерии оценки конечного результата. Потребитель, вступая во взаимоотношения с производителем (образовательным учреждением), знает, что хочет получить в конце процесса, – это карьерная перспектива. Потребителю образовательных услуг необходимо не абстрактное академическое совершенство, а получение образования, позволяющего эффективно выйти на рынок труда².

К потребителям образовательных услуг вуза можно отнести как отдельных личностей – студентов/слушателей, – так и компании и организации. Предприятия и организации участвуют в формировании спроса на те или иные виды образовательных услуг и в определении особых требований к их качеству через профессиональные и должностные требования к своим будущим работникам³.

С рынка труда поступают достаточно четкие сигналы, определяющие поведение нынешних и потенциальных работников. Эти сигналы дают импульсы к развитию образования. Высшее образование в настоящее время воспринимается как императивное требование работодателя, необходимое, но не достаточное условие для получения рабочего места в эффективном сегменте рынка. С одной стороны, присущие трудовой

сфере сложность и динамичность порождают нередко у выпускников вузов неточные представления о ней, неадекватные ожидания, а с другой – работодатель не получает того работника, который ему нужен, и вынужден инвестировать средства в переобучение кадров. Происходит изменение требований к рабочей силе не только в профессионально-квалификационной сфере труда, но и в социально-психологической, социально-культурной плоскостях. Если основными качествами работника в эпоху промышленного капитализма были дисциплина, жесткая организационная иерархия, исполнительность, то новые императивы ориентируют на большую инициативу и самостоятельность, способность работать во временных рабочих группах (командах), высокую мотивацию к переобучению.

По результатам многих социологических исследований, кадровый вопрос занимает третье место среди проблем, стоящих перед предприятиями. По своей остроте эта проблема уступает лишь двум другим – инвестициям и сбыту продукции. Работодатели освоили широкий спектр каналов подбора персонала. Так, для государственных предприятий самым предпочтительным способом подбора персонала являются связи с высшими учебными заведениями. Для частных (индивидуальных) предприятий и предприятий, являющихся обществами с ограниченной ответственностью, – личные связи, поиск через рекрутинговые агентства и публикацию объявлений в средствах массовой информации; для акционерных обществ – личные связи, рекрутинговые агентства, профессиональные ассоциации и связи с вузами. Данные о зависимости выбора способов подбора персонала от экономического положения предприятия свидетельствуют о том, что чем лучше экономическое положение предприятия, тем большим спектром каналов набора кадров пользуется работодатель и тем чаще он обращается в рекрутинговые агентства. Государственные центры занятости относятся к наименее востребованным работодателями каналам подбора персонала.

Требования работодателей к нанимаемым работникам весьма разнообразны. Имеют значение: опыт работы (86,1%); уровень образования (80,4%); имеющиеся у кандидатов связи (72,9%); профессиональные качества кандидатов (61,2%); различные рекомендации (26,5%)⁴.

Современный российский работодатель весьма требователен. Он осознает остроту кадровой проблемы, использует широкий спектр каналов набора кадров, склонен обучать и переобучать собственных работников, а при приеме на работу отдает предпочтение имеющим опыт работы и обладающим связями.

Получаемое сегодня высшее образование в большей степени является не специальным, а универсальным, его ценность определяется суммой не знаний, а компетенций, которые как раз

реализуются в новой структуре экономики. Отчасти эти тенденции идут параллельно с мировыми трендами, но есть и отличия. Карьерный рост гибких универсальных работников в развитых экономиках зависит от их профессионализма, а в нашей стране – прежде всего от «социального» капитала (связей, знакомств) и лояльности работодателю⁵.

Таким образом, при условии обеспечения учета и максимально возможного уровня удовлетворения образовательными учреждениями потребностей потребителей образовательных услуг будет решена такая важная проблема, как работа выпускника вуза по специальности.

УДК 316. 334. 22 (470+571)

ГРАЖДАНСКАЯ ЖИЗНЬ ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА: ИХ ТРУДНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Р.В. Рыбаков

Саратовский государственный университет,
кафедра регионоведения
E-mail: rever2@mail.ru

В статье рассматривается процесс адаптации офицерского состава, уволенного из рядов Вооружённых сил. В частности, акцентируется внимание на проблемах бывших военнослужащих, с которыми им приходится сталкиваться, оказавшись за рамками военной действительности.

Ключевые слова: военнослужащий, социальная защита, социальная помощь.

Civil Life of Reserve Officers: Their Difficulties and a Problem

R.V. Rybakov

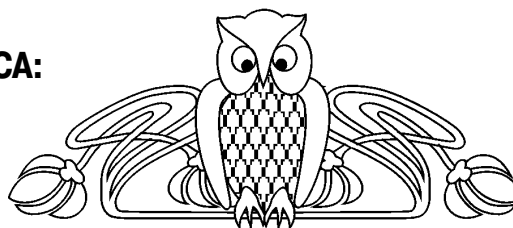
This article is devoted to consideration of process of adaptation of an officers dismissed of numbers of Armed forces. In particular a focus is brought to problems of former military men, which they should collide, having appeared for frameworks of the military validity.

Key words: military person, social protection, social help.

Реформы, начавшиеся в начале 90-х гг. прошлого века, по сокращению численности состава Вооружённых сил России продолжают и по настоящее время. По информации Министерства обороны, в ближайшее время количество военнослужащих должно сократиться до 1 млн человек. В данном случае речь идёт о сокращении не только числа призывников, проходящих срочную службу, но и количества профессиональных кадровых военных. Следовательно, в ближайшее время стоит ожидать увеличения числа людей, оказавшихся на рынке труда в поисках работы. Стоит отметить, что при увольнении в запас только небольшая часть военнослужащих успешно меняет род занятий и утверждает себя в новых сферах жизни и

Примечания

- ¹ См.: Лукашенко М.А. Высшее учебное заведение на рынке образовательных услуг: актуальные проблемы управления. М., 2003. С. 368.
- ² См.: Рынок труда и рынок образовательных услуг в субъектах Российской Федерации. М., 2007. С. 84.
- ³ См.: Сагинова О. Природа и характеристика образовательных услуг // Маркетинг. 2005. № 3 (82). С. 59.
- ⁴ См.: Требования работодателей к системе профессионального образования. М., 2006. С. 64.
- ⁵ См.: Аврамова Е. М., Верпаховская Ю.Б. Работодатели и выпускники на рынке труда: взаимные ожидания // Социс. 2006. № 4. С. 44.

деятельности. Для большинства же военнослужащих, да и членов их семей, увольнение из армии – весьма болезненное состояние, приводящее порой к потере жизненной перспективы и крушению надежд, так как им трудно адаптироваться к новым для себя условиям и стилю взаимоотношений в современном гражданском обществе. Такая ситуация часто провоцирует финансовые и экономические трудности, ограничения в выборе работы, жилищные проблемы, невротические состояния, асоциальное поведение и т.д.

По данным Министерства обороны Российской Федерации, только в 1992–2004 гг. было уволено в запас более 2 млн офицеров, прапорщиков и мичманов. Всего же в результате таких сокращений в адаптации к новым жизненным условиям нуждается более 5 млн человек. При этом заметим, что подавляющее большинство увольняемых кадровых военнослужащих относится к возрастной категории 35–50 лет. Они обладают хорошей профессиональной подготовкой и, как правило, имеют высшее образование. У них имеется опыт управления большими коллективами, решения масштабных задач и вопросов воспитательной работы. Другими словами, это экономически активная часть населения.

За последние годы число защитников Отечества сократилось на несколько миллионов человек. Ежегодно ряды уволенных в запас пополняют всё новые и новые кадровые офицеры. На сегодняшний день количество офицеров запаса по Саратовскому региону превысило отметку в 60 тыс. человек. Учитывая, что на территории Саратовской области дислоцируются различные

реализуются в новой структуре экономики. Отчасти эти тенденции идут параллельно с мировыми трендами, но есть и отличия. Карьерный рост гибких универсальных работников в развитых экономиках зависит от их профессионализма, а в нашей стране – прежде всего от «социального» капитала (связей, знакомств) и лояльности работодателю⁵.

Таким образом, при условии обеспечения учета и максимально возможного уровня удовлетворения образовательными учреждениями потребностей потребителей образовательных услуг будет решена такая важная проблема, как работа выпускника вуза по специальности.

УДК 316. 334. 22 (470+571)

ГРАЖДАНСКАЯ ЖИЗНЬ ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА: ИХ ТРУДНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Р.В. Рыбаков

Саратовский государственный университет,
кафедра регионоведения
E-mail: rever2@mail.ru

В статье рассматривается процесс адаптации офицерского состава, уволенного из рядов Вооружённых сил. В частности, акцентируется внимание на проблемах бывших военнослужащих, с которыми им приходится сталкиваться, оказавшись за рамками военной действительности.

Ключевые слова: военнослужащий, социальная защита, социальная помощь.

Civil Life of Reserve Officers: Their Difficulties and a Problem

R.V. Rybakov

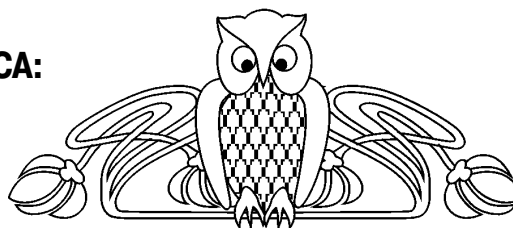
This article is devoted to consideration of process of adaptation of an officers dismissed of numbers of Armed forces. In particular a focus is brought to problems of former military men, which they should collide, having appeared for frameworks of the military validity.

Key words: military person, social protection, social help.

Реформы, начавшиеся в начале 90-х гг. прошлого века, по сокращению численности состава Вооружённых сил России продолжают и по настоящее время. По информации Министерства обороны, в ближайшее время количество военнослужащих должно сократиться до 1 млн человек. В данном случае речь идёт о сокращении не только числа призывников, проходящих срочную службу, но и количества профессиональных кадровых военных. Следовательно, в ближайшее время стоит ожидать увеличения числа людей, оказавшихся на рынке труда в поисках работы. Стоит отметить, что при увольнении в запас только небольшая часть военнослужащих успешно меняет род занятий и утверждает себя в новых сферах жизни и

Примечания

- ¹ См.: Лукашенко М.А. Высшее учебное заведение на рынке образовательных услуг: актуальные проблемы управления. М., 2003. С. 368.
- ² См.: Рынок труда и рынок образовательных услуг в субъектах Российской Федерации. М., 2007. С. 84.
- ³ См.: Сагинова О. Природа и характеристика образовательных услуг // Маркетинг. 2005. № 3 (82). С. 59.
- ⁴ См.: Требования работодателей к системе профессионального образования. М., 2006. С. 64.
- ⁵ См.: Аврамова Е. М., Верпаховская Ю.Б. Работодатели и выпускники на рынке труда: взаимные ожидания // Социс. 2006. № 4. С. 44.

деятельности. Для большинства же военнослужащих, да и членов их семей, увольнение из армии – весьма болезненное состояние, приводящее порой к потере жизненной перспективы и крушению надежд, так как им трудно адаптироваться к новым для себя условиям и стилю взаимоотношений в современном гражданском обществе. Такая ситуация часто провоцирует финансовые и экономические трудности, ограничения в выборе работы, жилищные проблемы, невротические состояния, асоциальное поведение и т.д.

По данным Министерства обороны Российской Федерации, только в 1992–2004 гг. было уволено в запас более 2 млн офицеров, прапорщиков и мичманов. Всего же в результате таких сокращений в адаптации к новым жизненным условиям нуждается более 5 млн человек. При этом заметим, что подавляющее большинство увольняемых кадровых военнослужащих относится к возрастной категории 35–50 лет. Они обладают хорошей профессиональной подготовкой и, как правило, имеют высшее образование. У них имеется опыт управления большими коллективами, решения масштабных задач и вопросов воспитательной работы. Другими словами, это экономически активная часть населения.

За последние годы число защитников Отечества сократилось на несколько миллионов человек. Ежегодно ряды уволенных в запас пополняют всё новые и новые кадровые офицеры. На сегодняшний день количество офицеров запаса по Саратовскому региону превысило отметку в 60 тыс. человек. Учитывая, что на территории Саратовской области дислоцируются различные

войсковые подразделения, можно предположить, что количество безработных бывших военнослужащих будет только увеличиваться¹.

Для офицеров запаса принятие новых норм и требований гражданской жизни, освоение новых социальных ролей, восприятие себя и окружающей действительности, а самое главное, выработка нового способа поведения подчас становятся труднопреодолимым препятствием для вхождения в новую жизнь. Перед ними и членами их семей встает большое количество проблем в процессе интеграции в новую среду жизнедеятельности. К числу таких проблем можно отнести следующие:

во-первых, часто безуспешный поиск работы в соответствии с квалификацией (нередко узкопрофильной), полученной в военном вузе, и навыками, приобретенными в процессе службы. Как следствие этого, весьма вероятными становятся трудоустройство на малоквалифицированную, низкооплачиваемую работу, поиск возможности случайных и эпизодических заработков;

во-вторых, тесно связанная с предыдущей проблема профессиональной переподготовки по новым специальностям в соответствии со спросом рыночной экономики. Здесь бывшие офицеры и прапорщики, осевшие после увольнения в запас и отставки в крупных городах и вынужденные обустраиваться на периферии, находятся в неравном положении: если у первых все-таки есть хоть какой-то выбор вариантов, то вторым приходится довольствоваться первой попавшейся возможностью для переучивания (а некоторые из них лишены и этого);

в-третьих, обеспечение жильем. Если для уволенных в запас кадровых военнослужащих, выслуживших установленные сроки (более 10 лет), эта проблема в соответствии с Законом «О статусе военнослужащих» может быть решена через органы местного самоуправления, то для остальных жилищная неустроенность часто становится непреодолимым препятствием к нормальной жизни;

в-четвертых, увольнение с военной службы несет для человека отрицательный психологический заряд. Это связано с тем, что служба в армии выступала для него как фактор гарантированной занятости, получения приличного денежного содержания, социальных льгот и гарантий. Кроме того, она нередко рассматривалась как постоянный служебный рост, карьера, повышение социального статуса, что в гражданских условиях не всегда является обязательным элементом профессиональной деятельности. Отсутствие возможностей для реализации себя в этих направлениях приводит к нарастанию ощущения уязвимости, беспокойства в настоящем и высокого уровня неуверенности в будущем;

в-пятых, после увольнения болезни преследуют большое количество офицеров не только из-за возраста и часто экстремальных условий службы, но и вследствие психологических факторов. С

уходом из Вооруженных сил многие теряются в непривычной для них обстановке. Под влиянием общего стрессового состояния, изменения жизненного ритма обостряются хронические болезни, ухудшается физическое самочувствие, поэтому необходима и медицинская реабилитация².

Несмотря на возникающие трудности, управления социальной защиты населения (УСЗН) пытаются оказать посильную помощь ветеранам Вооруженных сил, уволенным в запас. Основные задачи, которые ставят перед собой УСЗН по социальной поддержке граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей:

- определение наиболее актуальных проблем социальной защиты граждан, уволенных с военной службы;
- содействие в предоставлении медико-социальной, психологической, социально-экономической, юридической и другой помощи;
- взаимодействие с государственными и общественными организациями по выявлению военнослужащих, уволенных с военной службы в отставку (по болезни), и инвалидов войн, семей военнослужащих, нуждающихся в социальной помощи;
- анализ состояния и перспектив социального обеспечения и обслуживания ветеранов военной службы, участников боевых действий, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, проживающих и прибывающих в район проживания;
- повышение уровня жизни бывших военнослужащих и членов их семей;
- обеспечение каждого из них максимально возможной в конкретных условиях социальной защитой в соответствии с законодательством РФ³.

В данной ситуации офицеру запаса необходимо быть готовым к тому, что в этот период предстоит пережить немало мучительных эмоциональных перегрузок, стрессов и психических срывов, периодов, связанных с временной потерей веры в себя, свои силы и возможности. Это проявления так называемого переходного состояния психики. Оно почти неизбежно при столь радикальной смене образа жизни. Только пережив это состояние, преодолев психологическую ломку, можно выйти на новые качественные изменения в самом себе, отвечающие новым условиям жизнедеятельности, и обрести стабильное внутреннее состояние⁴.

В числе актуальных проблем военно-социальной политики на современном этапе важное место занимает проблема социальной адаптации граждан, уволенных с военной службы, к новым условиям жизни, связанная с необходимостью их переподготовки на новые профессии. Практически для всех граждан, увольняемых в настоящее время с военной службы, наиболее важной и трудноразрешимой является проблема, связанная с последующим трудоустройством. Ситуация на рынке труда в последние годы складывалась далеко не в пользу бывших военнослужащих⁵.

В том же время можно сказать, что проблемы социально-психологической помощи и поддержки военнослужащих, увольняемых в запас, затрагивают емкое и многоплановое понятие «реабилитация», которое является составной частью социальной адаптации. Реабилитация – это комплекс специализированных мер, которые необходимо осуществить в отношении уволенного из армии или вернувшегося с войны солдата или офицера для того, чтобы вернуть его в русло нормальной жизни.

Социальный опыт всех категорий военнослужащих, уволенных в запас, имеет специфические различия. Это рождает различия в подготовленности к самому процессу социально-психологической адаптации при увольнении из рядов Вооруженных сил.

УДК 316.7:378.4 (470+571)

ОБЩЕМИРОВОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

О.Г. Петрович

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: Petrovich-Olga-G@yandex.ru

В статье рассматриваются основные пути развития российских вузов в условиях глобализации образовательного пространства, как российского, так и регионального и общемирового; положение российских университетов на мировом рынке образовательных услуг, а также необходимость и перспективы развития человеческого капитала страны.

Ключевые слова: глобализация, образовательное пространство, человеческий капитал.

Worldwide Education Area: Prospects of Russian Universities and Human Capital Progress

O.G. Petrovich

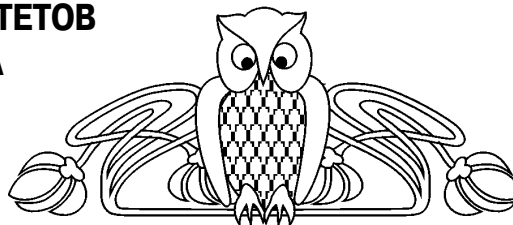
The paper analyzes main directions of Russian universities evolution under conditions of national, regional and worldwide higher education area globalization; Russian universities position in the world education services market; necessities and prospects of national human capital progress.

Key words: globalization, education area, human capital.

Практика объединения государств в союзы в той или иной сфере, будь то экономика, политика, культура, имеет давнюю историю. В такой форме, рука об руку с партнерами и соратниками, провести в жизнь общую идею всегда легче и проще. И если раньше превалирующее значение имели политические и военные блоки, так как основной ценностью государства считалось до-

Примечания

- ¹ См.: Серебрянников В.В. Проблемы Российской армии // Социология. 2005. № 2. С. 56.
- ² См.: Осухова Н.Г. Жизнь после армии: психологические проблемы адаптации // Армия и общество. 1999. № 3. С. 22.
- ³ См.: Обертенюк В.Г. Адаптационные стратегии поведения увольняющихся и уволенных военнослужащих в современных российских условиях // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 1. С. 20.
- ⁴ См.: Тюрина О. Социальная адаптация военнослужащих // Человеческие ресурсы. 2006. № 2. С. 18.
- ⁵ См.: Суглобов Н. Не надо грустить, господа офицеры... Вам предлагается нормальная жизнь на «гражданке» // Известия. 1999. 2 марта. № 36 (25381).

минирование именно в этих областях, то к XXI в. произошла ценностная переориентация и в этом ряду появились такие важные факторы, как совместное развитие и прочная связь экономик и, что становится все более важным год от года, развитие человеческого капитала.

Россия как страна, претендующая на одно из ведущих мест в полиполярном мире, не может обойти эти тенденции стороной. Более того, развитие образовательной системы и высшей школы, их направленность в сторону глобальных изменений, признание необходимости повсеместной информатизации, интеграции и повышения мобильности становятся основным приоритетом для этой сферы на ближайшие годы. Подготовка высокообразованных людей и высококвалифицированных кадров, нацеленных на постоянный профессиональный рост и профессиональную мобильность в условиях повышения уровня информатизации общества и развития наукоемких технологий, должна проводиться в основном при помощи интеграции российской и мировой образовательных систем, но при этом отказываться от своего исторического и национального опыта и традиций высшей школы государство считает нецелесообразным¹, так как и страны Европы, и Америка до сих пор очень высоко ценят специалистов, которые вышли из советских университетов. Полностью избавляться от советского наследия,

В том же время можно сказать, что проблемы социально-психологической помощи и поддержки военнослужащих, увольняемых в запас, затрагивают емкое и многоплановое понятие «реабилитация», которое является составной частью социальной адаптации. Реабилитация – это комплекс специализированных мер, которые необходимо осуществить в отношении уволенного из армии или вернувшегося с войны солдата или офицера для того, чтобы вернуть его в русло нормальной жизни.

Социальный опыт всех категорий военнослужащих, уволенных в запас, имеет специфические различия. Это рождает различия в подготовленности к самому процессу социально-психологической адаптации при увольнении из рядов Вооруженных сил.

УДК 316.7:378.4 (470+571)

ОБЩЕМИРОВОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

О.Г. Петрович

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: Petrovich-Olga-G@yandex.ru

В статье рассматриваются основные пути развития российских вузов в условиях глобализации образовательного пространства, как российского, так и регионального и общемирового; положение российских университетов на мировом рынке образовательных услуг, а также необходимость и перспективы развития человеческого капитала страны.

Ключевые слова: глобализация, образовательное пространство, человеческий капитал.

Worldwide Education Area: Prospects of Russian Universities and Human Capital Progress

O.G. Petrovich

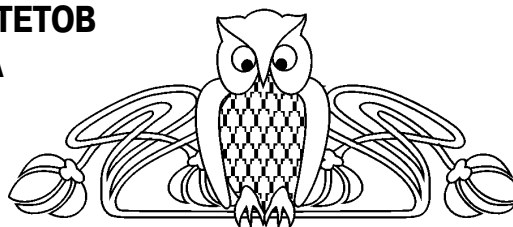
The paper analyzes main directions of Russian universities evolution under conditions of national, regional and worldwide higher education area globalization; Russian universities position in the world education services market; necessities and prospects of national human capital progress.

Key words: globalization, education area, human capital.

Практика объединения государств в союзы в той или иной сфере, будь то экономика, политика, культура, имеет давнюю историю. В такой форме, рука об руку с партнерами и соратниками, провести в жизнь общую идею всегда легче и проще. И если раньше преобладающее значение имели политические и военные блоки, так как основной ценностью государства считалось до-

Примечания

- ¹ См.: Серебрянников В.В. Проблемы Российской армии // Социология. 2005. № 2. С. 56.
- ² См.: Осухова Н.Г. Жизнь после армии: психологические проблемы адаптации // Армия и общество. 1999. № 3. С. 22.
- ³ См.: Обертенюк В.Г. Адаптационные стратегии поведения увольняющихся и уволенных военнослужащих в современных российских условиях // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 1. С. 20.
- ⁴ См.: Тюрина О. Социальная адаптация военнослужащих // Человеческие ресурсы. 2006. № 2. С. 18.
- ⁵ См.: Суглобов Н. Не надо грустить, господа офицеры... Вам предлагается нормальная жизнь на «гражданке» // Известия. 1999. 2 марта. № 36 (25381).

минирование именно в этих областях, то к XXI в. произошла ценностная переориентация и в этом ряду появились такие важные факторы, как совместное развитие и прочная связь экономик и, что становится все более важным год от года, развитие человеческого капитала.

Россия как страна, претендующая на одно из ведущих мест в полиполярном мире, не может обойти эти тенденции стороной. Более того, развитие образовательной системы и высшей школы, их направленность в сторону глобальных изменений, признание необходимости повсеместной информатизации, интеграции и повышения мобильности становятся основным приоритетом для этой сферы на ближайшие годы. Подготовка высокообразованных людей и высококвалифицированных кадров, нацеленных на постоянный профессиональный рост и профессиональную мобильность в условиях повышения уровня информатизации общества и развития наукоемких технологий, должна проводиться в основном при помощи интеграции российской и мировой образовательных систем, но при этом отказываться от своего исторического и национального опыта и традиций высшей школы государство считает нецелесообразным¹, так как и страны Европы, и Америка до сих пор очень высоко ценят специалистов, которые вышли из советских университетов. Полностью избавляться от советского наследия,

конечно, нерентабельно, но в условиях ограниченного финансирования университетов со стороны государства повсеместный переход к рыночным отношениям и все более целенаправленный уход от понятия «образование» к понятию «оказание образовательных услуг» в рамках высшей школы сигнализируют о необходимости принятия общемировых требований и системы соответствия степеней, но с сохранением всего лучшего, что было наработано за советское время и не было потеряно в 1990-е гг.

Необходимость сохранения элементов советской образовательной системы продиктована еще и тем, что на этапе интеграции с образовательными стандартами Европейского союза нельзя забывать и об интеграции со странами бывшего Советского Союза, которые сейчас входят в Содружество Независимых Государств. Несмотря на то что на данный момент основные силы государства и высшей школы направлены на интеграцию в общеевропейское образовательное пространство, сотрудничество со странами СНГ пока остается более продолжительным и имеет определенные цели, в том числе и экономические, которые нельзя игнорировать, а лучше развивать возможности их достижения, например формирование престижа российской системы образования для привлечения иностранных студентов из соседних республик и, следовательно, повышение притока финансовых средств в университеты, что является жизненной необходимостью для любого российского вуза в условиях жестких требований рыночной системы.

С первого взгляда может показаться, что процесс объединения образовательных пространств больше нужен тем странам Содружества, которые не могут похвастаться высоким уровнем системы образования, но никак не России, которая основной целью ставит себе вхождение в общеевропейское образовательное пространство. Тем более что о Болонском процессе, недостатках и перспективах вхождения в него России знают практически все, но при этом о таком факте, как единое образовательное пространство в рамках СНГ, знает очень ограниченное количество исследователей. Но и у России есть свои преимущества от участия в процессе формирования единого академического пространства Содружества. Как уже упоминалось, приток абитуриентов из соседних республик является для российских университетов финансовой поддержкой, несмотря на то что повышается количество государственных стипендий для приема на обучение по специальностям, представляющим интерес для Содружества, и в целях выполнения рекомендаций, изложенных в Послании Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации в 2002 г., осуществляется работа по дальнейшему расширению обучения в вузах России молодежи из стран СНГ за счет бюджета Российской Федерации², основное количество абитуриентов все

же учится на собственные средства. Для нашей страны потенциальные абитуриенты из ближнего зарубежья крайне важны, потому что в Европе ценятся единицы наших университетов и ждать большого притока предполагаемых студентов из европейских стран наивно, поэтому основной упор пока стоит делать именно на страны СНГ.

Кроме притока потенциальных студентов и повышения значимости российских университетов в странах ближнего зарубежья, формирование единого образовательного пространства со странами СНГ несет в себе и функцию апробации попытки интеграции различных национальных образовательных систем в общую на базе единого подхода к принципам и стандартам образования. Изучение этого опыта поможет при интеграции в европейскую образовательную систему, так как в любом случае этот процесс затрагивает не только академический сектор, но и организационный и управленческий, и возможно, даже в большей степени. Поэтому именно для российской стороны подобный опыт очень важен, так как с его учетом можно предсказать и, следовательно, избежать или, по крайней мере, ослабить негативное и сдерживающее влияние какой-то части тех сложностей, просчетов, ошибок и недоработок, которые были допущены на этапах становления общего образовательного пространства СНГ. Таким образом, на принципах формирования единого образовательного пространства СНГ можно теоретически проанализировать процесс вхождения России в общеевропейское пространство и войти в него с меньшими организационными издержками и затруднениями. Как пример можно привести информатизацию общего образовательного пространства, поскольку этот элемент глобализации является обязательным в любом из подобных процессов объединения. Он регламентируется как необходимый для объединения в рамках и СНГ, и европейского пространства. Получается, что опыт организации процесса у России уже есть, остается надеяться, что этим опытом воспользуются при прохождении подобных процессов в рамках Болонского соглашения.

Глобализация образовательного пространства не ограничивается, конечно, только самим фактом формирования единого для региона или даже мира пространства образования. Это сложный и многоаспектный процесс, который следует поддерживать и всячески развивать. Несмотря на то что многие исследователи не считают глобализацию благом, тем не менее обходить ее стороной или игнорировать было бы не только глупо, но и опасно для перспектив развития России и ее конкурентоспособности на мировой арене. Образование – слишком сложный и затрагивающий всевозможные сферы процесс, чтобы пускать его на самотек и не соответствовать в этой важнейшей сфере всем требованиям, предъявляемым к нему мировыми тенденциями. Глобализация несет преимущества не только в плане повышения цен-

ности образовательной системы, но и реального повышения интеллектуального потенциала страны, развития человеческого капитала, возможность для людей получать все лучшее, что есть в мировом образовании, и применять эти знания на благо страны, повышая не только ее престиж, но и уровень развития и уровень жизни. Даже самое простое последствие глобализации – интернационализация, более свободное и активное развитие международных связей – несет для системы высшего образования много положительных моментов. Сотрудничество с зарубежными университетами всегда считалось престижным, повышало уровень одних вузов по сравнению с другими, обеспечивало больший приток студентов. В последнее время возможность стажировки студентов за рубежом также становится одним из важнейших признаков успешного университета. Проведение международных конференций, сотрудничество с иностранными преподавателями, возможность делиться опытом – все это проще и легче реализуется при глобализационных процессах.

Кроме того, глобализация будет развивать не только международное сотрудничество вузов, но и межвузовские связи внутри государства. Развитие межвузовских связей в стране не менее важно, чем развитие отношений с иностранными университетами. Глобализационные процессы на всем образовательном пространстве России должны реализовываться исходя из интересов каждого отдельного региона не только потому, что на такой большой территории достаточно трудно централизованно сформировать универсальную образовательную систему, но и от того, что уровень и развития, и интеграции, и интернационализации университетов везде разный. Для рационального осуществления на местах всех запланированных изменений каждый университет самостоятельно должен стремиться реализовать все проекты, так как в основном это нужно самим университетам, искать выгодные для себя стороны и аспекты в каждой из осуществляемых программ, пока есть время и возможность методом проб и ошибок

учиться взаимодействовать с объективными реалиями глобализации образования. Также нужно активно распространять среди студентов информацию о возможностях международных проектов, формировать в их сознании ориентированность на повышение мобильности и стремление к стажировкам, поскольку это одна из основных целей всех проектов глобализации образования.

Необходимость глобализации и формирования единого образовательного пространства признается научным сообществом³. Особенно актуальным этот вопрос становится в последние годы, когда усиление позиций на рынке образовательных услуг стало важнейшим фактором в условиях формирования новых типов экономик. Быстрый конструктивный переход к экономике знаний, инноваций и высоких технологий – это залог конкурентоспособности страны на мировом рынке и, как следствие, инструмент, при помощи которого можно максимально быстро и с меньшими потерями обеспечить России возможность выхода из мирового финансового кризиса. А для обеспечения перехода к такого типа экономике у нашей страны должно быть прочно сформированное, отвечающее всем мировым требованиям образовательное пространство, в котором реализуются все мировые проекты, которое легко приспосабливается к мировым изменениям и соответствует всем требованиям глобализации высшей школы.

Примечания

- ¹ Национальная доктрина образования в Российской Федерации // <http://www.dvgu.ru/umu/ZakRF/doktrin1.htm>. – 05.06.2009.
- ² Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 18 апреля 2002 г. // http://www.kremlin.ru/appears/2002/04/18/0001_type63372type63374type82634_28876.shtml. – 02.07.2009.
- ³ См.: Артамонова М.В. Преподаватели и руководители вузов об интеграции в европейское образовательное пространство // Социс. 2008. № 1. С. 148.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.111'04'37

РОЛЬ ДИСКУРС-АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИМЕН ОТВЛЕЧЕННОЙ СЕМАНТИКИ (на материале лексики морально-этической сферы)

М.Ю. Колокольникова

Саратовский государственный университет,
кафедра английской филологии
E-mail: marinaugustina@mail.ru

В статье рассматривается роль дискурс-анализа в исследовании исторического развития абстрактной лексики. Предметом изучения является функционирование единиц морально-этической сферы в западноевропейском средневековом религиозном дискурсе.

Ключевые слова: абстрактная лексика, историческое развитие, дискурс-анализ, религиозный дискурс, морально-этическая сфера.

The Role of Discourse-Analysis in the Investigation of the Historical Development of Abstract Lexis

M. Y. Kolokolnikova

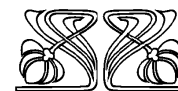
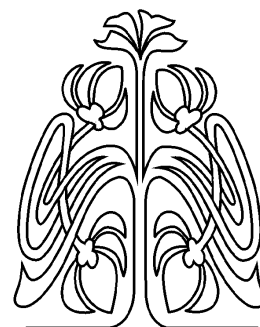
The article considers the role of discourse-analysis in the historical development of abstract lexis. The investigation focuses on the functioning of moral-ethical lexical units in the Western European medieval religious discourse.

Key words: abstract lexis, historical development, discourse-analysis, religious discourse, moral-ethical sphere.

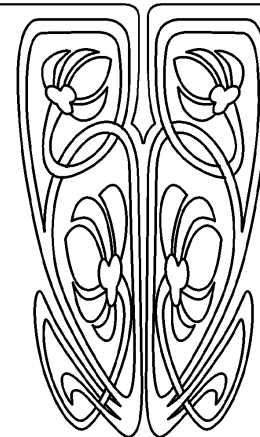
Со времени становления лингвистики как науки не теряет своей актуальности вопрос о природе языковых изменений, их причинах и конкретных механизмах. Особый интерес в этом отношении всегда вызывало исследование единиц лексического уровня, который, как хорошо известно, представляет собой самую подвижную часть языка, постоянно обновляющуюся и быстро реагирующую на все происходящие в обществе изменения социального и культурного характера.

На способность лексем к постоянному обновлению и модификации указывают многие авторы. «Слово то и дело погружается в какой-то новый контекст и выходит из него преобразенным»¹. «В каждом акте речи заново воссоздается отношение номинации между означаемым и означающим. Здесь возможны малозаметные сдвиги, которые с течением времени могут привести к существенным семантическим изменениям. Таким образом, важнейшую роль в эволюции языка играет сам его носитель, пользующийся им говорящий субъект»².

Из приведенных и подобных им высказываний можно, прежде всего, сделать вывод о том, что хотя не все имеющие место в речи модификации с течением времени закрепляются в системе языка, но именно в речи, т.е. в реальных условиях общения, должно первоначально реализовываться любое изменение в системе. Поэтому представляется вполне закономерным, что в последнее время при изучении исторической эволюции смысловой структуры лексических единиц все чаще используется дискурс-анализ, задачей которого является исследование «устной и письменной языковой коммуникации, протекающей в нормальных, естественных условиях»³. Реализация этой задачи требует обращения не только к собственно лингвистическим контекстам, но и

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

к тем фрагментам социальной действительности, в рамках которых и обнаруживает себя проявление языка в действии.

Данный подход позволяет, в частности, изучать лингвистические механизмы развития смысловой структуры лексем в неразрывном единстве с глубинными причинами этого процесса, которые, как известно, по большей части лежат во внеязыковой действительности, в постоянно меняющихся потребностях в сфере общения и познавательно-мыслительной деятельности человека.

Эти потребности носят, несомненно, конкретно исторический характер и обусловлены свойственной каждой эпохе преимущественной ориентацией на те или иные области духовной и материальной жизни общества. Неслучайно поэтому, что многие исследователи указывают на связь между формированием и развитием отдельных участков лексики и существующими на данном хронологическом отрезке потребностями определенных сфер коммуникации, и в первую очередь тех из них, которые на тот момент являются наиболее востребованными и/или авторитетными в обществе.

Известно, например, что в период раннего Средневековья после принятия христианства и зарождения религиозного дискурса в лексической системе западноевропейских языков (имеется в виду главным образом романо-германский ареал) особенно динамичной была область отвлеченных понятий. Причем речь идет не только о собственно религиозном слое лексики (религиозной терминологии), но и об общеупотребительных лексических единицах и прежде всего о единицах морально-этической сферы, что было вполне естественным для эпохи, когда морально-нравственные представления были неотделимы от религиозных.

История языков рассматриваемого ареала свидетельствует также и о том, что процесс развития в них лексики морально-этического плана, ее выделения в самостоятельную лексико-семантическую группу носил довольно длительный и сложный характер. В этом нет ничего удивительного, поскольку сам факт принятия христианства не мог, разумеется, сразу же повлечь за собой смену мировоззренческих и поведенческих категорий. Поэтому процесс замены языческих представлений и установок христианскими продолжался в целом не одно столетие (хотя в разных странах и имел свою специфику).

На наш взгляд, здесь стоит принять во внимание и положение, согласно которому одной из универсалией языкового развития является его ретардационный характер в сравнении с эволюцией мышления. Показательным в этом отношении является следующее высказывание: «Ни в одной другой области языковые мифы не сохраняются так долго, как при описании духовной жизни человека, и именно к словам и выражениям, связанным с этой областью, можно отнести известное изречение, что, “думая, как Коперник, мы говорим, как Птоломей”»⁴.

В данной связи отметим, прежде всего, что на предшествующих ступенях развития большинства западно-европейских языков абстрактные лексические единицы в них отличались, как правило, крайне общим недифференцированным (диффузным) характером. Причем в их смысловой структуре могли совмещаться понятия, которые редко или почти никогда не совмещаются в семантике современных слов.

Сказанное в полной мере можно отнести и к лексемам, предназначавшимся для передачи эмоционально-психических состояний человека и его качеств. Между тем преимущественно именно эти единицы легли в основу морально-этической группы лексики.

Н.Ю. Гвоздецкая, изучавшая абстрактную лексику на материале древнегерманских языков, в одной из своих работ в качестве примера приводит древнеисландскую лексему *reiðr*, которая, в зависимости от контекста, могла передавать такие значения, как *гневный*, *рассерженный*, с одной стороны, и *печальный*, с другой. Сходным образом и родственное по происхождению древнесаксонское прилагательное *wrad* – это *печальный*, *гневный*, *враждебный*⁵.

Примечательно, что подобного рода явление обнаруживается и за пределами германской группы языков. Г. Гугенхайм, анализируя значения старофранцузских существительных *ire* и *coirgoix*, указывает на возможность совмещения понятий *печаль* и *гнев* в средневековом сознании. «С точки зрения психологии людей средних веков ... эти два понятия столь тесно соединены, что трудно определить всякий раз часть, которая принадлежит каждому из них»⁶.

Подобные факты дают исследователям основание делать вывод о том, что многозначность многих древних лексем сохраняет следы меньшего расчленения понятийной сферы средневековым мышлением. Здесь, в частности, можно привести и высказывание М.И. Стеблина-Каменского о том, что древние слова представляют собой «символы, приспособленные для выражения чего-то в сознании человека далекой от нас эпохи, сознании, совсем не похожем на наше»⁷.

Одной из характерных черт этого сознания является также и нечеткое противопоставление мира внешнего и мира внутреннего, человека действующего и человека чувствующего. На уровне лексики это находит свое отражение в способности многих абстрактных единиц служить наименованием как самих объективных событий и ситуаций, так и чувств, вызываемых ими.

В семантике древнеанглийского существительного *hete* (совр. англ. *hate*, *hatred*), например, понятие *ненависть* сочеталось с понятиями *вражда*, *борьба*, *война*, у древнеанглийского *sorg* (совр. англ. *sorrow*) понятие *печаль*, *грусть* – с понятием *беда*, *горе* (как событие), причем довольно трудно определить, имеем ли мы здесь дело с неким «сплавом» концептов или иерар-

хическим положением в смысловой структуре лексемы.

Однако в любом случае это еще раз доказывает тот факт, что на разных этапах исторического развития языка ему присущи разные типы полисемии. Так, С.Д. Кацнельсон отмечал, что полисемантизм позднейших эпох отличается от диффузности раннего времени⁸.

Показательным в этом отношении является и существительное *vite* (*wite*), которое встречается в старейшем английском памятнике религиозной литературы, поэме «Даниил», где оно употребляется в значении «страдания и наказания». Как отмечает в своей монографии Н.В. Феоктистова, «могут быть случаи акцентирования того и другого, но в целом трудно различимые». Поэтому автор далее особо подчеркивает, что существительное *vite* – это «пример образования широкого значения в довольно позднее время и свидетельствует о том, что ассоциации, не приводящие к выделению отдельного значения, имели место в течение всего древнеанглийского периода»⁹.

О диффузном характере семантики многих абстрактных лексем в староиспанском языке говорит Т.Б. Алисова, отмечая при этом, что «многие понятия, выраженные в современном языке однозначным (или почти однозначным) словом, в староиспанском передавались одним из значений многозначного слова»¹⁰. Абстрактное существительное *fe*, например, которое в старо-испанском включало в свою смысловую структуру ряд значений, а именно *vera*, *доверие*, *поручка*, к настоящему времени сохранило только первое из них (*vera*). Другие значения, присущие данному слову в староиспанский период, в современном испанском языке передаются с помощью лексем *fidelidad* (*верность*, *преданность*), *confianza* (*доверие*), *fianza* (*поручительство*, *поручка*), которые встречаются уже у Сервантеса.

Подводя итог всему вышесказанному, представляется вполне логичным предположить, что одним из основных (хотя, разумеется, и не единственным) направлений в эволюции единиц морально-этической сферы, как и всей отвлеченной лексики, была тенденция к дифференциации, уточнению их значений и одновременно к большему уровню абстракции, обобщению этих значений. В данной тенденции, по-видимому, находили свое отражение закономерности, связанные с развитием в изучаемую эпоху как языка в целом, так и самого религиозного дискурса.

Особенно заметным это становится в XIII–XV вв., что объясняется целым рядом причин религиозного, социального и культурно-языкового плана. Известно, например, что именно в это время в рамках теологии в качестве отдельной дисциплины выделяется этика, которая рассматривалась в первую очередь как путь различения добродетели и порока, путь, который через раскаяние и примирение с Богом ведет человека к Спасению.

Важное значение имело и установление в 1215 г. IV Латеранским собором таинства исповеди

(покаяния). Ведь от приступающего к данному таинству требовалось не только искреннее внутреннее раскаяние, но и определенный анализ собственных поступков, мыслей и чувств. И в этом мирянам во многом была призвана помочь получившая в то время широкое распространение в странах Западной Европы так называемая исповедальная литература, которая была представлена различными наставлениями и руководствами по подготовке к таинству покаяния. Подобные произведения обычно включали в себя подробное описание природы того или иного греха и его последствий. Большое внимание уделялось также и тем добродетелям, которые при помощи Бога позволяют человеку противостоять греху, являясь надежным «лекарством» против него.

Указанная тематика являлась ведущей и для других морально-дидактических разновидностей религиозного дискурса, которые в рассматриваемый хронологический отрезок тоже переживали период расцвета. К их числу принадлежали собрания проповедей, морально-нравоучительные трактаты, религиозно-дидактические поэмы и т.д.

Особое внимание следует, на наш взгляд, обратить на то, что данные произведения, предназначенные для широких масс населения, создавались, как правило, не на латыни, а на родных для них языках и диалектах, которые с этого времени начинают все более активно употребляться в религиозно-церковной сфере¹¹. Вполне естественно, что это вызывало потребность в увеличении количества лексических единиц, способных передавать в точной и по возможности однозначной форме все более усложняющиеся и все более отвлеченные морально-этические смыслы.

Это служило важным стимулом к появлению новых слов, в том числе и заимствованных, а также к дальнейшему семантическому развитию слов, уже имевшихся в языке. Важно подчеркнуть, что религиозный дискурс не только отбирал подобные лексемы из общеупотребительного словарного фонда, но и активно приспособливал их к своим целям и условиям общения, модифицируя их семантику, а со временем закрепляя результаты модификаций в системе.

Как можно предположить, в основе указанных процессов лежало прежде всего функционирование лексических единиц в типовых для них в рамках рассматриваемого дискурса контекстах употребления. Причем каждый из подобных контекстов отличался присущим ему набором постоянно воспроизводимых (хотя, разумеется, и с некоторыми вариациями) лексико-семантических, тематических и ассоциативных связей, способных уменьшать или увеличивать число компонентов смысловой структуры лексем, а также перегруппировывать их определенным образом.

В качестве примера приведем существительное *lust* (др.-англ., ср.-англ. *luste*, *lusst*, *louste*, *lost*), которое согласно лексикографическим источникам в древнеанглийский период, подобно другим отвлеченным именам, могло использоваться для

обозначения довольно широкого круга понятий, связанных с различными сторонами физической, духовной и эмоциональной жизни человека, а именно: *удовольствие, радость, желание, счастье, жизненная сила, энергия, жизнь, любовь, интерес к чему-то, увлечение чем-то, привлекательная внешность*. Уже сам этот перечень указывает на то, что первоначально существительное *lust* в аксиологическом плане было в целом нейтральным и приобретало положительную или отрицательную окраску в зависимости от реальной ситуации общения.

Опыт исследований показывает¹², что большинство из перечисленных выше значений лексемы *lust* продолжает реализовываться на протяжении всего среднеанглийского периода. Вместе с тем в это время, т.е. в XIII–XV вв., семантическая структура существительного начинает претерпевать значительные изменения, обусловленные, по-видимому, в первую очередь спецификой его функционирования в религиозном дискурсе, где наиболее типичными были контексты, связанные с темой греха и греховных наклонностей человека.

Особенно типичным для лексемы *lust* было использование в метатекстовых высказываниях, в которых объектом рефлексии являлось существительное *lechery*, служившее в средневековом религиозном дискурсе наименованием одного из семи смертных грехов – *похоти*.

В результате функционирования в подобных контекстах лексема *lust* начинает постепенно ассоциироваться преимущественно с плотскими, т.е. низшими желаниями и устремлениями человека, которые в религиозно-христианском дискурсе всегда в эксплицитной или имплицитной форме противопоставляются высшим, т.е. духовным.

Кроме того, в смысловой структуре существительного *lust* активизируются такие негативно окрашенные компоненты, как *чрезмерность, неумеренность, беззаконность*, что позволило ему в дальнейшем все чаще вступать в отношения семантической и функциональной эквивалентности с самим существительным *lechery*, а примерно с конца XV в. употребляться наряду с ним для обозначения греха *похоти*. Это позволяет говорить о том, что процесс специализации и уточнения значения слова *lust* сопровождался повышением уровня его абстракции, отвлеченности, о чем свидетельствует, в частности, постепенная утрата изучаемой лексемой формы множественного числа.

Примечательно, что толковые словари современного английского языка в качестве основного обычно фиксируют то значение существительного *lust* (*вожделение, похоть, неумеренное сексуальное желание, не связанное с чувством любви или привязанности*), которое выдвинулось на первый план именно в рамках средневекового религиозного дискурса. Что касается таких широко распространенных в древнеанглийский и среднеанглийский периоды значений, как *удовольствие, радость, склонность к чему-то, увлечение*, то они

если и приводятся в словарях, то всегда в качестве устаревших с пометкой *obs.* (уст.).

Постепенная утрата словом *lust* большей части тех значений, которые были присущи ему на более ранних этапах его развития, сопровождалась, как следует из всего сказанного выше, другим историческим процессом, а именно появлением у него устойчивой отрицательной морально-этической оценки, закрепленной в языковом узусе.

Описанные процессы были обусловлены, на наш взгляд, прежде всего высоким уровнем воспроизводимости и особой социальной значимостью типовых для лексемы в рамках религиозного дискурса контекстов употребления, направленных на формирование в средневековом обществе определенных морально-этических норм и установок. Это не могло не способствовать широкому распространению и в других общественных сферах употребления языка, где они выступали в качестве инодискурсных включений.

В связи с этим достаточно напомнить, что тема семи смертных грехов, которая сыграла важную роль в процессе специализации значения лексемы *lust*, была в XIII–XV вв. одной из ведущих тем западно-христианского дискурса в целом. Важно отметить и то, что вскоре эта тематика выходит за пределы собственно религиозного дискурса.

Ярким свидетельством здесь служат, в частности, «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера, особенно заключительный – «Рассказ Священника», который включает в себя подробное описание *семи смертных грехов*, а также наставления относительно того, как их избежать. Неудивительно поэтому, что в данном произведении, как и во многих других средневековых произведениях различной дискурсивной и жанровой разновидности, широко используются не только сами христианские темы и мотивы, но и традиционные для религиозного дискурса языковые средства их реализации, поскольку характерные для религии «заветные смыслы» неотделимы от их первоначальной формы выражения¹³.

Вместе с тем есть основания полагать, что конкретный характер протекания описанных выше процессов зависит не только от свойств дискурсного пространства, но и от природы самих лексем. Известно, в частности, что отдельные лексико-семантические группы и классы слов в ходе своей эволюции испытывают неодинаковую степень зависимости от факторов объективного и субъективного порядка. К последним прежде всего относится классифицирующая деятельность человеческого сознания. Давно замечено, что у одних и тех же объектов могут выделяться различные признаки, в результате чего даже при стабильности предметов (в широком смысле) объективного мира происходят изменения и сдвиги в системе их номинации.

Особую роль классифицирующая деятельность сознания играет в развитии смысловой

структуры абстрактных (отвлеченных) лексических единиц, являющихся названиями элементов нематериального духовного мира (чувства, ощущения, этические и эстетические понятия, создания человеческой фантазии). Их основным признаком, по мнению многих исследователей, является отсутствие денотата (нулевой денотат), который существовал бы в виде отдельного предмета объективной и непосредственно наблюдаемой действительности.

О подобных лексемах, созданных «языковым определением», говорят как о «нежестких десигнаторах». Их также называют номинальными, «ибо они вычлениются самим существованием имени “по определению”, т.е. по совокупности выбранных признаков, которые сочтено необходимым подвести под одну крышу – тело знака – номинально»¹⁴.

Все это, безусловно, относится и к лексическим единицам морально-этической сферы, которые обозначают сущности, сконструированные нашим сознанием, и ориентированы не на объективный мир, а на познающего субъекта, проявляющего себя в дискурсивной деятельности. Этим в первую очередь и объясняется необходимость привлечения дискурс-анализа к изучению исторического развития семантики рассматриваемого типа лексем.

Именно дискурс-анализ позволяет, в частности, выявлять тематически ограниченные, но социально значимые группы контекстов, с которыми, как правило, оказываются связаны все первоначальные сдвиги в смысловой структуре лексем, ведущие к ее существенному преобразованию. Что касается отражения подобных изменений в языковом узусе, то этот процесс во многом зависит, как можно предположить, от частотности употребления указанных тематических контекстов как в самом дискурсе, так и за его пределами, где они способны функционировать в виде различного рода инодискурсивных включений, перенося в другие коммуникативные сферы характерные для него смыслы и понятия. В свою очередь, это влечет за собой и перенос специфических для данного дискурса лексических средств воплощения актуальных смыслов.

Сформировавшееся таким способом новое специализированное значение может закрепляться в узусе либо в качестве лексико-семантического варианта, занимающего периферийное положение в структуре слова, либо в качестве основного его варианта. Можно предположить, что для изучаемого слоя лексики характерен второй тип изменений, сопровождаемый обычно утратой словом большей части присущих ему ранее значений (лексико-семантических вариантов), поскольку процесс специализации рассматриваемых лексем основан не только на дифференциации и уточнении их значения, но и на появлении у них отчетливо выраженной оценочности, которая ведет к ограничению возможностей их применения.

Стоит отметить, что и сами единицы морально-этической сферы, разумеется, отличаются заметным разнообразием. Внутри них могут быть выделены группы, каждая из которых будет иметь свою специфику в плане эволюции. Однако в этой области, безусловно, еще необходимо специальное изучение значительного объема конкретного языкового материала.

Подобные исследования, направленные на выявление связей между конкретными типами семантической деривации и типами тематических контекстов и функционирующими в них ключевыми единицами, могут, на наш взгляд, помочь вскрыть некоторые закономерности хода исторического развития не только лексики морально-этической сферы, но и абстрактной лексики в целом в период перехода от средневекового типа сознания и осмысления действительности к мышлению Нового времени.

Примечания

- ¹ Падучева Е.В. Глаголы создания образа: лексическое значение и семантическая деривация // Вопросы языкознания. 2003. № 6. С. 30.
- ² Бородина М.А., Гак В.Г. К типологии и методике историко-семантических исследований (на материале лексики французского языка). Л., 1979. С. 100.
- ³ Макаров М.Л. Диалог с целью принятия решения. Опыт дискурсивной психологии // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 155–156.
- ⁴ Феоктистова Н.В. Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка). Л., 1984. С. 57.
- ⁵ См.: Гвоздецкая Н.Ю. К проблеме многозначности имен чувств в «Старшей Эдде» // Скандинавский сборник. Таллин, 1990. Вып. 32. С. 167.
- ⁶ Gougenheim G. Les mots Français dans l'histoire et dans la vie. Paris, 1962. P. 131.
- ⁷ Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Л., 1971. С. 7.
- ⁸ См.: Кацнельсон С.Д. Историко-грамматические исследования. Л., 1940. С. 105.
- ⁹ Феоктистова Н.В. Указ соч. С. 132.
- ¹⁰ Алисова Т.Б. Некоторые закономерности в процессе изменения значения слов и совершенствования словаря (на материале испанского языка) // Словарный состав и грамматический строй языка. М., 1956. С. 21.
- ¹¹ См.: Schlauch M. Medieval English Literature and its Social Foundations. Warszawa, 1956. P. 152.
- ¹² См.: Колокольникова М.Ю. Роль религиозного дискурса в историческом развитии семантической структуры лексемы *lust* // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. Сер. Филологические науки. 2009. № 2 (36). С. 122–126.
- ¹³ Мечковская Н.Б. Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов. М., 1998. С. 4.
- ¹⁴ См.: Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988. С. 166.

УДК 821.111.09

ВОСПРИЯТИЕ ИМПЛИЦИТНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Е.В. Ермакова

Саратовский государственный университет,
кафедра английской филологии
E-mail: neutron@inbox.ru

Восприятие имплицитности в тексте происходит через процесс категоризации, который обусловлен альтернативными проекциями текста в сознании читателя. Художественная категоризация – это способ и возможность доступа для читателя к метасмыслу текста. Ощущение неоднозначности текста возникает у читателя тогда, когда возможно одновременно несколько категоризаций. Это происходит чаще всего тогда, когда метапропозиция текста не выражена прямо, что демонстрирует анализ читательских оценок одного из наиболее «непрозрачных» в истории литературы текстов – рассказа Э. Хемингуэя «Холмы как белые слоны».

Ключевые слова: имплицитность, проекция текста, неоднозначность, дискурс, пропозиция, метапропозиция, категоризация.

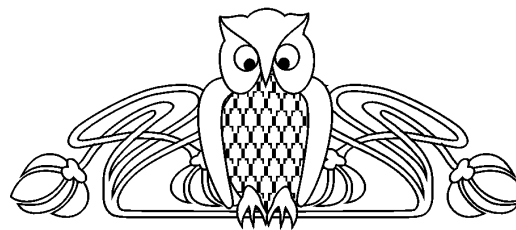
Perception of Implicitness in Fiction

Y.V. Yermakova

Perception of implicitness in fiction takes place through categorization, which depends on alternative text projections in the reader's mind. Categorization is a means and an opportunity to get access to the metaproposition of the text. Feeling of multiplicity of meaning evolves from the possibility of several categorizations. This most often happens when textual metaproposition is presented indirectly, as demonstrated by analysis of readers' interpretations of Ernest Hemingway's story «Hills Like White Elephants», one of the most ambiguous stories in the history of fiction.

Key words: implicitness, projection of the text, ambiguity, discourse, proposition, metaproposition, categorization.

Проблема скрытых смыслов в художественном тексте, «затрудненного» письма интересует исследователей текста уже очень давно, еще с работ новаторов театра XX в. К.С. Станиславского и Е.В. Вахтангова. Чаще всего об имплицитности в художественном тексте говорят как о его естественном свойстве, связанном с многомерностью его структуры, в которой представлены разные возможные прочтения заданного текста: «...цельность художественного текста предполагает множественность его интерпретаций и, следовательно, является источником множества потенциальных структур»¹. В данной статье нам хотелось бы представить еще одну точку зрения на имплицитность в художественном тексте, которая сложилась у нас в связи некоторыми достижениями когнитивной лингвистики и психолингвистики, а также в связи с некоторыми наблюдениями над тем, как интерпретируется текст читателями.

Основными понятиями, которыми оперирует отечественный когнитивно-психолингвистический подход к тексту, являются «проекция текста»², «образ содержания текста»³, «репрезентация текста»⁴.

Репрезентация текста, по мнению Н.В. Рафиковой, – это процесс интеграции информации, выраженной в разных частях текста и создаваемой путем комбинирования имплицитной и эксплицитной информации⁵. Ядром проекции текста является инвариантная модель ситуации, которая определяется ассоциативной структурой текста⁶.

Н.В. Рафикова вводит понятие «имплицитная репрезентация»: «Альтернативное значение слова, которое осталось на неосознаваемом уровне, не исчезает из репрезентации предложения, а образует ее имплицитную репрезентацию»⁷. Как видим, исследовательница использует в качестве синонимов «имплицитность» и «неосознаваемость», при этом «в процессе интеграции могут участвовать осознаваемые единицы, единицы разной степени осознания, неосознаваемые единицы»⁸. Более того, «альтернативные значения, которые сначала находились на слабо осознаваемом уровне, могут переводиться на более осознаваемый уровень понимания»⁹. Вообще, постоянное полное осознание воспринимаемого нерационально: «стратегия, которую нужно использовать сознательно и которая требует особых усилий, имеет ограниченное применение, поскольку во многих реальных ситуациях для применения такой стратегии в наличии имеются лишь ограниченные ресурсы. С другой стороны, хорошо отработанные, полностью автоматизированные стратегии могут работать параллельно, не перегружая систему»¹⁰.

Аналогично тому как мы учимся не замечать семиотику собственного языка, мы учимся не замечать семиотику текста. В большей части случаев текст «прозрачен» для восприятия, так как выстраивание «проекции текста» происходит автоматически, разворачивание пространства вымышленного мира текста не требует от читателя дополнительных усилий. Момент рефлексии, перевода в статус осознаваемости для основной проекции наступает тогда, когда читатель сталкивается с некоторым «порогом сложности» и пытается преодолеть его, что приводит к осознанию «сконструированности» и «знаковости текста», так как происходит «переход на уровень

актуального сознавания реципиентом языковых форм и отношений между ними и/или между содержанием текста и индивидуальной картиной мира»¹¹ из-за «непрозрачности» воспринимаемого. «Более глубокие и детализированные процессы обработки информации оставляют в памяти больше следов, которые позднее могут быть восстановлены»¹².

Существует множество факторов, которые могут затруднить построение основной проекции текста и одновременно сделать этот процесс более творческим. К ним относятся сюжетное и композиционное осложнение, лексико-тематическая недосказанность, косвенность оценки. И.В. Воскресенский выделяет также такие факторы создания неоднозначности, как степень знакомости ситуации читателю, положение неоднозначного элемента в тексте, похожесть ситуации на стереотипную, стилевые особенности текста, способ восприятия текста – на слух или зрительно, на родном или иностранном языке¹³.

В момент преодоления порога сложности строятся возможные варианты и прогнозы развития ситуации текста, делаются различные перестройки уже существующих моделей. Этот момент выработки нового представления является моментом категоризации. Под категоризацией мы понимаем переход на новый уровень понимания, осмысления текста: «Процесс категоризации не виден реципиенту, но результат таков, что, отчитываясь (перед другими или перед собой) о понятом, мы говорим и думаем о том, что возникает из результатов смыслов и средств – о метасмыслах (вплоть до художественных идей) и метасредствах, также и о метасвязках. Схемы действия при понимании текста – это упорядоченные в каждый данный момент понимания наборы всех этих метаединиц, выросших из процесса, где частные единицы (элементы) соединялись в метаединицы и “подминали” под себя последующие элементы»¹⁴.

Именно категоризация позволяет через оживляемые в сознании знания (существовавшие до того в форме ассоциаций, смутных событийных догадок) увидеть такие связи в тексте, а также между текстом и действительностью, которые невозможно было увидеть раньше.

Обратившись к одному из наиболее «непрозрачных» в истории литературы текстов – рассказу Э. Хемингуэя «Холмы как белые слоны» – мы попытались разработать типологию категоризаций, которые возникают в «усложненном» дискурсе. По поводу данного рассказа существует многочисленная исследовательская литература, а также публикации в Интернете (студенческие эссе, сочинения учеников старших классов школы, руководства преподавателей вузов и школ к чтению рассказа).

В интернет-словаре «Википедия» приводятся «Итоговые наблюдения над сюжетом»: «Действие рассказа происходит в Испании, в долине реки

Эбро. Время действия не названо, но можно быть практически уверенным в том, что оно равно времени написания рассказа (1920-е годы). День, описанный в рассказе, исключительно жаркий, и долина по большей части не радует глаз красотой. Герои рассказа – мужчина и его подруга по имени Джиг, моложе его по возрасту. Американец и Джиг пьют пиво и ликер под названием Анис дель Торо, ожидая поезда в Мадрид. Их беседа сначала – беседа ни о чем, но затем они переходят на обсуждение операции, и Американец уговаривает Джиг эту операцию сделать. Джиг возражает ему, но Американец весьма вяло реагирует на эти возражения. В конечном итоге Джиг соглашается на операцию со следующей репликой: “Мне все равно, что со мной будет”. Она пытается перевести разговор на другой предмет, но американец продолжает настаивать на данной теме, так как чувствует, что не уверен в решимости Джиг и в ее душевном состоянии. За несколько минут до прибытия поезда Американец уносит сумки на платформу и, прежде чем присоединиться к Джиг, покупает себе и выпивает еще один алкогольный напиток. Она ему улыбается, говорит, что у нее все отлично, и на этом рассказ заканчивается»¹⁵ (здесь и далее перевод англоязычных источников мой. – Е.Е.). Как видим, автор статьи лишь касается основной проблемы текста – сложности взаимоотношений между молодыми людьми, но по-настоящему тема не может быть сформулирована без специальных категоризаций. Нигде в тексте не представленная прямо метапропозиция (метасмысл текста) <отношения между мужчиной и женщиной обострены из-за предстоящего женщине аборта> может быть выявлена лишь через различного рода категоризации.

О трудности интерпретации этого рассказа пишет И.Н. Горелов: «По мнению К. Паустовского, ссылающегося в одной из статей на Хемингуэя как на мастера подтекста, “как это делается, объяснить очень трудно” (Паустовский 1970). В статье анализируется рассказ “Белые слоны”, при внимательном чтении которого выясняется, что К. Паустовский не совсем прав, говоря, что в тексте “нет ни слова, указывающего на суть разговора между персонажами, но, читая этот рассказ, вы прекрасно понимаете, о чем они думают”. В действительности слова *операция*, *укол*, словосочетания *сущий пустяк*, *все будет хорошо*, а также весь текст в целом, указывающий на характер отношений между говорящими мужчиной и женщиной, дают читателю вербальную информацию, достаточную для оформления определенной гипотезы»¹⁶.

Анализ, проведенный И.Н. Гореловым, представляет собою семантико-прагматическую категоризацию. Подобные интерпретации находим в материалах Интернета, например: «Обратите внимание на отношения героев между собой. Представление отношений достигается полностью через язык, который можно описать

как “непрозрачный”: очень простая операция, все счастливы, все будет хорошо, у нас все будет и т.д. Эти люди полны сарказма, они устали и находятся в состоянии отчаяния из-за того, что цели их различны (он хочет, чтобы жена сделала аборт; она вообще хочет обо всем забыть, чего бы это ни стоило)¹⁷.

Интересную интонационно-прагматическую категоризацию, основанную на сопоставлении интонации, присущей одному жанру, и интонации, характерной для другого жанра (а именно, на сопоставлении интонации жанра «беседа» и интонации жанра «ссора»), предлагает известный американский исследователь Сэймур Чэтмен: «Рассмотрим следующие предложения из рассказа Хемингуэя “Холмы как белые слоны”: Девушка смотрела на гряду холмов. Они белели на солнце, а вокруг все было темным и сухим.

“Они похожи на белых слонов”, – сказала она.

“Никогда не видел белых слонов”. Мужчина отхлебнул пиво.

“Ты и не мог их видеть”

“Мог”, – сказал мужчина. “Одних слов недостаточно, чтобы что-то доказать”.

Девушка сначала *поэтизирует холмы* (курсивом я выделяю иллокутивные акты). Создается ощущение, что мужчина *признает свое невежество*. Так могло бы быть, если бы локуция совершалась в другом контексте. Ответ мужчины звучит как *отрицание* полета ее фантазии. Она, в ответ, *критикует и унижает* его. Он, в свою очередь, *защищается и бросает вызов ее авторитету и ее праву судить о нем*.

Мы делаем эти выводы о речевых актах так же, как мы делаем выводы, когда читаем, – с точки зрения нашего общего знания о мире, нашего общего анализа поведения в обществе, которое мы знаем¹⁸.

Рассмотрим далее психолого-прагматическую категоризацию, когда читатель опирается на знание поведенческих реакций людей: «Должно быть, у Джиг будет аборт, так как она много пьет во время беременности. Она пьет, не задумываясь, и именно от нее исходит предложение “Давай выпьем пива” <...> Она уже думает о ребенке, как об умершем <...> Мужчина в баре единственный, кто ведет себя нетерпеливо, ожидая поезд, в отличие от других людей, которые в мире с собой»¹⁹; «Это рассказ о девушке, которой предстоит какая-то операция. Не знаю точно, что за операция, но предполагаю, что аборт. Я так думаю, потому что мужчина и женщина избегают прямого разговора об этом»²⁰.

Источником для категоризации могут служить не только текстовые факты, но и фоновые знания читателя. К такого рода категоризациям, опирающимся на читательские пресуппозиции, относятся символическая, эзотерическая, историческая, биографическая и интертекстуальная.

Символические категоризации оказались наиболее многочисленными (из 30 проанализи-

рованных текстов 11, т.е. 37%, были посвящены символическим ассоциациям в тексте). Приведем три из них: «Символизм гор и белого слона – это образы груди и живота беременной женщины <...> белые холмы цветом напоминают цвет кожи недавно рожденного младенца, драгоценного, как Сиамский белый слон»²¹; «действие происходит на небольшом ж/д полустанке <...> С одной стороны железной дороги земля иссушенная и пустая. С другой стороны – деревья и зелень. Разделяя пейзаж на две части (причем одна сторона изобильна, а другая стерильна) Хемингуэй использует пейзаж, чтобы подчеркнуть, что между мужчиной и женщиной лежит разделительная черта»»; «имя молодой женщины – Джиг, что означает “веселый танец”, это слово может значить также “the Jig is up – все кончено”»²²; «много лет тому назад люди дарили друг другу миниатюрных белых слоников. Такие слоники символизируют нежеланные, ненужные подарки»²³.

Эзотерическая категоризация – это приписывание читателем тексту сокровенного смысла, доступного «посвященному читателю»: «Цинизм “холмов” отражен в строчке “Все воняет лакрицей”. В 20-е годы Хемингуэй сделал следующий стихотворный комментарий, который прямо переключается с этой строчкой:

Век требовал, чтоб мы плясали,

В штанах железных щеголяли,

В итоге, завершившись, он

Почтен заслуженным дерьмом»²⁴.

Биографическая категоризация – это также достояние читателя-«сверхинтерпретатора». Так, Дж. Меллоу, известный исследователь Хемингуэя, замечает, например, что «развод Хемингуэя с Хэдли и его женитьба на Паулине (существование с двумя женщинами одновременно) дало творческий толчок многим его произведениям»²⁵. Историческая категоризация может также обеспечить хотя бы частичный доступ к метапозиции текста: «историческая перспектива объясняет контекст рассказа, а именно то, что происходило в Испании в 1920-е годы. <...> Исследования того времени и той географии показывают, что ж/д станция может представлять собой точку, разделяющую прогрессивную Барселону и более традиционистский Мадрид»²⁶.

Определенный процент категоризаций (7%) приходится на интертекстуальные, например: «“Холмы” содержат элементы средневековой сказки, особенно поразительное сходство обнаруживается со сказкой братьев Grimm “Умный Ганс”. Эта сказка почти полностью состоит из диалога (в точности как рассказ – диалог Хемингуэя), сказка в форме ситуаций-повторов описывает отношения между эгоистичным и настойчивым молодым человеком и терпеливой, готовой на самопожертвование девушкой»²⁷.

Как видим, категоризации – это часть единого целого, а именно моделируемого в сознании образа текста, основная проекция которого самым

тесным образом зависит от проекций альтернативных. Художественная категоризация – это способ и возможность доступа для читателя к метасмыслу текста. Ощущение неоднозначности текста возникает у читателя тогда, когда возможны одновременно несколько категоризаций, что происходит чаще всего если метапропозиция текста не выражена прямо.

Примечания

- 1 Богатырева И.И., Антонов А.В., Курзинер Е.С. Гипертекст, контекст и подтекст в поисково-аналитической системе «Галактика-Zoom»//www.dialog21.ru/dialog2006/materials/html/Bogatyрева.htm. С. 2. – 30.09.2008.
- 2 См., например: Залевская А.А. Понимание текста: Психолингвистический подход. Калинин, 1988; Рафикова Н.В. Динамика ядра и периферии семантического поля текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1994.
- 3 См.: Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997.
- 4 См.: Рафикова Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста. Тверь, 1999.
- 5 Там же. С. 58.
- 6 Там же. С. 109–110.
- 7 Там же. С. 85.
- 8 Там же. С. 86.
- 9 Там же. С. 88.
- 10 Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегия понимания связного текста// Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. С. 175.
- 11 Залевская А.А. Некоторые проблемы понимания текста// Вопросы языкознания. 2002. № 3. С. 64.
- 12 Дейк Т.А. ван, Кинч В. Указ. соч. С. 175.
- 13 См.: Воскресенский И.В. Эффект обманутых ожиданий// Психолингвистические исследования слова и текста. Тверь, 2001. С. 132–139.

- 14 Богин Г.И. Школа рефлексии и рефлексивности// Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы. Барнаул, 2000. С. 43.
- 15 Итоговые наблюдения над сюжетом// en.wikipedia.org/wiki/Hills_Like_White_Elephants. – 30.09.2008.
- 16 Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980. С. 89.
- 17 «Холмы как белые слоны»// www.ehow.com/how_2223180_hemingways_hills_like_white_elephants. – 30.09.2008.
- 18 Chatman S. The Structure of Narrative Transmission// Style and Structure in Literature. Cornell University Press. Ithaca. New York, 1975. P. 245.
- 19 Эссе по рассказу Э. Хемингуэя «Холмы как белые холмы»// www.planetpapers /com/Assets/4446.php. – 30.09.2008.
- 20 Анализ текста// ontoseencontros.wordpress.com/2008/03/30/hills_like_white_elephants.html. – 28.09.2008.
- 21 Символизм в рассказе Э. Хемингуэя «Холмы похожие на белых слонов»// www.etsu.edu/writing/studentsamlit/hemingway.html. – 30.09.2008.
- 22 Содержание и суть рассказа Э. Хемингуэя «Холмы как белые слоны»// www.bookrags.com/Hills_Like_White_Elephants. – 30.09.2008.
- 23 Как анализировать «Холмы как белые слоны»// English/Analysis_of_Hills_Like_White_Elephants.html. – 30.09.2008.
- 24 Тайные смыслы «Холмов как белых слонов»// storybites.com/hemingwayhills.htm.
- 25 Mellow J. A Life Without Consequence. Boston: Houghton Mifflin Company, 1992. P. 249.
- 26 Опыт анализа рассказа Э. Хемингуэя «Холмы как белые слоны»// www.dailyprincetonian.com/archives/2003/10/02/news/8693. – 30.09.2008.
- 27 Тайны «Белых холмов» //www.csus.edu/indiv/m/maddendw/can&hills. – 30.09.2008.

УДК 811.161.1'37

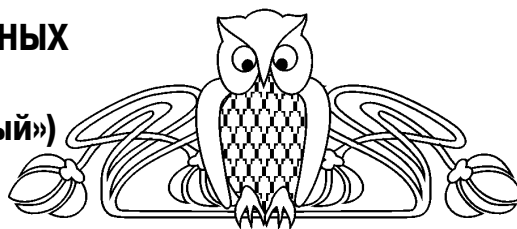
ВОЗРАСТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ (на материале полей «простой», «легкий», «трудный», «тяжелый», «сложный»)

Е.В. Маркова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики
E-mail: olena-saratoff@mail.ru

В статье осуществлен анализ ассоциативных полей «простой», «легкий», «трудный», «тяжелый», «сложный» в динамическом аспекте.

Ключевые слова: антонимия, ассоциативное поле, динамика полей.

Associative Links' Fluctuations with Age (Fields «Simple», «Easy», «Difficult», «Heavy», «Complex»)

Y.V. Markova

The article analyses the associative fields «simple», «easy», «difficult», «heavy», «complex» in dynamic aspect.

Key words: antonymy, associative field, field dynamics.

тесным образом зависит от проекций альтернативных. Художественная категоризация – это способ и возможность доступа для читателя к метасмыслу текста. Ощущение неоднозначности текста возникает у читателя тогда, когда возможны одновременно несколько категоризаций, что происходит чаще всего если метапропозиция текста не выражена прямо.

Примечания

- 1 Богатырева И.И., Антонов А.В., Курзинер Е.С. Гипертекст, контекст и подтекст в поисково-аналитической системе «Галактика-Zoom»//www.dialog21.ru/dialog2006/materials/html/Bogatyрева.htm. С. 2. – 30.09.2008.
- 2 См., например: Залевская А.А. Понимание текста: Психолингвистический подход. Калинин, 1988; Рафикова Н.В. Динамика ядра и периферии семантического поля текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1994.
- 3 См.: Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997.
- 4 См.: Рафикова Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста. Тверь, 1999.
- 5 Там же. С. 58.
- 6 Там же. С. 109–110.
- 7 Там же. С. 85.
- 8 Там же. С. 86.
- 9 Там же. С. 88.
- 10 Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегия понимания связного текста// Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. С. 175.
- 11 Залевская А.А. Некоторые проблемы понимания текста// Вопросы языкознания. 2002. № 3. С. 64.
- 12 Дейк Т.А. ван, Кинч В. Указ. соч. С. 175.
- 13 См.: Воскресенский И.В. Эффект обманутых ожиданий// Психолингвистические исследования слова и текста. Тверь, 2001. С. 132–139.

- 14 Богин Г.И. Школа рефлексии и рефлексивности// Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы. Барнаул, 2000. С. 43.
- 15 Итоговые наблюдения над сюжетом// en.wikipedia.org/wiki/Hills_Like_White_Elephants. – 30.09.2008.
- 16 Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980. С. 89.
- 17 «Холмы как белые слоны»// www.ehow.com/how_2223180_hemingways_hills_like_white_elephants. – 30.09.2008.
- 18 Chatman S. The Structure of Narrative Transmission// Style and Structure in Literature. Cornell University Press. Ithaca. New York, 1975. P. 245.
- 19 Эссе по рассказу Э. Хемингуэя «Холмы как белые холмы»// www.planetpapers.com/Assets/4446.php. – 30.09.2008.
- 20 Анализ текста// ontoseencontros.wordpress.com/2008/03/30/hills_like_white_elephants.html. – 28.09.2008.
- 21 Символизм в рассказе Э. Хемингуэя «Холмы похожие на белых слонов»// www.etsu.edu/writing/studentsamlit/hemingway.html. – 30.09.2008.
- 22 Содержание и суть рассказа Э. Хемингуэя «Холмы как белые слоны»// www.bookrags.com/Hills_Like_White_Elephants. – 30.09.2008.
- 23 Как анализировать «Холмы как белые слоны»// English/Analysis_of_Hills_Like_White_Elephants.html. – 30.09.2008.
- 24 Тайные смыслы «Холмов как белых слонов»// storybites.com/hemingwayhills.htm.
- 25 Mellow J. A Life Without Consequence. Boston: Houghton Mifflin Company, 1992. P. 249.
- 26 Опыт анализа рассказа Э. Хемингуэя «Холмы как белые слоны»// www.dailyprincetonian.com/archives/2003/10/02/news/8693. – 30.09.2008.
- 27 Тайны «Белых холмов» //www.csus.edu/indiv/m/maddendw/can&hills. – 30.09.2008.

УДК 811.161.1'37

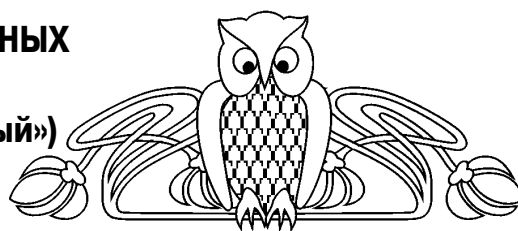
ВОЗРАСТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ (на материале полей «простой», «легкий», «трудный», «тяжелый», «сложный»)

Е.В. Маркова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики
E-mail: olena-saratoff@mail.ru

В статье осуществлен анализ ассоциативных полей «простой», «легкий», «трудный», «тяжелый», «сложный» в динамическом аспекте.

Ключевые слова: антонимия, ассоциативное поле, динамика полей.

Associative Links' Fluctuations with Age (Fields «Simple», «Easy», «Difficult», «Heavy», «Complex»)

Y.V. Markova

The article analyses the associative fields «simple», «easy», «difficult», «heavy», «complex» in dynamic aspect.

Key words: antonymy, associative field, field dynamics.

Отношения антонимии выступают одним из важнейших видов системно-семантических отношений между единицами языка. В настоящее время имеется большое количество работ, посвященных лексической антонимии и выполненным на материалах ассоциативного теста¹.

Предметом исследования настоящей работы является анализ реакций на стимулы-антонимы.

Специфика настоящего исследования заключается в том, что работа была выполнена на большом материале «Ассоциативного словаря школьников города Саратова и Саратовской области» (АСШС). Ассоциативные поля анализировались в динамическом аспекте.

Наша работа проводилась в следующих направлениях:

1) исследование ассоциативных полей проводилось по отдельности по следующему плану: рассматривались главные ассоциаты (реакции, доля которых не меньше 5% среди всех получен-

ных реакций на стимул²); рассматривалась доля нулевых реакций; исследовалась встречаемость членов других ассоциативных полей в рассматриваемом поле; изучались доли антонимических реакций; изучалась доля реакций-синонимов;

2) привлекались данные «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой.

Ассоциативное поле «легкий»

На стимул легкий было проанализировано 665 реакций учеников со II по XI классы. В «Толковом словаре русского языка» выделяется несколько значений слова «легкий». Реакции школьников II–XI классов, представленные в АСШС, соответствуют двум из них: «незначительный по весу» и «без больших усилий, труда».

На стимул легкий дано большое количество антонимических реакций (табл. 1).

Таблица 1

Ассоциативные реакции на стимул легкий, %

Реакции	Классы			
	II–IV	V–VI	VII–VIII	IX–XI
Антонимические	19,63	27,78	24,84	8,72
Синонимы	6,52	3,08	3,72	6,97
Соотносящиеся со значением стимула «незначительный по весу»	58,88	64,10	55,31	68,64
Соотносящиеся со значением стимула «без больших усилий, труда»	0,93	2,64	4,96	6,96
Нулевые	7,46	4,40	4,96	3
Другие	7,48	4	6,21	5,23

Как видно из приведенной табл. 1, доля антонимических реакций уменьшается к XI классу за счет возрастания доли реакций, соотносящихся со значением стимула «незначительный по весу» и «без больших усилий, труда». Реакции, соотносящиеся со значением стимула «незначительный по весу», преобладают во всех классах, что говорит о том, что данное значение является основным и первым, которое усваивается еще в начальной школе. Другое же значение является производным и более сложным для усвоения.

Доля нулевых реакций значительно уменьшается к старшим классам, что говорит об усвоении значения слова «легкий».

По данным исследования ассоциативного поля стимула легкий, из нескольких возможных антонимов школьники приводят реакцию *тяжелый*. Только лишь в V–VI классах в качестве антонима приводится прилагательное «трудный», но доля данной реакции очень мала (0,89%).

Анализ главных ассоциатов также подтверждает вывод о первостепенности значения «незначительный по весу», так как со II по XI классы главными реакциями являются слова *пух, ветер, ветерок*.

Ассоциативное поле «тяжелый»

На данный стимул было исследовано 985 реакций. Среди ответов испытуемых наиболее ярко представлены два значения: «имеющий большой вес» и «трудный, требующий большого труда, больших усилий».

Проанализируем сведения табл. 2.

Доля антонимических реакций резко падает к XI классу за счет возрастания доли реакций, соотносящихся со значением стимула «требующий больших усилий, труда». Основное место занимают реакции, соотносящиеся со значением стимула «значительный по весу», что показывает, что данное значение основное и усваивается еще в начальной школе. Другое же значение – «требующий больших усилий, труда» – не является первостепенным для учащихся младших классов, но постепенно к старшим классам становится актуальным, чего мы не наблюдали при исследовании ассоциативного поля «легкий». Актуализацию значения «требующий больших усилий, труда» доказывает и тот факт, что среди главных ассоциатов в возрастной группе IX–XI классов появляется реакция *труд*.

Таблица 2

Ассоциативные реакции на стимул **тяжелый**, %

Реакции	Классы			
	II–IV	V–VI	VII–VIII	IX–XI
Антонимические	34,64	23,56	32,14	10,32
Синонимы	1,96	0,48	1,02	7,64
Соотносящиеся со значением стимула «значительный по весу»	28,09	59,15	47,46	50,18
Соотносящиеся со значением стимула «требующий больших усилий, труда»	3,64	6,72	10,71	22,88
Нулевые	1,96	5,77	4,59	7
Другие	11,47	4,32	4,08	2

Среди реакций-антонимов первое место занимает антоним «легкий».

Реакции-синонимы менее представлены в ассоциативном поле «тяжелый», в данном случае антонимические связи наиболее сильны.

Следует обратить внимание на возрастание доли нулевых реакций к XI классу, что говорит об усложнении поля стимула «тяжелый».

Ассоциативное поле «трудный»

Реакции ассоциативного поля «трудный» можно свести к трем группам: во-первых, реакции, соотносящиеся со значением стимула «требующий большого труда»; во-вторых, реакции, соотносящиеся со значением «закрывающий в себе затруднения»; в-третьих, «с трудом поддающийся воздействию, доставляющий беспокойство».

Реакции, соотносящиеся со значением стимула «требующий большого труда», почти не представлены в ассоциативном поле стимула **трудный** (доля таких реакций с V по XI классы составляет 0%, лишь в возрастной группе II–IV классы 0,82%, но это единичная реакция). А вот две другие группы заслуживают пристального изучения. В начальной школе первичным значе-

нием является значение «закрывающий в себе затруднения» (доля подобных реакций составляет 43,95%). К старшим классам доля этих реакций значительно уменьшается – до 28,71%; реакции, соотносящиеся со значением стимула «с трудом поддающийся воздействию, доставляющий беспокойство» к XI классу резко возрастают – с 9,7 до 30%. К старшим классам усваивается такое значение слова, как «с трудом поддающийся воздействию, доставляющий беспокойство». Об этом же свидетельствует и анализ главных ассоциатов: если в начальной школе в число главных ассоциатов входили слова *труд, день, задача, урок*, то к старшим классам главной реакцией является реакция *ребенок*.

Доля антонимических реакций сравнительно небольшая и варьирует от 3 до 5%. Основным антонимом является слово «легкий». Испытуемые очень много приводят реакций-синонимов на стимул **трудный**. Доля синонимических реакций к старшим классам возрастает до 19,55%.

Доля нулевых реакций с возрастом уменьшается. В начальной школе нулевые реакции составляют 15,76%. К старшим классам эта цифра уменьшается до 6%.

Все выводы нами были сделаны при анализе табл. 3.

Таблица 3

Ассоциативные реакции на стимул **трудный**, %

Реакции	Классы			
	II–IV	V–VI	VII–VIII	IX–XI
Антонимические	3,03	5,66	1,32	5,37
Синонимы	3,04	13,22	14,48	19,55
Соотносящиеся со значением стимула «требующий большого труда»	0,82	0	0	0
Соотносящиеся со значением стимула «закрывающий в себе затруднения»	43,95	33,94	45,97	28,71
Соотносящиеся со значением стимула «с трудом поддающийся воздействию, доставляющий беспокойство»	9,7	5,66	15,8	30
Нулевые	15,76	22,64	9,21	6
Другие	23,70	18,88	13,16	10,27

Ассоциативное поле «простой»

На стимул простой было проанализировано 684 реакции. Следует отметить, что реакции на данный стимул весьма разнообразны. Наиболее ярко представлены следующие значения: «самый обыкновенный», «добродушный», «глуповатый», «грубый по обработке», «незамысловатый». Самой частотной реакцией во всех возрастных группах была реакция *человек*, доля которой варьирует от 16 до 31%. Мы отнесли пару простой – *человек* к реакциям, соотносящимся со значением стимула «самый обыкновенный». Все остальные значения мы свели в одну группу – реакций с переносным значением.

Антонимические реакции на данный стимул с возрастом увеличиваются, как и реакции-синонимы. Данный стимул вступает в антонимические отношения со многими словами: *сложный, трудный, тяжелый*. Отметим, что эти слова в качестве стимулов не давали антонима «простой».

Доля нулевых реакций в младших классах весьма большая – 14,81%, что говорит об определенной трудности в осознании данного слова.

Первое место во всех возрастных группах принадлежит реакциям, соотносящимся со значением стимула «самый обыкновенный» (табл. 4).

Ассоциативное поле «сложный»

Среди реакций на стимул сложный представлены реакции, соотносящиеся со значениями стимула «состоящий из нескольких частей» и «трудный, запутанный». Несмотря на то что значение слова «сложный» – «состоящий из нескольких частей» в словаре приводится первым, данные АСПС говорят о том, что первичным значением является «трудный, запутанный».

Среди реакций-антонимов первое место занимает реакция *легкий*, второе – реакция *простой*. В различных возрастных группах, как видно из таблицы, антонимические отношения между стимулом и реакцией ослабевают за счет возрастания доли синонимов, что связано и с долей реакций, соотносящихся со значением стимула «трудный, запутанный» (табл. 5).

Таблица 4

Динамика ассоциативных реакций на стимул простой, %

Реакции	Классы			
	II–IV	V–VI	VII–VIII	IX–XI
Антонимические	7,26	5,4	17,3	15,34
Синонимы	15,44	11,86	15,30	23,35
Соотносящиеся со значением стимула «самый обыкновенный»	28,09	62,26	42,2	30,62
Соотносящиеся с переносным значением	7,87	4,31	14,40	14,59
Нулевые	14,81	7,53	3,6	6
Другие	26,53	8,64	7,2	10

Таблица 5

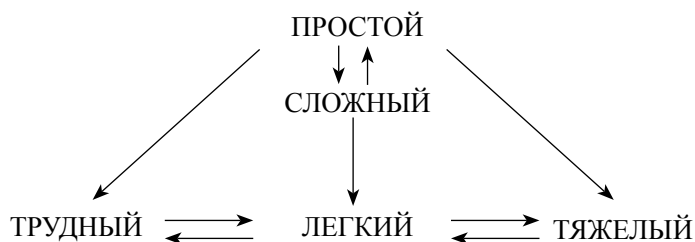
Динамика ассоциативных реакций на стимул сложный, %

Реакции	Классы			
	II–IV	V–VI	VII–VIII	IX–XI
Антонимические	6,60	8,7	20	4,95
Синонимы	6,59	17,79	7	22,77
Соотносящиеся со значением стимула «состоящий из нескольких частей»	9,41	5,22	17	9,9
Соотносящиеся со значением стимула «трудный, запутанный»	60,47	56,5	43	50,5
Нулевые	2,83	8,7	4	4
Другие	14,1	6,09	9	8

Исследование ассоциативных полей позволяет нам составить схему антонимических связей между исследуемыми словами (рисунок).

В данном случае стрелка обозначает антонимическую мотивированность. Важно отметить, что данные слова выступают и в качестве

стимулов и в качестве реакций. Реакция *легкий* приводится в качестве антонима для стимулов *трудный, тяжелый, сложный*. Для стимула простой антонимами выступают две реакции – *трудный* и *тяжелый*, а стимул-прилагательное сложный имеет два антонима – *простой* и *легкий*.

Антонимические отношения между исследуемыми словами-стимулами-реакциями говорят о том, что внутри рассматриваемых групп имеются связи, которые образованы перекрещиванием полей.

Составленные таблицы (1–5) демонстрируют динамику изменения доли реакций-антонимов и реакций-синонимов. Эти изменения происходят по-разному, поскольку динамика связана со значением исследуемых стимулов.

Примечания

- ¹ См.: *Медведева И.Л.* Опыт психолингвистического исследования антонимии // *Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики.* Калинин, 1981. С. 68–81.
- ² См.: *Гольдин В.Е., Сдобнова А.П.* Русская ассоциативная лексикография: Учеб. пособие для студ. вузов. Саратов, 2008.

УДК 821(1-87)

ТЕЛО СКВОЗЬ ПРИЗМУ НАУЧНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ РОМАНТИЗМА

М.А. Куличихина

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: mirada22@yandex.ru

Статья посвящена различным образам тела в романтической литературе и взаимодействию научного и художественного подходов к человеческому телу. На материале произведений Фр. Шлегеля, Новалиса, Л.А. фон Арнима, Э.Т.А. Гофмана и Мэри Шелли выявляется противоречивое отношение писателей-романтиков к науке: интерес, недоверие и прозрение опасностей неконтролируемого знания, лишённого этической и эстетической составляющих.

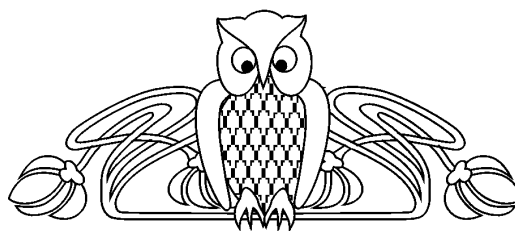
Ключевые слова: тело, романтизм, наука, художественное восприятие, Фр. Шлегель, Новалис, Л.А. фон Арним, Э.Т.А. Гофман, Мэри Шелли.

The Body in the Light of Scientific and Artistic Perceptions in the Romantic Literature

М.А. Kulichikhina

The article is focused on various body images in the Romantic literature and the interaction between scientific and artistic approaches to the human body. On the material of works by Fr. Schlegel, Novalis, L.A. von Arnim, E.T.A. Hoffmann and Mary Shelley we have studied the controversial attitude to science by Romantic authors, including the interest, distrust and warnings about the dangers of uncontrolled knowledge, lacking in ethical and aesthetical components.

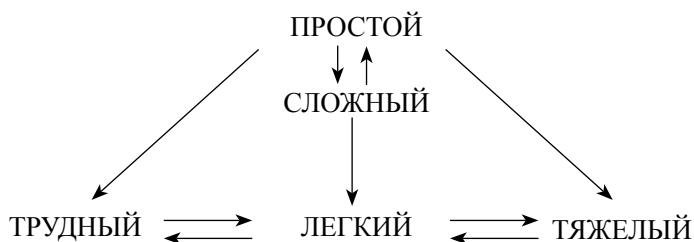
Key words: body, Romanticism, science, artistic perception, Friedrich Schlegel, Novalis, L.A. von Arnim, E.T.A. Hoffmann, Mary Shelley.

Романтическая эпоха в Европе была отмечена сложными взаимоотношениями быстро развивающейся промышленности, науки и художественного сознания. Неудачная попытка улучшить мир, предпринятая Просвещением, обернулась горьким разочарованием в силе разума и неверием в возможность рационального постижения тайн вселенной. Это разочарование привело к тому, что романтики начали исследовать сферу духовного и ту часть человеческой жизни, которую сейчас мы определяем как бессознательное, открывать новые горизонты во времени и пространстве, создавать и развенчивать мифы эпохи. Романтическая эстетика дает нам удивительную перспективу сопротивления художника обществу, которое становилось все более технологичным, индустриальным, научным, обезбоженным и обезчелоченным, лишённым красоты и воображения.

Тем не менее было бы неточно считать романтических писателей противниками науки. Напротив, многие авторы эпохи (напр., Людвиг Ахим фон Арним, Новалис, Э.Т.А. Гофман, С.Т. Кольридж) серьезно интересовались современной наукой, в том числе медициной, оптикой и механикой.

Поэты-романтики не могли игнорировать глубокие политические и экономические изменения во время бурного технологического прогресса и зарождения общества потребления. Их отношение к науке и технологии объединяло интерес и страх, неприятие и восторг; они были очарованы новыми открытиями, пытались изучить и понять

Антонимические отношения между исследуемыми словами-стимулами-реакциями говорят о том, что внутри рассматриваемых групп имеются связи, которые образованы перекрещиванием полей.

Составленные таблицы (1–5) демонстрируют динамику изменения доли реакций-антонимов и реакций-синонимов. Эти изменения происходят по-разному, поскольку динамика связана со значением исследуемых стимулов.

Примечания

- ¹ См.: *Медведева И.Л.* Опыт психолингвистического исследования антонимии // *Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики.* Калинин, 1981. С. 68–81.
- ² См.: *Гольдин В.Е., Сдобнова А.П.* Русская ассоциативная лексикография: Учеб. пособие для студ. вузов. Саратов, 2008.

УДК 821(1-87)

ТЕЛО СКВОЗЬ ПРИЗМУ НАУЧНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ РОМАНТИЗМА

М.А. Куличихина

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: mirada22@yandex.ru

Статья посвящена различным образам тела в романтической литературе и взаимодействию научного и художественного подходов к человеческому телу. На материале произведений Фр. Шлегеля, Новалиса, Л.А. фон Арнима, Э.Т.А. Гофмана и Мэри Шелли выявляется противоречивое отношение писателей-романтиков к науке: интерес, недоверие и прозрение опасностей неконтролируемого знания, лишённого этической и эстетической составляющих.

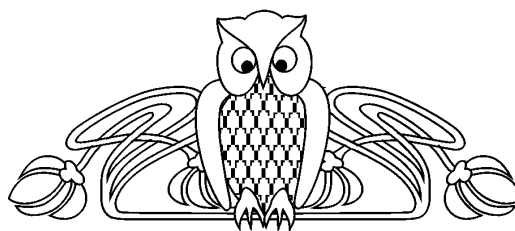
Ключевые слова: тело, романтизм, наука, художественное восприятие, Фр. Шлегель, Новалис, Л.А. фон Арним, Э.Т.А. Гофман, Мэри Шелли.

The Body in the Light of Scientific and Artistic Perceptions in the Romantic Literature

М.А. Kulichikhina

The article is focused on various body images in the Romantic literature and the interaction between scientific and artistic approaches to the human body. On the material of works by Fr. Schlegel, Novalis, L.A. von Arnim, E.T.A. Hoffmann and Mary Shelley we have studied the controversial attitude to science by Romantic authors, including the interest, distrust and warnings about the dangers of uncontrolled knowledge, lacking in ethical and aesthetical components.

Key words: body, Romanticism, science, artistic perception, Friedrich Schlegel, Novalis, L.A. von Arnim, E.T.A. Hoffmann, Mary Shelley.

Романтическая эпоха в Европе была отмечена сложными взаимоотношениями быстро развивающейся промышленности, науки и художественного сознания. Неудачная попытка улучшить мир, предпринятая Просвещением, обернулась горьким разочарованием в силе разума и неверием в возможность рационального постижения тайн вселенной. Это разочарование привело к тому, что романтики начали исследовать сферу духовного и ту часть человеческой жизни, которую сейчас мы определяем как бессознательное, открывать новые горизонты во времени и пространстве, создавать и развенчивать мифы эпохи. Романтическая эстетика дает нам удивительную перспективу сопротивления художника обществу, которое становилось все более технологичным, индустриальным, научным, обезбоженным и обезчелоченным, лишённым красоты и воображения.

Тем не менее было бы неточно считать романтических писателей противниками науки. Напротив, многие авторы эпохи (напр., Людвиг Ахим фон Арним, Новалис, Э.Т.А. Гофман, С.Т. Кольридж) серьезно интересовались современной наукой, в том числе медициной, оптикой и механикой.

Поэты-романтики не могли игнорировать глубокие политические и экономические изменения во время бурного технологического прогресса и зарождения общества потребления. Их отношение к науке и технологии объединяло интерес и страх, неприятие и восторг; они были очарованы новыми открытиями, пытались изучить и понять

их, предупреждали о тех последствиях прогресса, с которыми мы сталкиваемся сейчас, – таких как разрушение гармонии между человечеством и окружающей средой вследствие промышленного развития, стирающаяся граница между человеком и машиной, естественным и искусственным, потеря идентичности. Романтики одними из первых поняли опасность неконтролируемого знания, лишённого этической и эстетической составляющих.

Противоречие между научным и художественным взглядами на мир особенно ярко проявляется на примере концепций тела. Человеческое тело – место встречи Космоса и Земли – постепенно становилось объектом политической власти (как показал Мишель Фуко в «Надзирать и наказывать») и полем битвы научного и художественного менталитетов. Медицина открывала новые горизонты и измерения в человеческом теле, но не оставляла места для души.

Анатомия – ключ к тайнам человеческого тела – была важна как для медиков, так и для художников. В предромантическом дискурсе благодаря влиятельным работам Декарта («Рассуждение о методе», «Описание человеческого тела») и Ламетри («Человек-машина») механистическая картина мира была широко распространена; машина стала общепринятой метафорой для описания многих систем, в том числе вселенной и человеческого тела. Философское мировоззрение становилось все более материалистическим, мыслители постепенно пришли к исключению Бога из картины мира: если философ Декарт оставлял место для души в своей системе, то врач Ламетри отменил понятие души, оставляя человека наедине с телом. Из ключа анатомия превратилась в отмычку – инструмент, с помощью которого можно вскрыть тело и лишить его идентичности, что вызвало сопротивление романтических писателей.

Художественно мыслящие, эстетически восприимчивые и глубоко заинтересованные в современной науке, поэты-романтики остро ощущали присутствие влиятельных научных и квазинаучных концептов (тело-машина, физиогномика) и объектов (марионетки, автоматы) в современной жизни, бытовой и идейной. Стоит упомянуть, что реальные автоматы – механические куклы, например музыкантша Вокансона и работы братьев Жаке-Дрозе, произвели фурор в Европе XVIII в. Захватывали воображение писателей также гальванизированные трупы и образы европейского и еврейского фольклора – големы, живые мертвецы, реальные или воображаемые монстры. Этот калейдоскоп образов тела отражается и переосмысливается в романтических текстах и делает их чрезвычайно интересными, так как философия, алхимия, анатомия, живопись, физиогномика, наука и суеверия сплетаются здесь в единое целое. Поэтому конфликт между художественным и научным концептами тела при анализе литературного текста не стоит рассматривать как неразрешимую антиномию, но как источник дра-

матического напряжения, внутренней энергетики произведения.

В немецком романтизме одним из основных объектов интереса был образ романтического *Künstler'a* (художника, человека искусства) – гения, поэта, живописца или музыканта. Для изучения тела в литературе особенно интересны герои-художники, так как возникает определенная рефлексия: образы тела художника и образы тел, изображаемых художником.

В скандальном для того времени романе «Люцинда» (1799) Фридриха Шлегеля – одного из основателей йенской романтической школы – оба главных героя, Юлий и Люцинда – художники. Посвященные в эстетическое восприятие человеческого тела, они могут наслаждаться собственным материальным существованием через физическую любовь, усиленную взаимопониманием и духовным родством. Художественный подход к телу в раннем немецком романтизме полон оптимизма, открывает путь для выражения естественной и прекрасной сексуальности и любви, ведущей к не менее естественному и прекрасному результату – ребенку (в романе Шлегеля у главной героини рождается дочь Вильгельмина).

Другой поэт йенской школы Новалис глубоко интересовался философией и геологией (он учился в горной академии, слушал лекции по философии у Фихте). Строение земли и неба, человеческого тела и загадка души, взаимосвязь человека и мира были объектами художественного исследования для поэта и его героев. Знаменитые «Гимны к ночи» (1800) полны сложных метафор, представляющих тело как микрокосм. Трагический опыт в личной жизни поэта (ранняя смерть его возлюбленной Софи Кюн) заставляет его переосмыслить дихотомию душа/тело: тело обретает вечность в Космосе благодаря поэзии, великая гармония небесных тел созвучна гармонии тела человеческого. Поэт видит женские черты в лике Ночи: «... в испуге блаженном вижу, как склоняется ко мне благоговейно и нежно задумчивый лик, и в бесконечном сплетенье прядей угадываются ненаглядные юные черты матери»¹; он также помещает свою возлюбленную среди вечных звезд: «Облаком праха клубился холм – сквозь облако виделся мне просветленный лик любимой. В очах у нее опочила вечность, – руки мои дотянулись до рук ее, с нею меня сочетали, сияя, нерасторжимые узы слез. Тысячелетия канули вдаль, миновав, словно грозы. У ней в объятьях упился я новою жизнью в слезах. – Это пригрезилось мне однажды и навеки, и с тех пор я храню неизменную вечную веру в небо Ночи, где светит возлюбленная»².

В шедевре Новалиса, романе воспитания романтического художника «Генрих фон Офтердинген» (опубликован посмертно в 1802 г.), возлюбленная Генриха Матильда появляется сначала в голубом цветке, затем как дочь поэта Клингсора, в другом сне героя мы узнаем о ее смерти, но она

возрождается в других женских образах (в пояснениях Тика к незаконченной части романы мы узнаем, что Матильда одновременно и восточная женщина, и Циана). Поэзия и артистический подход к реальности преобразуют мир, помогают преодолеть границы тела и смертного бытия. У Новалиса нет прямой оппозиции между наукой и поэзией, так как каждая сфера человеческого опыта, включая и научную, становится инструментом для поэтического становления главного героя.

В позднем немецком романтизме, а также в более материалистическом и эмпирическом британском конфликт между научным и художественным подходами к реальности и к телу становится одной из доминантных тем. Художник работает с уникальным живым телом, наделенным душой; ученый исследует мертвую материю, которую можно расчленивать, изучить и воспроизвести, что чаще всего приводит к катастрофическим последствиям.

В знаменитой новелле «Песочный человек» Э.Т.А. Гофмана (1816–1817) главный герой, поэт Натанаэль, влюбляется в автомат Олимпию, машину, созданную «песочным человеком» Копполой и профессором Спаланцани. Он не видит, что его возлюбленная – всего лишь кукла, потому что его зрение искажено оптическими приборами и его собственным художественным воображением. В поэтическом пылу он наделяет прекрасную машину душой и пониманием. Это художественное отношение к механическому продукту приводит к трагедии: Натанаэль умирает вскоре после разоблачения и разрушения куклы, когда снова встречается Копполу. Если инженеры Коппола и Спаланцани (хотя они изображены в мистическом свете) создают механизм, используя научную модель, воображение Натанаэля создает живое существо. Его безумие и смерть свидетельствуют об опасности романтического воображения, искаженного оптикой и приложенного к продукту современной промышленности, – включение художественного в механику приводит к катастрофе. Лейтмотив оптики и зрения (глаза, очки, подозрительные трубы многократно появляются в произведении) также ставит под вопрос объективность человеческого восприятия действительности и саму действительность, которая может изменяться в зависимости от того, через какие линзы на нее смотреть.

В другой новелле – «Советник Креспель» (1817) – несоответствие между научным (медицинским) и артистическим (музыкальным) подходами к телу также очевидно. Главная героиня Антония, дочь советника Креспеля, – удивительно одаренная певица, но выясняется, что ее божественный голос – следствие (или причина) грудной болезни:

«Доктор, чье лицо с самого начала разговора выражало глубочайшую озабоченность, ответил: “Происходит ли это от слишком раннего напряжения в пении или от недоброго каприза природы – бог весть, но Антония страдает органическим пороком, угнездившимся в груди, и это именно

он придаст ее голосу такую удивительную силу и такое необычное, я бы сказал – превосходящее пределы человеческого голоса, – звучание. Но неминуемым следствием этого будет и ранняя смерть, ибо если она не перестанет петь, я не дам ей и полгода срока”»³.

Романтическая героиня любит музыку, но пение означает для нее смерть. Несчастный советник, который сам увлечен музыкой – он собирает старинные скрипки и также считается талантливым скрипичным мастером, – пытается предотвратить трагедию, но к отцовским чувствам примешивается ревность: он ревнует дочь к молодому композитору Б. и однажды заставляет ее петь под аккомпанемент возлюбленного, что вызывает у певицы сильный приступ. После этого случая Антония живет с отцом без любимого и без искусства, советник оберегает ее от пения, вместо нее «поет» скрипка старого мастера. Но однажды советнику чудится, что Б. возвращается, он слышит пение Антонии, потом видит – или думает, что видит, – влюбленных вместе и, очнувшись от странного видения, находит Антонию мертвой.

В этом произведении противоречие между научным и художественным подходом к телу изображено особенно остро: то, что для музыканта редкий талант, с точки зрения врача – болезнь. Гофман также выражает здесь идею, что для филлистера гениальность – своего рода болезнь и в дискурсах механистической, индустриальной эры быть гениальным – значит быть (физически) ненормальным. Конфликт между медицинским и музыкальным взглядами на талант Антонии неразрешим: в финале музыка берет верх над здравым смыслом (остается загадкой, слышал ли Креспель реальное или воображаемое пение), но эта победа оборачивается поражением – Антония умирает.

Вместе с Антонией погибает и ее предметный двойник – старинная скрипка:

«– Когда она умерла, – заговорил советник глухим и торжественным голосом, – когда она умерла, в той скрипке с гулким треском сломалась дужка и надвое раскололась дека. Верная эта подруга могла жить только с ней, только в ней; она лежит подле нее в гробу, она похоронена вместе с нею»⁴.

Музыкальный инструмент – предмет – дублирует человеческое тело и человеческий голос, он ломается, когда человек умирает. Если принять метафору скрипки-тела, занятие Креспеля – изучение старинных скрипок, которые он разбирает, чтобы понять секрет их особого звука, – можно сравнить с анатомией. Разнимая скрипки, препарируя их, он ломает их и выбрасывает – так и анатомия работает только с мертвым телом. Единственная скрипка, на которую у Креспеля не поднимается рука, – та самая старинная скрипка, двойник Антонии, но и она «умирает» вместе со смертью хозяйки. Научное, механистическое постижение тела у Гофмана трагически несовместимо с его художественным, музыкальным пониманием.

Ярчайший образец конфликта между художественной и научной концепциями тела мы видим и в британском романтизме, – в знаменитом романе Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818).

Одержимый жаждой знания и исполненный юбриса, Виктор создает искусственного человека, используя части трупов, собирая их, как машину, но его создание оказывается монстром. Его случай в определенном смысле противоположен истории Натанаэля: если последний прикладывает художественное воображение к машине, очеловечивая ее, то Виктор, напротив, целенаправленно создает искусственного человека, следуя механистическим принципам сборки, но ему не удается достичь гармонии целого – его создание безобразно, Франкенштейн добивается успеха как ученый, но терпит неудачу как художник. Мэри Шелли показывает, что механическое, ненатуральное создание без художественного чутья ведет к катастрофе. Бритта Геррманн справедливо замечает: «В 1818 году Мэри Шелли в своем романе “Франкенштейн, или Современный Прометей” изобразила тип ученого, который, не различая границ между дискурсами науки и искусства, пытается стать творцом. Запершись в своем кабинете, он облакает в тело фантом своей фантазии»⁵. Цель ученого – создать совершенное и красивое творение, но он терпит полную неудачу: «... после того как ученый успешно производит и оживляет своего “ребенка”, изделие из локутов трупной плоти, он должен признать, что вместо этого создал “жалкого монстра” – непропорционального и невыносимого на вид: “вся прелесть мечты исчезла, и сердце мое наполнилось несказанным ужасом и отвращением”»⁶.

Механистический закон сборки не работает в искусстве и творении, он не работает также при создании тела, по крайней мере красивого тела. Эта эстетическая неудача означает катастрофу для Франкенштейна и людей, окружающих его. Мэри Шелли предупреждает, что прогресс, лишённый эстетического и этического чувства, порождает монстров.

Тема красоты была крайне важной для поэтов-романтиков, они не соглашались с классицистической идеей прекрасного как монтажа частей, подобранных по раз и навсегда установленным законам, застывшим стандартам, но искали целостности и индивидуальности, которых наука, работающая со стандартизированными объектами, дать не могла. Тем не менее, романтическая одержимость красотой содержала в себе и негативный компонент: телесная красота часто поверхностна, и, судя людей по внешности, мы зачастую не замечаем внутреннего содержания. С этой точки зрения интересно то, что в романе Мэри Шелли у монстра, по-видимому, есть эстетическое чувство, как замечает Венди Стейнер в книге «Горе от красоты»: «... ученый komponует живое существо из инертных частей тела, но

сам ужасается уродливости своего творения и считает его чудовищем. Монстр, в свою очередь, становится страстным ценителем, постоянно наблюдающим людей издалека, хотя сам остается не замеченным ими (...) В отличие от ученого, монстр считает существ, которых он рассматривает, исключительно красивыми, их красота пробуждает в нем любовь. Он пытается “улучшить” себя, чтобы стать достойным этих прекрасных созданий, но неважно, насколько знающим и утонченным он становится, едва увидев его, они убегают в ужасе, и любовь монстра превращается в ненависть»⁷. Разрушительные действия монстра – его месть и ответ на ограниченные человеческие представления о добром и прекрасном.

Научный и художественный подходы к телу и двойственное отношение к внешней красоте являются лейтмотивами и в произведениях позднего немецкого романтика Людвиг Ахима фон Арнима. Научные интересы этого писателя были более глубокими, чем у его товарищей по романтической школе. Известный представитель гейдельбергского литературного романтизма, Арним активно участвовал в современных научных дискуссиях и опубликовал ряд научных работ. В 2007 г. в Германии вышел двойной том научных трудов Арнима⁸, сейчас готовится к изданию еще один том, который должен помочь нам понять этого романтического автора как ученого-естествоиспытателя.

Арним занимался физикой, его студенческие публикации по этой дисциплине высоко оценивались современниками, и увлечение естественными науками сыграло большую роль в формировании мировоззрения писателя-романтика. Писатель интересовался гальванизмом, электричеством, магнетизмом, оптикой и химией. Научные знания и романтические художественные принципы Арнима уникальным образом переплетаются в созданных им литературных текстах и репрезентациях тела. Шейла Диксон замечает: «В то время как научные эксперименты (...) позволили Арниму осознать сложность материи и доказали ему, что все в материальном мире является продуктом сил, находящихся в постоянном движении, действующих и взаимодействующих с другими силами, они также повлияли на его особое представление о человеческом теле, объединяющее взгляд ученого и художника. Тело сложнее, чем органическая или неорганическая материя, так как оно принадлежит не только к материальному миру. В нем есть дух, свобода воли, воображение и подсознательные желания, поэтому тело является субъектом целого ряда имманентных и внешних сил и законов, которые наука не в силах ни понять, ни объяснить»⁹.

Тексты Арнима изобилуют мертвыми и мнимо или ограниченно живыми телами: это големы, статуи, автоматы, монстры, инвалиды, живые мертвецы. Как эта избыточная, готическая материальность соотносится с идеалом романти-

ческого художника? По мнению Шейлы Диксон, «Арним, освободившись от притяжения науки и принципов научного знания, был притянут к искусству, потому что он пришел к выводу, что там, где наука является односторонней и не дает никакой уверенности, искусство способно, в идеале, предложить синтез Духа, представляющего духовные, творческие и артистические элементы человеческого опыта и познания, и Тела, обозначающего физическое, историческое и научное. Но искусство не вытесняет науку в этом процессе, скорее, оба элемента должны сосуществовать, так как цель Арнима – дополнить научное наблюдение за происходящей здесь и сейчас, конкретной, вечно изменяющейся реальностью, художественным восприятием идеальной, вечной реальности»¹⁰.

Один из ключевых текстов Арнима «Рафаэль и его соседки» может помочь нам в понимании этого синтеза науки и искусства. Продолжая традицию изображения романтического художника, Арним дает очень неоднозначный образ «неподражаемого» Рафаэля – в этой новелле пародийными зеркалами итальянского художника выступают его возлюбленная – соседка Бенедетта – и странное, уродливое создание – Бебе, которого мы видим сначала как обезьяну, но который оказывается искалеченным мужем другой соседки и любовницы Рафаэля, Гиты.

Бебе пытается подражать живописи Рафаэля, но он работает механически, как автомат, и хотя технически он равен Рафаэлю, но не может достигнуть того неуловимого нечто, что делает Рафаэля уникальным художником. Арним подчеркивает чувственность Рафаэля, художнику необходимы привязанность и телесная любовь Гиты, чтобы творить, лишенный ее любви, он погибает. Но в своем искусстве он достигает сочетания научного, анатомического знания человеческого тела с художественным воображением, которое помогает ему преодолеть фрагментарность тела и создать гармоничный шедевр: «... настоящему художнику недостаточно одной анатомии, он должен стремиться постичь гармонию души и тела, чтобы вдохнуть жизнь в мертвое полотно»¹¹. Арним, отдавая дань уважения науке, считает искусство единственно возможным путем вернуть единство и целостность деформированной реальности и телу, концептуально расчлененному на части анатомией и механистическим мировоззрением: «... для художника, который смотрит глубже эмпирического и пытается выразить то, что он видит, возможно преодолеть фрагментарность субъекта и создать в своем произведении не просто какое-то тело или любовное тело, но то самое тело, когда одно отдельно взятое тело в художественной форме воплощает целый мир и все тела, открытые для искусства, могут участвовать в особом постиже-

нии “идеального полюса”, называемом “высшим зрением” и “первоисточником высшего света”. Это возможно, потому что искусство, в отличие от науки, допускает свободную игру художественных ассоциаций, порожденных как внешними, так и внутренними стимулами, такими как исторический, культурный и научный опыт, литература, миф; искусство, в союзе с памятью, интуицией и творческой фантазией. Оно создает связи между прошлым и будущим, между Другим и Собой в попытке художественно изобразить то, что мы чувствуем интуитивно, если мы восприимчивы, но не можем объяснить научно, с целью воссоздания смысла целостности и восстановления контакта с изначальным единством мира: в сущности, объединить душу и тело»¹².

Многомерность романтических тел включает в себя и научный, и художественный подходы, иногда противопоставленные, иногда взаимодополняющие. Используя и пародируя концепцию картезианского механизма, физиогномику Лафатера и достижения современной им науки, романтики приходят к выводу, что искусство – это единственный способ создания гармонической целостности в процессе интуитивного постижения, а не научной дедукции и анализа. Художественные тела непредсказуемы, иногда опасны, но в конечном счете положительны, прекрасны и уникальны, в отличие от типовых индустриальных тел-автоматов, лишенных всякой индивидуальности.

Примечания

- ¹ *Новалис*. Гимны к ночи. М., 1996. С. 48–49.
- ² Там же. С. 53.
- ³ *Гофман Э.Т.А.* Советник Креспель // Гофман Э.Т.А. Новеллы. М., 1983. С. 166.
- ⁴ Там же. С. 160.
- ⁵ *Herrmann B.* Das Geschlecht der Imagination: Anthropoplastik um 1800 // *Textmaschinenkörper. Genderorientierte Lektüren des Androiden.* Amsterdam; N.Y., 2006. P. 59.
- ⁶ *Ibidem.*
- ⁷ *Steiner W.* The Trouble with Beauty. L., 2001. P. 4–5.
- ⁸ *Arnim L. A. von.* Werke und Briefwechsel. Historisch-kritische Ausgabe. Band 2/1 und 2: Naturwissenschaftliche Schriften I. Veröffentlichungen 1799–1811. Tübingen, 2007. 1639 S.
- ⁹ *Dickson Sh.* The Body-Some Body-Any Body: Achim von Arnim and the Romantic Chameleon // *The German Quarterly.* Summer, 2001. Vol. 74, № 3. P. 297.
- ¹⁰ *Ibidem.*
- ¹¹ *Арним Л.А. фон.* Рафаэль и его соседки // Волга XXI век. Саратов, 2007. № 9–10. С. 232.
- ¹² *Dickson Sh.* Op. cit. P. 300.

УДК 821.161.1+929 Марченко

ТВОРЧЕСТВО А.Я. МАРЧЕНКО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Е.С. НЕКРАСОВОЙ

Т.В. Сварчевская

Тверской государственный университет,
кафедра истории русской литературы
E-mail: svarchevskaya@mail.ru

Статья посвящена изучению критической рецепции творчества А.Я. Марченко, писательницы второй половины XIX в. Материалом исследования послужили критические отзывы современников писательницы, которые свидетельствуют о дискриминационном отношении к женскому творчеству.

Ключевые слова: женское творчество, рецепция в критике, стереотипы восприятия, критерии оценки, литературная репутация.

The Creation of A.I. Marchenko in the Interpretation of E.S. Nekrasova

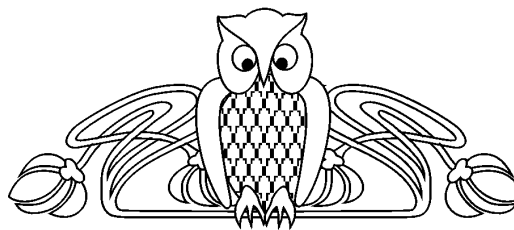
T.V. Svarchevskaya

The article examines the critical reception of the works of A.J. Marchenko, who wrote in the later half of the XIX century. The materials are critical reviews of her contemporaries, testifying to discriminatory attitude to women's creative work.

Key words: women's literature, critical reception, stereotyped reception, criterion of estimation, literary reputation.

Анастасия Яковлевна Марченко (1830–1880), талантливая писательница 1840–1860-х гг. (псевдонимы *Т.Ч.*, *А. Темризов*), разделила судьбу большинства авторов-женщин XIX в., чьи имена были забыты и вычеркнуты из истории литературы. Между тем творчество Марченко представляет значительный интерес, так как в большинстве своих произведений, таких как «Гувернантка», «Портрет», «Дина», «Мыльные пузыри» и др., она обращается к проблемам, ранее не привлекавшим внимания литераторов-мужчин, и в частности к проблеме женской креативности¹.

В своей статье мы обратимся к критико-биографическому очерку о Марченко, написанному ее младшей современницей Е.С. Некрасовой в 1889 г., т.е. спустя почти десять лет после смерти писательницы². Этот очерк появляется в рамках цикла статей, в которых Некрасова стремилась откорректировать ситуацию в отношении незаслуженно забытых женских авторов 1840–1850-х гг. – Е.П. Ростопчиной, Е.А. Ган, Е.П. Кульман, Н.А. Дуровой – и оценить их вклад в развитие литературы³. Статья Некрасовой интересна прежде всего как опыт первого монографического изучения творчества Марченко и попытка вписать его в литературный контекст. Важно также и то, что в ней намечены дальнейшие пути изучения творческого наследия писательницы. В отзыве Некрасовой литературное дарование Марченко

получает высокую оценку, однако признание ее таланта носит амбивалентный характер, поскольку в самих аттестациях латентно присутствует мысль о заурядности творческих возможностей писательницы.

В сфере компетенции критика оказываются в первую очередь факты творческого порядка, вместе с тем Некрасова обращается и к характеристике личности писательницы. Она стремится воссоздать целостную картину жизни и творчества Марченко⁴, однако основывается не на документальных источниках, а на материале художественных произведений, по-своему интерпретируя их. Так, например, говоря о причинах, побудивших Марченко к серьезным занятиям литературой, Некрасова апеллирует к повести «Гувернантка» и переносит на биографию писательницы обстоятельства жизни героини. Идентифицируя Марченко с ее протагонисткой, Некрасова, на наш взгляд, существенно искажает представление о писательнице.

Моделируя образ автора, критик ориентируется на традиционные, заданные мужским литературным каноном представления о пишущих женщинах. Свидетельством явно выраженной маскулинной ориентации критика может служить аттестация Марченко как «защитницы женского чувства», которая «и в жизни и в литературе задается одними мотивами, одними интересами – любви»⁵. Таким образом, Некрасова буквально воспроизводит миф о любовной проблематике как специфической для женского творчества. Тем самым, явно не желая того, она снижает оценку дарования Марченко и актуализирует стереотипы восприятия женского творчества как несовершенного, в своем роде ущербного.

Следование стереотипам находим и в других суждениях Некрасовой. Так, она упрекает писательницу в двух основных художественных изъянах, которыми обычно укоряли именно женских авторов, – невнимании к мужскому персонажу и редуцировании общественной проблематики⁶. Причем, отмечая эти типично «женские» недостатки, Некрасова апеллирует к критическим отзывам современников писательницы и неоднократно повторяет ранее прозвучавшие оценки. Например, называя большую часть произведений писательницы «осколками первых повестей», она почти буквально повторяет замечание Н.А. Некра-

сова о том, что у писательниц «лучшие произведения – первые повести; остальные – вариации на одну и ту же тему»⁷. Говоря о том, что Марченко, действующая как защитница женского чувства, «впадает в неизбежный недостаток каждого адвоката – умалить противника и возвести на недосыгаемый пьедестал своего клиента» (411), Некрасова подхватывает мысль анонимного автора разгромной рецензии на роман «Разлучники» о писателе-адвокате, который «чернит и пачкает других лиц в оправдание своего клиента»⁸. С нашей точки зрения, отмеченные переключки не являются простыми повторениями, они свидетельствуют о близости подобных представлений самой Некрасовой. Они также позволяют сделать вывод об «изначально маскулинной запрограммированности критика-женщины и боязни нарушить эти конвенции»⁹.

Вместе с тем Некрасова показывает, что традиционные установки оказываются недостаточными для того, чтобы оценить значение творчества писательницы. Она пытается пересмотреть существующие предубеждения и вносит свои коррективы, задавая новую систему координат. Критик отмечает высокий творческий потенциал Марченко, аттестуя ее как талантливого автора «с прирожденной страстью к писательству». Например, говоря об оригинальности и значимости ее произведений, она акцентирует внимание на художественном новаторстве писательницы в разработке нового типа героини – гувернантки, которая смотрит на труд как на возможность независимого существования: «Это были смелые мысли, отважные поступки, их рядом с литературными достоинствами повестей нельзя было не заметить, не оценить» (408). Некрасова пытается показать, что повесть «Гувернантка» вызвала интерес новой трактовкой героини и получила высокую оценку критики, однако в данном случае выдает желаемое за действительное. Так, она ссылается на В.Г. Белинского, в свое время отметившего книгу Марченко, но эта апелляция оказывается беспочвенной: текст статьи Белинского показывает, что героиня не вызвала к себе его «особенного участия»¹⁰. Белинский рассматривал повесть Марченко в контексте гендерных различий, подчеркивая, что автор – женщина и потому в ее произведениях «... много сердечной теплоты, много чувства, жизнь, не всегда понятая или понятая уже слишком по-женски»¹¹. Героиню повести «Гувернантка» он характеризовал как женщину «чрезвычайно падкую до любовных историй, которые не оканчиваются ничем серьезным»¹². Или же другой пример. Некрасова обращается к статье анонимного рецензента «Финского вестника», который одобрительно отзывался о первом сборнике Марченко: «Книга г-жи Т.Ч. есть одно из самых отрадных явлений нашей литературы. Не гоняясь за решением современных вопросов, она только решает вопросы близкие женскому сердцу»¹³. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается,

что в самой похвале обнаруживаются признаки дискредитации писательницы. Автор воспринимает творчество Марченко именно как «женское» и тем самым заведомо лишает его серьезного значения. Таким образом, положительная оценка Некрасовой растворяется в высказываниях дискриминационного характера, свидетельствующих о том, что художественное новаторство Марченко не было замечено современниками.

Ретроспективная позиция Некрасовой позволяет охватить все произведения писательницы и представить ее творчество как целостное явление. В отличие от первых рецензентов исследовательница отмечает профессиональный рост писательницы, который обнаруживается «в мастерском выполнении не только сцен и картин, но и в тонком психологическом анализе» (415). Показательно, что в центре внимания исследовательницы оказываются произведения, в свое время совершенно не замеченные критикой или получившие негативную оценку, – повести «Вокруг да около» (1855), «Горы» (1856), «Саламандра» (1859) и роман «Мыльные пузыри» (1858), который трактуется как «кульминационная точка литературного и художественного развития писательницы» (410). Некрасова замечает, что мастерство Марченко, проявившееся в этом романе, «вполне могло бы сделать честь перу любого высокоталантливого автора с склонностью заглядывать в душу героев» (417).

Положительную динамику Некрасова видит и в изображении второстепенных женских персонажей, которые «удивляют разнообразием, удачей, цельностью воспроизведения». В частности, она пишет: «Все второстепенные женские фигуры служат ярким доказательством способности автора наблюдать, подмечать самые разнообразные способности души, характера, а главное – воспроизводить цельный женский образ после одной-двух мимолетных встреч» (412).

Иначе оценивает она образы протагонисток, отмечая их однообразие и объясняя это тем, что все они являются вариантами развития одного типа героини – женщины, чьи жизненные интересы ограничиваются исключительно любовными переживаниями. Протагонистка Марченко предстает в отзыве как женщина «сознательная», «думающая», «сильная», «гордая», которой свойственна независимость от общественных условностей. Интерес писательницы к подобного рода героине Некрасова объясняет влиянием творчества Жорж Санд, которая явилась «проезвестницей идей женской эмансипации, их популяризатором» в литературе. Творческое кредо Марченко исследовательница определяет как «горячую защиту бескорыстной свободной любви», олицетворением которой, с точки зрения критика, является образ протагонистки. Однако, по словам Некрасовой, дальше «любить того, кто любит» героиня Марченко не идет. Основанием для такого заключения послужили слова главной

героини романа «Разлучники» (1869), которую исследовательница воспринимает как alter ego автора. Приведем это высказывание: «Вот эти господа спорят тут за равноправность мужчины и женщины, а я кладу для нас – женщин – рамки теснее и горизонт уже <...> Не в ремеслах, не в должностях гражданских должна искать женщина своей равноправности: она богата способностями, никто не спорит, а между тем физической силы у нее же больше и уходит на семейство: таков закон природы; вот почему ее равноправность и гражданственность должны быть в семействе и с семейных ее прав начинаться»¹⁴. Критик аттестует Марченко как «насадительницу» этих идей, которые она заимствует из произведений Жорж Санд. Таким образом, получается, что она отказывает произведениям Марченко в оригинальности, а ее роль сводит к копированию идей французской писательницы.

Анализ очерка Некрасовой показывает, что ее наблюдения слишком противоречивы, фрагментарны и субъективны для того, чтобы дать представление о специфике творчества Марченко, поскольку критик следует сложившимся стереотипам восприятия женского творчества. Вместе с тем очерк Некрасовой позволяет сделать вывод о недостаточности традиционных установок для женщины-критика, которая стремится пересмотреть господствующие представления о женском творчестве. Стараясь показать оригинальность и значимость произведений писательницы, она задает новую систему координат, предлагая отказаться от рассмотрения женского творчества в контексте гендерных различий. Однако попытки преодолеть патриархатные предубеждения оказываются безуспешными: в конечном итоге оценка творчества Марченко сводится к латентно выраженной мысли о заурядности женского таланта. Наш вывод вполне соотносится с тем, что уже неоднократно было сказано по поводу «двойственности» авторской идентификации пишущей женщины XIX в. Оценки, которые дает Некрасова творчеству Марченко, позволяют говорить о сложности и противоречивости самовыражения женщины-автора – и как беллетристки, и как критика, – поскольку она вынуждена была приспособлять свой голос к патриархатным ожиданиям, чтобы оставаться в рамках господствующего дискурса.

Примечания

¹ Творчество Марченко до сих пор не изучено, существует лишь несколько работ, обращенных к ее произведениям (см.: *Zirin M. Women's Prose Fiction in the Age of Realism // Women writers in Russian literature / Ed. by Toby W. Clyman, Greene Diana. Westport, Connecticut-London, Greenwood Press, 1994. P. 77–96; Савкина И. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века). Серия FrauenLiteraturGeschichte:*

- Texte und Materialien zur russischen Frauenliteratur. Verlag F.K. Göpfert. Wilhelmshorst, 1998. С. 126–129).*
- ² После смерти писательницы появился краткий некролог и этим на многие годы ограничилось внимание к ней современников (см.: Некролог // Новое время. 1880. 5 ноября. № 1685).
- ³ См.: Некрасова Е. С. Графиня Е. П. Ростопчина // Вестник Европы. 1885. № 5; Она же. Елена Андреевна Ган (Зенеида Р-ва) // Русская старина. 1886. № 8; Она же. Елизавета Кульман // Исторический вестник. 1886. № 12; Она же. Анастасия Яковлевна Марченко (Т. Ч. или А. Темризов) // Киевская старина. 1889. № 11; Она же. Надежда Андреевна Дурова (псевдонимы: Девица – кавалерист, Александров) // Исторический вестник. 1890. № 9.
- ⁴ Очерк Некрасовой до сих пор остается единственным источником сведений о жизни и творчестве Марченко, и к нему апеллируют современные исследователи (см.: Кеда А. А. Марченко Анастасия Яковлевна // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / Под ред. П. А. Николаева. М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1994. Т. 3. С. 536–537; Demidova O. Marchenko Anastasija Iakovlevna // Dictionary of Russian women writers / Ed. by Marina Ledkovsky, Charlotte Rosenthal, Mary Zirin. Westport, Connecticut-London, Greenwood Press, 1994. P. 408–410).
- ⁵ Некрасова Е. С. Анастасия Яковлевна Марченко (Т. Ч. или А. Темризов): очерк // Киевская старина. 1889. № 11. С. 411. Далее цитаты приводятся в тексте с указанием страниц.
- ⁶ О критериях оценки женского творчества в критике см., например: Шоре Э. Елена Ган – русская Жорж Санд? // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования / Под ред. Э. Шоре и К. Хайдер. М.: РГГУ, 2000. Вып. 2. С. 171–185; Строганова Е. Н. Женская критика в литературном процессе второй половины XIX века (Н. Д. Хвоцинская) // О литературе, писателях и читателях: Сб. науч. тр. памяти Г. Н. Ищука / Сост. М. В. Строганов, А. Ю. Сорочан. Тверь: Золотая буква, 2005. С. 92–121; Строганова Е. Н. «Прах и суета»: Женское творчество в оценках Надежды Хвоцинской и ее современниц // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века / Под ред. Е. Строгановой и Э. Шоре. Тверь: Лилия Принт, 2006. С. 120–137 и др.
- ⁷ Некрасов Н. А. Заметки о журналах за март 1856 года // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Л.: Наука, 1990. Т. 11, кн. 2. С. 244.
- ⁸ [Б. п.] Разлучники. Роман А. Темризова // Отечественные записки. 1869. Т. CLXXXVI. С. 79.
- ⁹ Строганова Е. Н. «Прах и суета». С. 125.
- ¹⁰ Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: АН СССР, 1953. Т. X. С. 353.
- ¹¹ Там же. С. 351.
- ¹² Там же. С. 352.
- ¹³ [Б. п.] Путевые заметки. Соч. Т. Ч. // Финский вестник. 1847. № 8. С. 49.
- ¹⁴ Марченко А. Я. (Темризов А.) Разлучники. СПб.: В типографии д-ра М. Хана, 1869. С. 4–5.

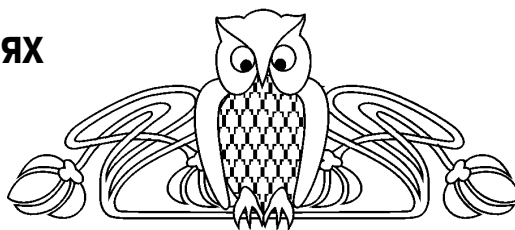

УДК 82.161-94|18|

«НЕВОЕННАЯ» ИСТОРИЯ ВОЙНЫ В ЗАПИСЯХ Е.В. НОВОСИЛЬЦЕВОЙ (Т. ТОЛЫЧЕВОЙ)

Н.В. Острейковская

Тверской государственный университет,
кафедра истории русской литературы
E-mail: ngurieva@mail.ru

Статья посвящена анализу рассказов об Отечественной и Крымской войнах, собранных в середине XIX в. писательницей Е.В. Новосильцевой. Уникальность этих записей состоит в том, что информантами были выходцы из простонародной среды. В статье определяются особенности женского взгляда на историю: обращенность к частной жизни рядовых людей и внимание к эмоциональной стороне событий.

Ключевые слова: Отечественная война, Крымская война, очевидцы событий, частная жизнь, межличностные отношения.

«Unwar» History of the War Recorded by E.V. Novosiltseva
(T. Tolicheva)

N.V. Ostreykovskaya

The article analyses the oral stories about the Patriotic and Crimean wars, collected by E.V. Novosiltseva in the middle of the XIX century. Originality of these notes lies in the fact that the informants were commoners by birth. The article states the peculiarities of feminine view on history: concentration on the private life of common people and attention to the emotional side of the events.

Key words: Patriotic war, Crimean war, eye-witnesses of the events, private life, interpersonal relations.

Екатерина Владимировна Новосильцева (1820–1885), публиковавшаяся под псевдонимом *Т. Толычева* (также *Т. Толычова*, *Т.Н.*), была известна как прозаик, публицистка, литературный критик. Особенностью творчества писательницы следует признать ее обращение к разным вехам национальной истории: Отечественной войне 1812 г., Крымской войне, а также более отдаленным по времени событиям¹.

В XIX в. Толычева была первой писательницей, начавшей сбор устных воспоминаний о недавних войнах. Ее активная собирательская деятельность объясняется веянием времени: поражение России в Крымской войне обострило интерес к событиям прошлого, в частности к эпохе 1812 года. Главным образом это было связано с осмыслением того, что из жизни уходят участники и очевидцы наполеоновских войн. Поиск и спасение затерянных мемуаров о 1812 годе осознавались как задача высокого общественного значения. Понимая историческую значимость устных воспоминаний, Толычева писала: «...малейшие сведения о том времени для нас тем дороже, что через несколько лет не останется, вероятно, ни одного свидетеля самой драматической и самой славной страницы нашей истории»².

По данным А.Г. Тартаковского, в 1850–1880-е гг. было опубликовано около ста мемуаров, посвященных Отечественной войне³. Однако записи Новосильцевой оказались уникальными, так как писательница зафиксировала редкие в мемуаристке рассказы «выходцев из простонародья». Она посещала монастыри и церкви, общалась с отставными солдатами и их женами, купцами и церковнослужителями и записывала рассказы об Отечественной и Крымской войнах. По нашим сведениям, ей удалось зафиксировать более 30 рассказов о событиях 1812 года и 5 рассказов о Крымской войне.

Значение записанных Новосильцевой рассказов об Отечественной войне оценили уже ее современники: французский историк А. Рамбо перевел их на французский язык⁴, как на документальный источник на них неоднократно ссылался в своем историческом исследовании А.Н. Попов⁵. Писательница создала «уникальный <...> свод устных воспоминаний» (А.Г. Тартаковский), которыми пользуются и современные историки⁶.

Впервые записанные Толычевой рассказы очевидцев об Отечественной войне были опубликованы в 1865 г. в журнале «Детское чтение»: здесь помещены воспоминания двух женщин – Устины Левоновны, горничной бабушки писательницы, и не названной по имени «воспитанницы княгини Репниной». Информантами являются знакомые Новосильцевой, но есть основания предполагать, что уже в это время она начала целенаправленный сбор воспоминаний о 1812 годе, так как в предисловии к первой публикации сказано: «...если нашим читателям понравятся предлагаемые рассказы, то мы сообщим им впоследствии и несколько других, относящихся к тому же времени»⁷. Однако печатание следующих рассказов было возобновлено после продолжительного перерыва, в 1872 г. С этого времени они стали периодически появляться на страницах журналов и газет, а впоследствии выходили отдельными изданиями. По нашим сведениям, последний рассказ подобного рода был опубликован в 1884 г.⁸

Сделанные Новосильцевой записи рассматриваются историками как достоверный источник сведений. При этом личность собирательницы остается в тени, так как в подобных воспоминаниях автором считается тот, «чей рассказ был записан»⁹. Однако следует заметить, что, как

правило, записанные устные воспоминания – это не монолог, а диалог с интервьюером. Исследователи устной истории отмечают, что попытки интервьюера «...самоустраниться» разрушаются о первое мгновение диалоговой ситуации»¹⁰. Собиратель устных воспоминаний активно реагирует на рассказ информанта, именно он придает документу его окончательную форму в печатном виде, поэтому личность собирателя так или иначе присутствует в подобных текстах¹¹.

В предисловии к «Рассказам очевидцев» Новосильцева отмечает, что она проводила отбор материалов и записывала рассказы «со всею возможною добросовестностью»¹². Проведенное нами исследование сделанных ею записей показывает, что она не просто фиксировала воспоминания, но и подвергала их литературной обработке. Каждый отдельный рассказ представляет собой произведение с достаточно четко выстроенной сюжетной линией. Можно предположить, что Толычева имела путеводитель, которым руководствовалась в беседе, причем ее интересовало субъективное, личностное восприятие событий информантами.

Специфику этих рассказов сама собирательница определяет в предисловии к первой публикации: «Многие историки описывали уже события 1812 года, и многие еще будут их описывать: конечно, все исторические факты <...> в высшей степени интересны, но для дополнения этой великой эпохи любопытно взглянуть на *частный быт* того времени...»¹³ (курсив мой. – Н.О.). И в последующих записях об Отечественной и Крымской войнах основной оказывается бытовая сторона событий. Все воспоминания, по словам Толычевой, «...носят более или менее один и тот же характер <...> как в это время жили среди развалин пылающего города и в его окрестностях, как жили в монастырях и церквях, где искали убежища...»¹⁴. Так, например, купчиха Анна Григорьевна Круглова вспоминала: «Много мы натерпелись в это время: ни плагья, ни переменного белья нет. Обносились мы до лохмотьев, на иных даже все истлело. А чулок мы себе в это время навязали из талек, что лежали в подвале»¹⁵.

Возможно, интерес писательницы к приватной жизни «невыдающихся» людей был обусловлен возникшей в мемуаристике с 1830-х гг. установкой на приоритет частных подробностей жизни человека. По словам А.Г. Тартаковского, в русской прессе неоднократно звучали обращения к мемуаристам уделять внимание «мелким подробностям», относящимся к домашнему и семейному быту простых людей, такими же призывами была проникнута и литература о мемуаристике второй половине XIX в.¹⁶

Собранные Новосильцевой воспоминания – это рассказы о частных судьбах людей, истории о перенесенных страданиях и лишениях. Писательница создает «невоенную» историю войны, причем эмоциональная сторона событий искупает

почти полное отсутствие статистических данных. Собирательница внимательна к чувствам, которые испытывали люди в военную эпоху. Так, она фиксирует воспоминания священника Федора Ивановича Левицкого о тех переживаниях, которые пришлось испытать его многочисленной семье, оставшейся без крова после пожара 1812 года: «...больнее всех было, кажется, моему семейству. <...> Так и оборвалось во мне сердце, как увидели мы обгорелые столбы наших домов да груды горячих углей. Я плакал, и около меня плакали все мои...»¹⁷. Записи, сделанные Новосильцевой, воссоздают психическое состояние разных групп населения и атмосферу событий военного времени.

Писательницу интересовала не только бытовая сторона жизни в военную эпоху, но и особенности межличностных отношений. По ее словам, в период Отечественной войны несчастье объединяло людей, поэтому они «...собирались кучками на улице и оплакивали общее горе, как дети одной семьи»¹⁸. Записи особенно остро выявляют отношение простого народа к «господам», которые, понимая грозившую им опасность, заранее уезжали из города. Об этом рассказывал, например, мещанин Петр Кондратьев: «...народ роптал, что господа выезжают, а его выдают без защиты неприятелю»¹⁹. Особенно негативно характеризуют информанты московского генерал-губернатора графа Ф.В. Ростопчина, который своими «афишками» – ежедневными печатными объявлениями – успокаивал жителей, уверял, что Москва не будет сдана. Материалы, собранные писательницей, говорят о том, что представители низовой среды верили этим «посланиям» и не покидали города. В действительности же, говоря современным языком, об эвакуации населения никто не помышлял. Об этом свидетельствуют воспоминания А.П. Ермолова, который приводит циничное высказывание Ф.В. Ростопчина о том, что, овладев Москвой, «неприятель не приобретет ничего полезного. Принадлежащие казне сокровища и все имущество вывезены <...> Спасены важнейшие государственные архивы <...> В Москве остается до пятидесяти тысяч самого беднейшего народа, не имеющего другого приюта»²⁰.

Анализ рассказов о 1812 годе и Крымской войне показывает, что одним из интересовавших Новосильцеву вопросов было отношение информантов к французам. В определенном смысле отношение это в обоих случаях было почти одинаковым. Очевидцы оценивают французов прежде всего как людей, вынужденных заниматься противоестественным для них делом. Записанные воспоминания опровергают утвердившееся в современной историографии мнение о том, что «разорение крестьян проходившей армией завоевателя, бесчисленными мародерами <...> было так велико, что ненависть к неприятелю росла с каждым днем»²¹. Рассказы, собранные писательницей, свидетельствуют, что это не вполне соот-

ветствует истине. Приведем слова послушницы из купеческого звания Александры Алексеевны Назаровой (речь идет о солдатах наполеоновской армии): «... жаль их сердечных, не умирать же им голодною смертью, а шли ведь они на нас не по своей воле»²². Подобные высказывания достаточно типичны. Записанные Новосильцевой рассказы позволяют определить характерные черты, которыми русские наделяют французов: доброта, милосердие, веселый нрав. Очевидец событий Отечественной войны купец Андрей Алексеев вспоминал о французах как о «веселых <...> ребятах»²³. Столкнувшись с французами в период Крымской войны монахи Георгиевского монастыря вспоминали: «Уж такие добрые были ребята <...> что не нахвалишься ими»²⁴. Были, конечно, и другие высказывания, которые содержали сугубо отрицательную оценку французов: некоторые свидетели характеризуют их как «злодеев», которые убивают и грабят людей. Так, например, священник Федор Иванович Левицкий отзывался о неприятелях: «Придут, и что плохо лежит все их, а кто попробует свое добро отстаивать, того саблей съездят»²⁵. Однако тот же рассказчик весьма доброжелательно говорил об одном пленном французе, подчеркивая его «доброту». Чаще всего информанты различают «настоящих», «истинных» французов – солдат французской армии – и «ненастоящих» – их союзников. Об «истинных» французах респонденты Новосильцевой сохранили в основном положительные воспоминания, о «ненастоящих» – негативные: «... настоящие-то французы очень добры. Где стащат, а где и своим поделятся. А их пришельцев в народе пуще собак ненавидели: в них жалости нет. Не даром их прозвали *беспардонное войско*»²⁶ (курсив Толычевой).

Следует подчеркнуть, что в рассказах, записанных Новосильцевой, люди, вспоминая о 1812 году, называли факторы, не связанные с собственно военными просчетами, – холод, голод, изнурение. В советской историографии не придавали этому значения, и только в последнее время исследователи, говоря о военных итогах кампании, показывают преобладающую роль небоевых факторов в гибели наполеоновской армии в России²⁷.

Собранные воспоминания писательница использовала в своих исторических сочинениях, адресованных детям и читателям из народной среды²⁸. По словам М.Н. Каткова, ее исторические сочинения «читались во всех слоях общества, и в гостиных и в избах, и в госпиталях во время войны»²⁹. Об их популярности говорит тот факт, что они выдержали множество переизданий, но наибольшим успехом пользовались «Рассказы старушки об осаде Севастополя» и «Рассказы старушки о двенадцатом годе» (последняя книга была переиздана 12 раз). Рецензент газеты «Московские ведомости» отмечал, что трудно найти для детей и народа более занимательное и поучительное произведение, чем «Рассказы очевидцев о двенадцатом годе» Т. Толычевой³⁰.

Исторические записи Толычевой актуализируют вопрос о специфике женского взгляда на события и явления³¹. Наши наблюдения позволяют сделать вывод о том, что особенность женского взгляда на историю проявляется в обращенности к приватной жизни «невыдающихся» людей, к жизни в ее повседневном течении и к эмоциональной стороне событий.

Примечания

- 1 См.: Т.Н. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе // Русский вестник. 1872. № 11. С. 266–304; Толычева Т. Рассказы о домашнем быте севастопольских жителей во время осады 1854–55 годов // Русский вестник. 1880. № 9. С. 181–205; Она же. Смоленск и его предания о двенадцатом годе // Русский вестник. 1880. № 11. С. 199–229; Толычева Т. Живая столетняя хроника // Московские ведомости. 1882. № 37. 6 февр. С. 3; Толычева Т. Князь Иван Калита – солнечный луч. М.: Тип. т-ва А. Левенсон и К°, 1888. 162 с.; Она же. Крест патриарха Филарета. М., 1885. 76 с. и др.
- 2 Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. 2-е изд. М., 1912. С. 3.
- 3 См.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 139.
- 4 Rambaud A.N. La Grand Armee a Moscou. Recits de temoins oculaires russes. Dapres l'ouvrage par T. Tolytcheff // Revue des deux Mondes. 1873. 1. Juillet.
- 5 См. об этом: Гучков С.М. Новосильцева Екатерина Владимировна // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.А. Николаев: В 6 т. М., 1999. Т. 4. С. 356.
- 6 См.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика; Агронов Л.И. Восприятие событий Отечественной войны 1812 г. российским простонародьем // [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.museum.ru/1812/Library/AgroNov/index.html>.
- 7 Толычева Т. Рассказы о двенадцатом годе // Детское чтение. 1865. Т. 1. С. 4.
- 8 Толычева Т. Рассказ о двенадцатом годе Глафиры Климовны Рожновой, живущей в Покровской богадельне // Московские ведомости. 1884. № 37. 6 февраля. С. 2–3.
- 9 Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. С. 58.
- 10 Хубова Д.Н. Устная история и источниковедение: «в поисках утраченного времени» // Мир источниковедения: Сб. трудов в честь С.О. Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 29.
- 11 Об этом: Лоскутова М.В. Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 19.
- 12 Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. 2-е изд., М., 1912. С. 3.
- 13 Толычева Т. Рассказы о двенадцатом годе. С. 3.
- 14 Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. 2-е изд. М., 1912. С. 3.
- 15 Там же. С. 65–66.
- 16 Тартаковский А.Г. Мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997. С. 324–325.

- ¹⁷ Т.Н. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. С. 302.
- ¹⁸ Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. 2-е изд. М., 1912. С. 41.
- ¹⁹ Т.Н. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. С. 275.
- ²⁰ Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. М., 1991. С. 201–202.
- ²¹ Тарле Е.В. 1812 год. М., 1961. С. 602.
- ²² Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. 2-е изд. М., 1912. С. 87.
- ²³ Там же. С. 27.
- ²⁴ Толычева Т. Рассказы о домашнем быте севастопольских жителей во время осады 1854–55 годов. С. 203.
- ²⁵ Т.Н. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе // Русский вестник. 1872. № 11. С. 302.
- ²⁶ Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. 2-е изд. М., 1912. С. 13.
- ²⁷ Агронов Л.И. Постсоветская российская историография Отечественной войны 1812 года: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 19.
- ²⁸ Толычева Т. Приемный. Повесть из того времени, как французы брали Москву. 4-е изд. М., 1899. 40 с.; Толычева Т. Рассказы старушки о двенадцатом годе. 9-е изд. М., 1905. 72 с.; Толычева Т. Рассказы старушки об осаде Севастополя. 2-е изд. М., 1887. 84 с.
- ²⁹ [Б.п.]. Екатерина Владимировна Новосильцева / М.Н. Катков // Московские ведомости. 1885. № 251. С. 3.
- ³⁰ Г.Ф. Издание общества распространения полезных книг // Московские ведомости. 1873. № 327. 29 дек. С. 3.
- ³¹ Многие исследователи убедительно доказывают, что женщины имеют свой взгляд на происходящие события (см. об этом: Пушкарева Н.Л. От His-story к Her-story: рождение исторической феминологии // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. 2001. № 1. С. 31).

УДК 921.161.1.09+929[Булгаков+Мережковский]

ИСТОРИЯ КАК ТЕКСТ («Христос и Антихрист» Д.С. Мережковского и «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова)

Т.И. Дронова

Саратовский государственный университет,
кафедра новейшей русской литературы
E-mail: tida52@mail.ru

В статье предпринята попытка включения романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в контекст традиции Д.С. Мережковского. Выявляются общие мотивы в романе «Юлиан Отступник», открывающем трилогию «Христос и Антихрист», и «закатном романе» М. Булгакова; рассматривается проблема отношения писателей к истории как к тексту, определяются принципы сопоставительного анализа романов Мережковского и Булгакова.

Ключевые слова: Мережковский, Булгаков, роман, мотив, текст в тексте, история, мистерия, смысл истории, идеологическое кодирование.

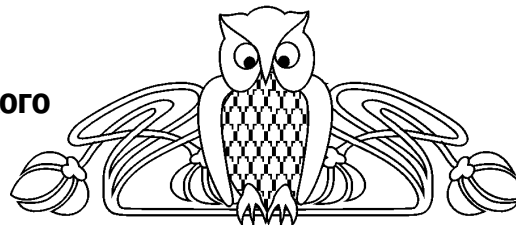
History as Text: «Christ and Anti-Christ» by D.S. Merezhkovskii and «Master and Margarita» by M.A. Bulgakov

T.I. Dronova

The article attempts to include M.A. Bulgakov's novel «Master and Margarita» into the context of D. Merezhkovskii's tradition. It traces the motives common to the opening novel of Merezhkovskii's trilogy «Julian Apostate» and Bulgakov's last novel, looks into the concept of history as text, common to both authors, and defines the principles of comparative analysis between the novels by Merezhkovskii and Bulgakov.

Key words: Merezhkovskii, Bulgakov, novel, motive, text-in-the-text, history, mystery, meaning of history, ideological coding.

Как это ни удивительно, в современном булгаковедении, с его постоянно расширяющимися контекстами, имя Д.С. Мережковского – создателя трилогий «Христос и Антихрист» (1895–1904)

и «Царство Зверя» (1908–1918) – встречается крайне редко. В 1990-е гг. немногочисленные случаи сопоставления романа «Мастер и Маргарита» (1928–1940) с произведениями старшего современника имели локальный характер: как правило, отмечалось сходство в сценах шабаша в «Леонардо да Винчи» Д.С. Мережковского и «закатном романе» М.А. Булгакова¹. Несмотря на сформировавшееся именно в это десятилетие представление о постсимволистской природе художественного мышления автора «Белой гвардии» (1923–1924, 1929) и «Мастера и Маргариты», проявившееся в интересе исследователей к мифопоэтической образности, анализу лейтмотивной структуры, интертекстуальности², опыт Мережковского-романиста, стоящего у истоков символистской прозы, продолжал оставаться невостребованным³.

На этом фоне особенно неожиданно прозвучало утверждение И. Бродского о том, что евангельский сюжет у М. Булгакова «в сильной степени парафраз Мережковского и вообще литературы того времени <...> хороший коллаж»⁴. Из текста интервью неясно, какие произведения Д. Мережковского имел в виду И. Бродский, – трилогии «Христос и Антихрист» и «Царство Зверя», в которых земная история включается в контекст библейского метасюжета («от Первого Пришествия ко Второму»), а мифологемы Христа и Антихриста, кодирующие художественный текст, имеют отнюдь не каноническое наполнение, или написанный в эмиграции роман-эссе «Иисус Неизвестный» (1932), представляющий авторский вариант осмысления «жизни Иисуса» в истории и

- ¹⁷ Т.Н. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. С. 302.
- ¹⁸ Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. 2-е изд. М., 1912. С. 41.
- ¹⁹ Т.Н. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. С. 275.
- ²⁰ Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. М., 1991. С. 201–202.
- ²¹ Тарле Е.В. 1812 год. М., 1961. С. 602.
- ²² Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. 2-е изд. М., 1912. С. 87.
- ²³ Там же. С. 27.
- ²⁴ Толычева Т. Рассказы о домашнем быте севастопольских жителей во время осады 1854–55 годов. С. 203.
- ²⁵ Т.Н. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе // Русский вестник. 1872. № 11. С. 302.
- ²⁶ Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. 2-е изд. М., 1912. С. 13.
- ²⁷ Агронов Л.И. Постсоветская российская историография Отечественной войны 1812 года: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 19.
- ²⁸ Толычева Т. Приемный. Повесть из того времени, как французы брали Москву. 4-е изд. М., 1899. 40 с.; Толычева Т. Рассказы старушки о двенадцатом годе. 9-е изд. М., 1905. 72 с.; Толычева Т. Рассказы старушки об осаде Севастополя. 2-е изд. М., 1887. 84 с.
- ²⁹ [Б.п.]. Екатерина Владимировна Новосильцева / М.Н. Катков // Московские ведомости. 1885. № 251. С. 3.
- ³⁰ Г.Ф. Издание общества распространения полезных книг // Московские ведомости. 1873. № 327. 29 дек. С. 3.
- ³¹ Многие исследователи убедительно доказывают, что женщины имеют свой взгляд на происходящие события (см. об этом: Пушкарева Н.Л. От His-story к Her-story: рождение исторической феминологии // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. 2001. № 1. С. 31).

УДК 921.161.1.09+929[Булгаков+Мережковский]

ИСТОРИЯ КАК ТЕКСТ («Христос и Антихрист» Д.С. Мережковского и «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова)

Т.И. Дронова

Саратовский государственный университет,
кафедра новейшей русской литературы
E-mail: tida52@mail.ru

В статье предпринята попытка включения романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в контекст традиции Д.С. Мережковского. Выявляются общие мотивы в романе «Юлиан Отступник», открывающем трилогию «Христос и Антихрист», и «закатном романе» М. Булгакова; рассматривается проблема отношения писателей к истории как к тексту, определяются принципы сопоставительного анализа романов Мережковского и Булгакова.

Ключевые слова: Мережковский, Булгаков, роман, мотив, текст в тексте, история, мистерия, смысл истории, идеологическое кодирование.

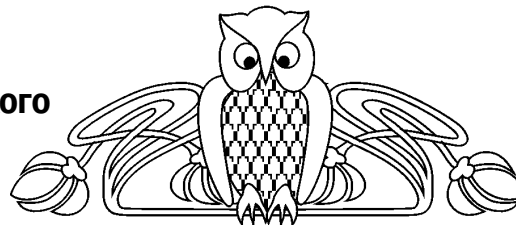
History as Text: «Christ and Anti-Christ» by D.S. Merezhkovskii and «Master and Margarita» by M.A. Bulgakov

T.I. Dronova

The article attempts to include M.A. Bulgakov's novel «Master and Margarita» into the context of D. Merezhkovskii's tradition. It traces the motives common to the opening novel of Merezhkovskii's trilogy «Julian Apostate» and Bulgakov's last novel, looks into the concept of history as text, common to both authors, and defines the principles of comparative analysis between the novels by Merezhkovskii and Bulgakov.

Key words: Merezhkovskii, Bulgakov, novel, motive, text-in-the-text, history, mystery, meaning of history, ideological coding.

Как это ни удивительно, в современном булгаковедении, с его постоянно расширяющимися контекстами, имя Д.С. Мережковского – создателя трилогий «Христос и Антихрист» (1895–1904)

и «Царство Зверя» (1908–1918) – встречается крайне редко. В 1990-е гг. немногочисленные случаи сопоставления романа «Мастер и Маргарита» (1928–1940) с произведениями старшего современника имели локальный характер: как правило, отмечалось сходство в сценах шабаша в «Леонардо да Винчи» Д.С. Мережковского и «закатном романе» М.А. Булгакова¹. Несмотря на сформировавшееся именно в это десятилетие представление о постсимволистской природе художественного мышления автора «Белой гвардии» (1923–1924, 1929) и «Мастера и Маргариты», проявившееся в интересе исследователей к мифопоэтической образности, анализу лейтмотивной структуры, интертекстуальности², опыт Мережковского-романиста, стоящего у истоков символистской прозы, продолжал оставаться невостребованным³.

На этом фоне особенно неожиданно прозвучало утверждение И. Бродского о том, что евангельский сюжет у М. Булгакова «в сильной степени парафраз Мережковского и вообще литературы того времени <...> хороший коллаж»⁴. Из текста интервью неясно, какие произведения Д. Мережковского имел в виду И. Бродский, – трилогии «Христос и Антихрист» и «Царство Зверя», в которых земная история включается в контекст библейского метасюжета («от Первого Пришествия ко Второму»), а мифологемы Христа и Антихриста, кодирующие художественный текст, имеют отнюдь не каноническое наполнение, или написанный в эмиграции роман-эссе «Иисус Неизвестный» (1932), представляющий авторский вариант осмысления «жизни Иисуса» в истории и

мистерии, напрямую соотносимый с «Мастером и Маргаритой». Скорее всего, речь шла об «Иисусе Неизвестном». В таком случае правомерен вопрос, был ли М. Булгаков знаком с написанным в эмиграции произведением Д. Мережковского или мы имеем дело не с парафразом, то есть авторским переложением литературного текста, а с фактом типологического сходства или, что нам представляется наиболее вероятным, с булгаковским вариантом развития принципов художественного познания истории, формируемых Д.С. Мережковским уже в первой трилогии.

В литературоведении 2000-х гг. накоплен богатейший опыт исследования проблематики и поэтики романов М. Булгакова в контексте предшествующей традиции, в том числе намечены некоторые связи между романом «Мастер и Маргарита» и романом-эссе Д. Мережковского «Иисус Неизвестный». На наш взгляд, поразительное множество совпадений между данными произведениями в интерпретации евангельского сюжета (сходство не только на уровне отдельных деталей изображения, мотивной структуры, но и принципиальной неканоничности трактовки и многовариантности событий⁵) является дальним следствием той «революции» в сфере художественного осмысления реальности, которая была осуществлена автором «Христа и Антихриста» в 1890–1900 гг. Суть открытий Д. Мережковского, получивших неповторимо индивидуальное развитие в творчестве М. Булгакова, состоит в отношении к истории как к художественному тексту, нуждающемуся в прочтении и интерпретации.

В мотивной структуре «Иисуса Неизвестного» Д. Мережковского и «Мастера и Маргариты» М. Булгакова особую роль играет «герменевтический» мотив (мотив «чтения книги»). По мнению Н.А. Никулиной, обратившей внимание на данную особенность произведений, «герменевтический» мотив определяет «поэтику отражений» как основной принцип осмысления евангельского сюжета данными авторами⁶. На наш взгляд, этот мотив является лишь одной из форм, хотя и очень важной, реализации характерного для романистов метода художественного осмысления истории как текста.

Мережковский-художник, полемизируя с позитивистским пониманием постижения истории как накопления максимального числа фактов прошлого, обеспечивающего, по мнению данных ученых, достоверность познания, выдвигает свой метод интуитивного проникновения в тайны истории через соотнесение, интерпретацию различных по своей природе источников – исторических документов, легенд, религиозных, научных, философских, литературных текстов⁷. Он относится к истории как к «Книге» (своду текстов), нуждающейся в герменевтической процедуре. Причем в его понимании текстами, требующими сопереживания, осмысления, интерпретации, оказываются не только исторические источники, религиозные

трактаты, философские труды, художественные произведения, но и целостные «тексты-культуры» – Античность, Возрождение, Петровская эпоха (в первой трилогии), Павловский, Александровский, Николаевский периоды российской истории (во второй трилогии), то есть для его творчества характерна «эстетизация истории».

М. Булгаков также, на наш взгляд, избирает путь «эстетизации истории» в «романе мастера о Понтии Пилате», при этом он вводит в повествовательную рамку рефлексию о проблематичности достоверности любых нарративных текстов.

В современных исследованиях вопрос о знакомстве М. Булгакова с первой трилогией Д. Мережковского, насколько нам известно, не обсуждался, прямых биографических свидетельств такого рода нами также не обнаружено. В данной статье мы опираемся лишь на сопоставительный анализ произведений изучаемых авторов.

Параллельное чтение «Юлиана Отступника», открывающего трилогию Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист», и романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» вызывает ощущение «узнавания» в тексте М. Булгакова отдельных деталей и мотивов романа Д. Мережковского. Это, например, обращение к явно не по-доброму настроенному человеку – добрый человек. Император Юлиан говорит проклинавшему его как Змея Отступника епископу Марису: «Не думаешь ли ты, добрый человек, что я поведу тебя на смерть<...> Здесь все такие же добрые люди, как ты»⁸. Это заявленный в романе Мережковского мотив угадывания безмолвной воли властителя, который получает у Булгакова развитие в сюжетной линии Пилата и Афрания. Трибун Марк Скудило, мечтающий о славе, произносит фразу: «Всякий дурак сумеет исполнить то, что сказано. А ты угадай безмолвную волю владыки – вот за что благодарят» (1, 29). Сцена бунта Юлиана против оставивших его античных богов («Клянусь вечной радостью, заключенной здесь, в моем сердце, я отрекаюсь от вас, как вы от меня отреклись, покидаю вас, как вы меня покинули, блаженные, бессильные! Я один против вас, олимпийские призраки!..» – 1, 271) вызывает в памяти бунт Левия Матвея во время мучительной казни Иешуа («Солнце посылало лучи в спины казнимых, обращенных лицами к Ершалаиму. Тогда Левий закричал: – Проклинаю тебя, Бог! Осипшим голосом он кричал о том, что убедился в несправедливости Бога и верить ему более не намерен. – Ты глух, рычал Левий. – Если б ты не был глухим, ты услышал бы меня и убил его тут же!»⁹). В двух последних случаях небольшой эпизод в романе Мережковского соотносится с драматически напряженной развернутой сценой у Булгакова. Можно привести еще ряд сходных мотивов в рассматриваемых романах, например вскрывающих механизмы реализации политической власти, психологию толпы и др. Возможно, их появление обусловлено восхождением к одним и тем же историческим и литературным источни-

кам и не является следствием сознательного или бессознательного включения в собственный текст отдельных слов, фраз, ситуаций из произведения предшественника.

Среди мотивов, обретающих в контексте произведений концептуальное значение, – мотив зла, которое служит добру; мотив поиска Истины, реализующийся через мотив восхождения/нисхождения, в свою очередь, реализуемый через мотив лестницы («небесная лестница» у Мережковского, «лунный луч» у Булгакова); мифопоэтические мотивы солнца, луны, света, тьмы, зеркала и многие другие. Возможно, они тоже восходят к общим источникам (Библии, Платону, Данте, Гёте, Достоевскому и др.) или к общесимволистскому контексту.

Более очевидна общность в отношении двух авторов к художественному осмыслению евангельских лиц и событий, в основе которой – стремление увидеть то, что стоит за каноническим текстом, понять, как это могло быть «на самом деле», в истории, а не в мистории. Данный подход обусловлен, на наш взгляд, не только еретичностью позиций художников, о чем современными исследователями написано весьма много и убедительно¹⁰, но и задачами романного повествования, воссоздающего прошлое, запечатленное в текстах, нуждающихся в осмыслении и интерпретации.

Один из ведущих мотивов двух романов – мотив разных ликов Христа. В романе «Юлиан Отступник» он вводится через описания визуальных изображений Спасителя, как правило, увиденных, прочувствованных и отрефлексированных главным героем. В романе Д. Мережковского образ Христа двойится. Сознание Юлиана не может вместить двух его антиномичных воплощений: грозного властителя мира, изображенного вверху, на своде храма, на полукруглой мозаике («арианский образ Христа – грозный, темный, исхудалый лик в золотом сиянии и диадеме <...> десницей благословлял он мир; в левой руке держал книгу; в книге было написано: “Мир вам. Я свет мира”». Он сидел на великолепном престоле, и римский император – Юлиану казалось, что это Констанций, – целовал Ему ноги» – 1, 46–47) и Доброго Пастыря на находящемся внизу в полумраке мраморном барельефе гробницы первых времен христианства («Пастырь Добрый, несущий Овцу на плечах, заблудшую и найденную Овцу – душу грешника. Он был радостен и прост, этот босоногий юноша, с лицом безбородым, смиренным и кротким, как лица бедных поселян; у него была улыбка тихого веселья. Юлиану казалось, что никто уже не знает и не видит Доброго Пастыря <...> Отрок с овцой на плечах смотрел на него, на него одного, с таинственным вопросом. И Юлиан шептал слово, слышанное от Мардония: “Галилеянин!”» – 1, 47). Вглядывание в разные лики Христа – разгадывание таинственного шифра истории – сквозной мотив творчества Мережковского – от первого романа «Юлиан Отступник»

до написанного в эмиграции романа-эссе «Иисус Неизвестный» – своеобразного апокрифического «Евангелия от Дмитрия».

В романе «Мастер и Маргарита» автор-повествователь сталкивает разные словесные тексты, представляющие собой попытку воссоздания облика Христа и его Слова. Поэма Ивана Бездомного, труды античных историков, «лекция» Берлиоза, роман мастера, включая упоминаемые в нем протокол секретаря во время допроса у Пилата и записи Левия Матвея, демонстрируют многовариантность запечатления его лика в культуре. Тем самым в качестве критерия, предлагаемого автором читателю, определяющим является сомнение в подлинности образа минувшего, воссоздаваемого в разных текстах.

В романе «Мастер и Маргарита» нарративный характер истории и относительность запечатленного в любых письменных текстах знания прошлого наглядно демонстрируются читателю как в современных, так и древних главах. В поэме Ивана Бездомного Христос получился «как живой», несмотря на абсолютную неосведомленность автора о своем «герое», изображенном исключительно черными красками. Читатель получает урок: убедительность, достоверность могут быть лишь эстетическим эффектом, художественной иллюзией. В связи с этим возникает вопрос: должен ли читатель применить этот урок и к роману мастера, несмотря на уверения в его подлинности?

Критический анализ исторических источников, продемонстрированный Берлиозом, выявляет недостаточность обращения к трудам историков, возможную недостоверность их текстов из-за позднейших вставок (пример Иосифа Флавия). В свою очередь, «лекция» образованного Берлиоза, реализующая точку зрения мифологической школы, тоже является лишь мнением. Игра с читателем на границе реальность/литература направлена на демонстрацию многоверсионности событий, на утверждение недостаточности позитивистского отношения к источникам.

Во время допроса Иешуа повествователь обращает внимание на характер записей, которые ведет секретарь, приоткрывая очевидную их неполноту как исторического свидетельства: секретарь, пораженный происходящим, перестает писать то по собственному почину, то по велению Понтия Пилата («Секретарь перестал записывать и исподтишка бросил удивленный взгляд, но не на арестованного, а на прокуратора» – 5, 25; «Секретарь вытаращил глаза на арестанта и не дописал слова» – 5, 26; «Секретарь смертельно побледнел и уронил свиток на пол <...> Секретарь поднял свиток, решил пока ничего не записывать <...>» – 5, 27; «Можете дальнейшее не записывать, – обратился он (Пилат. – Т.Д.) к секретарю, хотя тот и так ничего не записывал <...>» – 5, 29). К тому же читателю сообщается, что по приказу Пилата он на время покидает балкон, тем самым подчеркивается, что разговор Пилата и Иешуа,

ведущийся наедине, не может быть восстановлен в силу отсутствия документов.

Еретическое с религиозной точки зрения опровержение достоверности записей Левия Матвея является демонстрацией авторского понимания недостаточности любого свидетельства в силу ограниченности человеческих возможностей. Неслучайно в сцене казни, свидетелем которой является в романе будущий евангелист, подчеркивается удаленность ученика Иешуа от места действия, невозможность точной фиксации деталей происходящего в записях, которые он не прекращает вести («<...>единственный зритель<...>сидел на камне с самого начала, то есть вот уже четвертый час. Да, для того чтобы видеть казнь, он выбрал не лучшую, а худшую позицию. Но все-таки и с нее столбы были видны <...>» – 5, 170).

Включенная в текст романа в игровой форме рефлексия Булгакова-художника об ограниченности исторической достоверности, субъективности любого текста в силу «человеческих, слишком человеческих» возможностей его автора коррелирует с идеями современной ему неклассической философии и не только продолжает традицию Мережковского, но и спорит с ней.

Автор трилогии «Христос и Антихрист» относится к истории как к тексту, нуждающемуся в прочтении, интерпретации. В каждом своем произведении Мережковский предлагает концепцию смысла истории, претендующую на истинность. В первой трилогии это идея синтеза античности и христианства.

Авторская концепция в романах Д. Мережковского и М. Булгакова вводится не в прямом авторском повествовании, а через систему цитат, реминисценций, аллюзий и других форм интертекстуальности, которые выступают в функции кодов-интерпретаторов основного текста.

В романе «Юлиан Отступник» духовная биография римского императора IV в. н.э., попытавшегося вернуть античное многобожие, кодируется несколькими кодами, закрепленными за определенным уровнем текста. На протяжении всего повествования благодаря системе «точечных» и более развернутых отсылок к произведениям, мотивам и образам Платона искание героем истины проецируется на идеи античного философа и воплощает в непрямой (игровой) форме авторскую оценку поступков Юлиана как уклонение от истины, ложный путь. Платоновский код реализуется на уровне подтекста произведения и требует значительных интеллектуальных усилий читателя¹¹.

Структура нарратива определяется векторной устремленностью к итоговой фразе, приписываемой Юлиану преданием: «Ты победил, Галилеянин!». Сюжетное действие подчинено раскрытию духовного противостояния Юлиана-Антихриста Христу, при этом метасимволы Христа и Антихриста трактуются в данном романе в нищен-

анском духе. Отметим, что в последнем романе трилогии – «Петр и Алексей» – они получают иное, более традиционное для отечественной культуры наполнение.

Высший уровень идеологического кодирования, служащий воплощению авторской концепции грядущего синтеза античной и христианской культур, также имеет источником структуру «текст в тексте» – высказывание Климента Александрийского. В финале романа историк Аммиан, которому в силу его стремления к объективности друзья прочат участь примирителя «двух враждующих мудростей», говорит, указывая на пергаментные свитки творений великого христианского учителя Климента Александрийского: «– Здесь все это есть <...> вся сила Рима, вся мудрость Эллады только путь к учению Христа; только предзнаменования, предчувствия, намеки, широкие ступени, Пропилеи, ведущие в Царство Божие. Платон – предтеча Иисуса Галилеянина <...>» (1, 305). Анатолий «как будто вдруг вспомнил <...>, что все это уже когда-то было <...>. Ему почудилась широкая лестница, мраморная, белая, залитая солнцем, многоколонная, как Пропилеи в Афинах, ведущая прямо в голубое небо» (1, 306).

Кодом-интерпретатором трилогии в целом является вынесенная в название бинарная оппозиция Христа и Антихриста. Неканоничность изображения взаимоотношений Иешуа и Воланда сближает роман Булгакова с трилогией Мережковского. Но эта тема требует специального рассмотрения.

Отличие от Д.С. Мережковского М.А. Булгаков не выступает в роли автора, обладающего «конечным» знанием. В его романе смыслы раскрываются в процессе диалога с текстом предшествующей культуры и читателем. Он настроен скептически по отношению к возможности обрести окончательную истину, единственную правду. Символическим воплощением данной позиции автора-повествователя является видение идущих по «светящейся дороге <...> вверх» Понтия Пилата и Иешуа, которые никак не могут ни о чем договориться: «Они спорили о чем-то очень сложном и важном, причем ни один из них не мог победить другого. Они ни в чем не сходились друг с другом, и от этого их спор был особенно интересен и нескончаем» (5, 309).

Принципы художественного постижения истории, формирующиеся в 1890–1910-е гг. в романной трилогии Мережковского «Христос и Антихрист» и «Царство Зверя», оказали влияние на писателей-постсимволистов, вошедших в литературу в 1920-е гг., среди которых особое место занимает М.А. Булгаков. Безусловно, речь не идет об ученичестве, а тем более «копировании» М. Булгаковым приемов старшего современника. Автор «Мастера и Маргариты» выступает как художник, наследующий открытия символистской прозы не по прямой, а через «сдвиг», «смещение» романной формы (терминология Ю. Тынянова),

сложившейся в эпоху Серебряного века и через полемическое взаимодействие с их историософскими концепциями. Он дерзко трансформирует линейную структуру художественного времени трилогии Д. Мережковского, в которой сохраняется временная последовательность рассказа, – о римской истории IV в. н.э. («Смерть богов. Юлиан Отступник»), итальянском Возрождении («Воскресшие боги. Леонардо да Винчи»), Петровской эпохе («Антихрист. Петр и Алексей»). И все же, на наш взгляд, включение «романа мастера о Понтии Пилате» в художественное повествование о современности, с одной стороны, как художественно самоценного повествования, а с другой – в качестве кода-интерпретатора основного текста восходит к опыту Д. Мережковского, к характерной для автора трилогии «Христос и Антихрист» практике введения в романное повествование структуры «текст в тексте» как формы идеологического кодирования произведения.

Следствием отношения к истории как к тексту, который нуждается в изучении, цитировании и интерпретации источников, являются такие эстетические особенности романов обоих авторов, как коллажность повествования, «перепутанные цитаты», образ истории – палимпсеста, в основе которого – эффект присутствия нескольких культурных пластов, просвечивающих друг сквозь друга.

Проведенное нами сопоставление первой трилогии Д. Мережковского и итогового романа М. Булгакова позволяет восстановить одно из недостающих звеньев литературной эволюции, без которого художественные открытия М. Булгакова предстают до странности не укорененными в ближайшей традиции. Чтобы оценить «личную инициативу» писателя, «чтобы измерить движение», надо, по словам С.С. Аверинцева, «иметь точку отсчета», которой «является данность жанровой традиции»¹². Дальнейшее изучение романного наследия Д.С. Мережковского и М.А. Булгакова видится нам в данном направлении.

Примечания

¹ См.: Мельник В., Мельник Т. М. Булгаков и Д. Мережковский (к вопросу о генезисе демонических мотивов // Республиканские булгаковские чтения: Тезисы. Черновцы, 1991; Сингаевская О. Тема шабаша в произведениях М. Булгакова, В. Брюсова, Д. Мережковского («Мастер и Маргарита», «Огненный ангел», «Леонардо да Винчи») // Там же.

- ² См.: Гаспаров Б. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Новый Завет в произведениях М.А. Булгакова // Гаспаров Б. Литературные лейтмотивы. М., 1993; Генис А. «Серапионы»: опыт модернизации русской прозы // Звезда. 1996. № 12; Каганская М. Белое и красное // Литературное обозрение. 1991. № 5 и др.
- ³ Косвенным свидетельством незаинтересованности современных исследователей проблемой «Булгаков и Мережковский» является факт «точечного» упоминания о Д.С. Мережковском в изданиях обобщающего характера и исследованиях, систематизирующих новейшие достижения булгаковедения. См.: Белобровцева И., Кульяс С. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий. М., 2007; Соколов Б. Булгаковская энциклопедия. М., 1996; Яблоков Е. Художественный мир Михаила Булгакова. М., 2001.
- ⁴ Бродский И. Книга интервью. М., 2000. С. 605.
- ⁵ См.: Никулина Н. Мотивная структура романа-эссе Д.С. Мережковского «Иисус Неизвестный»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2002; Леонтьев А. Интертекстуальные трансформации в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // <http://www.netslova.ru/leontiev/bulgakov.html>
- ⁶ Оба писателя показывают, «как отразился образ Божий в истории человеческой культуры: в книгах, в “голосах”, в судьбах». Как считает исследователь, «в этом состоит главное мотивное созвучие романов Булгакова и Мережковского, за которыми открывается общий для обоих художников лейтмотивный план культурных отражений вечного сюжета о творчестве и спасении» (Никулина Н. Мотивная структура романа-эссе Д.С. Мережковского «Иисус Неизвестный». С. 22).
- ⁷ См. полемику Д.С. Мережковского с историком великим князем Н.М. Романовым: Мережковский Д.С. Александр I // Мережковский Д.С. Было и будет. Дневник 1910–1914; Невоенный дневник. 1914–1916. М., 2001.
- ⁸ Мережковский Д.С. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 214. Далее ссылки на это издание с указанием тома и страниц в тексте статьи.
- ⁹ Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т. М., 1992. Т. 5. С. 174. Далее ссылки на это издание с указанием тома и страниц в тексте статьи.
- ¹⁰ Гаврюшин Н. Литостротон, или Мастер без Маргариты // Вопросы литературы. 1991. № 8; Дунаев М.М. Православие и русская литература: В 6 ч. М., 2000. Ч. VI и др.
- ¹¹ Подробнее см.: Дронова Т.И. Платоновский код романа Д.С. Мережковского «Юлиан Отступник» // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Русская филология. М., 2007. № 2.
- ¹² Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография // Аверинцев С.С. Образ античности. СПб., 2004. С. 231.

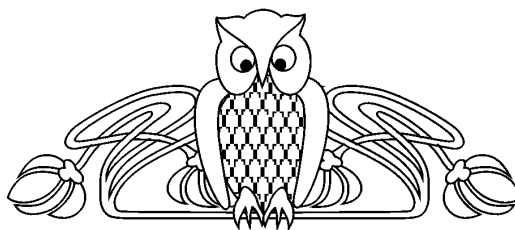

УДК 821.161.1.09-31+929 Платонов

ПРОБЛЕМА СЧАСТЬЯ В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «СЧАСТЛИВАЯ МОСКВА»

Л.В. Червякова

Саратовский государственный университет,
кафедра новейшей русской литературы
E-mail: lora272009@rambler.ru

В статье представлен анализ философской проблематики романа А. Платонова «Счастливая Москва» через призму ключевой для этого произведения проблемы счастья.

Ключевые слова: Андрей Платонов, «Счастливая Москва», проблема счастья, истина, жизненный поиск.

Happiness in A. Platonov's Novel "Happy Moscow"

L.V. Chervyakova

The article analyzes the philosophical problems in A. Platonov's «Happy Moscow» through the prism of the novel's key problem, that of happiness.

Key words: Andrei Platonov, «Happy Moscow», problem of happiness, truth, quest.

Роман А. Платонова «Счастливая Москва» – произведение чрезвычайно насыщенное идейно и неоднозначное. Его осмысление в платоноведении отличается дискуссионностью. Исследователи нередко высказывают противоположные точки зрения. Так, например, Б. Соколов, сопоставляя роман А. Платонова с «Мастером и Маргаритой» М. Булгакова, утверждает, что «в «Счастливой Москве» на сатиру нет даже намека», «у Платонова иронии нет»¹, тогда как С. Залыгин² подчеркивает ироническое звучание заглавия романа, а Н. Корниенко, проводя параллель с Булгаковым, усматривает сходство именно в «сатирическом отношении к современному московскому центру литературы»³.

Неоднозначно оцениваются и герои романа, их жизненные итоги. Например, если большинство исследователей характеризуют образ жизни Комягина как «эгоистически замкнутый», а его жизнь как бессмысленную, то Т. Никонова⁴ рассматривает его способ существования как попытку утвердить общезначимые человеческие ценности «единственной и единичной жизни» в социалистической реальности с ее общественным идеалом, а Н. Божидарова проводит аналогию с Обломовым, подчеркивая, что «по сравнению со Штольцами романа вневойсковик кажется мудрым стариком, когда-то давно преодолевшим все стремления, все попытки переделать жизнь, все мечты»⁵.

Столь же неодноплановы и характеристики Сарториуса. По мысли С. Семеновы⁶, герой обрел единство с людьми через любовь-жалость, любовь-жертву («агапэ»), пройдя путь отречения

от существования для себя. Х. Костова⁷, напротив, считает, что история Груняхина – это крах попытки восстановления целостности бытия, поскольку одиночество героя усугубляется. М. Абашева⁸ характеризует «уход» Сарториуса от себя как «смерть личности», а П. Бергер-Бюгель говорит о жизненном пути героя как «развитии от техника, который желает невозможного, до реалистически мыслящего гуманиста»⁹. Н. Малыгина¹⁰ также понимает жизнь Сарториуса как движение к обретению света, пониманию мира.

Амбивалентность исследовательских трактовок, безусловно, соответствует амбивалентности романа, открытый финал которого оставляет нерешенным множество вопросов и актуализирует проблему «границ спектра адекватных толкований» (И. Есаулов)¹¹. На наш взгляд, в изучении этого произведения А. Платонова необходимо идти путем анализа одной из самых значимых для писателя проблем, обозначенной в заглавии, – проблемы счастья.

Следует отметить, что ее осмысление в романе А. Платонова исследователями творчества писателя отличается некоторой односторонностью. Например, С. Залыгиным¹² название произведения «Счастливая Москва», соотношенное с образом главной героини, осмыслено как трагическая ирония писателя. В том же ключе осознана проблема счастья и Х. Гюнтером. Исследователь подчеркивает, что «счастье Москвы обещано читателю лишь в названии романа»¹³, тогда как «линия жизни» героев является «нисходящей», «ущербной». Как утверждает Х. Гюнтер, «счастье, являющееся центральным лозунгом эпохи, отсутствует в романе, и повторение этого только подчеркивает этот факт»¹⁴.

По мнению П. Бергер-Бюгеля, «за названием романа скрывается скорее циничный вопрос, чем имя героини: «Счастливая Москва?»»¹⁵. Анализ сюжетных линий, связанных с образами главных героев романа – Сарториуса и Москвы, – через призму господствующего в стране мифа о «новом человеке» позволяет исследователю прийти к выводу об абсолютном несовпадении восхваляемого «нового мира» и подлинной реальности, переполненной человеческими страданиями.

Предложенное в исследовательских работах рассмотрение проблемы счастья, на наш взгляд, представляет собой лишь один из возможных

путей ее постижения. Философская глубина платоновских произведений и неоднозначность осмысления писателем проблем бытийного характера требуют более тщательного изучения, тем более что в романе очевидны два уровня решения проблемы счастья – уровень героев и уровень автора, который осуществляет своего рода проверку способов обретения счастья. Авторское присутствие в романе «задает» оценочную перспективу, определяющую значимость жизненных поисков героев.

В комментариях к первой публикации романа «Счастливая Москва» Н.В. Корниенко указывает, что роману, который должен был стать составной частью более масштабного произведения «Путешествие из Ленинграда в Москву», был предпослан эпиграф из радищевского «Путешествия...»: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человеческими уязвлена стала... Уже ли, вещал я сам себе, природа столь скупа была к своим чадам, что от блуждающего невинно сокрыла истину навеки? Ужели грозная мачеха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствие, а блаженство николи? Разум мой встрепетал от сие мысли и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло»¹⁶.

В этом эпиграфе обозначены основные проблемы, которые являются центральными и для платоновского романа: мысль о несоответствии жизни человеческого стремлению к счастью и неприятие подобного положения вещей. Показательно, на наш взгляд, что в избранном Платоновым отрывке возникает значимый для писателя образ человека, «блуждающего» в поисках истины, причем понятия истины и счастья оказываются синонимичными. Платоновские герои, как и герой Радищева, стремятся обрести счастье-истину не столько в социальном измерении жизни (хотя для произведений этих писателей характерна острая политическая актуальность), сколько в бытийном отношении, через утверждение гармонии между человеком и миром.

Понятие «счастье» в романе А. Платонова многопланово – это и «счастливая теснота людей»¹⁷ (С. 11), и «чистое чувство объединенного удвоенного счастья» (С. 19), и «счастье теплоты человека» (С. 16), постигаемое через любовь, и «счастье за все смелое человечество» (С. 16), рождаемое чувством сопричастности с грандиозными свершениями, и «счастливая безотчетность» (С. 17) – как следствие ощущения человеком гармонии с миром и самим собой. Семантическое поле «счастья» в романе «Счастливая Москва» очень широко: оно включает значение «свободы» и «воодушевления», «соединения» – с миром и людьми, «истины», «творчества», «бессмертия», «жизни». Многообразию смыслов, связанных с образом счастья, в романе соответствует многообразие путей его обретения, воплощенных в судьбах героев «Счастливой Москвы».

Проблема поисков счастья определена как центральная уже в открывающем роман эпизоде,

рождающем пророческие ассоциации. Важную роль выполняет контрастное противопоставление света и тьмы: с образом человека с факелом связана мысль о деятельном преобразовании жизни. Для героини романа крик человека становится своего рода «зовом совести», побуждающим к активным действиям: «Девочка уснула и забыла все, что видела потом в другие дни: она была слишком мала, и память и ум раннего детства заросли в ее теле навсегда последующей жизнью. Но до поздних лет в ней неожиданно и печально поднимался и бежал безымянный человек – в бледном свете памяти – и снова погибал во тьме прошлого, в сердце выросшего ребенка» (С. 9). Образ погибшего в сознании Москвы Честновой становится символом трагедии человека, чье страдание делает необходимым коренное изменение жизни, а его гибель переживается героиней как своего рода «пограничная ситуация», в которой актуализируется идея преодоления смерти.

Отношение к жизни героев «Счастливой Москвы» определено их вдохновенным жизненным порывом, направленным на преобразование реальности, – они слышат «зов совести», обращенный к ним и побуждающий их к активной деятельности. Для Москвы Честновой это «бедный, грустный крик» бежавшего с факелом человека, для хирурга Самбикина – «неясный и алчущий, совестливый вопль в душе» (С. 32), для инженера Сарториуса – «темный вопиющий голос» (С. 30), заставляющий его трудиться «с беспокойством от ответственности своей жизни» (С. 73), «слабый вопль» (С. 101), подобный стону ребенка, который умер, не смирившись с утратой отца.

Подобным образом, как «зов заботы», определяет совесть и М. Хайдеггер, подчеркивая, что осознание человеком своей экзистенциальной значимости и ответственности за бытие является «причиной внутренней творческой мобилизации»¹⁸, источником активного действия.

Каждый из героев «Счастливой Москвы» стремится дать ответ на этот «зов». Хирург Самбикин пытается добыть из трупа «младенческую влагу», наполненную «едкой энергией жизни», которая может «живого, но поникшего человека» «сделать прямым, твердым и счастливым» (С. 41). Этот герой «постоянно счастлив от великих задач, стоявших как горы на горизонте будущего, потому что участвовал в общем наступлении на них» (С. 26). Счастьем для него становится работа ума над преобразованием реальности. Его отношение к жизни рационалистично, и, несмотря на то что Самбикин стремится решить проблему бессмертия, А. Платонов указывает на ограниченность направленности его действий. Жизнь сердца для него – лишь умственная загадка, и свою любовь к Москве он также старался осмыслить рационалистически – «и забыл в своем сердце страдальческое чувство» (С. 80). На упрек Сарториуса – «Зачем же ты бросил ее хромоу и одну?» – хирург отвечает: «Странно, если я буду любить

одну женщину в мире, когда их существует целый миллиард, а среди них есть наверняка еще более высшая прелесть. Это надо сначала точно выяснить, здесь явное недоразумение человеческого сердца – и больше ничего» (С. 83). Таким образом, писатель подчеркивает, что сужение сферы жизни и деятельности человека, несмотря на глобальность решаемых им задач, уводит от счастья.

Особую значимость для осмысления проблемы счастья имеют сюжетные линии, связанные с судьбами Сарториуса и Москвы, взаимная любовь которых может считаться счастьем. Сарториус любит Москву как «живую истину» (С. 38), однако и он ощущает конфликт между «всеобщей жизнью, наполненной трудом и чувством сближения между людьми» (С. 42), своим столом, «набитым идеями в чертежах» (С. 42) и «сосредоточенной одинокой мыслью любви» (С. 42). Он работает «над решением всех проблем» (С. 65), стремится «определить внутренний механический закон человека, от которого бывает счастье, мучение и гибель» (С. 68). Не случайно, осуществляя поиски решения проблемы счастья в этом направлении, Сарториус приходит к мысли о том, что виной человеческих страданий является «душа», которую для благоденствия человечества необходимо разрушить. Это позволяет провести параллель с антиутопиями Е. Замятина «Мы» и В. Набокова «Приглашение на казнь», где лишение человека души представлено как его уничтожение, как разрушение самой жизни. В том же ключе это осмыслено и в романе Платонова: герой, рассуждающий об уничтожении души, показан «угрюмым», ему «скучно и ненавистно», а человек представляется ему лишь скоплением гноя. В противоположность Сарториусу Платонов высказывает в записках этого периода иные идеи: «... и в ничтожестве есть душа – мертвых нет нигде»¹⁹, – то есть считает душу синонимом жизни.

Не обрета счастья путем разрешения проблемы усовершенствования весов в масштабах народного хозяйства, через любовь с машинисткой Лизой, Сарториус вновь уходит в себя, и его слепота, на наш взгляд, имеет символический смысл: герой как бы закрывается от мира. «Постоянство» любви к Москве становится для героя исходным пунктом размышлений о привязанности к самому себе как причине несчастья человека.

Вторая встреча с Москвой вновь заставляет его задуматься о том, что «любовь происходит от неизжитой еще всемирной бедности общества, когда некуда деться в лучшую часть» (С. 90). Герой решает «исследовать весь объем текущей жизни посредством превращения себя в прочих людей» (С. 90). Поэтому воплощением счастья для Сарториуса становится «город Москва» – «каждую минуту растущий в будущее время, взволнованный работой, отрекающийся от себя, бредущий вперед с незнаемым молодым лицом» (С. 91). Образ «блаженной страны» будущего, о которой поется в песне, неразрывно связан в романе с

городом Москвой, которая «лежит за окном, освещенная звездами и электричеством» (С. 40).

Таким образом, Сарториус приходит к мысли о необходимости постоянного развития, движения, изменения. Превращение Сарториуса в Груняхина становится очередным этапом жизни героя. Осмысляя проблему счастья как исследователь, изучив мировую философскую мысль, Груняхин понимает, что залогом счастья является готовность к его обретению, «открытость» для счастья: «Выходило, что благодаря лишь действию одной природы маленькая работа всегда даст большие успехи и каждому достанется кусок из золотого сечения – самый громадный и сытый. Следовательно, не столько труд, но ухищрение, смелость и душа, готовят на упоение счастьем» (С. 99). Груняхин остается жить в семье, брошенной монтером Арабовым, на наш взгляд, именно для того, чтобы получить противоположный жизненный результат: если «счастливое упоение собой» оборачивается горем для других, то, стремясь одолеть горе Матрены Филипповны, герой пытается «повернуть» ее к счастью, победить ее недоверие к самой возможности его обретения.

Одной из самых значимых с точки зрения идеи счастья в романе Платонова является судьба Москвы Честновой. На тот факт, что ее жизненная линия является определяющей, указывает сам писатель: «Композиция Москвы – то счастливая душа, то несчастная, то яркая, то печальная, но везде, в каждом человеке есть свой греющийся очажок, иначе он, человек, не прожил бы и минуты»²⁰. Отношение Москвы к действительности можно охарактеризовать как жизнотворчество: воспринимая реальность во всем многообразии жизненных связей, героиня одухотворяет ее. Счастье постигается ею как гармоническое единство мира и человека. «Счастливая безотчетность» самоощущения Москвы обусловлена тем, что «ей все здесь подходит – к ее телу, сердцу и свободе» (С. 11).

Жизненный путь Москвы Честновой – это не столько поиск какой-то конкретной формы счастья, сколько стремление к жизни во всех ее проявлениях. В одном из черновых вариантов романа писатель указывает, что Москва, уходя от Сарториуса, говорит о том, что пойдет «вокруг жизни, сквозь людей» (С. 49). В этом заявлении обнаруживается желание Москвы воспринять жизнь во всех ее измерениях и направлениях. Покидая любимого человека, героиня испытывает радость от того, что перед ней вновь открывается многообразие жизни: «Она была снова счастлива, она хотела уйти в бесчисленную жизнь...» (С. 50). И если у Сарториуса утрата Москвы вызывает «равнодушие к интересу жизни» (С. 50), то героиня видит в расставании новые возможности самоосуществления.

Желанием познать всю полноту жизни обусловлены «крайности» существования Москвы Честновой: побывав парашютисткой, она

спускается в шахту метрополитена, становясь метростроевкой, стремясь к осуществлению «высшей участи», старается понять существование Комягина.

Комягин – один из немногих героев «Счастливой Москвы», кто характеризуется как «несчастливый». Это человек, который, по его словам, не живет, а «замешан в жизни». (С. 61). Встреча с ним заставляет Москву задуматься о возможности счастливой жизни для всех людей. Показательно, что эпизод, открывающий роман, получает сниженное толкование: Комягин рассказывает Москве, что человеком, бежавшим с факелом, был он, но его действия были обусловлены не героическим порывом, а необходимостью самообороны. Освобождение тюрьмы вневойсковиком также представлено иначе: «... в тюрьме митинг был. Там кормили хорошо и никто на волю не уходил – приходилось с боем выдвирать на свободу. Я тоже ши там ел у надзирателя по знакомству» (С. 85). Утрата романтической окраски заставляет осмыслить ситуацию иначе – с точки зрения «маленького человека», оказавшегося жертвой обстоятельств. Однако Москва не хочет принять эту точку зрения, считая, что сама жизнь требует уничтожения подобных Комягину: «Ты слепой в крапиве! Не ложись со мной, гадость такая! <...> Убить тебя надо, вот в чем жизнь» (С. 85). Но после несостоявшейся попытки Комягина умереть и свидания с Сарториусом Москва все же принимает вневойсковика: «Комягин пошевелился на полу и вздохнул своим же надышанным воздухом:

– Муся, – позвал он в неуверенности. – Я застыл здесь внизу: можно я к тебе лягу?

Москва открыла один глаз и сказала:

– Ну ложись!» (С. 91).

Этот эпизод позволяет говорить, что человеческое страдание пробуждает сочувствие Москвы, а значит, образ бегущего с факелом не потерял своего значения, но, трансформировавшись, приобрел черты конкретного человека.

Очень значимой, по нашему мнению, является «кольцевая» композиция судеб главных героев, которые в своем существовании проходят несколько циклов, возвращаясь к тем, кто был для них импульсом к экзистенциальным поискам: Москва – к Комягину, Сарториус – к Москве. Смысл такого построения, на наш взгляд, раскрывается через размышления Платонова о повторяемости в жизни: «И каждый день лишь для того и повторяется, чтобы люди вспомнили забытое, необходимое, а люди думают, что это лишь время идет»²¹. Поиски счастья возвращают героев к человеку, с которым связано для них постижение жизни через душевное к ней приближение.

Одним из смыслообразующих с точки зрения постижения проблемы счастья в романе Платонова является образ музыки, в котором реализуется идея высшего предназначения человека. Не случайно для главной героини восприятие музыки связано с воспоминаниями о первой осознанной

ею человеческой трагедии: «Всякая музыка, если она была велика и человечна, напоминала Москве о пролетариате, о темном человеке с горящим факелом, бежавшем в ночь революции, и о ней самой. И она слушала ее как речь вождя и собственное слово, которое она всегда подразумевает, но никогда вслух не говорит» (С. 24). Музыка Бетховена дает Москве возможность увидеть связь своей жизни и общей, исторической, создает представление о бытии как единой системе, где прошлое, связанное с образом погибшего человека, является необходимым условием прорыва к будущему, к осуществлению «высшей участи». Музыка служит в романе образной метафорой, выражающей осуществление бытийных процессов: она указывает на причастность человека к миру высших реальностей, имеющих онтологическую значимость, направляет сложное, внутренне противоречивое течение жизни, увлекает «силой вдохновения собственную жизнь в далекие края будущего» (С.18).

Для понимания темы счастья в романе особую значимость имеют авторские размышления. Авторское присутствие обнаруживает себя в «Счастливой Москве» нечасто, но всегда имеет значение оценочной перспективы. Так, например, авторское присутствие выявляется в эпизоде со скрипачом, музыка которого вызывает у Москвы воспоминания о бегущем с факелом человеке, а в «изможденном уме» самого музыканта – «последнее воображение о героическом мире» (С. 24). Авторское видение открывает читателю единство, казалось бы, разнонаправленных человеческих устремлений: «Против него (скрипача. – Л. Ч.) – по ту сторону забора – строили медицинский институт для поисков долговечности и бессмертия, но старый музыкант не мог понять, что эта постройка продолжает музыку Бетховена, а Москва Честнова не знала, что там строится» (С. 24). Обозначенная писателем идея затем находит сюжетное воплощение в романе: следуя разными дорогами, герои приходят к необходимости преодоления горя ради конкретного человека, преобразования страдания в счастье.

Значимым проявлением авторского присутствия в романе служат и размышления о пути обретения «высшей участи»: «Нет, не здесь проходит вдоль большая дорога жизни – не в бедной любви, не в кишках и не в усердном разумении точных мелочей, как делает Сарториус» (С. 63). Определив эти направления как неистинные, писатель обозначает другие пути поиска, связывая их с Москвой.

Авторская оценка экзистенциальных поисков героини дается через образ «блуждающего сердца», устремленного вдаль, к неведомой цели: «Блуждающее сердце! Оно долго содрогается в человеке от предчувствия, сжатое костями и обыкновенными бедствиями жизни и, наконец, бросается вперед, теряя свое тепло на холодных дорогах» (С. 53). Образ «блуж-

дающего сердца» отражает авторское видение образа главной героини: ее жизненный поиск бесконечен, и смысл ее существования состоит именно в не имеющем конца движении. Проблема счастья должна восприниматься, на наш взгляд, через осознание авторского отношения к героине. Возможно, ее счастье заключается именно в бесконечном взаимодействии с жизнью. И хотя роман остался незаконченным, эту установку на бесконечное движение отражают замечания писателя о финале произведения: «В конце должно остаться временное напряжение. Сюжетный потенциал – столь же резкий, как и в начале романа. Сюжет не должен проходить в конце, кончатся»²².

Авторское понимание проблемы счастья, безусловно, отражено в названии романа, которое воспринимается платоноведомы прежде всего как выражение трагической иронии писателя. Однако смысл названия «Счастливая Москва» может быть осознан по-другому, если рассмотреть его через призму размышлений А. Платонова о «новом мире». В записных книжках 1932 г. писатель указывает: «Есть такая версия. Новый мир реально существует, поскольку есть поколение искренне думающих и действующих в плане ортодоксии, в плане ожившего “плаката”», – но он локален, этот мир, он местный, как географическая страна наряду с другими странами, другими мирами. Всемирным, универсально-историческим этот новый мир не будет и быть не может.

Но живые люди, составляющие этот новый, принципиально новый и серьезный мир, уже есть и надо работать среди них и для них»²³.

Это замечание не позволяет рассматривать заглавие романа только как воплощение авторской иронии, разоблачение мифов советской эпохи. Возможно, «Счастливая Москва» – это определение того самого «локального» нового мира, в котором живут платоновские ищущие герои – Москва Честнова, Сарториус, хирург Самбикин, электротехник Гунькин, конструктор сверхвысотных самолетов Мульдбауэр, а поиски счастья, составляющие смысл их существования, не могут быть завершены, ведь, по словам А. Платонова, «всеобщее блаженство и наслаждение жизнью... есть ложная мечта»²⁴, а «счастье должно изменяться, чтобы сохраниться»²⁵.

По мысли М. Хайдеггера, подлинное человеческое существование трансцендентно по своей сути, предполагает «осознание экстатической темпоральности»²⁶ и становится «полагаемым самым субъектом полем специфически человеческой деятельности и прежде всего мышления, по сути дела, являющегося выходом (проекцией) в будущее»²⁷. Поэтому, как отмечает Г. Менде, в работах, вышедших в свет после «Бытия и времени», М. Хайдеггер вместо «Existenz» пишет «Ex-sistens»²⁸, подчеркивая трансцендентную направленность экзистенции человека.

А. Платоновым в романе «Счастливая Москва» также в качестве определяющих характеристик счастья названы его открытость и незавершенность, направленность на преодоление неких пределов, т.е. обозначена его трансцендентная природа: идею счастья воплощает музыка, в которой «была стрела действия и надежды, напряженная для безвозвратного движения в даль» (С. 65); как путь обретения счастья воспринимает возможность «исследовать весь объем текущей жизни», «вникнуть во все посторонние души» Сарториус-Груняхин (С. 90); «быть везде соучастницей» (С. 67) стремится Москва Честнова. Идеи, связанные с образом счастья, реализуют представление о нем как человеческом единстве, воплощающем различные жизненные формы и следующем по векторному пути развития. По мысли писателя, «не столько труд, но и ухищрение, уместель и душа, готовая на упоение счастьем, определяли судьбу человека» (С. 99). Поэтому необходимо учиться «мужеству непрерывного счастья» (С. 105), суть которого в преобразовании мира и преодолении несчастья.

Примечания

- ¹ Соколов Б. «Счастливая Москва» и «Мастер и Маргарита»: Спор о городе // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества М., 1999. Вып. III. С. 172.
- ² Залыгин С. Участникам конференции по роману Андрея Платонова «Счастливая Москва» // «Страна философов» Андрея Платонова ... С. 107–108.
- ³ Корниенко Н. «Пролетарская Москва ждет своего художника» (К творческой истории романа) // «Страна философов» Андрея Платонова ... С. 366.
- ⁴ Никонова Т. «Из одного вдохновенного источника»: общие истины и человеческая жизнь в романе «Счастливая Москва» // «Страна философов» Андрея Платонова ... С. 209.
- ⁵ Божидарова Н. Абсурд ситуации в романе (Сарториус и Комягин) // «Страна философов» Андрея Платонова... С. 300.
- ⁶ Семенова С. «Влечение людей в тайну взаимного существования» (Формы любви в романе) // «Страна философов» Андрея Платонова... С. 108–124.
- ⁷ Костова Х. Оппозиция души и тела в романе «Счастливая Москва» // «Страна философов» Андрея Платонова ... С. 152–159.
- ⁸ Абашева М. «Пропаду среди всех!» (А. Платонов и сюжет «ухода» в русской поэзии XX века) // «Страна философов» Андрея Платонова ... С. 353.
- ⁹ Бергер-Бюгель П. «Счастливая Москва» и новый социалистический человек в Советском Союзе 30-х годов // «Страна философов» Андрея Платонова... С. 200.
- ¹⁰ Малыгина Н. Роман Платонова как мотивная структура // «Страна философов» Андрея Платонова ... С. 212–222.
- ¹¹ Есаулов И. Ворота, двери и окна в романе «Счастливая Москва» // «Страна философов» Андрея Платонова ... С. 256.

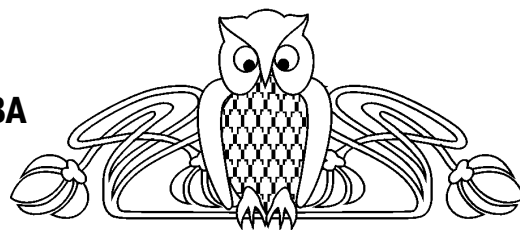
- ¹² Залыгин С. Участникам конференции по роману Андрея Платонова «Счастливая Москва» // «Страна философов» Андрея Платонова ... С. 107–108.
- ¹³ Гюнтер Х. «Счастливая Москва» и архетип матери в советской культуре 30-х годов // «Страна философов» Андрея Платонова... С. 172.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Бергер-Бюгель П. Указ. соч. С. 200.
- ¹⁶ Корниенко Н.В. «... На краю собственного безмолвия»: комментарии к публикации романа А.Платонова «Счастливая Москва» // Новый мир. 1991. № 9. С. 63.
- ¹⁷ Платонов А. Счастливая Москва // «Страна философов» Андрея Платонова... С. 11. Далее ссылки даются на это издание с указанием страниц в тексте.
- ¹⁸ Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет // Логос. 1992. № 3. С. 81–97.
- ¹⁹ Корниенко Н.В. «... На краю собственного безмолвия»: комментарии к публикации романа «Счастливая Москва» // Новый мир. 1991. № 9. С. 60.
- ²⁰ Там же. С. 61.
- ²¹ Там же. С. 60.
- ²² Там же. С. 62.
- ²³ Там же. С. 58–59.
- ²⁴ Платонов А. Избранные произведения. М., 1993. С. 804.
- ²⁵ Там же. С. 793.
- ²⁶ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 53.
- ²⁷ Там же. С. 55.
- ²⁸ Менде Г. Очерк о философии существования. М., 1958. С. 154.

УДК821.161.1.09-31+929 Булгаков

СЕГМЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В «ЗАПИСКАХ ПОКОЙНИКА» М.А. БУЛГАКОВА

А.А. Чугаев

Саратовский государственный университет,
кафедра новейшей русской литературы
E-mail: chugaev_a@mail.ru

В статье рассматривается сегментация художественного пространства и сцепление сегментов в «Записках покойника» М.А. Булгакова как один из приемов пространственно-временной организации текста. Проводится сравнение с особенностями художественного пространства в романе «Мастер и Маргарита». **Ключевые слова:** художественное пространство, изоморфность, хтонический локус, сегментация пространства, сакральность, зеркало, театр.

Segmentation of Space in M.A. Bulgakov's «Zapiski Pokoinika»

А.А. Chugaev

The article examines space segmentation and segments cohesion in Bulgakov's «Zapiski Pokoinika» as one of the devices of spatial organization of the text. It is compared to space construction in the novel «Master i Margarita».

Key words: textual space, isomorphism, chthonic locus, spatial segmentation, sacral, mirror, theatre.

«Записки покойника» – одно из наименее изученных произведений М.А. Булгакова. Природа его художественного пространства сложна и требует пристального внимания исследователя. Особый интерес, на наш взгляд, представляет изоморфность художественного пространства «Записок покойника» и «Мастера и Маргариты» при всех жанровых различиях этих произведений.

М. Петровский высказал принципиально важное суждение: «Подобно тому, как от одного произведения к другому Булгаков все с большей откровенностью “просиял” присутствие Мефи-

стофеля (“секретный” Шполянский – двоящийся Рудольфи – недвусмысленный Воланд), так от одной вещи к другой нарастает булгаковская игра с пространством, все очевиднее становится присутствие в нем каких-то неэвклидовых измерений»¹.

«Мастер и Маргарита» и «Записки покойника» писались одновременно. Процесс работы, автобиографическое начало, по-разному проявляющееся в том и другом тексте, поиск жанрового синтеза создавали своеобразный творческий метатекст, в котором художественные пространства двух произведений были не только близки по структуре, но и частично пересекались. Тем важнее определить смысловое значение экспериментов с пространством в столь разных по замыслу текстах.

Художественное пространство «Записок покойника» не является гомогенным. Оно сегментировано на три крупных пласта (Москва, театр, пространство произведений Максудова), которые, в свою очередь, также можно разделить на более мелкие составляющие. В данной статье мы остановимся на пространстве Москвы и пространстве театра.

Пространство Москвы

Первое, с чем сталкивается читатель «Записок покойника», – пространство Москвы. Как и в «Мастере и Маргарите», оно во многом несет черты реалистического топоса. Но если в «закат-

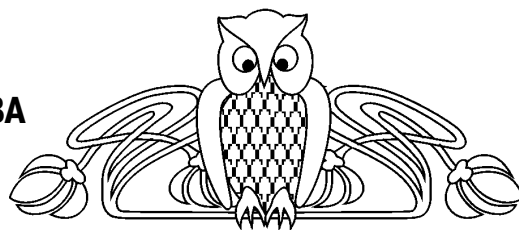
- ¹² Залыгин С. Участникам конференции по роману Андрея Платонова «Счастливая Москва» // «Страна философов» Андрея Платонова ... С. 107–108.
- ¹³ Гюнтер Х. «Счастливая Москва» и архетип матери в советской культуре 30-х годов // «Страна философов» Андрея Платонова... С. 172.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Бергер-Бюгель П. Указ. соч. С. 200.
- ¹⁶ Корниенко Н.В. «... На краю собственного безмолвия»: комментарии к публикации романа А.Платонова «Счастливая Москва» // Новый мир. 1991. № 9. С. 63.
- ¹⁷ Платонов А. Счастливая Москва // «Страна философов» Андрея Платонова... С. 11. Далее ссылки даются на это издание с указанием страниц в тексте.
- ¹⁸ Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет // Логос. 1992. № 3. С. 81–97.
- ¹⁹ Корниенко Н.В. «... На краю собственного безмолвия»: комментарии к публикации романа «Счастливая Москва» // Новый мир. 1991. № 9. С. 60.
- ²⁰ Там же. С. 61.
- ²¹ Там же. С. 60.
- ²² Там же. С. 62.
- ²³ Там же. С. 58–59.
- ²⁴ Платонов А. Избранные произведения. М., 1993. С. 804.
- ²⁵ Там же. С. 793.
- ²⁶ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 53.
- ²⁷ Там же. С. 55.
- ²⁸ Менде Г. Очерк о философии существования. М., 1958. С. 154.

УДК821.161.1.09-31+929 Булгаков

СЕГМЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В «ЗАПИСКАХ ПОКОЙНИКА» М.А. БУЛГАКОВА

А.А. Чугаев

Саратовский государственный университет,
кафедра новейшей русской литературы
E-mail: chugaev_a@mail.ru

В статье рассматривается сегментация художественного пространства и сцепление сегментов в «Записках покойника» М.А. Булгакова как один из приемов пространственно-временной организации текста. Проводится сравнение с особенностями художественного пространства в романе «Мастер и Маргарита». **Ключевые слова:** художественное пространство, изоморфность, хтонический локус, сегментация пространства, сакральность, зеркало, театр.

Segmentation of Space in M.A. Bulgakov's «Zapiski Pokoinika»

А.А. Chugaev

The article examines space segmentation and segments cohesion in Bulgakov's «Zapiski Pokoinika» as one of the devices of spatial organization of the text. It is compared to space construction in the novel «Master i Margarita».

Key words: textual space, isomorphism, chthonic locus, spatial segmentation, sacral, mirror, theatre.

«Записки покойника» – одно из наименее изученных произведений М.А. Булгакова. Природа его художественного пространства сложна и требует пристального внимания исследователя. Особый интерес, на наш взгляд, представляет изоморфность художественного пространства «Записок покойника» и «Мастера и Маргариты» при всех жанровых различиях этих произведений.

М. Петровский высказал принципиально важное суждение: «Подобно тому, как от одного произведения к другому Булгаков все с большей откровенностью “просиял” присутствие Мефи-

стофеля (“секретный” Шполянский – двоящийся Рудольфи – недвусмысленный Воланд), так от одной вещи к другой нарастает булгаковская игра с пространством, все очевиднее становится присутствие в нем каких-то неэвклидовых измерений»¹.

«Мастер и Маргарита» и «Записки покойника» писались одновременно. Процесс работы, автобиографическое начало, по-разному проявляющееся в том и другом тексте, поиск жанрового синтеза создавали своеобразный творческий метатекст, в котором художественные пространства двух произведений были не только близки по структуре, но и частично пересекались. Тем важнее определить смысловое значение экспериментов с пространством в столь разных по замыслу текстах.

Художественное пространство «Записок покойника» не является гомогенным. Оно сегментировано на три крупных пласта (Москва, театр, пространство произведений Максудова), которые, в свою очередь, также можно разделить на более мелкие составляющие. В данной статье мы остановимся на пространстве Москвы и пространстве театра.

Пространство Москвы

Первое, с чем сталкивается читатель «Записок покойника», – пространство Москвы. Как и в «Мастере и Маргарите», оно во многом несет черты реалистического топоса. Но если в «закат-

ном» романе М.А. Булгаков напрямую расставляет маркеры Москвы как хтонического локуса, то «Записки покойника» неоднозначны. В «Мастере и Маргарите» сознательные авторские искажения московского пространства позволяют нам судить о том, что это сделано не случайно. Одним из самых ярких примеров может служить трамвай в романе. Существует ряд исследований, посвященных маршруту трамвая, перерезавшего горло Берлиозу (например, С. Пирковский² указывает на вымышленность этой трамвайной линии), однако никто из исследователей не обратил внимания на то, что трамвай служит своего рода средством перемещения между ершалаимским и московским пространством. «Тотчас и подлетел этот трамвай, поворачивающий по новопроложенной линии с Ермолаевского на Бронную. Повернув и выйдя на прямую, он внезапно осветился изнутри электричеством, взвыл и нагнал. Осторожный Берлиоз, хоть и стоял безопасно, решил вернуться за рогатку, переложил руку на вертушке, сделал шаг назад. И тотчас рука его скользнула и сорвалась, нога неудержимо, как по льду, поехала по бульжику, откосом сходящему к рельсам, другую ногу подбросило, и Берлиоза выбросило на рельсы»³ (193). А вот вариант 1928 г.: «Долгий нарастающий звук возник в воздухе, и тотчас из-за угла дома с Садовой на Бронную вылетел вагон трамвая. [...] Трамвай проехал по Бронной. На задней площадке стоял Пилат, в плаще и сандалиях, держал в руках портфель» (498). В черновых редакциях трамваю уделено гораздо более пристальное внимание. На пересечении Садовой и Бронной трамвай ходил только грузовой, да и то всего лишь в течение нескольких месяцев. Ни одна из карт трамвайных путей не указывает на наличие трамвайной линии на этом участке.

Исследователи связывают «Записки покойника» исключительно с автобиографической составляющей прозы писателя и отказываются от мистической составляющей. На первый взгляд это действительно так: Булгаков на этот раз дает описание реальной Москвы, не внося никаких изменений. Оно легко проверяется по карте. Тем не менее это пространство мифологизируется. В своих письмах друзьям М.А. Булгаков не раз выписывал статьи из различных словарей и справочников. Поэтому к каждому слову в своем произведении писатель относился с ревностью, проверяя его значения. Так, нередко он присылал жене письма, в которых давались целиком выписанные словарные статьи. «Для позиции Булгакова и стиля его книги существенно использование старых названий. Эти старые названия приводятся с указанием новых замен, хотя после 1987 года некоторые из них восстановлены»⁴, – пишет Г. Лескис в своей комментарии к роману «Мастер и Маргарита». В полной мере это относится и к «Театральному роману». Булгаков не просто упоминает какую-либо улицу, он вкладывает в это определенный смысл. Показателен эпизод,

в котором герой романа едва не застрелился. «Я поехал в трамвае на Самотечную-Садовую, где проживал в одном из домов, номер которого я сохраняю, конечно, в строжайшей тайне, некий человек, имевший право по роду своих занятий на ношение оружия»⁵ (424). Булгаков не случайно выбрал эту улицу для своего повествования. Как и в случае с «Мастером и Маргаритой», автор романа идет на литературную мистификацию: в то время по Садовому кольцу трамваи не ходили. Тем не менее для Булгакова важна именно эта улица. Словарь дает следующее определение: «Звено Садового кольца. Названа по примыкающей к ней Самотечной площади. Возникла в 1818 г. после сноса вала и рва Земляного города. Названа по близкому Самотечному пруду, через который протекала р. Неглинная, в верховьях – Самотёка (см.). Самотёка, река, правый исток р. Неглинная. Вплотную прилегает Оружейный переулок»⁶. Кольцо – один из самых магических символов в литературе – символ жизни вообще. Максудов движется на трамвае по кольцу, т.е. по жизни вообще. Максудов фактически за несколько часов до предполагаемой смерти едет по рельсам и не может с них свернуть (мотив неизбежности, повторявшийся и в «Мастере и Маргарите», когда неизбежное лишило жизни Берлиоза).

Символично выбрано название улицы – Садово-Самотечная. Максудов попал туда «самотеком», повинувшись судьбе. Это самотек приводит его к предполагаемому самоубийству – Садово-Самотечная улица упирается в Оружейный переулок, где Максудов и достает револьвер.

Пространство театра

«...Театральная декорация хочет, насколько возможно, *заменить* действительность – её видимость: эстетичность этой видимости есть внутренняя связанность её элементов, но вовсе не символическое знаменование первообраза через образ, воплощенный средствами художественной техники. Декорация есть обман, хотя бы и красивый»⁷, – писал П. Флоренский. М.А. Булгакова постоянно интересовала эстетическая природа театра, его пространство и время, формы их преобразования. Для писателя театр сакрален, способен вести от эстетической видимости к глубинной сущности жизни. При этом речь идет не о театральной условности, а о мистической силе искусства.

Законы построения художественного пространства театра рассогласованы с привычным миром. Это мир масок и теней, в который и попадает герой. Пространство театра в «Записках покойника» сопоставимо с Воландовым пространством в «Мастере и Маргарите». Оно «вбирает» в себя те миры, с которыми соприкасается, расширяясь с каждой страницей романа. Идя по коридорам, Максудов обращает внимание на портреты и картины. Это своего рода осколки миров, окна в

них. Один из вариантов перехода из пространства в пространство – преодоление зеркальной поверхности, водной преграды. «Я вошел в резные чугунные ворота, увидел лавчонку, где седой человек торговал нагрудными значками и оправой для очков. Я перепрыгнул через затихающий мутный поток и оказался перед зданием желтого цвета и подумал о том, что здание это построено давно, давно, когда ни меня, ни Ильчина еще не было на свете» (415). В тот момент, когда Максудов переходит через поток, пространство начинает работать в иной системе координат. Преодоление водной преграды на пути к миру мертвых – прием известный со времен Древнего Египта. Интертекстуальность усиливает ощущение сакральности того, что происходит с героем. Когда во введении Булгаков от имени издателя сообщает сведения о Максудове, он дает следующую характеристику: «Я, хорошо знающий театральную жизнь Москвы, принимаю на себя ручательство в том, что ни таких театров, ни таких людей, какие выведены в произведении покойного, нигде нет и не было» (412). Таким образом, выводя театр за пределы реальной Москвы, Булгаков фактически придает ему статус некой inferнальной зоны. И если события, описываемые в романе до того как главный герой попадает в театр, могут быть интерпретированы как реальные, то события «театральных» глав имеют особый inferнальный статус.

В тексте романа присутствует мотив зеркальности, когда ряд персонажей, относящихся к inferнальному пространству, действует как бы в зеркале, наоборот. Персонажи, принадлежащие к этому пространству, даже смеются наоборот, превращая традиционное «ха-ха» в перевернутое «ах-ах». Переиначивает фразу и актриса театра: «– Меня сживают со свету! Бог господь! Бог господь! Бог господь!» (484). Причем в этом случае речь идет не о банальном смехе. Переворачивание выражения «Господь Бог» фактически превращает молитву в фарс.

Войдя в театр, Максудов начинает подниматься по лестнице. Но поскольку пространство перевернулось (проход через отражающую поверхность), он спускается вниз, в ад. Сбоку от него натертые до золота и раскаленные печи, а также барельефы воинов.

Обстановка комнаты, в которой принимал Максудова Ильчин, была весьма бедной, и она копировала обстановку комнаты самого Максудова. «И тут Ильчин увлек меня, обнимая за талию, на такой точно диван, как у меня в комнате, – даже пружина в нем торчала там же, где у меня, – посередине» (416)⁸. Однако далеко не диван стал центром, приковывающим взгляд. На окне, которое можно считать входом в иное пространство, стояли весы. Фактически Максудов пришел в театр на свой собственный суд. Здесь необходимо вспомнить об эпитафии, который так «безжалостно» отрезал М. Булгаков во введении: «Коемуждо по делом его» (413). Можно предпо-

ложить, что Максудов умер и теперь попал на свой суд. В пользу этой гипотезы говорит и название романа «Записки покойника», а также тот факт, что прочитать роман, по словам Максудова, не могла ни одна живая душа.

Интерьер театра глубоко символичен. «Тут я оказался в шатре. Зеленый шелк затягивал потолок, радиусами расходясь от центра, в котором горел хрустальный фонарь. Стояла тут мягкая шелковая мебель. Еще портьера, а за нею застекленная матовым стеклом дверь» (465). Это Максудов и его новый приятель вошли в одну из комнат, где Максудову предстояло подписать контракт на постановку пьесы. Сферическая форма комнаты показывает, что традиционное евклидово измерение уже нельзя применить: комната не имеет четкой длины, ширины. Шелковый потолок сливается с шелковой мебелью, превращая комнату в аморфную конструкцию без четких параметров. Дополняет картину хрустальный кристалл, подвешенный в самом центре комнаты. Подписание договора с дьяволом происходит по всем литературным канонам. Когда речь заходит о плате за постановку в театре, Княжевич неожиданно предлагает подумать о душе. О ней же Княжевич предлагает подумать и неожиданно вошедшему человеку в зеленых петлицах. После того как Максудов подписывает договор, постановщик пьесы Фома Стриж недвусмысленно радуется: «– Теперь вы наш, – решительно продолжал Стриж. Глаза его сверкали, – вам бы вот что сделать, заключить бы с нами договор на всю вашу грядущую продукцию! На всю жизнь! Чтобы вся она шла к нам. Ежели желаете, мы это сейчас же сделаем. Плунуть раз! – И Стриж плюнул в плевательницу» (475).

«Потом железная средневековая дверь, таинственные за нею ступени и какое-то безграничное, как мне казалось, по высоте кирпичное ущелье, торжественное, полутемное. В этом ущелье, наклоненные к стенам его, высились декорации в несколько слоев. На белых деревянных рамах их мелькали таинственные условные надписи черным: «I лев. зад», «Граф. заспин.», «Спальня III-й акт». Широкие, высокие, от времени черные ворота с врезанной в них калиткой с чудовищным замком на ней были справа, и я узнал, что они ведут на сцену. Такие же ворота были слева, и выводили они во двор, и через эти ворота рабочие из сараев подавали декорации, не помещавшиеся в ущелье» (492), – так описывает Максудов коридоры самого театра. Здание растворяется в огромном пространстве: оно превращается в ущелье со средневековыми воротами, ведущими в помещения, где хранились декорации. Такое расположение символично. Любая пьеса подразумевает условное художественное пространство, планом выражения которого является декорация. Она заменяет пространство сцены на другое, сценическое пространство, которое и определяет характер постановки пьесы. Адское ущелье театра

– хранилище таких миниатюрных пространств, некий эквивалент вечности, в которой находится множество уже «сыгранных» пространств.

Апогеем повествования можно считать собрание всех актеров театра на банкете, куда приглашен и Максудов. Булгаков, описывая это событие, опирается на Вальпургиеву ночь. Несомненно сходство с «балом у сатаны» в «Мастере и Маргарите». В обоих случаях комнаты ярко освещены, однако это отнюдь не небесный свет, а холодный, электрический. Как и на балу у сатаны, в театре собрались персонажи inferнальные. Незадолго до этого эпизода в театре хоронили пожарника. Тогда о его появлении говорили: «Покойник прибыл». Об умерших говорит и сам Максудов, когда поднимается в зал: «Мы шли наверх. Еще кто-то пролетел беззвучно мимо и поднялся в ярус. Мне стало казаться, что вокруг меня бегают тени умерших» (527). Как и Маргариту, Максудова поразила шикарная обстановка зала: золотые украшения, драгоценная мебель. Гости в зале не производили впечатления живых – их всех Максудов узнавал по портретам: «Тут мне померещилось, что из рам портретной галереи вышли портреты и надвинулись на меня» (527). Одежда гостей во многом напоминает одежду участников бала в «Мастере и Маргарите», разве что женщины сидели не нагие, но с бриллиантовыми украшениями. «Черная месса» определяет и описание самого торжества. Одного из гостей рекомендуют как спасителя театра: «– Ермолай Иванович, впрочем... гм... гм... маг. В самое отчаянное время он весь театр поголовно осетриной спас от голоду! Иначе все бы погибли до единого человека» (529). Это травестийная аллюзия на библейский сюжет, согласно которому Христос пятью хлебами и двумя рыбами накормил народ. (Мф. 14, 15–2; Мр. 6, 35–44; Лк. 9. 12–17; Ин. 6,5–13).

Инфернальное пространство в двух одновременно писавшихся Булгаковым произведениях сходно по своей структуре, но для понимания художественного смысла каждого текста и метафизических размышлений писателя в этот период

принципиально важно взаимодействие героя с inferнальным пространством. Если в «Мастере и Маргарите» мастер был пассивен и все события развивались вокруг него, то в «Записках покойника» мы видим, что Максудов собственными руками подписывает договор с дьяволом, идет у него на поводу. «Записки покойника» – это письмо, пришедшее из inferнального пространства, откуда Максудову уже не выбраться.

Многослойность пространства, его сегментация, сцепление сегментов в «Записках покойника» – расширение жанровых возможностей романа «в поисках реальности» (по выражению Л.Я. Гинзбург).

Примечания

- ¹ Петровский М. Мифологическое городописание Михаила Булгакова // Театр. 1991. № 5. С. 15.
- ² Пирковский С. Виртуальная реальность, или трамвай на Патриарших // Вопросы литературы. 2004. № 4. С. 67–182.
- ³ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Булгаков М.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1999. Т. 5. Далее сноски даются на это издание. Страницы указываются в тексте.
- ⁴ Булгаков М. Мастер и Маргарита. Комментарии к роману. М., 2006. С. 500.
- ⁵ Булгаков М.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1999. Т. 1. Далее сноски даются на это издание. Страницы указываются в тексте.
- ⁶ Агеева Р.А. и др. Имена московских улиц: Топонимический словарь. [WWW-документ] <http://slovari.yandex.ru/dict/mostoponim>. – 20.07.2009.
- ⁷ Флоренский П.А. Обратная перспектива // Труды по знаковым системам. Сб. 3. Тарту, 1967. С. 51.
- ⁸ Точно так же Воланд встречает гостей в домашнем одеянии: «Воланд широко раскинул на постели, был одет в одну ночную длинную рубашку, грязную и заплатанную на левом плече. Одну голую ногу он поджал под себя, другую вытянул на скамеечку. Колено этой темной ноги и натирала какую-то дымящуюся мазью Гелла» (540).

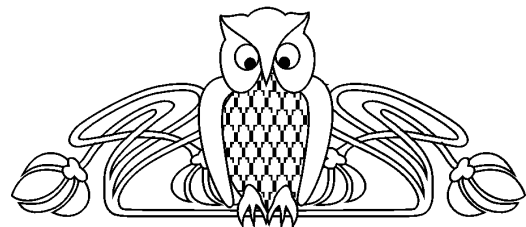
УДК 070-057.875(470) | 20 |

ТИПОЛОГИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ ПРЕССЫ РОССИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

А.Н. Болкунов

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail: bolkunov@sgu.ru

В статье дается опыт типологии современной российской студенческой периодики, входящей в общую систему печатных средств массовой информации России XXI в. Выделяется семь аудиторно-целевых и десять территориальных

разновидностей существующих сегодня студенческих газет и журналов.

Ключевые слова: студенческая пресса, печать, средства массовой информации, газета, журнал, молодежная политика.

– хранилище таких миниатюрных пространств, некий эквивалент вечности, в которой находится множество уже «сыгранных» пространств.

Апогеем повествования можно считать собрание всех актеров театра на банкете, куда приглашен и Максудов. Булгаков, описывая это событие, опирается на Вальпургиеву ночь. Несомненно сходство с «балом у сатаны» в «Мастере и Маргарите». В обоих случаях комнаты ярко освещены, однако это отнюдь не небесный свет, а холодный, электрический. Как и на балу у сатаны, в театре собрались персонажи inferнальные. Незадолго до этого эпизода в театре хоронили пожарника. Тогда о его появлении говорили: «Покойник прибыл». Об умерших говорит и сам Максудов, когда поднимается в зал: «Мы шли наверх. Еще кто-то пролетел беззвучно мимо и поднялся в ярус. Мне стало казаться, что вокруг меня бегают тени умерших» (527). Как и Маргариту, Максудова поразила шикарная обстановка зала: золотые украшения, драгоценная мебель. Гости в зале не производили впечатления живых – их всех Максудов узнавал по портретам: «Тут мне померещилось, что из рам портретной галереи вышли портреты и надвинулись на меня» (527). Одежда гостей во многом напоминает одежду участников бала в «Мастере и Маргарите», разве что женщины сидели не нагие, но с бриллиантовыми украшениями. «Черная месса» определяет и описание самого торжества. Одного из гостей рекомендуют как спасителя театра: «– Ермолай Иванович, впрочем... гм... гм... маг. В самое отчаянное время он весь театр поголовно осетриной спас от голоду! Иначе все бы погибли до единого человека» (529). Это травестийная аллюзия на библейский сюжет, согласно которому Христос пятью хлебами и двумя рыбами накормил народ. (Мф. 14, 15–2; Мр. 6, 35–44; Лк. 9. 12–17; Ин. 6,5–13).

Инфернальное пространство в двух одновременно писавшихся Булгаковым произведениях сходно по своей структуре, но для понимания художественного смысла каждого текста и метафизических размышлений писателя в этот период

принципиально важно взаимодействие героя с inferнальным пространством. Если в «Мастере и Маргарите» мастер был пассивен и все события развивались вокруг него, то в «Записках покойника» мы видим, что Максудов собственными руками подписывает договор с дьяволом, идет у него на поводу. «Записки покойника» – это письмо, пришедшее из inferнального пространства, откуда Максудову уже не выбраться.

Многослойность пространства, его сегментация, сцепление сегментов в «Записках покойника» – расширение жанровых возможностей романа «в поисках реальности» (по выражению Л.Я. Гинзбург).

Примечания

- ¹ Петровский М. Мифологическое городописание Михаила Булгакова // Театр. 1991. № 5. С. 15.
- ² Пирковский С. Виртуальная реальность, или трамвай на Патриарших // Вопросы литературы. 2004. № 4. С. 67–182.
- ³ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Булгаков М.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1999. Т. 5. Далее сноски даются на это издание. Страницы указываются в тексте.
- ⁴ Булгаков М. Мастер и Маргарита. Комментарии к роману. М., 2006. С. 500.
- ⁵ Булгаков М.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1999. Т. 1. Далее сноски даются на это издание. Страницы указываются в тексте.
- ⁶ Агеева Р.А. и др. Имена московских улиц: Топонимический словарь. [WWW-документ] <http://slovari.yandex.ru/dict/mostoponim>. – 20.07.2009.
- ⁷ Флоренский П.А. Обратная перспектива // Труды по знаковым системам. Сб. 3. Тарту, 1967. С. 51.
- ⁸ Точно так же Воланд встречает гостей в домашнем одеянии: «Воланд широко раскинулся на постели, был одет в одну ночную длинную рубашку, грязную и заплатанную на левом плече. Одну голую ногу он поджал под себя, другую вытянул на скамеечку. Колено этой темной ноги и натирала какую-то дымящуюся мазью Гелла» (540).

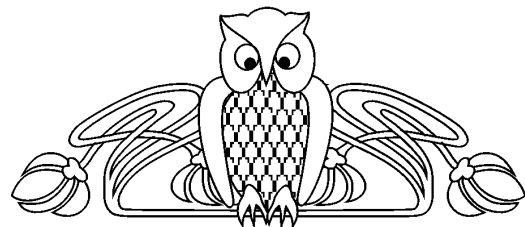
УДК 070-057.875(470) | 20 |

ТИПОЛОГИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ ПРЕССЫ РОССИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

А.Н. Болкунов

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail: bolkunov@sgu.ru

В статье дается опыт типологии современной российской студенческой периодики, входящей в общую систему печатных средств массовой информации России XXI в. Выделяется семь аудиторно-целевых и десять территориальных

разновидностей существующих сегодня студенческих газет и журналов.

Ключевые слова: студенческая пресса, печать, средства массовой информации, газета, журнал, молодежная политика.

Typology of Student Press in the Early XXI century Russia

A.N. Bolkunov

The article attempts a typology of the contemporary Russian student periodicals within the overall system of printed media in XXI century Russia. Seven target audience varieties and ten territorial varieties have been singled out for the present-day student newspapers and magazines.

Key words: student press, mass media, newspaper, magazine, journal, youth politics.

Студенческая пресса России, несмотря на глобальный экономический кризис, переживает расцвет – практически каждую неделю в том или ином городе появляются все новые и новые газеты и журналы, адресованные учащимся высших и средних специальных учебных заведений. Предпосылками для современного расцвета российской студпрессы стали две исторические реалии: распространение общедоступных компьютерных технологий (подготовка, издание и тиражирование газет и журналов стали гораздо доступнее и проще) и улучшение экономической ситуации в стране (многие вузы и факультеты, находясь в условиях конкуренции, могут себе позволить выпускать собственную студенческую периодику, а рекламодатели готовы оплачивать выход к студенческой аудитории).

Студенческая периодика, обладая уникальным набором типологических характеристик, занимает свое особое место в общей системе печатных СМИ в современной России. В последние десять лет в российском медиaprостранстве студенческие СМИ не только в полный голос заявили о себе, но и закрепились как отдельная устойчивая группа.

Как на практике (на различных конференциях, слетах, фестивалях, конкурсах и съездах), так и в теории (в научных исследованиях) студенческая пресса неизменно соседствует с официальной вузовской, молодежной, юношеской, учебной, корпоративной и самодельной. Иногда эти понятия смешиваются – и по причине принадлежности одного издания к нескольким группам, и по причине обыкновенной путаницы в понятиях. Действительно, зачастую сами создатели не могут определиться, как точнее атрибутировать свое СМИ, к какой группе его причислить.

При отнесении периодического издания к той или иной группе в первую очередь необходимо учитывать его целевую аудиторию (именно параметры целевой аудитории определяют тематику издания, его территориальный охват, систему распространения и прочие типологические характеристики) и идею издания (сверхцель, миссию, задачу, ради решения которой создавалось и выпускается это СМИ).

Целевая аудитория – читатели издания, причем и реальные, и потенциальные (т.е. и те, которые периодически воспринимают это печат-

ное СМИ, и те, которые потенциально к этому предрасположены). От того насколько точно издание знает информационно-коммуникационные запросы целевой аудитории, зависит, какая ее часть и с каким качеством будет воспринимать это издание. Зависит, насколько оно будет нравиться, насколько ему будут верить, сколько у него окажется читателей и рекламодателей. Аудитория называется целевой еще и потому, что издание в нее «целится», старается в нее «попасть», «сразить ее наповал».

В ситуации, когда вузовская студенческая газета активным образом курируется кем-то из ректората (например, проректором по воспитательной работе) и редакция понимает, что главное – это нравиться ему, именно он и будет истинной целевой аудиторией издания. А студенты (обладающие, естественно, немало другими, по сравнению с проректором, информационно-коммуникационными запросами и интересами) фактически будут являться периферийной аудиторией. В такой ситуации для студенческой газеты непростым и важным делом становится восстановление и сохранение своей исконной «студенческой» – если, конечно, это отвечает начальной идее СМИ.

Идея издания – его философия. Это сформулированный ответ на вопрос о том, ради чего, собственно, затевались газета или журнал, с чем редакция пришла к читателю, что именно ему предлагает.

Исходя из этого понимания целевой аудитории и идеи издания можно дать определения студенческой, официально-вузовской, корпоративной, молодежной, юношеской, учебной и самодельной прессы, тем самым обозначив их внешние границы и совместные области.

Студенческая пресса – газеты и журналы студенческой тематики, целевой аудиторией которых являются студенты (учащиеся вузов – молодые люди, основной возраст которых составляет от 17 до 23 лет).

Молодежная пресса – газеты и журналы молодежной тематики, целевой аудиторией которых являются люди от 14 до 30 лет. (В соответствии со Стратегией государственной молодежной политики в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1760-р, к категории молодежи в России относятся граждане страны от 14 до 30 лет).

Юношеская пресса – газеты и журналы подростково-юношеской тематики, целевой аудиторией которых являются люди от 12 до 15 лет.

Официально-вузовская пресса – корпоративные газеты и журналы, официально рассказывающие о жизни вуза, целевой аудиторией которых являются администрация и преподаватели этого вуза, а периферийной – студенты и абитуриенты.

Корпоративная пресса – газеты и журналы, целевой аудиторией которых являются сотруд-

ники и/или клиенты определенной организации (вуза, завода, фирмы, концерна, холдинга, сети магазинов и т.д.).

Учебная пресса – газеты и журналы, главной целью которых является обучение сотрудников редакции основам профессии журналиста.

Самодетельная пресса – газеты, стенгазеты и журналы, выпускаемые самиздатовским способом минимальными тиражами.

Первые пять групп отличаются аудиторией, шестая и седьмая – целями и способами работы. Одно и то же печатное СМИ может входить в несколько групп и переходить из одной группы в другую по мере развития.

Таким образом, студенческое периодическое

издание имеет право считаться таковым при наличии двух определяющих условий – студентов в качестве целевой аудитории и студенческой жизни в качестве основной тематики.

Если рассматривать каждую группу как некую область, состоящую из принадлежащих ей газет и журналов и входящую в состав более крупного «территориального» образования, то можно определить уникальное место студпрессы в системе современных печатных СМИ.

Студпресса будет целиком входить в область молодежной прессы (соседствующей с юношеской, детской и «взрослой») и иметь общие зоны с вузовской, учебной, корпоративной и самодетельной прессой (рисунок).

Студенческая пресса в системе современных печатных СМИ

На рисунке отражено, что студенческая пресса имеет общие зоны с прессой официально-вузовской, учебной, корпоративной и самодетельной, причем последние находятся не только в области молодежных СМИ, но и в других областях.

Официально-вузовская пресса целиком входит в корпоративную и вместе с ней одной частью находится в области молодежных, а второй – в области «взрослых» СМИ. Действительно, большинство ныне существующих в России вузовских периодических изданий ориентировано на взрослую аудиторию (администрацию и преподавателей), однако в некоторых вузах выпускаются еще и студенческие газеты.

Корпоративная пресса большей своей частью находится в области «взрослых» СМИ, меньшей – в области молодежных. В общей зоне корпоративных и студенческих СМИ, но вне официально-вузовских, находятся издания коммерческих

организаций, заинтересованных в студентах как основных клиентах своих товаров или услуг.

Учебная пресса находится во всех четырех возрастных областях – детской, юношеской, молодежной и «взрослой», – поскольку учебные газеты и журналы создаются для тренировки навыков работы начинающих журналистов с самыми разными целевыми аудиториями.

Самодетельная пресса, за редчайшим гипотетическим исключением, работает лишь на детскую, юношескую и молодежную аудиторию. Обычно такие издания выпускаются «своими для своих» – детскими, юношескими и молодежными редакциями соответственно. Зачастую эти редакции по ходу работы обучаются основам печатной журналистики – тогда их СМИ становятся еще и учебными.

Уточняя местоположение студенческой прессы в системе печатных СМИ, необходимо полнее описать все ее разновидности, обозначенные на

рисунке цифрами как зоны. Студенческая пресса состоит из семи разновидностей, отличающихся друг от друга основными аудиториями, целями и способами работы.

Аудиторно-целевые разновидности студенческой прессы

Собственно студенческая пресса. В этой зоне находятся газеты и журналы, выпускаемые профессиональной или полупрофессиональной редакцией типографским способом без руководства преподавателя журналистики и рассчитанные на интересы студентов. Например, это объединенная студенческая газета Чувашской Республики «Мы – студенТЫ» и новосибирская газета «Студенческий город».

Студенческая самодеятельная пресса. В этой зоне находятся газеты и журналы, выпускаемые небольшим тиражом непрофессиональной редакцией самодеятельным способом без руководства преподавателя журналистики и рассчитанные на интересы студентов. Например, это литературно-художественная газета студентов Института филологии и журналистики Саратовского госуниверситета «Слиток» и газета Педагогического колледжа города Кузнецк Пензенской области «СтепУХа».

Студенческая самодеятельная учебная пресса. В этой зоне находятся газеты и журналы, выпускаемые небольшим тиражом непрофессиональной редакцией самодеятельным способом под руководством преподавателя журналистики и рассчитанные на интересы студентов. Например, это газеты факультета журналистики Воронежского госуниверситета «Третий глаз» и факультета журналистики Санкт-Петербургского госуниверситета «Дважды два».

Студенческая учебная пресса. В этой зоне находятся газеты и журналы, выпускаемые непрофессиональной или полупрофессиональной редакцией типографским способом под руководством преподавателя журналистики и рассчитанные на интересы студентов. Например, это выпускаемая студентами отделения журналистики Института филологии и журналистики Саратовского госуниверситета областная газета «Студенческий город» и московский городской журнал «Exclusive», выпускаемый в рамках профессиональной студии факультета журналистики МГУ.

Студенческая учебная корпоративная официально-вузовская пресса. В этой зоне находятся газеты и журналы, выпускаемые профессиональной или полупрофессиональной редакцией типографским способом под руководством преподавателя журналистики, рассчитанные на интересы администрации конкретного вуза и адресованные студентам этого вуза. Например, это выходящая в качестве приложения к газете Пензенского государственного педагогического университета «Педагог» студенческая газета «Трамплин» и газета отделения журналистики

Челябинского госуниверситета «ЖУРfix», выходящая в составе вузовской газеты «Университетская набережная».

Студенческая корпоративная официально-вузовская пресса. В этой зоне находятся газеты и журналы, выпускаемые профессиональной или полупрофессиональной редакцией типографским способом без руководства преподавателя журналистики, рассчитанные на интересы администрации конкретного вуза и адресованные студентам этого вуза. Например, это газета профкома студентов и аспирантов Северо-Западной академии государственной службы «СЗАГС» и выходящая как приложение к журналу «Вестник СарФТИ» студгазета Саратовского государственного физико-технического института «Свой курс».

Студенческая корпоративная пресса. В этой зоне находятся газеты и журналы, выпускаемые профессиональной редакцией типографским способом без руководства преподавателя журналистики, рассчитанные на интересы определенной организации (фирмы, концерна, холдинга, сети магазинов, туристического агентства и т.д.) и адресованные студентам. Например, это «The Star Travel Times» – выпускаемая в Москве газета международного студенческого туристического агентства «Star Travel».

Нельзя забывать, что студенческим изданиям свойственна тяга к экспериментальному видоизменению, постоянному обновлению, перманентному улучшению. Зачастую это приводит к негативным последствиям – приостановке или даже прекращению выпуска. 2000–2009 гг. – это период, когда выходили в свет периодические издания, приведенные выше в качестве примеров. Большинство из них пробовало и продолжает пробовать себя в разных аудиторно-целевых ипостасях. Соответственно, необходимо учитывать, что на данный момент какое-то из указанных изданий вполне могло перейти в другую группу изданий или вообще перестать существовать.

Помимо аудиторно-целевой направленности студенческие газеты и журналы различаются по территории распространения (своеобразному аудиторно-геополитическому статусу издания) и разделяются на следующие группы (ранжированные по охвату – от наибольшего к наименьшему).

Территориальные разновидности студенческой прессы:

- **российские, или федеральные** (выходящие во многих регионах России), например журнал «Студенческий меридиан»;

- **межрегиональные** (выходящие в нескольких регионах России), например выходящая в Санкт-Петербурге и Москве газета «Gaudeamus»;

- **региональные** (выходящие в отдельном субъекте Российской Федерации – области, крае или республике), т.е. областные, краевые или республиканские, например газета Республики Татарстан «Наш студенческий формат»;

- **городские** (выходящие в отдельном городе, обычно центре области, края или республики), например, екатеринбургская студенческая газета «Студень»;

- **межвузовские** (выходящие в нескольких вузах города), например брянский межвузовский студенческий журнал «FoRUm»;

- **вузовские** (выходящие в отдельном вузе), например «Студия – газета РЭАльных студентов», выпускаемая в Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова;

- **факультетские** (выходящие на отдельном факультете), например газета экономического факультета Омского госуниверситета «Точка равновесия»;

- **отделенческие** (выходящие на отделении факультета), например газета «PR-студия», выходящая в 2000 г. на отделении связи с общественностью факультета журналистики Уральского госуниверситета;

- **курсовые** (выходящие на отдельном курсе), например выходящий в 2005 г. журнал 3-го курса факультета филологии и журналистики Саратовского госуниверситета «В курсе»;

- **групповые** (выходящие в отдельной группе), например выходящий в 2007 г. журнал 331-й группы факультета филологии и журналистики Саратовского госуниверситета «Вечорка 31».

Таким образом (по аудиторно-целевому и территориальному признакам) можно атрибутировать любую студенческую газету или журнал. Каждое печатное студенческое СМИ в определенный период своего развития будет входить в одну из 7 аудиторно-целевых и одну из 10 территориальных разновидностей студенческой прессы.

Студенчество в современной России стало востребованной целевой группой, в лояльности которой заинтересовано большое количество коммерческих предприятий и политических сил. Деньги за рекламу, рассчитанную на студентов, в совокупности с возрастающими «пиарскими» возможностями вузов приводят к появлению новых и развитию существующих студенческих газет и журналов.

Студенческая пресса России сформировалась сегодня в качестве особого типа периодики и продолжает развиваться в структуре современных отечественных масс-медиа.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.2 (470+571)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫБОРА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е.В. Листвина

Саратовский государственный университет,
кафедра философии культуры и культурологии
E-mail: listvamer@yandex.ru

Статья посвящена анализу трансформационных процессов, влияющих на политический выбор в условиях современной отечественной политической ситуации. Автор исследует ментальные и архетипические основы восприятия власти в России и те изменения, которые произошли в их рамках в последние десятилетия.

Ключевые слова: политическая ситуация, ментальность, трансформационные процессы.

Political Situation: Sociocultural Aspect of Political Choice in Modern Russia

E.V. Listvina

This article is devoted to analyse of transformation's processes influenced on political choice in political situation in modern Russia. Author investigated a question of mental and archetypical foundations of perception political power and changes which have take place in modern Russia.

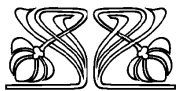
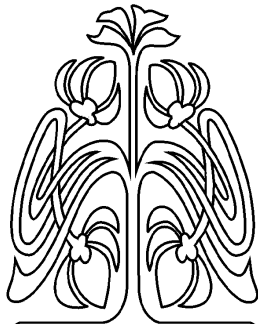
Key words: political situation, mentality, transformation's processes.

Определяя ситуационность как одну из современных качественных особенностей существования социума, можно согласиться с тем, что понятие «ситуация» (от лат. – положение, обстановка, совокупность обстоятельств) используется в гуманитарных исследованиях довольно часто. С одной стороны, единой в смысле восприятия, проживания, фактологической характеристики ситуации, скорее всего, быть не может, а с другой – пытаться конструировать ее для исследовательских целей вполне реально¹. Как утверждает Е.А. Тюгашев, общее понятие ситуации возможно, поскольку оно фиксирует определенность ситуации как таковой².

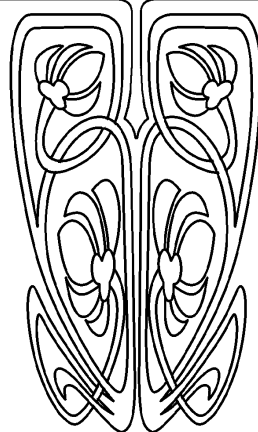
Попытки дать характеристики и обоснования понятию «ситуация» предпринимались рядом ученых. Так, согласно Ю. Хабермасу, «ситуация представляет собой некий фрагмент, выделенный в жизненном мире применительно к той или иной теме»³. Кроме того, при исследовании ситуации отмечается момент, связанный с ее смысловыми качествами. «Ситуация, – отмечает И.В. Голубович, – не столько природно-историческая, сколько смысловая действительность. Единство смысловых связей скрепляет фрагментарные ситуации в исторический универсум. Именно это смысловое отношение разрывает и расширяет границы ситуации»⁴.

В рамках исследования политической ситуации также возможен ряд аспектов, позволяющих анализировать современные политические процессы в социокультурном плане, используя культурные, этнические и ментальные ракурсы оценки события, лежащего в основе нашего бытия.

Рассмотрим с этой точки зрения особенности взаимоотношений личности и власти в современной российской политической ситуации, опираясь на приведенные выше характеристики и отмечая их некую парадоксальность, причины которой, однако, можно попытаться найти.

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Несомненно, специфика этих взаимоотношений имеет определенное влияние на условия и результаты политического выбора современной России, присутствуя как в повседневном бытии (не выражено и не политически рефлексированно), так и в непосредственно гражданском участии в политической жизни страны.

Действительно, можно отметить, что в русской культурной традиции власть воспринимается как состояние имманентное и одновременно достаточно безличностное. Мы сталкиваемся здесь с определенным парадоксом. В России власть всегда пользовалась уважением. К ней относились и относятся как к сакральному феномену, лежащему в фундаменте миропонимания и мироощущения, без которого не мыслится вообще существование государства и человека в нем. Но в то же время внутренняя повседневная жизнь отдельного индивида весьма далека от постоянного участия в событиях, связанных с деятельностью власти. Это не лишает личность эмоционального переживания власти как таковой и ее иррационального влияния на жизнь, действия человека, его политические и социальные позиции. Однако непосредственное компетентное воздействие, которое воспринималось бы как реальное, осязаемое самим индивидом влияние на власть, практически отсутствует в ментальной сфере русского человека.

Такой же двойственной особенностью отношения к власти можно назвать и своеобразное отношение к личности, находящейся на вершине власти. С одной стороны, власть изначально персонифицирована, какие бы внешние формы она не принимала. В принципе, на уровне культуры повседневности мало изменилось восприятие образа человека, стоящего на самой вершине властной структуры, будь то князь, царь, генеральный секретарь, президент, сменявшие друг друга на протяжении сложной истории России. В конце концов отличия сводились только к внешней атрибутике. Внутренне индивид видит в стоящем у власти человеке определенную личность, концентрирующую в себе все ментальные характеристики власти.

С другой стороны, в силу последнего утверждения, как бы ни именовался тот, кто находится над всем и всем управляет, постепенно его личностные, индивидуальные черты, а также политические нюансы стираются, «подгоняясь» под собирательный образ верховной властвующей персоны. Таким образом, мы чаще всего имеем дело с ярко выраженным, проявленным архетипом власти, который, по К.Г. Юнгу, определяется как коллективный «осадок» исторического прошлого. Он может приобретать некоторые отличия чисто внешнего характера, не затрагивающие внутреннего, сложившегося за долгие века российской истории ее синкретичного, имманентно вписанного в картину мира образа.

Такая трактовка позволяла русскому человеку существовать в отношении к власти одновременно

на двух полюсах. На одном полюсе жизнь протекала без властного вмешательства, опираясь в основном на общинный этический эталон, весьма своеобразно воспринимаемый западной культурой. Ее присутствие в крайнем случае ожидалось согласно двум известным поговоркам: «Вот придет барин, барин нас рассудит» и «До Бога высоко, до царя далеко», т.е. изредка, подобно античному *deus ex machina*, который наличествует в виде портретов, лозунгов, государственных символов, ставших частью повседневного бытия. На другом полюсе это отстраненное восприятие формировало образ всемогущего правителя, который, как царь-батюшка, приобретал былинно-сказочные черты радетеля обо всех подданных. Постепенно эти черты становились присущими любому носителю власти. Достаточно вспомнить хрестоматийные образы «дедушки Ленина» или Сталина, «который не спит в Кремле» в стихотворении молодого Е. Евтушенко. Таким образом, индивид находился в особых структурно нерасчлененных отношениях с властью, пронизывающих все сферы его бытия. И эта нерасчлененность придавала специфическую устойчивость и индивиду, и системе власти одновременно.

В чем же состоят особенности современной динамики взаимодействия власти и личности в нынешней политической ситуации?

Сегодняшнее состояние взаимоотношений индивида и власти претерпевает качественные, имеющие далеко идущие последствия изменения. Современная метаморфоза коренится в резком вмешательстве в архетипический пласт, которое проявилось и в смещении стереотипов восприятия власти, и в попытке внедрения новой, западной модели власти на российскую почву. Начиная с середины 80-х гг. XX в. устоявшаяся модель власти, «подогнанная» за годы существования СССР к привычной архетипической схеме, стала стремительно трансформироваться. М.С. Горбачев одним из первых сломал «царскую удаленность» власти, перенимая атрибуты западноевропейского демократического партийного и государственного лидера, но нельзя сказать, что в выигрыше остался в первую очередь он сам.

В привычной картине мира отстраненная власть слишком приблизилась к повседневной жизни человека, и увеличение информированности об индивидуальных характеристиках личности властвующей персоны стало во многом восприниматься им как неосознанное наступление на общую картину мира, вторжение в его собственный, личный мир. Для рядового человека, воспитанного в специфике русской ментальности, информация об «обыкновенности» лидера, его супруге, семье, интересах (помимо выполнения его властных обязанностей) не являлась необходимым элементом власти. Более того, такая приземленность подсознательно могла восприниматься как несоответствие архетипическому образу.

В результате мы можем констатировать нарушение основных параметров модели власти, сложившейся в России в последние столетия, что вполне может привести к более жесткому слову конструкции.

Так, присущая долгие столетия сакральность власти в рамках ментальной картины мира воспринималась как нерасчлененное состояние одновременного и взаимообусловленного существования индивида и верховной власти. Бытие одного без другого при распределении функций и сфер приложения деятельности было фактически немислимо. Власть сосуществовала с общемировым порядком и воспринималась как его неотъемлемая часть, как единая с ним социокультурная форма. Личность, несшая на себе печать власти, становилась на определенную высоту. Пусть не во все периоды данный уровень соотносился непосредственно с божественным, как, например, в период царской России, но в любом случае ощущалось присутствие харизмы, наличие верховного права власти. Формирование образа носителя власти, как отмечалось выше, шло именно по такому сценарию. Будь то помазанник божий, наследный правитель или избранный единомышленниками руководитель, со временем он приобретал черты харизматического лидера, на уровне обыденности иррационально воспринимаемого массами как персонифицированное воплощение власти космического порядка.

Активное разрушение устоявшегося сакрализованного порядка вещей, хоть и было положительно воспринято средними гражданами, в определенный момент натолкнулось на их же внутреннее неприятие, обусловленное устойчивыми ментальными конструкциями. Это случилось в тот момент, когда глубина реформ коснулась архетипического восприятия власти. В целом к такой смене оказались не готовы ни массы, ни сами реформаторы, что сказалось на темпах и качестве проводимых преобразований.

Кроме того, до последнего момента в отечественной ментальности присутствовала мифологизация образов власти и правителя. Они, как любой миф, обладали необходимой атрибутикой, набором устоявшихся текстов, обобщенных историй, формирующих особое властное ментальное поле с табуированными и профанными зонами. Такое четкое распределение создавало наличие жесткой системы, в которой каждый представлял свое место и действовал в рамках мифологической картины, синтезирующей в себе рациональные и эмоциональные характеристики власти, соединяющие ее общую идею и чувственный образ.

В настоящее время наблюдается смещение в сторону виртуализации образа власти. Полностью отвечая современному смыслу понятия виртуальности, под которой подразумевают одновременную кажимость и истинность, осуществляется и виртуализация власти. Мифологическая хариз-

матичность уступает место сфере обыденного. Приземленность отношения к власти проявляется и в том, что по отношению к ней начинает использоваться иная терминология. С одной стороны, благодаря средствам массовой информации, власть присутствует буквально в каждом доме: мы ее видим, слышим, можем общаться в интерактивных программах, заходить на сайты в Интернете⁵. Лица, персонифицирующие власть, становятся неотъемлемой частью повседневной жизни индивида, его спутниками во всех сферах его деятельности. Но от этого властные структуры не воспринимаются более весомыми, реальными. Они являются частью виртуального мира масс-медиа, замкнутого на себе и не выходящего за рамки своих обширных студий. Единый поток информации перемешивает информацию о власти с информацией иного рода, и мы видим, что власть в этом потоке теряет свое высокое место, которое ей было отведено в строгой мифологической картине. Власть становится лишь частью, причем равнозначной, информационного рекламного потока. Это отмечается не только в исследовательской литературе, но и в художественных произведениях современности. Так, в наиболее гротескной форме виртуализацию властных структур описал В. Пелевин⁶.

Качественно изменилась и роль ритуала. Во все времена власть обращалась к ритуальному подкреплению своего образа и проведения своих реальных задач. В условиях царской России власть использовала веками наработанный аппарат ритуалов, имеющих религиозное подкрепление, особую освященность сложившихся праздников и событий. В советский период нашей истории власть также обратилась к силе ритуала, опираясь не на религиозные, но на идеологические и архетипические начала. Так, многие советские праздники были привязаны к сельскохозяйственному календарю, при их утверждении использовалось обращение к мужскому и женскому началу (например, праздник Советской Армии и Международный женский день, которые со временем превратились именно в *мужской* и *женский* дни, и, надо сказать, власть не только не препятствовала ослаблению политического элемента, но и во многом способствовала усилению архетипического мотива). Архетип мужского и женского начала концентрированно был выражен в одном из главных символов той эпохи – скульптуре В. Мухиной «Рабочий и колхозница». Сложившиеся ритуалы массовых шествий-демонстраций, всеобщего празднования ряда государственных дат, ставших для нескольких поколений домашними ритуалами, выполняли функцию обрядового участия и даже более – причастности – ко всем важнейшим событиям в стране. Редкие обращения представителей власти в средствах массовой информации к гражданам государства также имели ритуальное воздействие.

В первые годы перестройки активно изменялись старые ритуалы, но попытка создать новые без опоры на устоявшиеся формы, которые при различной идеологической окраске все же имели единую ментальную основу, не увенчалась успехом. Сейчас мы можем наблюдать, как происходит возрождение общих принципов сложившегося ритуального *торжества* (например, в процедуре инаугурации президента, в праздновании Дня Победы, в восстановившемся праздновании Рождества, Пасхи и пр.). Но в этих случаях сильное влияние оказывает активно вторгающаяся сфера средств массовой информации, которая и осуществляет артизацию, т.е. театрализацию политической жизни, придание зрелищности, внешней эффектности без глубинного смысла любому событию в сфере власти. Политические партии рекламируются вместе с товарами всеобщего потребления при использовании одних и тех же приемов, в предвыборных кампаниях все чаще используется термин «политическое шоу» со всей присущей ему атрибутикой. Это лишает власть ее сакрального, ритуального фундамента.

Не менее важным социокультурным аспектом современной политической ситуации является проблема отчуждения и отстранения власти. Отстраненность власти при четкой оговоренности социальных, сакральных и прочих функций личности и властных структур создавала эффект устойчивого равновесия, наблюдавшегося долгие годы в нашей стране. Принцип «каждый выполняет свою роль и каждый важен и хорош на своем месте» создавал чувство стабильности и незыблемости общественных устоев. Но он несколько раз оборачивался своей отрицательной стороной. Привычкой в массе своей отдавать на откуп властным структурам все функции и оставлять себе лишь пассивную функцию одобрения действий власти среднестатистический житель нашей страны ослабил свои критические возможности и не смог оказывать даже необходимого минимума влияния на происходящее. Как следствие, он практически полностью потерял интерес к происходящему во власти. Несмотря на поток информации и постоянное виртуальное присутствие власти в нашей жизни, события, относящиеся к ней, не отражаются на повседневной жизни человека. Информацию о власти он воспринимает лишь *в ряду* общей информации, как далекое, не имеющее отношения к реалиям жизни, причем это относится в основном к *процессам*. Конечный результат еще важен, поскольку он единственный может оказать реальное воздействие на некоторые стороны обыденной

жизни⁷. В остальном же политики стоят в одном ряду с поп-звездами, являя собой яркий пример упомянутой выше артизации.

Результатом нашего небольшого исследования может быть следующий вывод. Отношения личности и власти действительно претерпевают сложные изменения, отражающиеся в смещении многих социокультурных параметров. Данные параметры касаются самых глубинных основ русской ментальности, формирующих отношение к власти в нашей культуре, и поэтому современные взаимоотношения личности и власти неустойчивы, не всегда прочны. Лишившись архетипического подкрепления, в ряде случаев мы просто не знаем, как реагировать в ситуациях, которые ранее имели четкую ритуальную структуру и были оснащены определенной мифологической и сакральной основой. Таким образом, сегодняшний момент характеризуется углублением противоречий между властью и личностью и поиском новых устойчивых форм отношений, соответствующих национальной ментальной картине мира. Все это оказывает большое влияние на ситуацию современного политического выбора в России и не может не учитываться современными исследователями отечественной политической ситуации.

Примечания

- 1 См.: *Тюгашев Е.А.* Ситуация как категория социокультурного анализа: Парсонс – Ясперс – Гегель // www.iprofit.ru/books/96648. С. 8.
- 2 Там же.
- 3 *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 201.
- 4 *Голубович И.В.* Ситуационный подход в контексте современного гуманитарного знания // Ситуационные исследования. Вып. 1. Ситуационный подход: Материалы Всерос. семинара. Казань, 2005. С. 18–19.
- 5 См., например, подробнее об этом: *Россошанский А.В.* Политическая функциональность масс-медиа в социокультурном контексте современной России // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. 2008. Сер. Социология. Политология. Т. 8, вып. 2. С. 104–107
- 6 См.: *Пелевин В.* Generation «Р». М., 1999.
- 7 См., например, данные еженедельного дайджеста социальной информации АРПИ об отношении к избирательной кампании 2003 г. в Государственную думу. Так, совсем не интересуется ею 21%, мало интересуется 40%, что составляет 61% опрошенных. Но важными для себя результаты выборов считают 65%, так как это означает реальное изменение некоторых сторон их жизни (Российская газета. 2003. 25 сент.).

УДК 329.059470+571

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ

А.А. Вилков

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены и охарактеризованы основные тенденции в развитии социал-демократии в мировом политическом процессе и постсоветской России, выявлены особенности социал-демократической трансформации КПРФ и «Справедливой России», дана оценка перспектив их развития и взаимоотношений.

Ключевые слова: партии, социал-демократия, идеология, тенденции эволюции идеологии.

Main Tendencies of Social-Democratic Evolution at the West and in Russia

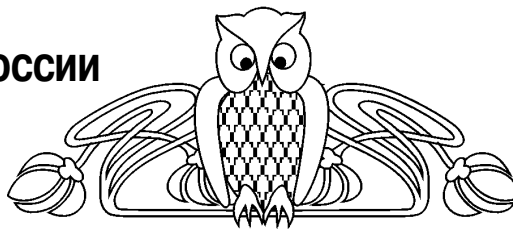
A.A. Vilkov

In this article the main tendencies of the development of the social democracy in the world political process and in the post-Soviet Russia are analyzed and characterized, the peculiarities of the social-democratic transformation period of CPRF and @Spravedlivy Rossia@ are revealed, and the estimation of the perspectives of their development and relationship is given.

Key words: parties, social-democracy, ideology, evolution ideology tendencies.

Одним из ключевых факторов, определивших вектор мирового общественного развития в последние полтора столетия, стало появление социал-демократии. Западная социал-демократия как метаидеология социализма проделала путь более чем в полтора столетия своего сложного и противоречивого развития. На этом пути было несколько узловых моментов, которые предопределили основной вектор ее эволюции.

Главным сущностным признаком многочисленных вариантов социализма изначально была идея социальной справедливости. Понималась она всегда по-разному, но в том или ином виде проходила через всю человеческую историю начиная с учения Аристотеля, «Утопии» Т. Мора и до современности. Некоторые исследователи усматривают в социализме генетическую связь с христианской этикой, воспевающей главным образом идею равенства¹. Неслучайно Христа называли первым социалистом. Однако, в отличие от христианства, где критерий социальной справедливости каждый человек применял по своему нравственному выбору, в связи со своим индивидуальным пониманием предписанных религиозных норм, в идеологии социализма требование социальной справедливости институализировалось в виде социальных императивов, реализуемых в экономической, правовой, политической сферах деятельности человека и общества.

С момента своего оформления в рамках марксистской концепции в идеологии социализма в качестве главной несправедливости была обозначена частная собственность, ведущая к социальному неравенству и эксплуатации одних людей другими. Отсюда и главная цель – освобождение трудящихся от гнета эксплуатации, существующей при капитализме, путем революционного преобразования общества, обобществления орудий и средств производства, установления власти трудящихся в виде диктатуры пролетариата.

Данные идеи стали базовыми для большинства сформировавшихся социал-демократических партий, в том числе и в Германии, что нашло отражение в партийной программе, принятой в Эрфурте в 1891 г. Однако в этот же период Э. Бернштейн показал, что некоторые прогнозы Маркса не подтверждались реальной жизнью (например, нарастающее относительное и абсолютное обнищание рабочего класса, нарастающая пролетаризация масс), и сформулировал свою знаменитую ревизионистскую формулу «движение все», на базе которой обосновал реформистское понимание постепенного движения к социализму.

С этого момента в западной социал-демократии, так же как и в российской, произошел раскол на радикальных сторонников революционного способа реализации социальной справедливости и сторонников реформ. Однако, в отличие от России, в большинстве западных стран доминирующие позиции заняли последователи Бернштейна. В результате социал-демократические партии стали одной из ведущих политических сил, реализовавшей концепцию социального государства в различных странах Западной Европы и всего мира.

Сторонники радикально-революционного варианта социал-демократии после победы большевиков и начала социалистических преобразований в СССР идентифицировали себя как коммунистическое движение и объединились в Коммунистический интернационал – в противовес «предательскому» Социалистическому интернационалу. Последние, оценив диктаторские способы реализации социалистического эксперимента и его социальные жертвы в СССР, еще более укрепились в мысли, что гуманный социализм может быть построен только в условиях всеобщей, а не узкопролетарской демократии.

Окончательный разрыв с идеей коммунизма как идеальной социальной модели произошел после Второй мировой войны. Партии воссозданного в 1951 г. Социалистического интернационала, дистанцируясь от тоталитаризма, решили исходить в своей деятельности из нового образа – демократического социализма.

В это время социал-демократы открыто стали отказываться от важнейших положений марксистской концепции социализма. Опыт государственного социализма в СССР и других странах «восточного блока» подтолкнул реформистов изменить свое отношение к частной собственности и постепенно отказаться от идеи обобществления как обязательного условия существования социалистического общества. Демократический социализм стал рассматриваться как постоянный и непрерывный процесс реализации основных ценностей социал-демократии – свободы, справедливости, солидарности.

Наиболее полное отражение этот подход нашел в Годесбергской программе германских социал-демократов, принятой в 1959 г.: «Конкуренция, насколько возможно – обобществление, насколько необходимо»². Данный принцип открывал возможности для реализации социал-демократических ценностей и в рамках существующего общественного строя. Позже этот подход станет общим правилом для организаций, вступающих в Социалистический интернационал.

До 1970-х гг. социал-демократические партии продолжали ориентироваться прежде всего на защиту интересов наемных рабочих и социально незащищенных слоев. Приоритетным направлением политики было построение «государства всеобщего благоденствия». Однако энергетический кризис и ряд изменений в политическом и социально-экономическом развитии западных стран подтолкнули лидеров социал-демократии к пересмотру некоторых базовых принципов. Одним из важнейших факторов данной ревизии стало исчерпание ресурсов проводимой социал-демократами государственной социальной политики (главные последствия – рост налогов и инфляции³) и, соответственно, трудности в конкуренции с экономиками либерально ориентированных стран. Революционные технологические изменения в экономике привели к усилению роли среднего класса, увеличению его удельного веса и обусловили необходимость расширения социальной базы социал-демократии. Открытость для миграционных потоков привела к изменению этноконфессионального состава многих западных стран и актуализировала целый ряд новых социальных проблем, требующих своего разрешения на концептуальном уровне. Данные изменения привели в конце 1970-х гг. к политическому кризису многих западноевропейских социал-демократий, проигравших на выборах своим оппонентам.

В результате в 1989 г. в Стокгольме на XVIII Конгрессе Социалистического интернационала

была утверждена идеология «новых левых», которая акцентировала внимание на борьбе за политическую, экономическую и социальную свободу в глобальном масштабе, закрепила плюрализм в отношении собственности на средства производства, выдвинула в число приоритетных задач решение экологических проблем⁴.

Шведские социал-демократы в своей программе 1990 г. подчеркнули, что их цель заключается в том, чтобы «всему общественному устройству и человеческим взаимоотношениям были присущи идеалы демократии, что дало бы возможность каждому жить богатой и осмысленной жизнью» на основе воплощения «идей о свободе, равенстве и солидарности»⁵.

Однако со временем обнаруживалось, что различные партии социал-демократической ориентации в Европе, провозглашая приверженность основным ценностям социал-демократии, по-разному понимали их содержание. Важнейшей причиной, повлекшей новую дискуссию по поводу основополагающих принципов западной социал-демократии, стало разрушение социалистической системы в СССР и странах «восточного блока». Данное событие многими воспринималось как триумф принципов либерализма и рыночной демократии. Неслучайным в этой связи было появление либерального «манифеста» Ф. Фукуямы, провозгласившего на рубеже 1980–90-х гг. «конец истории» в результате казавшейся очевидной неизбежности перехода большинства стран мира к либеральной модели развития. Однако триумф либералов продолжался относительно недолго, и социал-демократы вновь стали укреплять свои позиции как в странах с устоявшейся демократической системой, так и в переходных обществах.

Важнейшими факторами стали как внутренние проблемы, с которыми столкнулись различные страны в новых условиях, так и процессы глобализации, поставившие на повестку дня большое количество вопросов, требующих незамедлительных принципиальных ответов на уровне идеологии. По мнению Е.Л. Петренко, «крах мировой социалистической системы, крушение СССР обозначили реальную победу капитализма как экономической и политической силы. Но, победив, он снова борется за первенство и приоритеты в мировом масштабе. Очевидно, что пришло время помыслить о социализме, как он существует внутри капитализма. Триумфы современного капитализма делают усилия по его преобразованию не менее важными, чем в начале XX века»⁶.

Поэтому неслучайно, что в программе Социал-демократической партии Швейцарии, принятой в 2008 г., подчеркивается: «У глобализации много лиц – также и левое. Возникает вопрос, о какой глобализации мы ведем речь: о глобализации тех, кто эксплуатирует человека и природу, или о глобализации солидарности»⁷. По мнению швейцарских социал-демократов, «неолибера-

лизм есть не что иное как безудержный, проявляющий свою очевидную сущность капитализм», поэтому главные вопросы, на которые предстояло ответить социал-демократам: «Удастся ли обуздать этот капитализм или преодолеть в его сути? Может ли экономическая власть в смысле ранее принятых партийных программ вообще поддаваться контролю и демократизироваться? Что было в результате выиграно тем самым для социальной справедливости в национальном, но также глобальном масштабе и для экологической устойчивости?»⁸

В программе австрийских социал-демократов, принятой в 1998 г., в первом разделе, носящем символическое название «Новые вызовы – новые подходы к решению проблем», провозглашалось: «Мы, социал-демократки и социал-демократы, чувствуем себя связанными с идеалом гуманного, демократического и справедливого общества». Что же это за идеал? «Мы стремимся к обществу, в котором преодолены классовые противоречия, в котором проблемы мирно разрешаются и в котором человеческая личность может развивать свои способности, будучи освобожденной от страха и нужды»⁹.

По мнению крупнейшего исследователя социал-демократии Б.С. Орлова, суть дискуссии можно свести к вопросу о том, к какому обществу стремятся социал-демократы – к обществу демократического социализма «без эксплуатации, угнетения и насилия» либо к обществу социальной демократии, в котором рыночная экономика и демократия взаимодействуют друг с другом¹⁰. По большому счету речь идет о формировании более четких перспектив социал-демократии в эпоху глобализации.

В 1999 г. Стокгольмская декларация перед выборами в Европарламент была пересмотрена. На ее основе была выработана концепция «третьего пути», важнейшим элементом которой стала ориентация на создание надежных условий для рыночной экономики, способствующих развитию конкурентоспособности, стимулированию постоянного экономического роста, защите малого и среднего бизнеса¹¹.

Ключевые тенденции в развитии социал-демократии (расширение социальной базы, апелляция к универсальным общечеловеческим принципам взаимоотношений, признание важнейших либеральных демократических ценностей, плюрализма собственности, роли рынка и конкуренции) обозначили ряд новых проблем, главной из которых, на наш взгляд, является проблема позиционирования социал-демократии в партийно-политическом спектре. Идеологические границы, идентифицирующие четкие отличия социал-демократов от консерваторов и либералов, все более размываются. В свою очередь, это приводит к достаточно существенному изменению характера социал-демократических партий и их функциональности.

Количество избирателей, традиционно голосующих за социал-демократов, сокращается, и увеличивается число «неидеологизированного» электората, ориентированного на удовлетворение конкретных (зачастую сиюминутных) проблем. Это заставляет социал-демократических лидеров быть более гибкими и прагматичными в своих тактических программных предложениях. Однако стратегические цели «третьего пути» становятся в этом случае все более расплывчатыми и неопределенными.

Для того чтобы привлечь неидеологизированного избирателя на свою сторону, социал-демократы все шире используют имиджевые технологии информационно-коммуникационного воздействия, апеллируя при этом не столько к разуму, сколько к настроениям и эмоциям граждан. Неизбежная «театрализация» политических действий и избирательных кампаний партий объективно усиливает «имиджевую» роль партийных лидеров, их умение понравиться публике, найти нужные «струны» в их душевном состоянии и подобрать «правильные аккорды» для целенаправленного эмоционального воздействия.

В этом случае социал-демократические партии неизбежно становятся на путь трансформации из массовых в элитарные, включающие наиболее ярких, харизматических лидеров различного уровня. Главная их задача – сделать партию привлекательной для различных социальных групп. Их разнородные интересы объективно делают программы социал-демократических партий прагматичными, но одновременно более эклектичными. Объединяющим их началом постепенно становятся не только базовые социал-демократические ценности (социальная справедливость, равенство возможностей, солидарность), но и предложения по решению важнейших общественных проблем современности (экологические проблемы, последствия глобализации, мирового финансового кризиса, угроза терроризма и т.п.).

Российская социал-демократия с момента своего возрождения на рубеже 1980–90-х гг. испытала на себе воздействие этих общемировых тенденций, но одновременно обнаружила и ряд своих специфических характеристик.

Оценивая становление современной российской социал-демократии, необходимо учитывать, что оно началось по инициативе М. Горбачева в период «перестройки» внутри самой КПСС. Анализ всех его предложений по обновлению идеологической платформы партии и принципов ее деятельности позволяет констатировать, что их можно охарактеризовать как двухуровневые. На первом, публично-официальном уровне задачи архитекторов «перестройки» состояли в том, чтобы не противопоставить себя убежденным сторонникам коммунистической идеологии, не быть обвиненными в измене идеям и идеалам социализма и коммунизма. Поэтому акцент делался на необходимости «возвращения к ленинской

модели социализма», к «очищению социализма от сталинских наслоений и извращений» и переходу к «социализму с человеческим лицом», «гуманному социализму». Такое обновление должно было, прежде всего, продемонстрировать преемственность «перестроечной» идеологии с предшествующим периодом, с «прочитанным по-новому» наследием К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина.

Реально, на неофициальном, не афишируемом уровне, шло заимствование и включение в программу КПСС основных идей западноевропейской социал-демократии.

После драматических событий августа 1991 г. и фактического распада КПСС сторонники социал-демократии стали институализировать свое политическое представительство. Важную роль в этом процессе сыграла Социалистическая партия трудящихся (СПТ). По мнению ее лидеров, приход к власти левоцентристских сил в бывших социалистических странах Восточной Европы позволял надеяться на укрепление позиций СПТ в российском обществе и ее победу на выборах. СПТ установила прочные связи с левыми и левоцентристскими партиями Европы. Лидеры СПТ не только приняли участие в восстановительном съезде КПрФ (февраль 1993 г.), но и предоставили региональным структурам новой партии свою материальную базу. Это было началом ее конца, так как многие члены СПТ рассматривали ее не как самостоятельную силу, а как легальное прикрытие для политической работы коммунистов¹².

После этого социал-демократические силы в России оказались на обочине политической жизни. Директор Европейского форума при Европейском парламенте и представитель социал-демократической фракции Европейского парламента Ф. Ролль, оценивая сотрудничество с российскими социал-демократическими партиями этого периода, очень точно отмечал, что это были «лишь партии центра (имеется в виду – Москвы. – А.В.), они концентрировались только в центре, они были латентными. Их члены были очень начитанными, очень хорошо информированными о развитии социал-демократии на Западе, о развитии рабочего движения в Западной Европе. Затем они исчезали с политической арены, потом, вдруг, они начинали размножаться, получать новые имена, но они были абсолютно безуспешны на выборах»¹³.

Перманентные неудачи (в отличие от многих стран «восточного блока») «явных» социал-демократов в постсоветской России объясняются совокупностью разнообразных причин. Среди них необходимо выделить прежде всего провал реформистских замыслов М. Горбачева, в результате которого большинство населения отторгло политические проекты, в той или иной степени идентичные «перестроечным». Для одной части населения это отторжение было связано с ориентацией на доперестроечный вариант социализма, для другой – с альтернативой рыночного развития. Первые голосовали за КПрФ, а вторые – за раз-

личные варианты центристско-либерального и центристско-консервативного развития.

Период «разброда и шатаний» сопровождался попытками кремлевской администрации сформировать левоцентристскую пропрезидентскую социал-демократическую партию, но относительно стабильным успехом ознаменовалось лишь создание «Справедливой России»¹⁴.

Анализ деятельности КПрФ и «Справедливой России» (как двух реальных «левых» субъектов политики) позволяет выделить следующие тенденции в развитии социал-демократии и оценить ее перспективы в современной России.

Следует признать справедливость утверждений, что стремление к общественной солидарности в России имеет историческую объективную обусловленность и глубокие социокультурные основания¹⁵. Наши социологические исследования также подтверждают ориентацию значительной части населения на социал-демократические ценности¹⁶. Соответственно, имеется существенный потенциальный социальный ресурс у социал-демократических партий.

Латентная социал-демократическая эволюция КПрФ при сохранении публичной акцентации на коммунистической фразеологии, на наш взгляд, не имеет стратегической перспективы. Новые поколения избирателей не ориентированы на коммунистические идеалы как реальную цель общественного развития и вряд ли поддержат их носителей. Поэтому уже через один электоральный цикл перед лидерами КПрФ неизбежно встанет традиционный российский вопрос: что делать, чтобы не превратиться в маргинальную реликтовую партию? Кроме неизбежной смены лидера, объективно встанет вопрос и о консолидации всех социал-демократических сил.

Как представляется, реальнее всего – объединение всех левоцентристских сил вокруг «Справедливой России». Ее программа и имиджевое позиционирование в информационно-коммуникационном пространстве России в большей степени учитывают и исторические социокультурные особенности российского населения, и специфику современной политической ситуации в России, и общемировые тенденции развития социал-демократии.

Несмотря на свое искусственное происхождение (на основе использования пресловутого «административного ресурса»), у «Справедливой России» с ее идеологией гораздо больше шансов стать одним из ведущих игроков в сложившейся партийной и политической системе. Дело заключается не только в привлекательности для большинства российского населения базовой ценности социальной справедливости, определившей название партии, но и в том, что «Справедливая Россия» переняла прагматический подход своих западноевропейских единомышленников. Суть его заключается в том, что у социал-демократов нет окончательных ответов на возникающие про-

блемы. «Есть основополагающая позиция – добиваться социальной справедливости в условиях демократии и методами демократии. Остальное – в поиске, в размышлениях, в осмыслении постоянно возникающих новых ситуаций»¹⁷.

Сочетание фундаментальных, идеологически оформленных ценностей как стратегического ориентира и инструментального гибкого подхода к решению текущих наиболее значимых общественных проблем позволяет данной партии уже сегодня привлекать к себе не только «левый» электорат, но и патриотически ориентированных избирателей.

Другое дело, что сложившаяся конфигурация российской политической системы изначально ограничивает функциональность политических партий и, соответственно, их ресурсность в обществе¹⁸. Конституционно закреплённая доминирующая роль президента фактически означает невозможность реализовать свою программу для оппозиционной партии даже в случае получения ею большинства в парламенте. Система «сдержек и противовесов» даёт большее пространство для политических маневров со стороны президента Российской Федерации, чем со стороны Государственной Думы.

Такая система делает политические партии заложниками президентской администрации и значительно затрудняет прогнозы их развития как институтов гражданского общества, представляющих интересы крупных социальных групп. Тем не менее оптимизма в отношении объективно существующей общественной потребности в развитии социал-демократии в России добавляет тот факт, что свою приверженность важнейшим социал-демократическим ценностям постоянно демонстрируют в своих выступлениях и официальных документах первые лица государства. Это означает, что конструируется политическая система, в которой публично конкурируют консервативно-либеральные, социал-демократические и социально-либеральные идеи и ценности. Несмотря на то что конкуренция их носителей имеет, скорее, имитационный, управляемый характер, апелляция к общественному мнению неизбежно заставит лидеров соответствующих партий формулировать альтернативные программы общественного развития в соответствии с логикой своих идеологий. Их поддержка гражданами на выборах может привести к тому, что «хвост перестанет управлять кошкой» и народ сможет осознанно влиять на выбор стратегии развития страны. В этом случае у социал-демократии в России большое будущее.

Примечания

¹ См.: *Иноземцев В.Л.* Перспективы и судьбы левых идеологий в постиндустриальном мире // <http://www.c-society.ru/wind.php?ID=275031&soch=1>. – 05.07.2009.

² См.: *Programme der deutschen Sozialdemokratie. Mit einem Vorwort von Willy Brandt.* Bonn, 1978. P. 10.

³ «Левые» выступали за активную роль государства в стимулировании экономического роста через расширение потребительского спроса, прямое участие его в инвестициях для модернизации хозяйственной структуры и борьбы с безработицей, широкомасштабное перераспределение ВВП в пользу менее обеспеченных социальных категорий через всеобъемлющую систему социального страхования. Для этого власти, не останавливаясь перед опасностью дефицитов и инфляции, используют как бюджетную, так и кредитную политику, финансирующие социальные расходы за счет прогрессивных налогов на доходы и прибыль. См.: *Вольнов В.В.* Новый социализм по-европейски? // *Полис.* 2002. № 2. С. 166–168; *Громыко А.А.* Победы и поражения современной социал-демократии // *Полис.* 2000. № 3. С. 140–150.

⁴ См.: *Ожегин Д.Ю.* Новая идеология социал-демократии // <http://lib.socio.msu.ru/l/library?e=d-000-00--0lomon-00-0-0-0prompt-10--4--0-11-1-ru-50--20-about--00031-001-1-0windowsZz-1251-00&a=d&c1=CL1&d=HASH703a8ca832c6cad0685868.4.5>. – 05.07.2009.

⁵ См.: *Программа Социал-демократической рабочей партии Швеции.* Стокгольм, 1992. С. 25.

⁶ *Петренко Е.Л.* В поисках новых путей. Западная социал-демократия и современные реалии // *Свободная мысль.* 2002. № 4. (Электронная версия // http://www.postindustrial.net/content1/show_content.php?table=free&lang=russian&id=26. – 05.07.2009).

⁷ См.: *Демократический социализм во времена глобализации* // *Программа Социал-демократической партии Швейцарии* // <http://www.politobras.ru/dokumenti/2008-12-011programma-sotsial-demokraticheska...> – 05.07.2009.

⁸ Там же.

⁹ SPÖ. *Das Grundsatzprogramm.* – www.spoe.at. – 05.07.2009.

¹⁰ См.: *Орлов Б.С.* Новая программа германской социал-демократии. Итоги идейной дискуссии в СДПГ. М., 2008.

¹¹ См.: *Громыко А.А.* Указ. соч. С. 140–150.

¹² См.: *Смирницкий А.Е.* Социалистическая партия трудящихся (СПТ): ее место и роль в становлении политической системы постсоветской России (1991–1995 гг.) // 100 лет российского парламентаризма: история и современность. Н.Новгород, 2006. С. 395–399.

¹³ *Роль Ф.* Европейская социал-демократия и сотрудничество ЕС – Россия // <http://hist.asu.ru/aes/roll.htm>. – 05.07.2009.

¹⁴ Формула «производить по капиталистически, распределять по социалистически» объединения «Отечество – Вся Россия» вряд ли даёт основания для его отнесения к чисто социал-демократическим партиям.

¹⁵ См.: *Красин Ю.* Социалистическая идея: проекция в XXI век // <http://www.politobraz.ru/novie-publicatsii/2008-12-14/sotsialisticheskaya-ideya-proektsiya-v-xxi-vek.html>. – 05.07.2009.

- ¹⁶ См.: Вилков А.А., Данилов М.В., Казаков А.А., Попонов Д.В. Актуальные политические проблемы глазами жителей Саратовской области (результаты социологических опросов) // Изв. Саратов. ун-та. 2009. Новая серия. Сер. Социология. Политология. Т. 9, вып. 2. С. 81–84.
- ¹⁷ Орлов Б. Социал-демократия в XXI веке: проблемы, поиски, перспективы. Ч. 1 // [http://www.politobraz.ru/avtorskaya-kolonka/2009-06-22/sotsial-demokratiya-](http://www.politobraz.ru/avtorskaya-kolonka/2009-06-22/sotsial-demokratiya-v-xxi-veke-problemi-poiski-perspektivi-chast-1.html)

[v-xxi-veke-problemi-poiski-perspektivi-chast-1.html](http://www.politobraz.ru/avtorskaya-kolonka/2009-06-22/sotsial-demokratiya-v-xxi-veke-problemi-poiski-perspektivi-chast-1.html). – 05.07.2009.

- ¹⁸ Кроме того, нужно учитывать имитационный характер оппозиционности «Справедливой России», которая нацелена против бедности, коррупции, бюрократии, против «партии чиновников» и т.п., но при этом не затрагивает стратегического курса преобразований, обозначенного президентом и председателем правительства.

УДК 321.1

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

И.И. Брянцев

Поволжская академия государственной службы,
кафедра политологии
E-mail: bryancevii@saratov.gov.ru

В статье рассматриваются особенности современного восприятия терминов «диаспора» и «национальное меньшинство». Большое внимание уделяется выявлению причин и факторов, определяющих процесс межэтнической коммуникации в сложной поликультурной среде крупных городов.

Ключевые слова: диаспора, национальное меньшинство, межэтническая коммуникация.

Ethnic-cultural Peculiarities of Modern System of Political and Domestic Relations

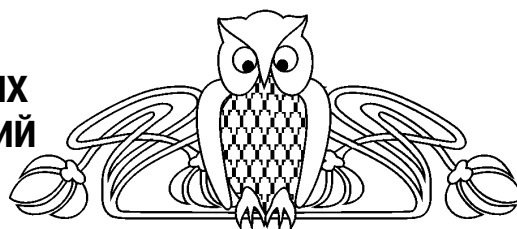
I.I. Bryancev

In the article the peculiarities of modern perception of terms «diaspora», «national minority» are considered. There is devoting much attention to fundamental analysis of motives and factors determined process of inter-ethnic communication in the complicated social environment of big towns.

Key words: diaspora, national minority, inter-ethnic communication.

На рубеже XXI в. пространство политических и социокультурных институций стало претерпевать существенные изменения. В терминологию политики на равноправных основаниях с такими категориями, как «государство», «класс», «раса», «страна», «этническое меньшинство», полноправно вступила «диаспора».

В условиях глобализации, когда складывается новая картина мира, связанная с превращением планеты в единый социокультурный организм, на первое место выходит проблема, связанная с новой организацией социальных сообществ. «Доминировавшая еще до недавнего времени форма раздельно-компактного проживания социокультурных общностей меняется на дисперсную («диаспоральную») организацию человеческих сообществ»¹.

Поступательное и стабильное развитие систем международных отношений как на глобальном, так и на региональном уровне невозможно без решения проблем «разделенных народов». Подавляющее большинство современных межгосударственных проблем в странах постсоветского пространства, а также с недавних пор и Европы (Франция, Нидерланды, Бельгия) связано с разрешением этнополитических конфликтов, в которых выступали представители «разделенных» народов, с одной стороны, и государства (территории проживания) – с другой.

В последние годы российскими политологами, социологами, правоведами опубликован ряд работ, посвященных исследованию предмета диаспоры². Положение российской диаспоры в странах ближнего и дальнего зарубежья является темой многочисленных дискуссий, статей в периодической печати, научных конференций и круглых столов.

Тем не менее пока только на уровне дискуссий задается вопрос о применимости к русским в ближнем зарубежье термина «диаспора», поскольку здесь терминология «рассеянности» (дисперсности) не совсем уместна – это не они покинули страну, а страна «уехала» от них. Открытым остается и вопрос о правопримемости термина «диаспора» на территории России по отношению к этнокультурным меньшинствам, постоянно проживающим на территории России и имеющим свои национально-территориальные институции за пределами РФ. Не менее спорные вопросы вызывают и термины «титальный», «коренное население», поскольку неясны хронологические рамки при определении данных понятий, да и термин «меньшинство» вызывает серьезные затруднения при изучении данной тематики, поскольку, например, только в России субъектами федерации при разработке региональных национально-культурных политик используется более 20 формулировок этого понятия.

- ¹⁶ См.: Вилков А.А., Данилов М.В., Казаков А.А., Попонов Д.В. Актуальные политические проблемы глазами жителей Саратовской области (результаты социологических опросов) // Изв. Саратов. ун-та. 2009. Новая серия. Сер. Социология. Политология. Т. 9, вып. 2. С. 81–84.
- ¹⁷ Орлов Б. Социал-демократия в XXI веке: проблемы, поиски, перспективы. Ч. 1 // [http://www.politobraz.ru/avtorskaya-kolonka/2009-06-22/sotsial-demokratiya-](http://www.politobraz.ru/avtorskaya-kolonka/2009-06-22/sotsial-demokratiya-v-xxi-veke-problemi-poiski-perspektivi-chast-1.html)

[v-xxi-veke-problemi-poiski-perspektivi-chast-1.html](http://www.politobraz.ru/avtorskaya-kolonka/2009-06-22/sotsial-demokratiya-v-xxi-veke-problemi-poiski-perspektivi-chast-1.html). – 05.07.2009.

- ¹⁸ Кроме того, нужно учитывать имитационный характер оппозиционности «Справедливой России», которая нацелена против бедности, коррупции, бюрократии, против «партии чиновников» и т.п., но при этом не затрагивает стратегического курса преобразований, обозначенного президентом и председателем правительства.

УДК 321.1

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

И.И. Брянцев

Поволжская академия государственной службы,
кафедра политологии
E-mail: bryancevii@saratov.gov.ru

В статье рассматриваются особенности современного восприятия терминов «диаспора» и «национальное меньшинство». Большое внимание уделяется выявлению причин и факторов, определяющих процесс межэтнической коммуникации в сложной поликультурной среде крупных городов.

Ключевые слова: диаспора, национальное меньшинство, межэтническая коммуникация.

Ethnic-cultural Peculiarities of Modern System of Political and Domestic Relations

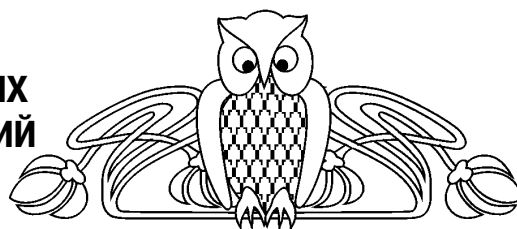
I.I. Bryancev

In the article the peculiarities of modern perception of terms «diaspora», «national minority» are considered. There is devoting much attention to fundamental analysis of motives and factors determined process of inter-ethnic communication in the complicated social environment of big towns.

Key words: diaspora, national minority, inter-ethnic communication.

На рубеже XXI в. пространство политических и социокультурных институций стало претерпевать существенные изменения. В терминологию политики на равноправных основаниях с такими категориями, как «государство», «класс», «раса», «страна», «этническое меньшинство», полноправно вступила «диаспора».

В условиях глобализации, когда складывается новая картина мира, связанная с превращением планеты в единый социокультурный организм, на первое место выходит проблема, связанная с новой организацией социальных сообществ. «Доминировавшая еще до недавнего времени форма раздельно-компактного проживания социокультурных общностей меняется на дисперсную («диаспоральную») организацию человеческих сообществ»¹.

Поступательное и стабильное развитие систем международных отношений как на глобальном, так и на региональном уровне невозможно без решения проблем «разделенных народов». Подавляющее большинство современных межгосударственных проблем в странах постсоветского пространства, а также с недавних пор и Европы (Франция, Нидерланды, Бельгия) связано с разрешением этнополитических конфликтов, в которых выступали представители «разделенных» народов, с одной стороны, и государства (территории проживания) – с другой.

В последние годы российскими политологами, социологами, правоведами опубликован ряд работ, посвященных исследованию предмета диаспоры². Положение российской диаспоры в странах ближнего и дальнего зарубежья является темой многочисленных дискуссий, статей в периодической печати, научных конференций и круглых столов.

Тем не менее пока только на уровне дискуссий задается вопрос о применимости к русским в ближнем зарубежье термина «диаспора», поскольку здесь терминология «рассеянности» (дисперсности) не совсем уместна – это не они покинули страну, а страна «уехала» от них. Открытым остается и вопрос о правопримемости термина «диаспора» на территории России по отношению к этнокультурным меньшинствам, постоянно проживающим на территории России и имеющим свои национально-территориальные институции за пределами РФ. Не менее спорные вопросы вызывают и термины «титальный», «коренное население», поскольку неясны хронологические рамки при определении данных понятий, да и термин «меньшинство» вызывает серьезные затруднения при изучении данной тематики, поскольку, например, только в России субъектами федерации при разработке региональных национально-культурных политик используется более 20 формулировок этого понятия.

В. Мукомель выявил, что в законодательстве субъектов встречаются определения, не используемые на федеральном уровне: «этнические меньшинства» (Татарстан, Хакасия), «этнодисперсные меньшинства» (Томская область), «коренные национальные меньшинства» (Бурятия), «национальные общности» (Свердловская область), «малочисленные национальные общности» (Красноярский край), «малочисленные этносы» (Якутия), «коренная нация» (Калмыкия), «коренные народы данного региона» (Кабардино-Балкария, Калмыкия, Татарстан, Хакасия, Алтайский, Приморский края, Свердловская область), «коренной этнос» (Хакасия), «титularyный коренной народ» (Карелия), «коренное население территории» (Дагестан, Хакасия, Иркутская, Томская области), «этнические группы» (Коми, Дагестан, Якутия), «этнические общины» (Адыгея), «этноконфессиональные и этнокультурные группы» (Бурятия)³.

Такое разнообразие дефиниций в регионах – результат не только учета местных особенностей, но и отсутствия внятной регламентации понятийного аппарата, в том числе и в законодательстве Российской Федерации.

На наш взгляд, термин «коренные» (жители) нередко трактуется как право на дополнительные преимущества на данной территории, что воспринимается как нарушение гражданских прав всеми другими национальностями. Так, Л.М. Дробизева, проанализировав практику использования термина «коренной», приходит к выводу, что в настоящее время политики и ученые стараются как можно реже или вовсе не употреблять данный термин, используя, с их точки зрения, синонимичное «титularyные (нетитularyные) национальности»⁴.

В. Мукомелем предложена расширительная трактовка понятия национальных меньшинств, к которым отнесены представители ряда этнических групп:

- постоянно или преимущественно проживающие в инонациональной среде субъекта РФ и не относящиеся к титульному народу данного субъекта;
- численно находящиеся в меньшинстве на территории данного субъекта;
- имеющие гражданство РФ;
- признающие себя национальным меньшинством;
- не относящиеся, в соответствии с федеральным законодательством, к коренным малочисленным народам.

В соответствии с данными критериями, *эта трактовка распространяется на все народы, проживающие вне «своих» национально-территориальных образований, включая русских, находящихся в меньшинстве на территории данного субъекта государства.*

Столь широкие рамки дефиниций – результат сложности определения сущности категории «меньшинство». Выработке единого определения понятия препятствуют существенные причины,

основными из которых, по мнению специалистов, являются следующие: разнообразие реальных групп, к которым применяется данный термин, разнообразие социальных контекстов, в которых (со)существуют эти группы, разнообразие позиций заинтересованных сторон (правительств, политиков, научного сообщества, представителей групп «меньшинств»)⁵.

В международной правоприменительной практике существует несколько попыток классификации меньшинств, основанных на ситуациях, в которых они находятся. За основу могут брать исторические особенности образования групп меньшинств, концептуальные различия между «корпоративными» и «коммунальными» объектами и субъектами международного права (соотношение между понятиями «государство», «нация» «коренной народ», «меньшинство» и т.д.) либо географические особенности существования меньшинств на разных континентах вместе с историческими закономерностями их возникновения⁶. Существуют и типологии, основанные на способе включения меньшинства в население страны либо на основе политических ориентаций большинства и меньшинства⁷.

В рамках целей, обусловленных данным анализом, наиболее характерным видится применение классификации, предложенной А. Эйде, директором Норвежского института по правам человека, в специальном докладе Подкомиссии ООН по защите меньшинств⁸. А. Эйде отмечает, что многие проблемы связаны с политикой, избираемой группами большинства и меньшинства, а также политикой правительств. Он подвергает сомнению элемент определения меньшинства через меньшую, по сравнению с населением государства, численность. Такие группы должны иметь преференции защиты до тех пор, пока они, благодаря своей численности, не получают возможности влиять на демократический процесс принятия решений в обществе. Однако эти группы, являясь меньшинством в населении страны, могут составлять большинство в определенных ее частях, где они сами иногда проводят репрессивную и/или дискриминационную политику. Эта проблема особенно серьезна в регионах (республиках), имеющих определенную степень автономии внутри данного государства.

Далее А. Эйде разделяет меньшинства на четыре категории: группы, обосновавшиеся на постоянное жительство; недавние мигранты; компактно и *дисперсно* проживающие группы меньшинств; группы, отличающиеся, в определенном смысле, от остального населения (в отношении религии, языка, этнической или культурной идентичности).

Ф. Хекман, основываясь на исторических особенностях возникновения меньшинств, предложил следующее **политическое понимание** этнокультурного меньшинства: *«Гетерогенные (в отношении) социальной структуры группы, про-*

живающие в результате возникновения буржуазной нации, изменений государственных границ, либо конфликтов между нациями-государствами на территории иного по отношению к их национальной идентичности, культуре и истории государства. В качестве граждан они лишены определенных гражданских прав... и часто подвергаются сильному ассимиляционному давлению. Их **политической целью** является присоединение к тому государству, которому они принадлежат в терминах их культурной идентичности и которое поддерживает их экономические интересы»⁹.

Особенностью является включение в данное определение меньшинства политической цели. Однако его недостатком, на наш взгляд, является ограничение применения из-за привязки к группам, разделенным государственной границей, поскольку это в разных политических условиях будет приводить к разным толкованиям меньшинства – в одних они будут «объявлены» иммигрантскими группами, в других – национальными меньшинствами, что, в свою очередь, ведет к совершенно разным правоприменительным практикам.

В то же время категория «граница» позволяет нам применить это определение и к диаспоре. Й. Шаин определяет диаспору как людей с общим происхождением, которые проживают на относительно постоянной основе за пределами своей этнорелигиозной родины (отечества), будь она реальной или символической¹⁰. Трактовка термина «диаспора» предполагает более широкие коннотации, ибо члены диаспоры себя таковыми не ощущают, а их идентичность часто связана с другими социальными коалициями – принадлежностью к государству проживания, профессиональной идентичностью и т.д. Диаспора представляется скорее ситуативной характеристикой, определяющей некоторую социально-экономическую, часто политическую, структурную компоненту современного (индустриального) государства.

На общегосударственном и международном уровне диаспора уже приобретает статус актора политического и международного права. Основным аспектом изучения диаспор на общегосударственном уровне, по меткому замечанию В. Тишкова, является проблема «формы и степени влияния диаспор на внутригосударственную политику. Диаспоральная деятельность рассматривается также в контексте вызова существующим государственным институтам, основанным на базовых принципах гражданства и лояльности со стороны тех, кто проживает в очерченном государственными границами пространстве. Диаспоры подвергают эрозии этот давний принцип мироустройства, и государства вынуждены менять свои подходы к институту гражданства»¹¹.

При этом диаспоры оказывают существенное влияние как на государства, где они не проживают

(страны исхода), так и на государства нахождения (страны-реципиенты). Своими претензиями на значимые позиции в государстве, где они «уже» не проживают, диаспоры ставят под вопрос такой ключевой аспект государственности как суверенитет. Примером тому может служить влияние «российской диаспоры» на внешнюю политику в отношении прибалтийских государств. В. Тишков приводит еще один пример – заявления лидеров армянской диаспоры в России по поводу избирательных кампаний в Армении, когда они заявляют, что им «не безразлично, как проходят выборы на родине»¹².

Позиция Й. Шаина во многих моментах согласуется с рассуждениями В. Тишкова. Й. Шаин также склонен к пониманию того, что в явлении диаспоры доминирует в основном политическая составляющая, и поэтому предлагает понятие «политическая диаспора». Политическая диаспора определяется как группа людей общего этнического происхождения, проживающих за пределами захваченной или независимой территории страны своего происхождения¹³. Важным моментом здесь является идея границы, поскольку диаспорами могут считаться только те этнические расселения, которые находятся за пределами государства исхода.

Члены политической диаспоры могут периодически мобилизовываться национальными лидерами и движениями как внутри, так и вне страны своего проживания и происхождения, а также примыкать к какой-либо акции или же группе, выражая свою лояльность данному лидеру или движению. Природа и диапазон вовлеченности диаспор в дела страны исхода зависят в большей степени от размера и многообразия диаспорных общин. Обычно бывает очень трудно узнать размер диаспоры, ее состав, размещение и особенно ее предрасположенность вникать в политику страны исхода. Это наглядно демонстрирует, что представители диаспоры, несмотря на свою «надтерриториальность», мыслят и действуют территориально, причем, как правило, в пользу территории исхода. В качестве представителей этнических меньшинств они выступают лоббирующей силой, чаще в отношении поддержки мультикультурности и поддержки меньшинств на территории принимающей страны. При этом диаспоры оказывают влияние, порой существенное, на политику страны исхода посредством создания разного рода квазиправительств («правительства в изгнании»), борющихся за изменение действующих политических режимов на территории отечества (например, правительство Абхазии в Грузии, «чеченские комитеты» в США, Германии, Великобритании).

Не менее значимым игроком диаспора выступает на экономическом поле, организуя трансферты в страны исхода. Здесь можно говорить о позитивном влиянии на экономику страны исхода, поскольку масштабные финансовые вливания

частных лиц являются существенным аспектом развития экономики. Страна проживания в данном случае, помимо минуса, связанного с оттоком денежных средств за рубеж, получает ряд плюсов. Например, если перечисляется национальная валюта, она обеспечивает ее укрепление и легитимизацию на территории страны-контрагента, а также обеспечивает ее конвертацию.

Мы можем, по сути, констатировать, что община диаспоры является главным контрагентом государства на муниципальном, региональном, часто на федеральном уровне, поскольку система этнокультурной и национальной политики затрагивает интересы в первую очередь низового уровня институционализации диаспоры, т.е. общину.

Однако возникает проблема законного этнического представительства. Кто или какая из общин может претендовать на законность этнического представительства, например, в органах власти? Ведь диаспора не просто состоит из общин. Каждая община в своем составе имеет локальные сообщества, «фракции», основанные на кровнородственных отношениях либо на землячестве (региональности исхода). Кто и как, с помощью каких критериев и процедур определяет «реальность» той или иной группы, общины, их правомочность требований преференций?

Сложность, на наш взгляд, здесь заключается в следующем. Взаимодействие государства и диаспоры регулируется определенными правовыми отношениями, такими как, например, Концепция этнонациональной политики. И здесь необходимо выбрать, чему отдавать приоритет, – правам лиц, принадлежащих к общине диаспоры (этнокультурному меньшинству), или правам групп (меньшинств). Поскольку в Государственной Думе РФ на рассмотрении находится немало подобных законов и законодательных актов, связанных именно с групповыми правами, этот вопрос становится весьма актуальным.

Вопрос о правомерности использования концепта групповых прав по отношению к этнокультурным меньшинствам неоднократно ставился и ставится как специалистами в области политической философии и философии права, так и юристами, работающими в области международного права и защиты прав меньшинств¹⁴. Значительная часть сомнений связана с ограничениями этнокультурной общины как группы, способной к согласованным эффективным действиям, и динамикой внутригрупповых процессов, определяющих идентичность ее членов¹⁵. Политика идентичности группы является здесь главным камнем преткновения, поскольку именно идентичность выступает основой солидарности и мобилизующим фактором для формирования группы. На групповом уровне границы, построенные на этнокультурной идентичности, становятся размытыми и «прозрачными» (по описанию Ф. Барта) за счет включения новых членов (напри-

мер, при заключении межнациональных браков) и исключения прежних.

Разработка критериев членства в случае этнокультурной общины заменяется самоопределением или смутными представлениями, кто должен и/или может претендовать на членство. Ясные критерии членства здесь невозможно выработать, поскольку часть членов будет обладать множественной идентичностью (смешанные браки) либо подвергаться оспариванию из-за отсутствия легитимности выбора критериев.

Таким образом, по мнению С. Соколовского, проблема правосубъектности этнокультурного сообщества заключена, с одной стороны, в природе рассматриваемых сообществ, которые не могут достичь степени организованности, позволяющей именовать их группами, а с другой – в неспособности к интерпретации, отправлению и защите собственных прав, «что предполагает наличие ясной и четкой идентичности и способности к эффективному действию, и, следовательно...к совместному размышлению и координированному действию в соответствии с целями»¹⁶.

Для разрешения этого спора, на наш взгляд, наиболее приемлемым видится углубленное понимание дефиниции термина «диаспора» предложенной В. Тишковым. Община диаспоры – «прежде всего ситуация, выделяющая в стилевом (поведенческом) отношении подвижные человеческие коалиции, и только через дискурсивную практику происходит своего рода конституирование диаспоры как группы, отличающейся от схожих групп и образований типа мигрантов, беженцев... которым так же свойственна идентификационная подвижность»¹⁷.

В целом, говоря о диаспоре в системе политических, внутригосударственных отношений, мы имеем дело с неким дискурсом, который обрел существенное политическое, эмоциональное значение и был ратифицирован посредством государственной национально-культурной политики и далее транслирован на эссенциалистский, бытовой уровень. Вслед за В. Тишковым мы считаем, что диаспоральный дискурс «стал изошренной формой разделения и отчуждения в политических целях существующих гражданских сообществ»¹⁸.

В современных условиях проблематика отношений этнокультурных меньшинств и большинства обретает новое звучание. Сложности интеграции современных этнических миграционных сообществ в поликультурную среду крупных городских центров обуславливают потребность в более глубоком анализе причин и факторов, детерминирующих процесс межэтнической коммуникации.

Примечания

¹ Никитин В.А. К понятию диаспоры. М., 1997. С. 110.

² См.: Тишков В.А. Этничность, национализм и госу-

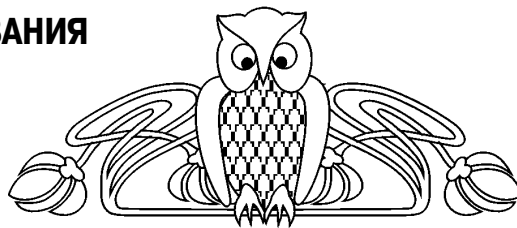
- дарство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1/2; Он же. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспора. 2003. № 2. С. 160–184; Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М., 2003; Полоскова Т. Феномен диаспоры. М., 2000.
- ³ См.: Мукомель В.И. Кого относить к этническим меньшинствам // Сайт Центра региональных и этнополитических исследований. www.minorities.seprs.indem.ru. – 05.07.2009.
- ⁴ См.: Дробижьева Л.М. Теоретические вопросы этничности // Методические материалы сессии «Этносоциология. Социология конфликтов». М., 2004. С. 33.
- ⁵ См.: Соколовский С.В. Перспективы развития Концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004. С. 91.
- ⁶ См.: Eide A. Protection of Minorities: Second Progress Report (UN Doc. E/CN.4/Sub.2/1992/37); Heckmann F. Towards The Development of a Typology of Minorities // Minorities: Community and Identity. Berlin, 1983. P. 9–23.
- ⁷ См.: Smith M.G. Some problems with a minority concepts and solution // Ethnic and Racial Studies. 1987. V. 10, № 4. P. 341–362; Schemmerhorn R.A. Comparative Ethnic Relation. N.Y., 1970.
- ⁸ См.: Eide A. Op. cit.
- ⁹ Heckmann F. Op. cit. P. 9–23.
- ¹⁰ Shain Y. The Frontier of Loyalty: Political Exiles in the Age of the Nation-State. Middletown, Conn., Wesleyan University Press, 1989.
- ¹¹ Тишков В.А. Увлечение диаспорой. С. 162.
- ¹² Там же. С. 174.
- ¹³ См.: Shain Y. Democrats and Secessionists: US Diasporas as regime Destabilizes // Intern. Migration and Security / Ed. by Miron Weiner. Boulder; San Francisco; Oxford, 1993. P. 278–332.
- ¹⁴ См.: Pogge T.W. Group Rights and Ethnicity // Ethnicity and Group Rights / Eds. I. Shapiro and W. Kimlicka. N.Y.; L., 1996. P. 187–221; Осипов А.Г. Официальные идеологемы регулирования межнациональных отношений как фактор развития этнической конфликтности (региональный аспект) // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 250–272.
- ¹⁵ См.: Соколовский С.В. Указ. соч. С. 34.
- ¹⁶ Там же. С. 39.
- ¹⁷ Тишков В.А. Увлечение диаспорой. С. 180.
- ¹⁸ Там же.

УДК 323.232

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ «ЯЗЫКА ВЛАСТИ»

Ю.А. Мартынова

Саратовский государственный университет,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации
E-mail: martynovayu@mail.ru

Данная статья посвящена проблеме выбора метода при анализе современного политического дискурса. В ней рассматриваются основные подходы, разработанные русскими и зарубежными учеными для исследования средств массовой информации. На конкретном примере показываются преимущества использования комплексного подхода для изучения языка политики.

Ключевые слова: политический дискурс, метод, комплексный подход, риторика, коммуникативные стратегии и тактики.

Linguopragmatic Aspect of Value System Formation in Political Discourse

J.A. Martynova

This article is devoted to the problem concerning the choice of this or that method when analysing the modern political discourse. It considers the main approaches worked out by the Russian, European and American scholars, investigating Mass-Media. The analysis of a concrete example of a political discourse demonstrates the advantages of the complex approach.

Key words: political discourse, method, complex approach, rethorics, communication strategies and tactics.

Усиление интереса представителей разных областей науки к теории и практике политической коммуникации – языку власти – обусловлено интенсивным развитием политических технологий и возрастающей ролью средств массовой информации. Актуальность и важность разработки данной сферы проявились, в частности, в том, что целый ряд наук слился в один конгломерат, образовав новую современную отрасль – политическую лингвистику. С появлением дисциплин, изучающих явления социально-политической жизни общества через речевую деятельность, некоторые ученые связывают становление новой «интегральной» парадигмы знания. Е.С. Кубрякова считает, что к созданию новой парадигмы привело переосмысление деятельностно-антропологического подхода к языку: речевая деятельность рассматривается неразрывно с личностными, социокультурными и познавательными характеристиками говорящего¹. В рамках данного подхода уже выпущена серия работ, рассматривающих явление речемыслительной деятельности в русле когнитивного дискурсивного направления².

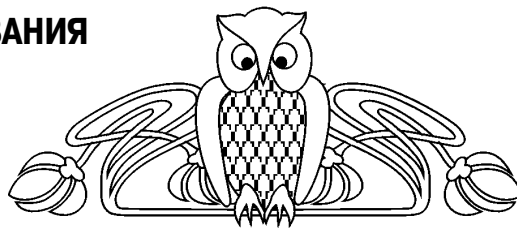
- дарство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1/2; *Он же*. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспора. 2003. № 2. С. 160–184; *Попков В.Д.* Феномен этнических диаспор. М., 2003; *Полоскова Т.* Феномен диаспоры. М., 2000.
- ³ См.: *Мукомель В.И.* Кого относить к этническим меньшинствам // Сайт Центра региональных и этнополитических исследований. www.minorities.seprs.indem.ru. – 05.07.2009.
- ⁴ См.: *Дробижьева Л.М.* Теоретические вопросы этничности // Методические материалы сессии «Этносоциология. Социология конфликтов». М., 2004. С. 33.
- ⁵ См.: *Соколовский С.В.* Перспективы развития Концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004. С. 91.
- ⁶ См.: *Eide A.* Protection of Minorities: Second Progress Report (UN Doc. E/CN.4/Sub.2/1992/37); *Heckmann F.* Towards The Development of a Typology of Minorities // Minorities: Community and Identity. Berlin, 1983. P. 9–23.
- ⁷ См.: *Smith M.G.* Some problems with a minority concepts and solution // *Ethnic and Racial Studies*. 1987. V. 10, № 4. P. 341–362; *Schermerhorn R.A.* Comparative Ethnic Relation. N.Y., 1970.
- ⁸ См.: *Eide A.* Op. cit.
- ⁹ *Heckmann F.* Op. cit. P. 9–23.
- ¹⁰ *Shain Y.* The Frontier of Loyalty: Political Exiles in the Age of the Nation-State. Middletown, Conn., Wesleyan University Press, 1989.
- ¹¹ *Тишков В.А.* Увлечение диаспорой. С. 162.
- ¹² Там же. С. 174.
- ¹³ См.: *Shain Y.* Democrats and Secessionists: US Diasporas as regime Destabilizes // Intern. Migration and Security / Ed. by Miron Weiner. Boulder; San Francisco; Oxford, 1993. P. 278–332.
- ¹⁴ См.: *Pogge T.W.* Group Rights and Ethnicity // Ethnicity and Group Rights / Eds. I. Shapiro and W. Kimlicka. N.Y.; L., 1996. P. 187–221; *Осипов А.Г.* Официальные идеологемы регулирования межнациональных отношений как фактор развития этнической конфликтности (региональный аспект) // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 250–272.
- ¹⁵ См.: *Соколовский С.В.* Указ. соч. С. 34.
- ¹⁶ Там же. С. 39.
- ¹⁷ *Тишков В.А.* Увлечение диаспорой. С. 180.
- ¹⁸ Там же.

УДК 323.232

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ «ЯЗЫКА ВЛАСТИ»

Ю.А. Мартынова

Саратовский государственный университет,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации
E-mail: martynovayu@mail.ru

Данная статья посвящена проблеме выбора метода при анализе современного политического дискурса. В ней рассматриваются основные подходы, разработанные русскими и зарубежными учеными для исследования средств массовой информации. На конкретном примере показываются преимущества использования комплексного подхода для изучения языка политики.

Ключевые слова: политический дискурс, метод, комплексный подход, риторика, коммуникативные стратегии и тактики.

Linguopragmatic Aspect of Value System Formation in Political Discourse

J.A. Martynova

This article is devoted to the problem concerning the choice of this or that method when analysing the modern political discourse. It considers the main approaches worked out by the Russian, European and American scholars, investigating Mass-Media. The analysis of a concrete example of a political discourse demonstrates the advantages of the complex approach.

Key words: political discourse, method, complex approach, rethorics, communication strategies and tactics.

Усиление интереса представителей разных областей науки к теории и практике политической коммуникации – языку власти – обусловлено интенсивным развитием политических технологий и возрастающей ролью средств массовой информации. Актуальность и важность разработки данной сферы проявились, в частности, в том, что целый ряд наук слился в один конгломерат, образовав новую современную отрасль – политическую лингвистику. С появлением дисциплин, изучающих явления социально-политической жизни общества через речевую деятельность, некоторые ученые связывают становление новой «интегральной» парадигмы знания. Е.С. Кубрякова считает, что к созданию новой парадигмы привело переосмысление деятельностно-антропологического подхода к языку: речевая деятельность рассматривается неразрывно с личностными, социокультурными и познавательными характеристиками говорящего¹. В рамках данного подхода уже выпущена серия работ, рассматривающих явление речемыслительной деятельности в русле когнитивного дискурсивного направления².

Несмотря на то что уже имеются работы, посвященные истории возникновения, идеям, методам и ведущим направлениям политической лингвистики³, современное состояние, взаимодействие с другими науками, а в особенности, методологический аппарат в этой области требуют дальнейшего осмысления. В данной статье мы остановимся на обзоре методов исследования, наиболее часто применяемых при изучении политической коммуникации.

Как известно, выбор метода анализа и оценки определяется объектом исследования. В нашем случае объектом исследования является так называемый язык власти, или политический дискурс. В широком смысле слова дискурс понимается как текст в ситуации реального общения. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «дискурс – это речь, погруженная в жизнь»⁴. Определяя терминологический статус дискурса, следует противопоставлять его тексту как лингвистической категории. Е.А. Кожемякин следующим образом суммировал различия текста и дискурса: дискурс принадлежит к сфере социальных действий, обладает таким свойством как процессуальность, воспроизводит событие, диалогичен и полифоничен⁵. Текст – это ментальный конструкт, который характеризуется моноличностью и предзаданностью. Другими словами, дискурс как коммуникативный и ментальный процесс способствует образованию текста как некой формальной конструкции. Конкретные тексты составляют эмпирический базис для описания дискурса, «который требует включения данных об организации коммуникативно-когнитивных процессов, приведших к созданию этих текстов»⁶. Следовательно, при интерпретации дискурса значительную роль играет учет экстралингвистических, а именно социально-исторических и культурных, факторов, повлиявших на формальную организацию процесса коммуникации, а сам дискурс должен рассматриваться как процессуальная деятельность.

Под политическим дискурсом в широком смысле понимается корпус текстов, реализующих общение власти с народом. Четкого определения политического дискурса пока не существует. Как отмечает А.И. Хмельцов, «отнесение тех или иных действий к сфере политической – суть интерпретация»⁷, а В.З. Демьянков, ссылаясь на Э. Косериу, пишет: «... уже сама речь “политически нагружена”, поскольку является знаком солидарности с другими членами общества, употребляющими тот же язык»⁸. Пытаясь определить предмет политического дискурса, ученые разработали левый подход⁹, при котором ядром поля является институциональный политический дискурс. В него входят тексты, созданные политиками (парламентские стенограммы, политические дебаты, публичные выступления, интервью политических лидеров и т.п.). Следующую сферу составляет масс-медийный политический дискурс, в который входят тексты, созданные журналистами и рас-

пространяемые прессой, телевидением и другими средствами массовой информации. К периферии политического дискурса, которая пересекается с официально-деловой областью, относятся тексты, создаваемые для сотрудников государственного аппарата или различных общественных организаций: инструкции, правила поведения, приказы, распоряжения и т.д.

К области политического дискурса следует также относить тексты, создаваемые народом, т.е. гражданами, откликающимися на политические события в обществе. Их участие в политической коммуникации проявляется в виде писем и обращений, адресованных политикам или государственным деятелям, писем в СМИ и т.п. Разного рода художественные тексты, так называемые политические детективы, например, также относятся к периферии поля политического дискурса. Ориентиром в структурировании смыслового поля политики при отборе материала для анализа может служить составление тематического тезауруса, предложенное рядом отечественных исследователей¹⁰. На основе компьютерной обработки большого количества текстов они выдвинули гипотезу относительно набора тем, описывающих текущий политический дискурс. Список, изначально состоявший из 60 тем, не является закрытым и корректируется в сторону расширения. Данный список создан на основе проблем, активно обсуждаемых в сфере публичной политики, и решение их относится к ведению государства и его институтов, например «административная реформа», «проблемы армии», «реформа жилищно-коммунального хозяйства» и т.п.

А.И. Хмельцов предлагает использовать другой способ интерпретации текста как принадлежащего к политическому дискурсу: если ситуация или процесс, породившие текст, нацелены на выполнение функций, реализующих власть или сопротивление ей, то этот текст является политическим. К таким функциям относятся принуждение; сопротивление, оппозиция и протест; «симуляция»; легитимизация и делигитимизация¹¹.

С точки зрения методологии наиболее последовательно разделяются исследования, выполненные в русле традиционного (риторического, семантико-стилистического) метода либо в русле когнитивного подхода. Если первый рассматривает политическую коммуникацию как языковой феномен, то второй – как ментальный. Помимо названных, существуют подходы, ориентированные на различные аспекты исследования. В таких случаях когнитивный метод может совмещаться с критическим анализом дискурса или контент-анализом. Кроме того, появляется все больше работ, авторы которых заявляют об использовании интегрального функционально ориентированного подхода.

Лингвистическое, дискурсивное и коммуникативное исследование политики вобрало в себя

многое из риторической науки, которая переживает сейчас новый расцвет, бурно развивая такие направления, как риторическая критика и неориторика, обращающиеся к психологии, социологии, а также политологии¹². Основателем риторического направления в изучении политической речи считается М. Осборн. Изучив корпус текстов, представлявших собой обращения политиков к электорату, он пришел к выводу, что в политическом дискурсе любой страны, и независимо от исторического периода, присутствуют одни и те же образы. Это базовые метафоры, которые опираются на универсальные архетипы и служат основой для понимания людьми друг друга, в то же время создавая основу для политического воздействия и убеждения. К риторическому направлению относятся также работы Р. Айви, Р.Д. Андерсона, Р. Карпентера, В. Риккерта и др.

Устойчивость интереса к риторике и возможность интегрировать ее в систему современного гуманитарного знания объясняются концептуальной системой данной науки, уходящей корнями в теорию познания, логику, философию и филологию. Со времен Аристотеля риторика рассматривалась как речь, имеющая целью «обратить в свою веру» слушающего, как «искусство говорить хорошо» (Квинтилиан, Цицерон и др. ораторы эллинистической эпохи). Для достижения функции убеждения риторика использовала определенные приемы, огромное внимание уделяя правильному построению текста и употреблению стилистических приемов. Как указывают современные исследователи, в основе неориторических направлений лежит классическая концептуальная система: теория аргументации изучает средства последовательного убеждения аудитории в правильности позиции говорящего¹³; теория фигур (Льежская группа «М», К.П. Зеленецкий, Н.Ф. Кошанский и др.) исследует стилистические возможности усиления воздействующей функции высказывания¹⁴; когнитивная теория мыслеречевой деятельности, рассматривающая процесс порождения текстов, действует в согласии с классическим концептом правильности.

Поскольку важнейшей функцией политического дискурса является убеждение, неудивительно, что в последние десятилетия (в США с 20-х гг. XX в., а в России – с 80-х гг.)¹⁵ активно развивается такое направление, как политическая риторика (работы Н.А. Купиной, А.П. Чудинова)¹⁶. Методы, применяемые в риторических исследованиях, включают в себя три ключевых момента – анализ, жанровую классификацию и оценку высказывания и его структурных частей, – позволяющих установить и описать элементы деятельности, породившей высказывание – субъект, предмет (объект), цель, средство, процедуру, внешние условия и продукт¹⁷. Структурные элементы политического дискурса, представляющие собственно текст, неизбежно изучаются с помощью семантико-

стилистического анализа, традиционно разрабатываемого в филологии. Понимая язык как средство репрезентации значений, исследователи изучают текст как совокупность единиц разных речевых уровней (морфологию, лексику, фразеологию, синтаксис). Специалистов интересуют жанровые особенности политических текстов, их композиция, средства связи между частями, стилистические средства акцентирования смыслов и т.п. Отдельные жанры, как и их стилевые характеристики – протест, предвыборная агитация или полемика, политический скандал, – а также рационально-аналитические – широко представлены в исследованиях¹⁸.

В XX в. ученые пришли к тому, что «объяснение целого ряда языковых феноменов – таких, как оценка, метафоризация, идиоматизация значений – следует искать в когнитивных механизмах обработки знаний»¹⁹. Роль метафоры в познании мира и создании новых понятий, так называемой категоризации действительности, настолько велика, что многие ученые рассматривают политическую коммуникацию вообще в терминах метафоры²⁰. У истоков когнитивной теории метафоры стоят Дж. Лакофф, М. Джонсон, Д. Дэвидсон²¹. В отечественном языкознании в работах В.В. Петрова, А.Н. Баранова, П.Б. Паршина, Д.О. Добровольского излагаются принципы когнитивной теории метафоры. Авторы подчеркивают тот факт, что когнитивная наука сформировалась на стыке нескольких научных дисциплин (философии, логики, лингвистики, психологии, культурологи и др.). Когнитивная наука рассматривает метафору как средство формирования модели знания, позволяющей представить данную систему с помощью системы, принадлежащей к иной сфере опыта, где описываемый элемент представлен более очевидно. Такое понимание метафоры выдвигает на первый план ее роль в формировании концептуальной системы человеческого мышления, что постоянно используется политиками при построении своих речей. Рассматривая метафору широко, как взаимодействие двух смысловых комплексов – источника и цели, куда включаются и другие явления, основанные на переносе значения (метонимии, синекдохи, образные сравнения и фразеологизмы), – ученые были вынуждены в своих исследованиях применять аппарат когнитивной науки, расширяя и дополняя лингвистические семантико-стилистические методы. Это объясняется тем, что «две смысловые составляющие метафоры – содержание vs. фокус и пр. – это знания о мире, а языкознание в традиционном понимании не ставит перед собой цели описания действительности и не обладает соответствующим концептуальным аппаратом»²². Такой подход был апробирован А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским в работе по типологии идиом²³ и в работе А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова по созданию словаря русской политической метафоры²⁴.

Хотя большая часть исследований выполняется на материале современного дискурса, появляются работы, в которых рассматриваются метафоры в диахронии. Исследователи приходят к выводу, что несмотря на присутствие архетипичных метафор во всех культурах во все времена, развитие культуры, науки и техники может воздействовать на их частотность²⁵. Метафорическая система общественных представлений о политической реальности также претерпевает изменения со временем. Американские, а затем голландские исследователи²⁶ доказали, что вариативность системы политических метафор может рассматриваться двояко: 1) как зависимость изменения количества метафор в политическом дискурсе от изменения политической ситуации (например, в периоды выборов или кризисов число метафор заметно увеличивается); 2) как доминирование отдельных метафор и метафорических моделей в различные исторические периоды.

В последнее время, когда язык рассматривается не только как средство репрезентации значений, но и как средство коммуникации, деятельность, исследователи все чаще заявляют о дискурсивном подходе к анализу коммуникативных процессов и явлений, в том числе политических. Дискурс-анализ предполагает совокупность методик и техник интерпретации различного рода текстов и высказываний как продуктов речевой деятельности, осуществляемой в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях. Термин «дискурс» подчеркивает тематическую, предметную и методическую специфику таких исследований, нацеленных на выявление взаимосвязи структуры речевой деятельности с социокультурной средой ее порождения. В книге Л. Филлипс и М.В. Йоргенсен²⁷ дается обзор теории и метода дискурс-анализа, как он представлен в работах зарубежных исследователей. Три подхода к дискурс-анализу – критический, дескриптивный и психологический – описываются комплексно, включая философские (онтологические и эпистемологические) предпосылки, касающиеся роли языка в социальных структурах мира. В рамках дескриптивного подхода особенно детально рассматривается теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф как самая показательная постструктуралистская теория, основанная на идее о том, что дискурс формирует социальный мир с помощью значений²⁸. К вариантам дескриптивного анализа дискурса относятся также комбинаторная теория кризисной коммуникации (ССС-theory), теория дискурсивного понимания метафоры, совмещение анализа политической метафоры с дискурсивной теорией демократизации и подобные²⁹.

При критическом подходе дискурсу приписывается особо активная роль в конструировании политической реальности: «... язык-как-дискурс

одновременно и та форма действия, с помощью которой люди могут изменить мир, и та форма действия, которая сама находится в историческом и социальном контексте и связана диалектическими отношениями с другими аспектами социального»³⁰. Критический анализ политического дискурса изучает способы достижения господства в обществе социальной властью. Существует много вариантов критического анализа, но все они методологически восходят к трем основным школам: когнитивному анализу дискурса Т. ван Дейка, дискурс-анализу Н. Фэркло и немецкой школе критического анализа, включая социолингвистический анализ Р. Водак³¹.

Третий подход к дискурс-анализу, рассмотренный в книге Филлипс и Йоргенсен, – дискурсивная психология, – представляет собой социально-конструкционистскую форму дискурс-анализа, разработанную в социальной психологии. В отличие от когнитивистов это направление «трактует письменную и устную речь как конструкцию мира, сориентированную на социальное действие»³².

Традиционные методы изучения языка политики активно обогащаются достижениями нейролингвистических и психолингвистических теорий (см. обзор в книге Будаева, Чудинова³³).

Наряду с вышеупомянутыми подходами с самого начала становления политической лингвистики (20–50-е гг. XX в.) для изучения политической коммуникации применялись методы количественной семантики, начало которым положил Г. Ласвелл³⁴. Этот ученый, а вслед за ним Н. Лейтес, С. Якобсон и другие выявляли различные взаимосвязи между семантикой языковых единиц и политическими процессами, применяя контент-анализ для исследования общественных представлений о политической картине мира. Суть подхода состояла в группировке различных слов по тем или иным содержательным признакам в категории, затем подсчитывалась частота употребления в тексте выявленных категорий. Сравнивая с нормой частоту употребления слов данной категории конкретным политиком, например, можно судить о его позиции, основаниях аргументации, имплицитных смыслах его дискурса. По мере развития контент-анализа его методы становятся все более трудоемкими, требующими для обработки данных современных технических средств. В своей работе, посвященной анализу политического дискурса³⁵, авторы указывают на недостатки контент-анализа при тематическом мониторинге политического дискурса: «... необходимость “отслеживания” множества тем и их сочетаний делает использование стандартного контент-анализа практически невозможным»³⁶. Авторы разработали новую методологию мониторинга тематики политического дискурса, основной особенностью которой является широкое использование компьютерных методов обработки языковых данных. Контент-анализ соединяется с

методами, используемыми в области информационного поиска, – информационно-поисковым тезаурусом.

Краткий обзор подходов к исследованию политического дискурса демонстрирует отсутствие единых терминологии и методологии. При этом очевидно, что на основе трех базовых подходов (риторического, когнитивного и дискурсивного) и ряда дополнительных методов формируется новая, современная методологическая система. В качестве интегрирующего элемента разных подходов к политическому дискурсу-анализу представляется возможным принять следующий тезис: «... политическая реальность осуществляется и конструируется в дискурсе и через дискурс (политические процессы конституируются и осуществляются через текст)»³⁷, т.е., изучая язык власти, необходимо методы структурного анализа (риторические тактики и стратегии, стилистические приемы, анализ языковых единиц разных уровней) вписать в социокультурный политический контекст.

Рассмотрим применение комплексной методики политического дискурса-анализа на конкретном примере. Проанализируем обращение президента РФ Д.А. Медведева к российскому народу по поводу направления послания президенту Украины³⁸. Данный текст является образцом институционального политического дискурса (президент – первое лицо государства, олицетворение власти). Сюжетной составляющей рассматриваемого дискурса является направление послания президента России руководству Украины, которое содержит резкую критику деятельности первых лиц Украины, что является основанием для отсрочки отправления российского посла в Украину.

Узловой точкой дискурса, вокруг которой организуются основные смыслы («послание», «Россия», «Украина», «отношения»), является внешняя политика. Социально-историческим фоном дискурса являются напряженные отношения между пограничными странами. Доминирующей в смысловой структуре текста является дихотомия «свой – чужой», характерная для политического дискурса. Она четко проявляется в коммуникативных стратегиях позитивной самопрезентации и негативного представления «другого»: «Россия стремится быть прогнозируемым, сильным, комфортным партнером для своих соседей»; «Мы всегда будем дорожить братскими связями с украинским народом...». Украина всячески препятствует установлению добрососедских отношений: «... российским компаниям приходится регулярно сталкиваться с откровенным противодействием со стороны украинских властей...».

Идентичность адресанта формируется вокруг ключевого знака «Россия», противопоставленного другому ключевому знаку – «украинские власти», – причем Россия репрезентируется исключительно

но со знаком «+», а «украинские власти» – со знаком «–»: Дмитрий Медведев прямо говорит, что его послание «содержит ряд сложных, нелицеприятных оценок действий высшего политического руководства Украины». Ключевой знак «Украина» рассматривается отдельно от знаков «украинская власть» и «официальный Киев». Россия и российская власть в лице президента не разделяются, подразумевая единую позицию власти и народа. Употребляя в своей речи местоимение 1-го лица («Я направил свое послание», «Я не раз говорил о том, что...»), президент говорит от лица России, подчеркивая свою ответственность за ситуацию. Согласно дискурсу президента, быть на стороне России – значит, быть на стороне, правой в моральном отношении, проводящей правильную, справедливую политику. Следовательно, принятие позиции украинского руководства является нелегитимным с точки зрения исследуемого дискурса.

Итак, основными функциями президентской риторики являются: 1) презентация своей позиции, реализуемая с помощью аргументации, направленной на ее легитимацию; 2) разоблачение и дискредитация позиции и поведения оппонента. На уровне локальной семантики данные стратегии реализуются с помощью набора риторических тактик.

- Тактика противопоставления действий оппонентов:

Россия стремится быть хорошим партнером – Украина нарушает основополагающие соглашения; Россия празднует юбилей русско-украинского писателя, а Украина проводит кампанию по вытеснению русского языка и культуры; российские миротворцы воюют на стороне народа, подвергшегося нападению, а украинские власти обеспечивают оружием агрессивный режим Саакашвили.

- Тактика дискредитации оппонента на фоне позитивной самопрезентации:

В то время когда Россия дорожит братскими связями с украинским народом, укрепляет гуманитарное сотрудничество, поддерживает украинцев, проживающих в русских городах и верит в возрождение добрых отношений, на Украине искажают историю и исторические факты, препятствуют развитию экономических связей и заключают договоры с другими странами, ущемляющими интересы России.

- Тактика сильного лидера, уверенного в своей правоте:

«Я уверен, что наши отношения с украинским народом переживут любые проблемы»; «Убежден, должны наступить новые времена»; «Я уверен, что многогранные связи России и Украины обязательно вернутся...»

Первые две тактики (самопрезентация и дискредитация оппонента) реализуются в тексте с помощью а) эксплицитно выраженных оценок («уровень [отношений] беспрецедентно низок»; «внешне гладкая риторика украинского руководства плохо сочетается с откровенным искажением

... эпизодов нашей общей истории») и б) образных средств. Концептуальную основу данного дискурса составляют характерные для современности базовые метафоры Верха-Низа («...связи России и Украины обязательно вернутся, но на качественно новый уровень...»), Механизма («... документ, абсолютно не стыкующийся с январскими российско-украинскими договоренностями»; «Напряженность в отношениях России и Украины действительно зашкаливает»), Растения («у нас общие исторические и культурные корни...»), Войны («Киев занял откровенно антироссийскую позицию»), Семьи («великий сын украинского и русского народа...»; «братские отношения»), Дома/Строения («Россия стремится быть прогнозируемым, сильным, комфортным партнером для своих соседей»). Дихотомия «свой (хороший) – чужой (плохой)» распространяется и на выбор ключевых метафор: для описания России используются образы Семьи, Братских/Родственных отношений, Организма, а украинское руководство предстает в образах Войны, Механизма, Болота («отношения с украинским народом ... не утопить в болтовне и псевдоисторических исследованиях»). Стремление как можно более четко и недвусмысленно представить свою позицию проявляется в метатекстовых конструкциях: «хотел бы объяснить», «именно об этом я сегодня хотел сказать».

Тактика сильного лидера реализуется в тексте особым способом. Для этого изменяется модальность повествования – используются отрицательные инфинитивные конструкции и конструкции с модальными глаголами. Фразы приобретают характер заклинаний, появляются повторы и особый ритм: «братские народы не могут быть разобщены»; «наши отношения ... не разрушить...», тем более не утопить в болтовне...»; «должны наступить новые времена». На реализацию этой тактики работает также ссылка на авторитетное лицо, каким является патриарх Кирилл: «Я разговаривал с Патриархом... наши мнения по этому вопросу совпадают...»

Дискурс президента вступает в противоречие с фактом реальной действительности: говоря об озабоченности по поводу плохого состояния отношений между Россией и Украиной и о том, что Россия делает все возможное для их улучшения, Дмитрий Медведев не направляет в Украину российского посла, что служит усилению напряжения между странами. Таким образом, вся аргументация дискурса направлена на оправдание данного поступка. В конце текста она проявляет себя в виде тактики переноса ответственности на другого: «... может быть, мы действуем слишком агрессивно, но в этом виноваты они». Для смягчения основного противоречия используется также тактика уступки – эта мера временная: «Убежден, должны наступить новые времена»; «Он приступит к работе позднее»; «Мы сделаем все от нас зависящее». Такая концовка еще раз подчеркивает

то, что адресант берет на себя ответственность за противоречивую ситуацию и обещает принять меры к ее исправлению. Большая открытость текста, практическое отсутствие имплицитного содержания придают ему убедительность и доказывают отсутствие в данном дискурсе манипулятивной стратегии.

Итак, приведенный пример комплексного анализа фрагмента политического дискурса демонстрирует возможность более полного обнаружения цели высказывания и средств ее достижения. Рассмотрение смысловой структуры текста с помощью разнонаправленных подходов (риторического, семантико-стилистического, когнитивного и дискурсивного) позволяет объективно судить о его внутренней цельности и так называемой валидности – являются ли используемые в нем послылки и способы убеждения непротиворечивым комплексом. Конечно, следует признать, что объединить в каждом конкретном анализе все методики, наработанные в данной области, невозможно. Естественным решением этой проблемы видится четкое формулирование цели исследования, которая и диктует релевантные категории анализа.

Примечания

- 1 См.: Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа). М., 1995.
- 2 С любовью к языку. М., 2002.
- 3 См.: Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006.
- 4 Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998. С. 137.
- 5 См.: Кожемякин Е.А. Дискурс: терминологический статус и коррелирующие понятия («текст», «язык», «мышление», «коммуникация») // Коммуникация в современной парадигме социального и гуманитарного знания: Материалы 4-й Междунар. конф. РКА «Коммуникация – 2008». М., 2008. С. 108.
- 6 Чубарова Ю.Е. Функционально-структурные особенности и просодические средства выражения дискурсивных элементов англоязычного учебно-научного дискурса. Саранск, 2008. С. 17.
- 7 Хмельцов А.И. Когда «они» говорят о «нас»: политический дискурс-анализ и семиотика внешней политики в междисциплинарной перспективе // Актуальные проблемы теории коммуникации: Сб. науч. тр. СПб., 2004.
- 8 Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие / Отв. ред. М.Н. Володина // www.infolex.ru/SMI1.htm. – 12.08.2009.
- 9 См.: Будаев Э.В., Чудинов А.П. Вопросы языкознания.
- 10 См.: Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А., Шипова Е.А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафористики. М., 2004.
- 11 См.: Хмельцов А.И. Вопросы языкознания.
- 12 См.: Бушев А. Неориторические исследования // www.credo-new.narod.ru. – 12.08.2009.

- ¹³ См.: Перельман Х., Бузук Г.Л., Волков А.А., Брутян Г.А. Прагмалингвистический аспект немецкоязычного риторического дискурса // bankrabort.com/.../work_18219.html. – 12.08.2009.
- ¹⁴ См.: Бушев А. Указ. соч.
- ¹⁵ См.: Смолененкова В.В. Понятие риторической критики // Современные вопросы общественно-речевой практики. М., 2005. С. 71–87.
- ¹⁶ См.: Купина Н.А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1998; Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие для студ., асп., преподав.-филол. М., 2006.
- ¹⁷ Смолененкова В.В. Указ. соч.
- ¹⁸ Будаев Э.В., Чудинов А.П. Указ. соч.
- ¹⁹ Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991. С. 45.
- ²⁰ См.: Будаев Э.В., Чудинов А.П. Указ. соч.
- ²¹ См.: Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37; Петров В.В. Понимание метафор: на пути к общей модели // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 165.
- ²² Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М. 1991. С. 115.
- ²³ См.: Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Современная русская идиоматика (проект словаря)//Русская фразеология в контексте культуры. М., 1999.
- ²⁴ См.: Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Указ. соч.
- ²⁵ См.: Osborn M. Archetypical Metaphor in Rhetoric: the Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53.
- ²⁶ См.: Будаев Э.В., Чудинов А.П. Указ. соч.
- ²⁷ Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2-е изд., испр. М., 2008.
- ²⁸ Там же. С. 26
- ²⁹ Там же; Будаев Э.В., Чудинов А.П. Указ. соч.
- ³⁰ Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Указ. соч.
- ³¹ См.: Будаев Э.В., Чудинов А.П. Указ. соч. С. 111.
- ³² Там же. С. 50.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Lasswell H. Power and Personality // Wikipedia, the free encyclopedia. 1948.
- ³⁵ Баранов А.Н. Метафоры в политическом дискурсе: языковые маркеры кризисности политической ситуации // Linguistic Change in Europe. 1990–2000. Wien, 2000; Он же. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2.
- ³⁶ Там же. С. 9.
- ³⁷ Хмельцов А.И. Указ. соч. С. 20.
- ³⁸ <http://blog.kremlin.ru/post/30/transcript>. – 12.08.2009

УДК 316.346.32–053.6:303.446.4 (470+571)

МОЛОДЕЖЬ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (историография проблемы)

В.И. Дорофеев

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: chekmarev@nm.ru

В статье на основе глубокого анализа соответствующей литературы показана степень разработанности такой ныне актуальной и довольно сложной проблемы как политическая модернизация вообще и участие молодежи в модернизационных процессах постсоветской России в частности.

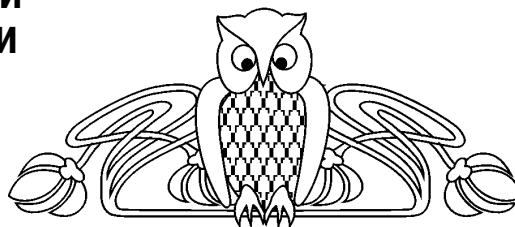
Ключевые слова: модернизация, этапы модернизации, молодежь, Россия.

**Youth Within the Political Modernisation in Russia
(Historiography)**

V.I. Dorofeev

The paper based on the deep analysis of relevant research studies and scholarly works shows the extent to which the complex and important issue of political modernisation has been developed. Particular attention is given to the youth within the modernisation process in Post-Soviet Russia.

Key words: modernization, stages of modernization, youth, Russia.

В начале XXI в. Российское государство после шока либеральных преобразований оказалось в ситуации «стабильной неопределенности» и устойчивого отставания от своих мировых конкурентов (стран Запада, Юго-Восточной Азии и др.), а российское общество – в состоянии напряженного ожидания будущего. В публично-политической риторике современной российской власти произошли значительные изменения по сравнению с лексикой «реформаторской элиты» 1990-х гг. В частности, в средствах массовой информации вместо слова «реформы» все чаще звучит слово «модернизация». Этому есть социально-политическое и психологическое объяснение. В результате политической и экономической практики радикальных преобразований и их катастрофических последствий, как совершенно справедливо отмечает А.В. Матюхин, само слово «реформа» сейчас вызывает стойкое неприятие и

- ¹³ См.: Перельман Х., Бузук Г.Л., Волков А.А., Брутян Г.А. Прагмалингвистический аспект немецкоязычного риторического дискурса // bankrabort.com/.../work_18219.html. – 12.08.2009.
- ¹⁴ См.: Бушев А. Указ. соч.
- ¹⁵ См.: Смолененкова В.В. Понятие риторической критики // Современные вопросы общественно-речевой практики. М., 2005. С. 71–87.
- ¹⁶ См.: Купина Н.А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1998; Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие для студ., асп., преподав.-филол. М., 2006.
- ¹⁷ Смолененкова В.В. Указ. соч.
- ¹⁸ Будаев Э.В., Чудинов А.П. Указ. соч.
- ¹⁹ Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991. С. 45.
- ²⁰ См.: Будаев Э.В., Чудинов А.П. Указ. соч.
- ²¹ См.: Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37; Петров В.В. Понимание метафор: на пути к общей модели // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 165.
- ²² Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М. 1991. С. 115.
- ²³ См.: Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Современная русская идиоматика (проект словаря)//Русская фразеология в контексте культуры. М., 1999.
- ²⁴ См.: Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Указ. соч.
- ²⁵ См.: Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: the Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53.
- ²⁶ См.: Будаев Э.В., Чудинов А.П. Указ. соч.
- ²⁷ Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2-е изд., испр. М., 2008.
- ²⁸ Там же. С. 26
- ²⁹ Там же; Будаев Э.В., Чудинов А.П. Указ. соч.
- ³⁰ Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Указ. соч.
- ³¹ См.: Будаев Э.В., Чудинов А.П. Указ. соч. С. 111.
- ³² Там же. С. 50.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Lasswell H. Power and Personality // Wikipedia, the free encyclopedia. 1948.
- ³⁵ Баранов А.Н. Метафоры в политическом дискурсе: языковые маркеры кризисности политической ситуации // Linguistic Change in Europe. 1990–2000. Wien, 2000; Он же. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2.
- ³⁶ Там же. С. 9.
- ³⁷ Хмельцов А.И. Указ. соч. С. 20.
- ³⁸ <http://blog.kremlin.ru/post/30/transcript>. – 12.08.2009

УДК 316.346.32–053.6:303.446.4 (470+571)

МОЛОДЕЖЬ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (историография проблемы)

В.И. Дорофеев

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: chekmarev@nm.ru

В статье на основе глубокого анализа соответствующей литературы показана степень разработанности такой ныне актуальной и довольно сложной проблемы как политическая модернизация вообще и участие молодежи в модернизационных процессах постсоветской России в частности.

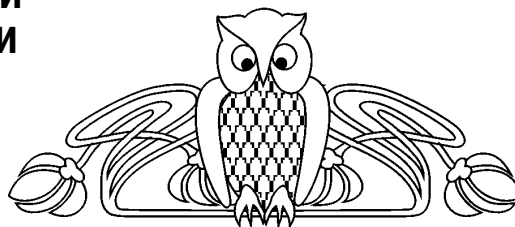
Ключевые слова: модернизация, этапы модернизации, молодежь, Россия.

**Youth Within the Political Modernisation in Russia
(Historiography)**

V.I. Dorofeev

The paper based on the deep analysis of relevant research studies and scholarly works shows the extent to which the complex and important issue of political modernisation has been developed. Particular attention is given to the youth within the modernisation process in Post-Soviet Russia.

Key words: modernization, stages of modernization, youth, Russia.

В начале XXI в. Российское государство после шока либеральных преобразований оказалось в ситуации «стабильной неопределенности» и устойчивого отставания от своих мировых конкурентов (стран Запада, Юго-Восточной Азии и др.), а российское общество – в состоянии напряженного ожидания будущего. В публично-политической риторике современной российской власти произошли значительные изменения по сравнению с лексикой «реформаторской элиты» 1990-х гг. В частности, в средствах массовой информации вместо слова «реформы» все чаще звучит слово «модернизация». Этому есть социально-политическое и психологическое объяснение. В результате политической и экономической практики радикальных преобразований и их катастрофических последствий, как совершенно справедливо отмечает А.В. Матюхин, само слово «реформа» сейчас вызывает стойкое неприятие и

отторжение российского населения¹, подчеркнем, что не только старшего поколения, но и многих молодых людей.

В современной России проживает 39,6 млн молодых граждан, что составляет 27% от общей численности населения страны². По данным исследований НИИ при Институте молодежи, большинство юношей и девушек видит своей родиной Россию. Молодое поколение считает себя главным фактором устойчивости и развития своей страны (68,4%), движущей силой коренных преобразований в обществе. Трудно не согласиться с директором Российского научно-исследовательского центра Б.А. Ручкиным, который считает, что молодежь – это не только будущее, она «живое настоящее и важно понять, насколько уже сегодня молодое поколение определит содержание и характер своего будущего»³. А между тем как в некоторых других регионах, так и, в частности, в Приволжском Федеральном округе, и в Саратовской области конкретно, и сегодня имеет место неудовлетворенность молодежи качеством жизни – материальными условиями, жильем, работой. Достаточно отметить, что в 2007 г. каждый третий безработный в области был молодым человеком в возрасте от 16 до 29 лет⁴. Подобное положение юношей и девушек вряд ли будет способствовать росту их доверия к власти, причём снизу доверху.

Молодежь как стратегический ресурс практически не сберегается. Глобализация дала ей возможность получения образования за рубежом, но это достижение не используется в интересах Российского государства, по-прежнему происходит «утечка мозгов». По различным оценкам, ежегодно от 2,3 до 2,6 млн молодых людей уходят в сферу «теневой экономики». Необходимость сбережения молодежи как важнейшего ресурса модернизации обусловлено многими факторами, и прежде всего демографической ситуацией. Разумеется, реализация национальных проектов, предложенная президентом РФ В.В. Путиным, в последние годы (в смысле прироста населения страны) уже начинает давать позитивные результаты. Но вполне очевидно, что реальное положительное эхо этих проектов будет услышано обществом не ранее чем через 15–20, а то и через 25 лет. А пока что молодежный социум как в целом по стране, так и в Приволжском федеральном округе в частности, согласно среднесрочным прогнозам, будет иметь тенденцию к сокращению. Начиная с 2006 г., как показывают расчеты, численность молодежи в названном округе будет сокращаться в среднем на 1,5–2%. Если ныне в округе проживает более 8 млн молодых граждан, то через 5–6 лет, по оценке специалистов, численность их не будет превышать 7 млн человек⁵.

Нельзя недооценивать важности молодежного социума и с точки зрения трудностей, особенностей модернизационных процессов в России, связанных со специфическими чертами политического и хозяйственного строя, природно-

географическими факторами, историческими традициями. В своей докторской диссертации Т.А. Яшкова к числу основных особенностей, и с ней трудно не согласиться, относит⁶:

– огромные размеры территории при относительно небольшом населении (большие расстояния затрудняют обмен, увеличивают транспортные расходы, тормозят формирование общенационального рынка);

– обилие климатических поясов, преобладание зон рискованного земледелия, что обуславливало многоукладность хозяйственной системы, ограниченность прибавочного продукта (выход растительной биомассы в России в среднем в 2–2,5 раза ниже, чем в европейских странах, и в 3–5 раз меньше, чем в субтропических странах Дальнего Востока и основной части США; холодные зоны увеличивают энергозатраты, что снижает рентабельность на мировом уровне; на 70% территории России пахотные культивируемые земли занимают всего 13–15%, тогда как, например, в Голландии, соответственно, 95%). Здесь же заметим, что подобные факты приводил А.П. Паршев в своей монографии «Почему Россия не Америка», которая вышла в свет в Москве еще в 2001 г.

Итак, «модернизация» вместо «реформы». Хотелось бы видеть, что это не простая «смена вывесок» для современной политической практики. Но возникает ряд логических вопросов. Есть ли у сегодняшней российской элиты системное, научное видение модернизационной проблематики? Не понимается ли под «модернизацией» – как у предшественников во власти – лишь слепое копирование «западных образцов»? Имеется ли представление о западных и отечественных теориях модернизации?

Подчеркнем, что общая теория модернизации прошла длительную эволюцию, в ходе которой наполнялась новым содержанием, радикально меняла свои направленность и структуру. В научной литературе достаточно источников, посвященных анализу проблем политической модернизации, которые позволяют осмыслить основу данного процесса. Первопроходцами модернизационной проблематики могут, с полным на то основанием, считаться классики современной социологии и политологии К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм и другие с их концепциями «архаичной» (первичной) и «вторичной» общественных формаций, «рационализации», «механическо-органической солидарности» и морального индивидуализма⁷.

Огромный вклад в понимание целей, средств, этапов и разновидностей модернизации был сделан такими известными учеными, как Г. Алмонд, Р. Арон, Д. Белл, С. Блек, Л. Биндер, Т. Веблен, С. Верба, Р. Инглхарт, Д. Коулман, Л. Пай, Т. Парсонс, Д. Лапаламбара, М. Леви, У. Ростоу, А. Турен, Ю. Хабермас, Ш. Эйзенштадт, В. Цапф, Д. Эптер, С. Хантингтон. Изучая тенденции и закономерности политического развития освободив-

шихся стран Азии, Африки, Латинской Америки, они дали определение и типологию модернизации, выявили проблемы и трудности ее реализации⁸.

Общая теория модернизации получила мощный толчок в 1990-е гг. под влиянием событий в Восточной Европе, Китае и России. Многие авторы, изучающие модернизационные процессы этого периода, отмечают сложность и многомерность понятия модернизации⁹. Так, немецкий политолог К. Оффе дал характеристику восточно-европейской трансформации. Согласно его исследованиям, в Восточной Европе произошла «тройная модернизация», которая потрясла экономическую, политическую и территориальную сферы. Несмотря на известную популярность и поддержку в научных кругах (В. Банс, Ф. Редер), данная концепция не смогла объяснить природу широкомасштабных преобразований, происходящих прежде всего в посткоммунистическом мире. В этой связи особое внимание исследователей было обращено на несхожесть процессов, протекающих в двух державах посткоммунистического пространства – России и Китае¹⁰.

Что касается российских исследователей, то проблемы модернизации в их основательном ракурсе они стали разрабатывать в начале 90-х гг. XX столетия. Среди работ российских авторов в этой области наибольший интерес представляют публикации Г.И. Вайнштейна, В.Я. Гельмана, Ю. Красина, А.Ю. Мельвиля и другие¹¹. О широте исследований отечественных авторов в значительной степени свидетельствуют вводимые в научный оборот понятия модернизации. В целом ряде работ, научных статей фигурируют такие понятия модернизации, как «архаичная» (А.С. Ахиезер), «рецидивирующая» (Н.Ф. Наумова), «теория конституционных циклов» (А.Н. Медушевский), «законы модернизаций» (Л.И. Блехер), «возможности модернизаций» (Г.Ю. Любарский)¹². Проблемам взаимосвязи модернизации и цивилизации много внимания уделял А.С. Панарин¹³. Ряд авторов рассматривает модернизацию с точки зрения конфликтов ценностей¹⁴.

Весьма интересен социально-философский подход к осмыслению проблем модернизации. Так, В.Н. Шевченко утверждает, что теория модернизации призвана свести до минимума рассуждения об исторических последствиях взаимодействия Запада с подавляющим большинством стран (метрополия – колонии). В качестве основного недостатка теории модернизации автор усматривает «недооценку неравномерности исторического развития разных стран и народов». На наш взгляд, В.Н. Шевченко справедливо подчеркивает идеологическую направленность теории модернизации, главная цель которой, по его мнению, состоит в том, чтобы вызвать «у народов, осуществляющих реформы, комплекс неполноценности». Выступая в целом против применения термина «модернизация», автор предлагает использовать «теорию устой-

чивого развития современного общества»¹⁵. В этом случае мы не можем согласиться с таким подходом в силу следующих обстоятельств.

Понятие «модернизация» в широком смысле слова как необходимое, обусловленное временем, внутренними обстоятельствами, а не внешними факторами, уже вошло в научный оборот и подмена его иными терминами внесет путаницу в понятийный аппарат. К тому же теория устойчивого развития содержит иную смысловую нагрузку стабильности (устойчивость), в то время как модернизация предполагает прежде всего изменение, преобразование, переход в иное качество. Поэтому мы считаем целесообразным сохранить утвердившийся в зарубежной литературе термин «модернизация», но наполнить его отвечающим времени содержанием и прежде всего освободить от детерминации идеологического фактора.

Необходимо признать также, с одной стороны, объективную обусловленность процесса модернизации, а с другой – признать право самих стран на преобразования, независимо от внешних факторов влияния. Главным критерием успеха модернизации должны быть приоритет национальных ценностей и уровень жизни населения страны. Если при жизни одного поколения при всех модернизационных преобразованиях уровень жизни населения страны повышается и сохраняется суверенитет государства, такая модернизация должна быть признана правомерной, даже если на ее начальном этапе имели место негативные факторы.

Из числа последних работ, авторы которых анализируют нынешнее состояние модернизационных процессов в России, наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляют докторские диссертации по политическим наукам А.В. Матюхина¹⁶ и Т.А. Яшковой¹⁷. В них дается анализ динамики политической модернизации в стране, показываются характерные особенности этого процесса, раскрывается российский потенциал развития в контексте современной политической модернизации. Подчеркивается, что процессы модернизации экономической, политической, социальной областей жизни российского общества во многом носят противоречивый и бессистемный характер. Авторы приходят к выводу, что взятая на вооружение в 1990-х гг. либеральная модель, легшая в основу модернизации России, слабо отвечает историко-культурным традициям и требованиям современного развития.

В начале XXI в. заметно активизировалось изучение проблем молодежи в тех или иных процессах модернизации общества. Однако со всей ответственностью можно утверждать, что целостного осмысления молодежного социума как важнейшего ресурса модернизационных процессов по существу так и не произошло. В отечественной литературе, в специальных научных исследованиях имеют место весьма разные высказывания, начиная от трагического осуждения

современного состояния в молодежной среде и заканчивая оптимистическими прогнозами по поводу будущего. Особняком в этих исследованиях оказались труды, главной задачей которых были выработка новой концепции молодежной политики и практическая работа по формированию и сохранению необходимых институтов управления процессами, происходящими в молодежной среде.

Более предметны и прагматичны в исследовании проблем молодежи и ее роли в преобразовательных процессах авторы политологических сочинений. Так, в работе Л.А. Рахимовой¹⁸ вполне обоснованно утверждается, что молодежь должна быть не только объектом интеграционных процессов, но и субъектом, способным ускорять или замедлять интеграцию общества либо изменять направленность этого процесса. Более того, по ее мнению, молодежь является преобразователем социальной культуры и организации общества, т.е. выступает в роли объективно-субъективного трансформатора, предопределяет социальный прогресс. Автор делает оптимистический вывод о том, что современная российская молодежь лидирует среди социальных групп в адаптации к новой реальности рыночных отношений (по стремлению к материальной состоятельности, ориентации на труд, потребительским ориентациям), к политической реальности либерального, демократического государства (ориентации на свободу, независимость, высокая оценка самостоятельности).

Анализ соответствующей литературы свидетельствует о том, что политология как наука явно лидирует среди гуманитарных наук в осмыслении феномена молодежи в качестве субъекта или ресурса модернизационных процессов. Выявлены наиболее существенные проблемы, решение которых в дальнейшем может обеспечить трансформацию молодежной среды в мощный фактор преобразующей деятельности. Среди них проблемы властных отношений, институционализация молодежного социума, молодежный экстремизм и протестные настроения, национальные и религиозные тенденции в молодежной среде. Но самое главное в политологических исследованиях современного периода состоит в том, что именно политическая наука предложила обществу концепции подготовки молодежи к выполнению роли стратегического ресурса общества. Более того, стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации была утверждена распоряжением Правительства РФ в декабре 2006 г.

Можно с полным основанием считать, что политологические исследования в последние годы сделали мощный рывок не только в понимании роли и задач молодежи в модернизирующейся России, но и сформировали вектор преобразовательной деятельности молодого поколения¹⁹. Что же касается отдельных исследований, то каждое из них несет в себе ту или иную определенную смысловую нагрузку. Например, И.Н. Кольжан-

нова обращает внимание на такие положительные моменты в модернизирующейся России, как омоложение властных структур, проникновение молодежи в социоактивные группы предпринимателей, менеджеров, формирование новых образцов политической культуры, создание собственных молодежных организаций, выдвижение политических лидеров, структурирование молодежных политических элит²⁰. Вместе с тем данное исследование не лишено противоречия. В частности, опираясь на данные социологических опросов лидеров общественных молодежных организаций, автор убедительно доказала деятельный характер политического участия современной молодежи. С другой стороны, характеризуя политические ориентации современной молодежи, она опускает открытой ею деятельный характер политического участия современной молодежи. Первая, по ее мнению, это безысходность и неверие в свои силы, аморфность и размытость идеалов. Вторая – агрессивность и репрессивность сознания. Вероятно, целесообразно было бы выделить и третью тенденцию – сознательного политического действия и растущей политической активности в тех или иных модернизационных процессах общества.

Не оставляют без внимания политологи и такую ныне актуальную проблему с точки зрения модернизационных процессов, как проявление молодежного политического и национального экстремизма. Отметим в этом плане прежде всего кандидатскую диссертацию Е.Н. Гречкиной²¹. Вскрывая причины молодежного политического экстремизма, автор предлагает рассматривать их в первую очередь сквозь призму процессов глобализации и только после этого выработать основные методы борьбы и предупреждения названных явлений. В авангарде этой борьбы, считает автор, должно быть государство с его экономическими, социальными, юридическими, культурно-информационными и административно-силовыми ресурсами. Специфика молодежного восприятия национального экстремизма достаточно предметно выявлена в исследованиях А.С. Панарина. На основе социологических опросов автор пришел к выводу, что в будущем маловероятен выбор русских в пользу конфликта, завершающегося насилием. Защита национального достоинства молодыми людьми не увязывается с организованной политической борьбой, а является делом сугубо личным – спонтанным индивидуальным действием. Такая модель поведения может обеспечить желаемый результат лишь при условии что ее будут придерживаться все участники конфликта. «Молодые люди, – подчеркивает автор, – остаются в стороне от националистических проектов, грозящих человеческой и национальной безопасности. Но из-за своей отстраненности они не образуют и отряда активных защитников безопасности»²². Полагаем, что данный вывод должен найти свое отражение при формировании современной молодежной политики в России.

Среди работ, посвященных молодежной теме, выгодно выделяется монография «Молодежь в современном политическом процессе в России» М., 2006. Ее авторы О.М. Карпенко и И.А. Ламанов показывают влияние политических партий на молодежный ресурс, раскрывают феномен лидерства молодежного движения, освещают прикладные аспекты привлечения молодых граждан к выборам 2003–2004, 2007–2008 гг. Работа привлекательна тем, что в ней дается анализ политической активности молодежи, рассматриваются технологии привлечения юношей и девушек к участию в современных политических процессах в стране.

Заметный вклад в разработку тех или иных сюжетов означенной нами проблемы вносят ученые кафедры политических наук Саратовского государственного университета. В исследованиях В.М. Долгова²³, В.И. Дорофеева, О.В. Суровой, Э.В. Чекмарева показаны социальная и политическая активность молодежи, политико-правовые основы и формы ее политического участия в условиях транзитивности российского общества, рассматривается политическая социализация молодых людей, роль студенческой молодежи в становлении и развитии в стране гражданского общества.

Таким образом, историографический анализ литературы по исследуемой теме позволяет сделать вывод о том, что изучению таких проблем, как политическая модернизация, место молодежи в модернизационных процессах постсоветской России, ученые уделяют достаточно внимания, результаты такой работы имеют научное и практическое значение. Они помогают глубже и полнее раскрыть сущность названных процессов, шире использовать на практике наиболее эффективные формы и методы вовлечения молодежи в модернизацию современной России. Вместе с тем анализ соответствующей литературы свидетельствует и о том, что в целом названная проблема не получила должного развития, многие вопросы этой многогранной темы практически только обозначены. С нашей точки зрения предстоит, прежде всего, дальнейшая разработка теории, методологии, методических принципов исследования политической модернизации российского общества. И сегодня многие направления, формы и методы вовлечения молодых людей в модернизацию страны не получили раскрытия и должного обобщения, хотя в этом, как нам представляется, есть настоятельная необходимость.

Примечания

- 1 См.: Матюхин А.В. Теории и особенности политической модернизации в России XIX–XX вв.: Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2006. С. 3.
- 2 См.: Апатенко С.Н. О концепции Федеральной целевой программы «Молодежь России на 2006–

2010 годы // Вестник молодежной политики. 2005. № 10. С. 36–39.

- 3 Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Социально-политические процессы в меняющемся мире. Тверь, 2000. С. 90.
- 4 См.: Утенков Г.Н., Федин С.А., Чекмарев Э.В. Молодежная политика в Саратовской области (информационно-аналитический обзор). Саратов, 2007. С. 56.
- 5 <http://www.globaleducation.ru/>
- 6 См.: Яшкова Т.А. Воздействие глобальных трансформационных вызовов на процесс политической модернизации России: Дис. ... д-ра полит. наук. Москва, 2007. С. 205.
- 7 См.: Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, 26; Критика политической экономии (Черновой набросок 1857–1858) // Там же. Т. 46. Ч. I; Вебер М. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории / Пер. с нем. СПб., 1974; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. М., 1991.
- 8 См.: Apter D. The politics of modernization. Chicago; L., 1965; Huntington S.P., Nelson G.M. No easy choice: political participation in developing countries. Cambridge, 1976; Huntington S.P. Will more countries become democratic? // Political science quarterly, 1984. Vol. 99. P. 2.
- 9 Принято считать, что одно из наиболее полных определений модернизации дал еще в 1960-е гг. Ш. Эйзенштадт: «Историческая модернизация, – отмечал он, – это процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с семнадцатого по девятнадцатый век и затем распространились на другие европейские страны, а в девятнадцатом и двадцатых веках – на южноамериканский, азиатский и африканский континенты» (Eisenstadt S.N. Op. cit. P. 1).
- 10 См.: Вайнштейн Г.И. Закономерности и проблемы посткоммунистических формаций // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна, 2001. С. 144–145.
- 11 См.: Вайнштейн Г.И. Указ. соч.; Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации: наброски и теории // Полис. 2001. № 1; Мельвиль А.Ю. Демократический транзит в России – сущностная неопределенность процесса и его результатов. М., 2002.
- 12 См.: Обновление России: трудный поиск решений: Годичные чтения в российском независимом институте. М., 1994. Вып. 2.
- 13 См.: Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе. М., 1995.
- 14 См.: Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1993.
- 15 См.: Модернизация и национальная культура. Материалы теоретического семинара. М., 1995. С. 72.
- 16 См.: Матюхин А.В. Указ. соч.
- 17 См.: Яшкова Т.А. Указ. соч.
- 18 См.: Рахимова Л.А. Политическая социализация молодежи: механизмы и модели: Дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2006.
- 19 См.: Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации. М., 2005.

- ²⁰ См.: Кольжаннова И.Н. Общественно-политические молодежные движения в современной России: массы, элиты, лидеры: Дис. ... канд. полит. наук. Ростов на/Д, 2006.
- ²¹ См.: Гречкина Е.Н. Молодежный политический экстремизм в условиях трансформирующейся российской действительности: Дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2006.
- ²² Панарин А.С. Молодежь, национализм и безопасность (по материалам опросов в России и Казахстане) // Вестник Евразии. 2000. № 3 (10). С. 111.
- ²³ См.: Долгов В.М. и др. Студенческая молодежь в гражданском обществе. Саратов, 2003; Дорофеев В.И. Переход к рынку и социальные проблемы рабочей молодежи // Проблемы политологии и политической истории. Саратов, 1993; Дорофеев В.И., Чекмарев Э.В. Политическая активность студенческой

молодежи в формировании российского гражданского общества // Актуальные проблемы современной науки. М., 2003. № 1; *Они же*. Политическое участие молодежи в условиях транзитивности российского общества (региональный аспект) // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2007. Т. 7. Вып. 1; Сурова О.В. Политическая социализация молодежи. Саратов, 2004; Чекмарев Э.В. Политическое участие молодежи в постсоветский период (на материалах Саратовской области 90-х гг.): Дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2003; *Он же*. К вопросу методологии исследования политического участия молодежи // Проблемы политики и политологии: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2004. № 13; *Он же*. Молодежная политика в условиях глобализации: поиск новой концепции // Перспективы политического развития России: Материалы всерос. конф. Саратов, 2007.

УДК 32 – 053.81 (470+571)

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕСУРСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Э.В. Чекмарев, А.С. Попова

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: chekmarev@nm.ru; sarmolod@list.ru

В статье показана трансформация участия молодежи в модернизационных процессах современного российского общества; выявлены этапы модернизации современной России и показана специфика участия молодежи в политической жизни на разных этапах; вскрыты изменения в политической культуре и политическом участии молодых людей; высказаны рекомендации по повышению эффективности молодежного ресурса в условиях транзитивности современной России.

Ключевые слова: модернизация, этапы модернизации, политический ресурс, молодежь.

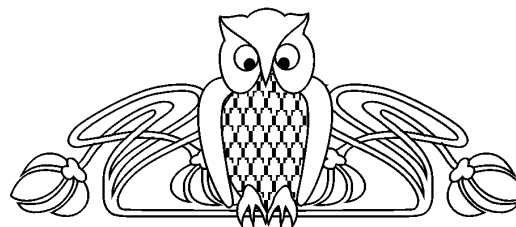
Stages of Youth Political Resource Foundation in Modern Russia

E.V. Chekmarev, A.S. Popova

In this article transformation of youth participation in modernization processes of contemporary Russian society is shown; stages of modernization in today's Russia and peculiarity of the youth participation in different stages of political life are revealed; changes of youth political culture and participation are figured out; recommendations for promotion efficiency of youth resource in conditions of modern Russian transitivity are made.

Key words: modernization, stages of modernization, political resource, youth.

Опыт современных модернизаций в целом ряде стран, в том числе и в России, демонстрирует их многофакторный характер. Модернизи-

рующимся странам приходится своевременно отвечать на вызовы не только внутреннего, но и внешнего порядка. Мировой экономический и финансовый кризис, взаимосвязанность глобализирующегося мира до предела обострили проблему качества молодежного социума и его способности завершить начатые преобразования, сделать Россию великой державой, научиться квалифицированно управлять политическими процессами. Решать эти сложные задачи молодым людям придется в условиях небывалого сокращения численности молодежи. По данным ООН, к 2025 г., по сравнению с нынешними днями, юношей и девушек в России в возрасте 20–25 лет станет на 44% меньше¹. Только новые качественные стандарты молодежного ресурса страны в состоянии дать ответ на вызов времени. Залогом на пути совершенствования российского общества становится государственная политика, обозначенная в целом ряде современных документов, в том числе и в Послании Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию в ноябре 2008 г. В нем особо подчеркнута, что в первую очередь необходимо «открыть дорогу способным и деятельным молодым людям. Они – ровесники новой демократической России. В них ее открытость, ее свободный дух, стремление ко всему передовому. И им придется нести ответственность за сохранение наших фундаментальных ценностей»².

- ²⁰ См.: Кольжаннова И.Н. Общественно-политические молодежные движения в современной России: массы, элиты, лидеры: Дис. ... канд. полит. наук. Ростов на/Д, 2006.
- ²¹ См.: Гречкина Е.Н. Молодежный политический экстремизм в условиях трансформирующейся российской действительности: Дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2006.
- ²² Панарин А.С. Молодежь, национализм и безопасность (по материалам опросов в России и Казахстане) // Вестник Евразии. 2000. № 3 (10). С. 111.
- ²³ См.: Долгов В.М. и др. Студенческая молодежь в гражданском обществе. Саратов, 2003; Дорофеев В.И. Переход к рынку и социальные проблемы рабочей молодежи // Проблемы политологии и политической истории. Саратов, 1993; Дорофеев В.И., Чекмарев Э.В. Политическая активность студенческой

молодежи в формировании российского гражданского общества // Актуальные проблемы современной науки. М., 2003. № 1; *Они же*. Политическое участие молодежи в условиях транзитивности российского общества (региональный аспект) // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2007. Т. 7. Вып. 1; Сурова О.В. Политическая социализация молодежи. Саратов, 2004; Чекмарев Э.В. Политическое участие молодежи в постсоветский период (на материалах Саратовской области 90-х гг.): Дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2003; *Он же*. К вопросу методологии исследования политического участия молодежи // Проблемы политики и политологии: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2004. № 13; *Он же*. Молодежная политика в условиях глобализации: поиск новой концепции // Перспективы политического развития России: Материалы всерос. конф. Саратов, 2007.

УДК 32 – 053.81 (470+571)

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕСУРСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Э.В. Чекмарев, А.С. Попова

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: chekmarev@nm.ru; sarmolod@list.ru

В статье показана трансформация участия молодежи в модернизационных процессах современного российского общества; выявлены этапы модернизации современной России и показана специфика участия молодежи в политической жизни на разных этапах; вскрыты изменения в политической культуре и политическом участии молодых людей; высказаны рекомендации по повышению эффективности молодежного ресурса в условиях транзитивности современной России.

Ключевые слова: модернизация, этапы модернизации, политический ресурс, молодежь.

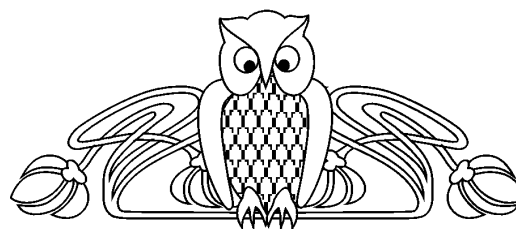
Stages of Youth Political Resource Foundation in Modern Russia

E.V. Chekmarev, A.S. Popova

In this article transformation of youth participation in modernization processes of contemporary Russian society is shown; stages of modernization in today's Russia and peculiarity of the youth participation in different stages of political life are revealed; changes of youth political culture and participation are figured out; recommendations for promotion efficiency of youth resource in conditions of modern Russian transitivity are made.

Key words: modernization, stages of modernization, political resource, youth.

Опыт современных модернизаций в целом ряде стран, в том числе и в России, демонстрирует их многофакторный характер. Модернизи-

рующимся странам приходится своевременно отвечать на вызовы не только внутреннего, но и внешнего порядка. Мировой экономический и финансовый кризис, взаимосвязанность глобализирующегося мира до предела обострили проблему качества молодежного социума и его способности завершить начатые преобразования, сделать Россию великой державой, научиться квалифицированно управлять политическими процессами. Решать эти сложные задачи молодым людям придется в условиях небывалого сокращения численности молодежи. По данным ООН, к 2025 г., по сравнению с нынешними днями, юношей и девушек в России в возрасте 20–25 лет станет на 44% меньше¹. Только новые качественные стандарты молодежного ресурса страны в состоянии дать ответ на вызов времени. Залогом на пути совершенствования российского общества становится государственная политика, обозначенная в целом ряде современных документов, в том числе и в Послании Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию в ноябре 2008 г. В нем особо подчеркнута, что в первую очередь необходимо «открыть дорогу способным и деятельным молодым людям. Они – ровесники новой демократической России. В них ее открытость, ее свободный дух, стремление ко всему передовому. И им придется нести ответственность за сохранение наших фундаментальных ценностей»².

Оценивая модернизационные процессы политического становления молодежи за последние 15 лет, выделим этапы модернизации в России:

1) модернизация, осуществляемая в 1990–1995 гг., может быть названа модернизацией прорыва;

2) модернизация 1996–1999 гг. может характеризоваться как модернизация сознания широких масс населения;

3) стабилизирующая модернизация, на наш взгляд, стала формироваться с начала нового века и продолжалась до 2005 г.;

4) в настоящее время, точнее с 2005 г., идет становление современного этапа модернизации.

Основное отличие современной модернизации России от прежних ее волн состоит прежде всего в том, что она развернулась в условиях мирного времени, однако по своим разрушительным последствиям она сопоставима с войной. Что же касается морального состояния общества, положение было еще хуже. В ходе войны происходило единение народа, в ходе модернизации первого этапа – раскол общества, углубление конфликтов межпоколенческих, этнических, религиозных, социальных. Передел собственности, общественных отношений, безвластие, деидеологизация этого этапа наложили определенный отпечаток на формирование мировоззрения молодого поколения, поэтому корни современного экстремизма находятся именно там. В демографической структуре экстремизма преобладают молодые люди в возрасте до 30 лет³.

Распад молодежных организаций, ослабление патерналистской политики государства делали молодежь уязвимой в определении собственной позиции в меняющемся мире. На фоне зарождающейся многопартийности появилась тенденция отношения к молодежи, которую сами молодые люди расценили как «борьбу за голоса» молодежного социума⁴. Социальные институты – семья, школа, армия, церковь – оказались разобщенными и не смогли стать «компасом» для российской молодежи.

Ситуация усугубилась и резким отставанием провинции от центра. В своем социальном подвижничестве и в политическом оживлении, как достаточно метко подчеркнули С.И. Барзилов и А.Г. Чернышев, современная российская провинция незаметно для себя «проскочила» уже два этапа идеологического процесса. Для первого этапа, отмечают указанные авторы, характерно внедрение в провинциальный менталитет леворадикальной идеологии, а в столичный – либерально-антикоммунистической. На втором этапе произошло оформление мировоззрения демократической номенклатуры. Это дало возможность административными средствами с помощью СМИ влиять на умонастроения молодежи⁵.

Колоссальная ошибка содержания модернизации начала 1990-х гг., как нам представляется, состояла в том, что социальные издержки

экономических реформ затронули молодежь, не обладающую политическим весом и не имеющую рычагов политического влияния на власть. Как обоснованно утверждает З. Романова, «шоковая терапия в ее чистом виде – это разновидность экономического насилия»⁶. Если бы не самоотверженная помощь со стороны старшего поколения, и прежде всего родителей, Россия уже к середине 90-х гг. могла бы столкнуться с молодежным бунтом. Согласно социологическим опросам, в помощи родителей реально нуждались 93% молодых людей⁷. Существенно выделялась в этом отношении сельская молодежь, которая еще больше нуждалась в попечении родителей. По нашим опросам, на помощь родителей в получении, например, образования надеются свыше 90% сельских юношей и девушек. Помощь родителей исключительно высока в решении жилищных проблем молодежи. В начале 1990-х гг. среди молодежи почти половина (43%) имела комнату в квартире родителей, 6,6% жили в общей комнате с родителями, 21% – проживали в общежитии и 17% молодых людей, или каждая тринадцатая молодая семья, вынуждены были снимать жилье⁸. Таким образом, первый этап модернизации России для молодежи оказался противоречивым. С одной стороны, она приняла идеи модернизации и демократизации, а с другой – оказалась под прессом проводимых в стране преобразований.

Второй этап (1996–1999 гг.) характеризуется стабилизацией общественных отношений. Применительно к молодежи сделаны попытки определения роли молодых людей в законодательном обеспечении. Центральным императивом в формировании нормативной базы молодежной политики является Конституция РФ. Статьи 6, 7, 13, 28, 29, 30, 31, 38, 43, 45 и 46 прямо или косвенно затрагивают права молодежи и являются определяющими в развитии нормативного обеспечения молодежной политики. С точки зрения отраслевого подхода молодежная политика в Российской Федерации осуществляется в соответствии с Постановлением Верховного Совета РФ от 3 июня 1993 г. № 5090-1 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в РФ», Федеральным законом от 28.06.1995 г. № 98-ФЗ (ред. от 22.08.2004 г.) «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений». Так, например, на территории Саратовской области действуют законы «О молодежной политике в Саратовской области» от 09.10.2006 г. № 94-ЗСО, «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений Саратовской области» от 24.20.2001 г. № 50-ЗСО (ред. от 21.12.2004 г.), а также областная целевая программа «Молодежь Саратовской области» на 2009–2011 гг., принятая законом Саратовской области от 03.12.2008 г. № 324-ЗСО, которая отражает деятельность государства, направленную на создание правовых, экономических, организационных условий и гарантий для самореализации

личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений, инициатив⁹. Все это способствовало оформлению молодежи как активного политического актора. В частности, в Постановлении Верховного Совета Российской Федерации «Об основных направлениях государственной молодежной политики в РФ» были определены приоритеты привлечения молодых граждан к непосредственному участию в формировании и реализации политики, среди них: приоритет общественных объединений молодежи и принципы государственной молодежной политики; сочетание государственных, общественных интересов и прав личности; привлечение разнообразных молодежных инициатив¹⁰.

Была разработана Федеральная программа «Молодежь России». В духе модернизационных процессов были определены механизмы реализации молодежной программы, среди которых особая роль была отведена ежегодным субсидиям молодежным и детским объединениям, освобождению их от налогообложения, бесплатному пользованию помещениями и финансированию проектов и программ молодежных и детских организаций¹¹.

В соответствии с новыми документами федеральной значимости появились нормативные документы органов власти субъектов Федерации по поддержке деятельности молодежных и детских объединений, например: «Положение о государственной финансовой поддержке (субсидии) молодежных и детских организаций Свердловской области» (1994), Распоряжение администрации Кировской области «О создании областного фонда молодежных программ» (1993), «Положение об условиях и порядке финансирования из городского бюджета ... молодежной политики в 1994 году» (г. Новосибирск) и др. Таким образом, стал формироваться ресурсный потенциал молодежи.

К концу второго модернизационного этапа молодежь сделала свой политический выбор. Социологические исследования, проведенные в России в 1999 г., показали, что молодое поколение в большинстве принимает идеи демократического общества, свободу мнений, свободу выбора собственного пути. Приверженцев рыночной экономики и демократического устройства оказалось 42,84%¹². Опросы, проведенные в 1997 г. в Саратовской области, выявили доверие демократическому выбору 30% респондентов¹³.

Особое внимание использованию молодежного потенциала в избирательных кампаниях было уделено в 1999 г. в связи с парламентскими и президентскими выборами. Впервые в Думе сторонники правительства и реформ оказались в большинстве. В.В. Путин, получив кредит доверия от всех парламентских фракций, обозначил курс на омоложение кадров. Президент сделал ставку на разъяснение политического курса страны и объяснение мотивов своих действий, подтвердив приверженность демократии и свободе. Был взят курс

на социальное примирение. Новая российская символика – российский триколор и двуглавый орел на гербе – соединилась с музыкой советского гимна с новыми словами.

Начало третьему этапу модернизации страны положило выдвижение на предстоящие выборы президента РФ кандидатуры В.В. Путина, который 26 марта 2000 г. победил уже в первом туре. В ряде регионов страны одиннадцатиклассники начали сдавать единый государственный экзамен. Новшество позволило облегчить поступление провинциальной молодежи в вузы. Был принят закон об альтернативной службе, начат эксперимент по формированию армии на контрактной основе. В реализации приоритетных национальных проектов (ПНП) исключительное место стало отводиться молодежи. И не случайно в трех приоритетных национальных проектах предусмотрены направления, целевой группой которых является непосредственно молодежь, это: 1) «Оказание бюджетной поддержки в приобретении жилья молодым семьям» ПНП «Жилье»; 2) «Обеспечение жильем молодых специалистов (или их семей) на селе» ПНП «Развитие АПК»; 3) «Поддержка талантливой молодежи» ПНП «Образование».

Молодое поколение начала XXI в. столкнулось с проблемой не только модернизации, но и глобализации. В документе «Национальная доктрина образования в РФ» подчеркивалось, что одной из основных задач государства в сфере образования является интеграция российской системы образования в мировое образовательное пространство с учетом отечественного опыта и традиций¹⁴.

В настоящее время, точнее, с 2005 г., идет становление современного этапа модернизации. В этот период, как свидетельствуют социологические опросы молодежи, проведенные в 2005–2006 г. исследовательской группой «ЦИРКОН», интерес к политике у молодежи достаточно устойчив. Главными ценностями для молодых людей являются учеба, образование, семья, дети, дом, работа и карьера. С точки зрения форм политического участия наибольший рейтинг получили выборы. Самыми низкими рейтингами отличились такие формы политического участия, как обращения, петиции, участие в забастовках и деятельности политических партий¹⁵. Модернизационное сознание молодежи проявилось, прежде всего, в переходе от мобилизационного политического участия к индивидуальному выбору. Самое меньшее число респондентов отметило, что к политическому участию их «принудили», и абсолютное большинство объяснило политическое участие следующими мотивами: «мне это интересно», «хотел изменить жизнь к лучшему», «хотел решить проблему, которая меня волнует»¹⁶.

Исследования обнаружили формирование «системного» характера политического участия в партийных структурах. Главными системообразующими факторами, на наш взгляд, в работе

политических партий являются привлечение в свои ряды молодежи, предоставление ей определенной сферы деятельности, использование энергии молодых людей в проведении всевозможных политических акций. Пожалуй, наиболее показательными в партийном влиянии на молодежь являются выборы и формирование молодежного кадрового резерва.

Политические партии, вошедшие в Государственную Думу в декабре 2007 г., сумели, разумеется в разной мере, использовать молодежный электорат за счет включения в партийные списки представителей молодежи. Самым обширным является список «Единой России». Он включал в себя 600 кандидатов, из которых 44 были молодыми людьми, что составило 7,3% выдвинутых партийей кандидатов. Но самое высокое представительство молодежи оказалось в ЛДПР (10,8%). Либерально-демократическая партия оказалась и более открытой для различных слоев молодежи. Так, в партийном списке «Единой России» в основном были представлены молодые люди, занятые в самой «Единой России» и примыкающих к ней организациях – 22,7, в государственных структурах и органах местного самоуправления – 20,5, предприниматели – 9,9, менеджеры – 6,8%¹⁷. В списках ЛДПР в ходе парламентских выборов 2007 г. также преобладает численность молодых людей, состоявших на партийной и государственной работе (53,8%). Вместе с тем социальная база молодых людей здесь представлена значительно шире: 20,5% – руководители предприятий и предприниматели, 10,3 – квалифицированные работники, 7,7 – занятые в научной и образовательной сферах и даже 7,7% – безработные. Отличительной чертой в работе с молодежью анализируемых партий является ориентация на столичную молодежь – у «Единой России» (27,3% – москвичи) и на молодежь регионов (82,1 – молодежь регионов и 17,9% – столичная)¹⁸. КППРФ и «Справедливая Россия» имеют более низкие показатели по включению молодежи в партийные списки (соответственно 6,2 и 7%). В отличие от «Справедливой России», в значительной мере сплотившей вокруг себя столичную молодежь (33,3%), КППРФ можно считать партией приоритетного влияния на региональную молодежь. В избирательных списках этой партии молодежь из регионов занимала 93,8%, в то время как в «Справедливой России» – только 66,7%¹⁹.

Что касается социальной принадлежности молодых людей, включенных в партийные списки данных партий, то спектр социальной занятости молодежи в КППРФ был более весом, чем у «Справедливой России». В избирательном списке КППРФ значились, помимо обозначенной ранее элиты, работники промышленности и сельского хозяйства – по 12,5%, столько же безработных, один молодой врач и 9,4% – директора, их заместители и бизнесмены. В «Справедливой России» предприниматели и бизнесмены составляли

28,2%, представители науки и образования – 10,3, квалифицированные и неквалифицированные работники – 7,7, занятые в промышленности и сельском хозяйстве – 2,6%.

В целом анализ предоставления молодым людям такого канала вхождения в большую политику, как партийные списки, показывает, что все парламентские партии недостаточно используют молодежный ресурс. Слабо представлена региональная молодежь. Молодые люди, вошедшие в списки, отнюдь не занимают их первые строчки, а значит, шансов быть избранными у них мало. В социальном плане молодые кандидаты не в полной мере отражают стратификацию молодежного социума. Так, доля молодежи (15–29 лет) в экономике с 2000 до 2005 г. имела тенденцию роста с 21,1 до 24,6% в 2005 г.²⁰, в то время как в социальном слое, обозначенном в партийных списках, такая молодежь представлена в малых количествах. Выход из данной ситуации видится нам в квотировании мест для молодежи основных страт общества согласно пропорциональному их участию в различных сферах жизнедеятельности общества. Выборочные исследования по проблемам занятости молодежи в 2004 г. показали, что в молодежной группе от 20 до 29 лет преобладали: продавцы, демонстраторы товаров, натурщики и демонстраторы одежды (31,3%); работники сферы индивидуальных услуг и защиты граждан и собственности (28,5%); средний персонал в области финансово-экономической, административной и социальной деятельности (26,7%); квалифицированные рабочие, занятые в промышленности, на транспорте, связи, геологии и разведке недр (25,2%); квалифицированные работники в области естественных и технических наук (23,7%); специалисты среднего уровня квалификации (20,6%); водители и машинисты подвижного оборудования (18,5%); руководители органов власти и управления всех уровней (12,9%)²¹.

Следовательно, в партийных списках социальная стратификация молодежного социума имеет вид перевернутой пирамиды, в которой лидирующее положение занимает управленческая молодежная элита, что не соответствует принципу политического равенства.

Молодежь начала XXI в. представляет собой основной ресурс модернизации потому что она приобрела определенный электоральный опыт. Такой опыт, согласно исследованиям в Белгородской области, имеет половина опрошенных: в выборах президента РФ участвовали 52,64% респондентов, депутатов Государственной Думы РФ – 48,43, губернатора Белгородской области – 50,2, депутатов Белгородской областной думы – 51,17, представительных органов местного самоуправления – 45,48%²².

Электоральные предпочтения в региональном разрезе формируются под влиянием многих факторов регионального свойства, и не всегда их

динамика имеет положительную характеристику. Анализ изменений активности избирателей на выборах депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации показывает крайнюю неравномерность волеизъявления граждан от выборов к выборам. Так, из 24 субъектов РФ прирост активности избирателей свыше 15% наблюдался лишь в пяти, причем диапазон различий и среди этих регионов достаточно велик. Если в Республике Дагестан прирост активных избирателей составил 10,34%, то в Краснодарском крае – 31,28, в Тюменской области – 64, а в Саратовской – 19,31%. Близкой к данному показателю является Республика Удмуртия – 18,93%. Многие регионы вообще продемонстрировали отрицательную тенденцию. Снижение активности избирателей в 2007 г., по сравнению с предыдущими выборами, наблюдалось в Вологодской области (–20,14%), Республике Коми (–6,9%), Красноярском крае (–6,43%), Мурманской (–2,9%), Псковской (–2,73%) и других областях²³. В этой связи, как нам представляется, государственная электоральная политика должна строиться с учетом региональных особенностей и предпочтений избирателей, и прежде всего молодежного контингента. Неравномерность политической активности в регионах подтверждается и представительством молодых людей в законодательных (представительных) органах государственной власти в субъектах Федерации. Ни в одном из 24 субъектах Федерации, представивших официальную статистику, процентное соотношение молодого и старшего поколения не достигло даже 15%. Приблизились к этому показателю: Красноярский край (14,29%), Республика Удмуртия (14%), Псковская (13,79%), Омская (10%) области и город Санкт-Петербург (10,2%). В Саратовской области этот показатель составил 3,33%, и хотя он и не является самым низким, тем не менее в число средних уровней регион так и не вошел. На этом уровне зафиксированы: Тюменская область (8%), Республика Дагестан (6,84%), Краснодарский край (7,94), Московская область (6,52%)²⁴. В этой связи полагаем, что региональный уровень молодежной политики не может обойтись без системы квотирования мест для молодежи в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ. Необходимо также иметь в виду, что нововведения в избирательном процессе не всегда совпадают с предпочтениями молодежи.

Совершенно очевидно, что модернизационные векторы государства и молодежи относительно форм избирательной системы не совпадают. Если государство взяло курс на пропорциональную систему, то молодежь предрасположена к мажоритарной²⁵. Такое расхождение необходимо учитывать в проведении избирательных кампаний. Особенно это касается муниципальных выборов. В интересах молодежи сле-

довало бы сохранить смешанную мажоритарно-пропорциональную систему, которая действует в Республике Калмыкии, Республике Коми, в Курской, Тамбовской, Саратовской областях. В Саратовской области выборы по смешанной системе проводились только в городских округах с населением свыше 500 тысяч жителей²⁶. В других регионах, таких как Республика Алтай, Бурятия, Приморский край, Ульяновская область, Санкт-Петербург, на выборах применялась мажоритарная система относительного большинства на выборах по одномандатным либо многомандатным округам. Следовательно, одни регионы предпочли широкий спектр выбора избирательных систем, а другие навязывают лишь одну из систем. И молодежь, как видим, высказывается в пользу многообразия.

Примечания

- 1 Вашингтон. The Washington Times // www.k2kapital.com. – 17.09.2008.
- 2 *Медведев Д.А.* Развивать демократию и уметь ее защитить. Послание Президента Федеральному Собранию // Парламентская газета. 2008. 7–13 нояб. С. 10.
- 3 См.: *Гречкина Е.М.* Молодежный политический экстремизм в условиях трансформирующейся российской действительности. М., 2005.
- 4 См.: *Бельдиев Н.И.* Политическая социализация современной российской молодежи: Дис. ... канд. филос. наук. Великий Новгород, 2000. С. 48.
- 5 См.: *Барзилов С.И., Чернышев А.Г.* Безумство власти. Провинциальная Россия: двадцать лет реформ. М., 2005. С. 210.
- 6 Цит. по: *Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999. С. 10.
- 7 См.: Социологические исследования. 1998. № 8. С. 7.
- 8 См.: Молодежь России. Тенденции. Перспективы. М., 1993. С. 38.
- 9 См.: *Утенков Г.Н., Федин С.А., Чекмарев Э.В.* Молодежная политика в Саратовской области (информационно-аналитический обзор). Саратов, 2007. С. 7.
- 10 См.: О работе государственных органов по делам молодежи с детскими молодежными объединениями: Сборник материалов и документов. М., 1995. Вып. 1. С. 15.
- 11 Там же. С. 19.
- 12 См.: Молодежная политика. М., 1999. С. 44.
- 13 См.: Социологические исследования. 1999. № 8. С. 43–48.
- 14 См.: Высшее образование в России. 2002. № 2. С. 27.
- 15 См.: Социально-политическая активность молодежи. ЦИРКОН. Некоторые результаты социологического исследования. М., 2006. С. 3–4.
- 16 Молодежь и выборы сегодня: перспективы, ожидания, электоральная активность молодежи в Белгородской области: Информ.-аналит. отчет по итогам социол. исследования (2–30 мая 2006 г.). Белгород, 2006. С. 16.

- ¹⁷ Результаты избирательной кампании на сайте Центральной избирательной комиссии Российской Федерации // www.cikrf.ru. – 12.08.2009.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ См.: Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации (2002–2006 гг.). Ч. 1. М. 2008. С. 71.
- ²¹ Там же. С. 80.
- ²² См.: Информационно-аналитический отчет по итогам социологического исследования... С. 11.
- ²³ См.: Выборы в Российской Федерации. Электоральная статистика. 2007. М., 2008. С. 58.
- ²⁴ Там же. С. 129.
- ²⁵ См.: Утенков Г.Н., Федин С.А., Чекмарев Э.В. Указ. соч. С. 15.
- ²⁶ Заславская С.Е. Муниципальные выборы в России: новые правила игры // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2007. № 4. С. 109–110.

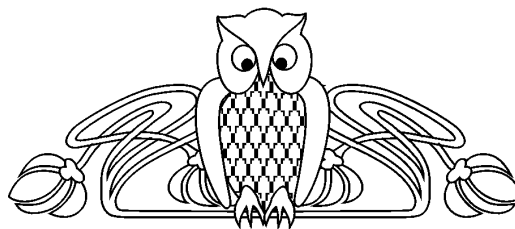
Слово молодым политологам

УДК 329(470)

СОВРЕМЕННАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

С.А. Дацков

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: datskov@mail.ru

В статье рассматривается современная функциональная нагрузка российских политических партий. Особое внимание уделяется месту в политической системе партии «Единая Россия» и её исключительным задачам.

Ключевые слова: политическая партия, политическая система, функции политических партий, «Единая Россия».

Present Functionality of Russian Political Parties

S.A. Datskov

This paper discusses present functions of political parties in Russia Federation. Special attention is paid to place of political party «Union Russia» in political system and its exclusive tasks.

Key words: political party, political system, functions of political party, «Union Russia».

С приходом Владимира Путина на пост президента РФ политическая система России стала резко трансформироваться. Характер партийной системы стал определяться несколькими крупными политическими партиями, сформировавшими парламент. Сократилось количество малых партий, и произошла монополизация электорального рынка так называемыми партиями власти¹. Партийная система страны стала низкоконкурентной, оппозиционные партии практически потеряли возможность влиять, а порой даже и критиковать политическую систему и действия государственной власти. Затрудняет деятельность оппозиционных партий и зависимость всей партийной системы от государства². Кроме того, на сегодняшний день наблюдается большая доля государственного вмешательства в партийную деятельность, а значит, и функциональная на-

грузка политических партий определяется ими не полностью самостоятельно.

Современная политическая партия – явление многомерное и многофункциональное. На протяжении своего существования партии изменялись, менялись их цели, задачи, функции. Сегодня при рассмотрении партийной системы следует обратить внимание, что функциональная нагрузка политических партий претерпела некоторые изменения и отличается от традиционной. В целом вопрос о функциональности политических партий является дискуссионным в политической науке. В данном исследовании мы склонны придерживаться точки зрения С.Е. Заславского, которая сложилась в результате анализа различных взглядов на деятельность политических партий.

Можно выделить следующие функции политических партий: электоральную, инновационную, аккумулятивную, конституирующую и функцию политического рекрутирования и социализации³. Однако оговоримся, что, по нашему мнению, реального чёткого разделения функций друг от друга в реальной политической практике не происходит. Так или иначе, но все они связаны друг с другом и не могут быть рассмотрены в отдельности. В данном случае выделяемая Заславским конституирующая функция, под которой понимается обеспечение политического и идеологического многообразия посредством деятельности по формированию политической воли граждан, участия в формировании и деятельности органов государственной власти, будет рассмотрена не обособленно, а в составе других функций.

- ¹⁷ Результаты избирательной кампании на сайте Центральной избирательной комиссии Российской Федерации // www.cikrf.ru. – 12.08.2009.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ См.: Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации (2002–2006 гг.). Ч. 1. М. 2008. С. 71.
- ²¹ Там же. С. 80.
- ²² См.: Информационно-аналитический отчет по итогам социологического исследования... С. 11.
- ²³ См.: Выборы в Российской Федерации. Электоральная статистика. 2007. М., 2008. С. 58.
- ²⁴ Там же. С. 129.
- ²⁵ См.: Утенков Г.Н., Федин С.А., Чекмарев Э.В. Указ. соч. С. 15.
- ²⁶ Заславская С.Е. Муниципальные выборы в России: новые правила игры // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2007. № 4. С. 109–110.

Слово молодым политологам

УДК 329(470)

СОВРЕМЕННАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

С.А. Дацков

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: datskov@mail.ru

В статье рассматривается современная функциональная нагрузка российских политических партий. Особое внимание уделяется месту в политической системе партии «Единая Россия» и её исключительным задачам.

Ключевые слова: политическая партия, политическая система, функции политических партий, «Единая Россия».

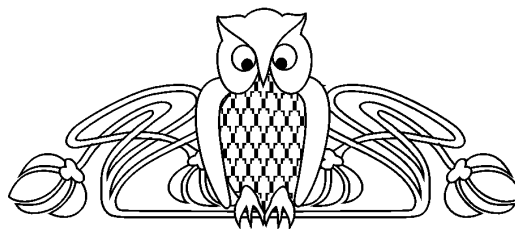
Present Functionality of Russian Political Parties

S.A. Datskov

This paper discusses present functions of political parties in Russia Federation. Special attention is paid to place of political party «Union Russia» in political system and its exclusive tasks.

Key words: political party, political system, functions of political party, «Union Russia».

С приходом Владимира Путина на пост президента РФ политическая система России стала резко трансформироваться. Характер партийной системы стал определяться несколькими крупными политическими партиями, сформировавшими парламент. Сократилось количество малых партий, и произошла монополизация электорального рынка так называемыми партиями власти¹. Партийная система страны стала низкоконкурентной, оппозиционные партии практически потеряли возможность влиять, а порой даже и критиковать политическую систему и действия государственной власти. Затрудняет деятельность оппозиционных партий и зависимость всей партийной системы от государства². Кроме того, на сегодняшний день наблюдается большая доля государственного вмешательства в партийную деятельность, а значит, и функциональная на-

грузка политических партий определяется ими не полностью самостоятельно.

Современная политическая партия – явление многомерное и многофункциональное. На протяжении своего существования партии изменялись, менялись их цели, задачи, функции. Сегодня при рассмотрении партийной системы следует обратить внимание, что функциональная нагрузка политических партий претерпела некоторые изменения и отличается от традиционной. В целом вопрос о функциональности политических партий является дискуссионным в политической науке. В данном исследовании мы склонны придерживаться точки зрения С.Е. Заславского, которая сложилась в результате анализа различных взглядов на деятельность политических партий.

Можно выделить следующие функции политических партий: электоральную, инновационную, аккумулятивную, конституирующую и функцию политического рекрутирования и социализации³. Однако оговоримся, что, по нашему мнению, реального чёткого разделения функций друг от друга в реальной политической практике не происходит. Так или иначе, но все они связаны друг с другом и не могут быть рассмотрены в отдельности. В данном случае выделяемая Заславским конституирующая функция, под которой понимается обеспечение политического и идеологического многообразия посредством деятельности по формированию политической воли граждан, участия в формировании и деятельности органов государственной власти, будет рассмотрена не обособленно, а в составе других функций.

Деятельность по выдвижению кандидатов в представительные органы власти путём их поддержки (или электоральная функция) сейчас осуществляется наиболее значимыми партиями под определённым углом. Как отмечает М. Рогожников⁴, одной из задач политических партий является способствование появлению политических лидеров⁵. Действительно, у политических партий существуют все необходимые для этого процедуры. Партия как организация, влияющая на политические процессы, может выдвигать на политическую арену перспективных политических деятелей. Однако современная практика показывает тенденциозность, замещение интересов партии интересами верховной власти, что в полной мере проявилось в выборном цикле 2007–2008 гг., когда в электоральных кампаниях «Единая Россия» и В. Путин открыто поддерживали друг друга. При этом делегирование авторитета происходило со стороны последнего и на появление кандидатуры Д. Медведева на пост президента позиция «Единой России», думаем, не повлияла. Отметим, что агитационная работа самой партии зачастую сводится к укреплению собственного имиджа в целом.

Инновационная функция, заключающаяся в выработке альтернативных политических решений и методов их реализации, и вместе с тем конструктивная критика и полномочное обсуждение инициатив правительства и самих депутатов, на наш взгляд, не проявляются сегодня в деятельности партий должным образом. Относительно Коммунистической партии, отчасти ЛДПР действительно просматривается, хотя и осторожная, критика действий правительства⁶. Исходя из анализа поведения «Единой России» на фоне экономического кризиса, проявляется характерная особенность этой партии – сознательный отказ от критики антикризисных мер правительства в паре с деятельностью по созданию благоприятного информационного фона и общественного мнения по экономико-политическому положению страны.

Это один из сюжетов, который позволяет политологам оценивать партию власти как вспомогательный инструмент для реализации политики Кремля. Таким образом, инновационная функция политических партий оказывается подавленной деятельностью верховной власти в стране.

Аккумулятивная функция политических партий состоит в усвоении и последующем выражении интересов общества в вырабатываемых программных документах и идеологических конструкциях.

Важнейший признак российской электоральной практики – почти полное отсутствие как идеологической, так и социально-слоевой идентификации политических партий. Как правило, попытки партий установить прочную связь между партией и её доктриной, как предполагает классическая политология, не удавались. Формирование блоков и партий регулировалось в основ-

ном не социальной направленностью партий, а актуальными политическими темами, на основе которых партии и возникали. С утратой партиями признаков социально-слоевой идентификации на идеологической основе их способность выступать в институциональной роли выразителя социальных интересов общественных групп становится всё более проблематичной. Функции аккумуляции, артикуляции и продвижения общественных интересов обретают всё более автономный характер и оказываются рассредоточенными между заинтересованными группами влияния, каждая из которых обладает теми или иными возможностями управлять процессом принимаемых решений⁷.

Идеология является важным элементом как внутренней жизни партии, так и межпартийной конкуренции, но ориентированность политических партий на успех на выборах стала причиной отказа от разработки ими сильных идеологических доктрин. Деятельность политических партий в период между выборами многократно теряет свою интенсивность⁸. Очевидно, что политические партии предпочитают делать ставку не на трудоёмкие политические технологии, связанные с проработкой программы партии, а на более мобильные технологии коммуникации с электоратом, в частности создание информационных поводов, работу с имиджем кандидата⁹.

Как отмечают саратовские исследователи, снижение идеологического фактора на выборах объясняется общественной убежденностью в том, что реальное влияние на власть оказывает исполнительная власть, тогда как партии находятся на второстепенном уровне. Соответственно, и различия партий по системе ценностей и целями для избирателей нивелированы. Идеологическая целостность, безусловно, просматривается у Коммунистической партии, частично у правых партий¹⁰. Ценности остальных партий с трудом различимы для обывателей, особенно когда идеи патриотизма и сильного государства растягиваются большим количеством партий, а один из кандидатов на пост президента поддерживается сразу двумя партиями.

Из-за положения партий в политической системе идеологические основы партийной деятельности формируются не по линии взаимодействия «власть – общество», а по линии «партия – государство» (т.е. между властью и партией власти). В данном случае идеологические различия между партиями носят второстепенный характер, уступая место отношениям партии прежде всего с исполнительной властью¹¹. Политологи считают появившуюся в 2000 г. партию «Единая Россия» одной из самых безыдейных на политическом пространстве России¹². Система ценностей этой партии как в начале деятельности, так и сейчас основывается на идее сильного централизованного государства, а также на полной поддержке инициатив и деятельности верховной власти. Соответственно, на наш взгляд, допустимо

утверждать, что «Единая Россия» как политическая партия отражает, скорее, интересы правящей элиты, нежели электората.

Таким образом, ввиду отсутствия необходимости чёткого идеологического определения для партий, благодаря возможности применять популистские идеологические конструкции политические партии, а главным образом партия власти, выполняют свою идеологическую функцию сугубо конъюнктурно, не обращая внимания на общественный запрос на стратификацию политических сил в стране.

Под функцией политического рекрутинга и социализации понимаются действия, посредством которых осуществляются вовлечение и последующая циркуляция активной части населения в политической сфере.

Отметим, что формирование политического сознания граждан, особенно молодежи, в России происходит несколько односторонне. Процесс политической социализации проходит в условиях подчинения динамике политической системы в сторону централизации и выстраивания жёсткой вертикали власти. Это является залогом того, что государство предлагает лишь выгодный ему вариант политического воспитания общества, который заключается в формировании положительного образа власти, в программировании мнения о закономерности преемственности режима, что стало особо актуально накануне электорального цикла 2007–2008 гг.

Все основные механизмы (система образования, СМИ, молодёжные организации) социализации и ресоциализации граждан подчинены и контролируются напрямую или опосредованно либо властными структурами, либо партийными структурами партии «Единая Россия» (что по сути одно и то же), а поэтому не существует цельнопредставленной альтернативной программы гражданского воспитания. Та, во многом консервативная политическая культура, ориентированная на сильную центральную власть, поддерживается теми идейными конструкциями, постоянно присутствующими в информационном пространстве страны¹³.

Кроме уже обозначенных функций политических партий обратим внимание на еще одну, характерную для современной политической системы страны – функцию воспроизводства политической системы. В условиях централизации исполнительной власти одной из актуальных проблем, стоящих перед нею, является собственное воспроизведение, которое, опять же, проявляется особо остро накануне выборов. Для успешного воспроизводства существующей политической системы главное условие – это консолидация общества и правящей элиты. Пожалуй, единственным и одним из наиболее действенных механизмов соединения правящих кругов и граждан является их взаимодействие в партийной системе. Партия «Единая Россия», поддерживаемая значительной

частью населения, связанная с элитой напрямую, очень подходит для роли по укреплению «фундамента» государства. Она и стала этим центром притяжения.

Для современного этапа развития и функционирования политической системы России является нормой то, что «Единая Россия» играет роль доминирующей партии. Её отличие от классических доминантных партий заключается в том, что она не формирует власть, а сама формируется властью. Классическая доминантная партия – самоуправляемая коалиция элит с развитой «внутрипартийной демократией», где конкурирующие элитные кланы достигают согласованных решений по ключевым кадровым и программным вопросам жизни страны и несут ответственность за их реализацию. Роль лидера (премьера, президента, канцлера) и госаппарата в управлении такой партией всегда достаточно высока, но партия не является «массовым придатком» к исполнительной вертикали, а обладает высокой автономией в формировании политической повестки дня. В России же доминантная партия и на федеральном, и на региональном уровне находится в почти полной зависимости от исполнительной власти¹⁴.

Таким образом, если условно разделить функции политических партий на функции, касающиеся взаимоотношений с гражданским обществом, и собственно политические, то, по нашему мнению, просматривается дисбаланс между этими группами функций. Собственно политические функции, среди которых поддержка законопроектов правительства, политическое рекрутирование, контроль действий региональных властей и др., для партии власти имеют первостепенное значение. От их чёткого выполнения зависит устойчивое положение самой политической системы, правящей элиты, а значит, и самой партии. Отношения с гражданским обществом нам представляются по большей части односторонними. Со стороны «Единой России» происходит навязывание идеологических конструкций, «правильного» общественного мнения. При этом мы уверены, что общественному запросу на решение ряда проблем, таких как коррупция, уделяется ничтожно малое время.

На общенациональном уровне политические партии, главным образом «Единая Россия», выступают в качестве некоего «обслуживающего» исполнительную власть института, призванного цементировать сложившиеся политические отношения внутри политической системы, играя ведущую роль¹⁵.

Используя партийный институт в качестве коммуникационного канала, правительству и президенту удаётся эффективно доносить до субъектов страны принципы деятельности, обеспечивая единство проводимой политики. И президент, и премьер-министр России самостоятельно обладают большими возможностями влияния на общественное мнение, тем не менее на региональном

и местном уровнях партийные возможности дополняют усилия центральной власти по влиянию на общественное мнение.

Примечания

- ¹ См.: *Никифоров А.Ю., Никифоров Ю.Н.* Политические партии современной России: эволюция многопартийности и статуса партии. Уфа, 2008. С. 53.
- ² Там же. С. 54.
- ³ См.: *Заславский С.Е.* Политические партии России: Проблемы правовой институционализации. М., 2003. С. 96–97.
- ⁴ Михаил Рогожников, заместитель директора Института общественных отношений.
- ⁵ См.: *Рогожников М.* Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 году – начале 2009 года: 1-й ежегод. Докл. Ин-та общественного проектирования. М., 2009. С. 12.
- ⁶ См., напр.: *Граник И.* К Дмитрию Медведеву пришли идеи // *Коммерсантъ*. 2009. 11 авг.; *Билевская Э.* Альтернативная политреформа ЛДПР // *Независимая газета*. 2009. 29 авг.

УДК 316.774:32(470.620)

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

П.П. Зети

Кубанский государственный университет,
кафедра политологии и политического управления
E-mail: zeti@yandex.ru

В статье¹ речь идёт об информационном обеспечении деятельности органов власти, реализующих молодёжную политику в Краснодарском крае, и построении единого молодёжного информационного пространства. Проанализированы особенности молодёжной среды в Краснодарском крае и определена роль СМИ в формировании у молодёжи устойчивых представлений о политике.

Ключевые слова: молодёжная политика, информационное общество, молодёжь, единое молодёжное информационное пространство, информационная безопасность.

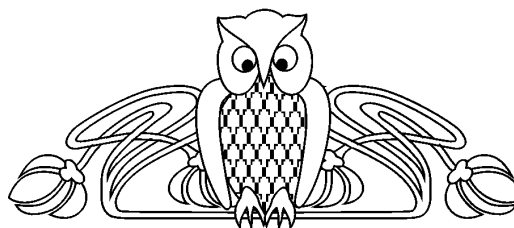
Information Support of the Youth Policy in Krasnodar Territory

P.P. Zeti

The paper discusses information support of activity of the authorities of the youth policy in Krasnodar territory, forming the uniform youth information area. Peculiarities of the youth environment in Krasnodar territory are analysed and the role of mass-media in formation steady youth politics views is defined.

Key words: youth policy, information society, youth, uniform youth information area, information security.

- ⁷ См.: *Феномен многопартийности в российском обществе*. Саратов, 2006. С. 86–87.
- ⁸ См., напр: *Чайко И. В.* Политический процесс: вопросы теории и опыт России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2000.
- ⁹ См.: *Головченко В.И.* Идеологический фактор политической жизни в современной России. Саратов, 2007. С. 81–82.
- ¹⁰ См. *Феномен многопартийности в российском обществе*. С. 176.
- ¹¹ См.: *Головченко В.И.* Указ. соч. С. 86.
- ¹² См. *Феномен многопартийности в российском обществе*. С. 175.
- ¹³ Например, идея удвоения ВВП «План Путина», «Стратегия-2020».
- ¹⁴ См.: *Макаренко Б.И.* Партийная система в России в 2008 году // *Оценка состояния и перспектив политической системы России*. М., 2009. С. 31. (<http://www.inor.ru/page484>)
- ¹⁵ Партия «Справедливая Россия» также поддерживает политику Кремля, однако реальное влияние этой партии на отечественный политический процесс гораздо меньше того, которое оказывает «Единая Россия».

В процессе становления информационного общества основным неотъемлемым атрибутом управления в целом становится информация, а информационное управление – его главной частью. Само понятие «информационное общество» сегодня уже перестало быть метафорой или обозначением мегатенденций развития современного мира. Информационное общество как ступень в развитии современной цивилизации характеризуется увеличением роли информации и знаний в жизни общества, созданием глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворение их социальных и личностных потребностей в информационных продуктах и услугах. Сформированная единая общемировая информационная среда трансформируется в информационное поле социально-экономического, политического и культурного развития всего сообщества², которое позволяет обеспечить необходимыми сведениями отдельных граждан, их различные объединения, органы власти и управления.

В этой связи большое значение для совершенствования реализации молодёжной политики, повышения качества принимаемых решений и

и местном уровнях партийные возможности дополняют усилия центральной власти по влиянию на общественное мнение.

Примечания

- ¹ См.: *Никифоров А.Ю., Никифоров Ю.Н.* Политические партии современной России: эволюция многопартийности и статуса партии. Уфа, 2008. С. 53.
- ² Там же. С. 54.
- ³ См.: *Заславский С.Е.* Политические партии России: Проблемы правовой институционализации. М., 2003. С. 96–97.
- ⁴ Михаил Рогожников, заместитель директора Института общественных отношений.
- ⁵ См.: *Рогожников М.* Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 году – начале 2009 года: 1-й ежегод. Докл. Ин-та общественного проектирования. М., 2009. С. 12.
- ⁶ См., напр.: *Граник И.* К Дмитрию Медведеву пришли идеи // *Коммерсантъ*. 2009. 11 авг.; *Билевская Э.* Альтернативная политреформа ЛДПР // *Независимая газета*. 2009. 29 авг.

УДК 316.774:32(470.620)

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

П.П. Зети

Кубанский государственный университет,
кафедра политологии и политического управления
E-mail: zeti@yandex.ru

В статье¹ речь идёт об информационном обеспечении деятельности органов власти, реализующих молодёжную политику в Краснодарском крае, и построении единого молодёжного информационного пространства. Проанализированы особенности молодёжной среды в Краснодарском крае и определена роль СМИ в формировании у молодёжи устойчивых представлений о политике.

Ключевые слова: молодёжная политика, информационное общество, молодёжь, единое молодёжное информационное пространство, информационная безопасность.

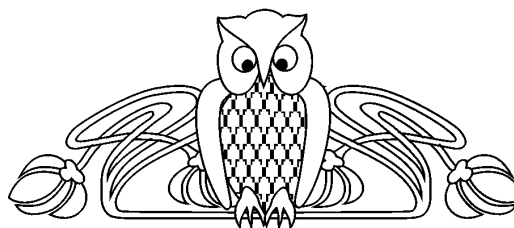
Information Support of the Youth Policy in Krasnodar Territory

P.P. Zeti

The paper discusses information support of activity of the authorities of the youth policy in Krasnodar territory, forming the uniform youth information area. Peculiarities of the youth environment in Krasnodar territory are analysed and the role of mass-media in formation steady youth politics views is defined.

Key words: youth policy, information society, youth, uniform youth information area, information security.

- ⁷ См.: *Феномен многопартийности в российском обществе*. Саратов, 2006. С. 86–87.
- ⁸ См., напр: *Чайко И. В.* Политический процесс: вопросы теории и опыт России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2000.
- ⁹ См.: *Головченко В.И.* Идеологический фактор политической жизни в современной России. Саратов, 2007. С. 81–82.
- ¹⁰ См. *Феномен многопартийности в российском обществе*. С. 176.
- ¹¹ См.: *Головченко В.И.* Указ. соч. С. 86.
- ¹² См. *Феномен многопартийности в российском обществе*. С. 175.
- ¹³ Например, идея удвоения ВВП «План Путина», «Стратегия-2020».
- ¹⁴ См.: *Макаренко Б.И.* Партийная система в России в 2008 году // *Оценка состояния и перспектив политической системы России*. М., 2009. С. 31. (<http://www.inor.ru/page484>)
- ¹⁵ Партия «Справедливая Россия» также поддерживает политику Кремля, однако реальное влияние этой партии на отечественный политический процесс гораздо меньше того, которое оказывает «Единая Россия».

В процессе становления информационного общества основным неотъемлемым атрибутом управления в целом становится информация, а информационное управление – его главной частью. Само понятие «информационное общество» сегодня уже перестало быть метафорой или обозначением мегатенденций развития современного мира. Информационное общество как ступень в развитии современной цивилизации характеризуется увеличением роли информации и знаний в жизни общества, созданием глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворение их социальных и личностных потребностей в информационных продуктах и услугах. Сформированная единая общемировая информационная среда трансформируется в информационное поле социально-экономического, политического и культурного развития всего сообщества², которое позволяет обеспечить необходимыми сведениями отдельных граждан, их различные объединения, органы власти и управления.

В этой связи большое значение для совершенствования реализации молодёжной политики, повышения качества принимаемых решений и

их соответствия потребностям молодых граждан общества имеет правильно выработанная информационная политика при организации информационно-аналитической работы, в том числе и посредством аналитических служб. Выработка рекомендаций по информационной подготовке политических решений, совершенствованию аналитического обеспечения во многом способствует повышению эффективности молодёжной политики.

Неравномерное развитие территорий Краснодарского края требует от органов власти, реализующих молодёжную политику в Краснодарском крае, осуществления оперативного анализа и оценки складывающейся обстановки по всем направлениям молодёжной политики в регионе, принятия соответствующих решений и нормативно-правовых актов.

Специфика информационного обеспечения деятельности органов власти состоит в том, что оно является элементом системы и процесса управления. Поэтому данная деятельность имеет преимущественно прикладной, а не теоретический характер, в ней преобладают внутренние ограничения системы по времени подготовки материалов, их полноте, достоверности, обоснованности, ответственности исполнителей. Соответственно, основное внимание уделяется оперативности и эффективности предоставляемой информации.

Актуальным также становится четкое взаимодействие информационно-аналитических структур всех уровней государственного управления. К решению информационных и экспертно-аналитических задач должны подключаться региональные структуры федеральных ведомств. Комплексное рассмотрение молодёжной проблематики по результатам работы информационных групп, социологических опросов и мониторинга СМИ на региональном уровне является приоритетным направлением информационно-аналитической деятельности органов государственной власти.

Любая информационно-аналитическая деятельность состоится только тогда, когда соответствующим образом организованы как сама информация, так и направления информационных потоков. Но сам процесс организации, в свою очередь, возможен при наличии сформированной методологии работы с информацией.

Поскольку формирование эффективной молодёжной политики предполагает использование современных информационных технологий, существенное значение имеют системы управления базами данных, касающихся тенденций в молодёжной среде. В то же время для обеспечения эффективной региональной молодёжной политики необходимо формирование единого молодёжного информационного пространства³, которое представляет собой совокупность баз и банков данных, информационных каналов, СМИ,

действующих в молодёжной среде, технологий их формирования и использования, информационно-телекоммуникационных систем и сетей, функционирующих на основе единых принципов и по общим правилам, обеспечивающих информационное взаимодействие организации и молодых граждан, а также удовлетворение их информационных потребностей.

В Краснодарском крае единое молодёжное информационное пространство находится на стадии своего формирования. Органы власти последовательно реализуют молодёжную политику, но существует множество проблем в информационном обеспечении этой деятельности. По данным опросов молодого поколения, не знает о существовании государственной молодёжной политики около 70% молодёжи края. Информирование молодёжи происходит фрагментарно и бессистемно, отсутствует единая стратегия и тактика информационного обеспечения и сопровождения молодёжной политики края. Молодёжные электронные СМИ существуют при незначительной государственной поддержке, а полностью молодёжные печатные СМИ и вовсе отсутствуют.

Соответственно, масс-медиа не формируют устойчивые представления молодёжи края о политике, проводимой в ее отношении, и не способствуют формированию политического сознания и проявлению политического участия и активности молодёжи в политике. Важным направлением оптимизации воздействия СМИ на политическое участие кубанской молодёжи является целенаправленная совместная деятельность органов государственной власти и институтов гражданского общества по разработке информационной стратегии, ориентированной на реализацию позитивной стратегии интеграции молодёжи в политику, стимулирование её социальной и гражданской активности. Развитие региональной молодёжной прессы может способствовать обеспечению права молодого поколения на получение полноценной информации о деятельности федеральных и региональных органов власти, направлениях реализации молодёжной политики, деятельности молодёжных общественных объединений и организаций, а также молодёжных отделений политических партий.

Особое значение приобретает проблема обеспечения информационной безопасности в сфере молодёжной политики. Молодёжная среда в Краснодарском крае полиэтнична, поликонфессиональна, а также различается по профессиональным и социальным признакам. Информационные потоки могут направляться определёнными заинтересованными акторами в деструктивное русло, способствовать формированию этнофобийных и националистических настроений в отношении молодого поколения местного населения с иноэтническими группами, в том числе с помощью использования отдельными СМИ «языка вражды»⁴. В то же время, реализуя определённые

коммуникационные стратегии, СМИ способны манипулировать общественным мнением, поведением молодёжи, формировать шкалу ложных духовных ценностей. Информационный пресинг отдельных СМИ, затрудняющий формирование у молодёжи автономных и независимых политических суждений, делает её всё больше подверженной воздействию со стороны лидеров популистского типа, организаторов радикальных экстремистских движений. Данная тенденция препятствует комплексному рациональному и осознанному включению молодых граждан в процессы социально-политических преобразований, а также выработке активной гражданской позиции. Таким образом молодёжь оказывается включённой в информационное противоборство⁵, и данная тенденция может способствовать возникновению угрозы стабильности стратегически значимого региона.

Анализ региональной молодёжной политики позволяет сделать вывод о возрастающей роли информации в процессе её реализации. Политическая и социально-экономическая ситуация, полиэтничность социального пространства изучаемого региона актуализируют применение системного подхода в информационном обеспечении молодёжной политики.

В Краснодарском крае органы власти уделяют существенное внимание информационной политике. Информационное обеспечение осуществляется в соответствии с краевой комплексной программой реализации государственной молодёжной политики «Молодёжь Кубани». В ряде районов края существуют специальные молодёжные СМИ, телепередачи, молодёжные порталы. Тем не менее требуется усиление государственной поддержки в развитии краевой региональной молодёжной прессы. Обсуждение на федеральном уровне вопросов формирования

единого молодёжного информационного пространства может способствовать созданию условий и соответствующих структур для улучшения информационной политики в регионе.

Совершенствование информационной деятельности и повышение эффективности работы краевых органов государственной власти способствуют обеспечению информационной безопасности и усилению влияния интеграционных процессов в сфере молодёжной политики.

Примечания

- 1 В рамках работы над проектом «Информационная безопасность в полиэтничном социуме (на материалах ЮФО)» аналитической ведомственной целевой программы Министерства образования и науки РФ и Федерального агентства по образованию «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» на 2009 год, № 2.1.3/3824.
- 2 См.: *Грачёв М.Н.* Политические коммуникации и коммуникационное измерение политики [эл. ресурс] // http://grachev62.narod.ru/Grachev/n42_00st.html. – 12.08.2009.
- 3 См.: Состояние и перспективы информационного обеспечения молодёжи, государственной молодёжной политики, воспитания и социальной защиты детей. Аналитические материалы Департамента государственной молодёжной политики, воспитания и социальной защиты детей [эл. ресурс] // <http://dmp.mgopu.ru/searchTopics.php?t1=3&t2=1>. – 12.08.2009.
- 4 См.: Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа / Отв. ред. акад. Г.Г. Магишов, В.А. Авксентьев. / Ростов на/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 267.
- 5 См.: *Григорьев В.Р.* Информационные вирусы – новое оружие массового поражения // Информационные войны. 2008. № 3(7). С. 2.

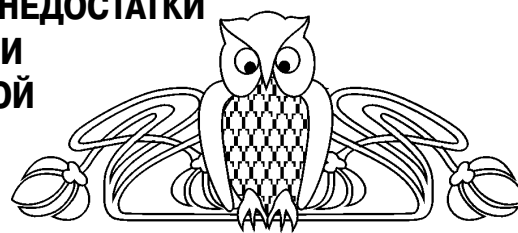
УДК 321.61

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И НЕДОСТАТКИ «МЕТОДА УОРТМАНА» ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПРЕЗЕНТАЦИОННЫХ ПРАКТИК РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

3.3. Кныжова

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: knyzhova@mail.ru

Статья посвящена сценарному методу в исследованиях презентации власти, который был использован Р. Уортманом при построении концепции сценариев российской политики. Ретроспективный метод построения сценариев указывает, с одной

стороны, на оригинальность данного подхода, а с другой – на зависимость автора от стереотипных установок в отношении политической истории России.

Ключевые слова: презентация власти, метод сценариев.

коммуникационные стратегии, СМИ способны манипулировать общественным мнением, поведением молодёжи, формировать шкалу ложных духовных ценностей. Информационный пресинг отдельных СМИ, затрудняющий формирование у молодёжи автономных и независимых политических суждений, делает её всё больше подверженной воздействию со стороны лидеров популистского типа, организаторов радикальных экстремистских движений. Данная тенденция препятствует комплексному рациональному и осознанному включению молодых граждан в процессы социально-политических преобразований, а также выработке активной гражданской позиции. Таким образом молодёжь оказывается включённой в информационное противоборство⁵, и данная тенденция может способствовать возникновению угрозы стабильности стратегически значимого региона.

Анализ региональной молодёжной политики позволяет сделать вывод о возрастающей роли информации в процессе её реализации. Политическая и социально-экономическая ситуация, полиэтничность социального пространства изучаемого региона актуализируют применение системного подхода в информационном обеспечении молодёжной политики.

В Краснодарском крае органы власти уделяют существенное внимание информационной политике. Информационное обеспечение осуществляется в соответствии с краевой комплексной программой реализации государственной молодёжной политики «Молодёжь Кубани». В ряде районов края существуют специальные молодёжные СМИ, телепередачи, молодёжные порталы. Тем не менее требуется усиление государственной поддержки в развитии краевой региональной молодёжной прессы. Обсуждение на федеральном уровне вопросов формирования

единого молодёжного информационного пространства может способствовать созданию условий и соответствующих структур для улучшения информационной политики в регионе.

Совершенствование информационной деятельности и повышение эффективности работы краевых органов государственной власти способствуют обеспечению информационной безопасности и усилению влияния интеграционных процессов в сфере молодёжной политики.

Примечания

- ¹ В рамках работы над проектом «Информационная безопасность в полиэтничном социуме (на материалах ЮФО)» аналитической ведомственной целевой программы Министерства образования и науки РФ и Федерального агентства по образованию «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» на 2009 год, № 2.1.3/3824.
- ² См.: *Грачёв М.Н.* Политические коммуникации и коммуникационное измерение политики [эл. ресурс] // http://grachev62.narod.ru/Grachev/n42_00st.html. – 12.08.2009.
- ³ См.: Состояние и перспективы информационного обеспечения молодёжи, государственной молодёжной политики, воспитания и социальной защиты детей. Аналитические материалы Департамента государственной молодёжной политики, воспитания и социальной защиты детей [эл. ресурс] // <http://dmp.mgopu.ru/searchTopics.php?t1=3&t2=1>. – 12.08.2009.
- ⁴ См.: Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа / Отв. ред. акад. Г.Г. Магишов, В.А. Авксентьев. / Ростов на/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 267.
- ⁵ См.: *Григорьев В.Р.* Информационные вирусы – новое оружие массового поражения // Информационные войны. 2008. № 3(7). С. 2.

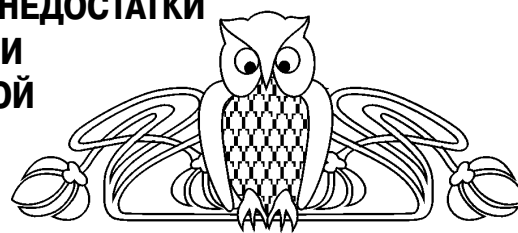
УДК 321.61

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И НЕДОСТАТКИ «МЕТОДА УОРТМАНА» ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПРЕЗЕНТАЦИОННЫХ ПРАКТИК РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

3.3. Кныжова

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: knyzhova@mail.ru

Статья посвящена сценарному методу в исследованиях презентации власти, который был использован Р. Уортманом при построении концепции сценариев российской политики. Ретроспективный метод построения сценариев указывает, с одной

стороны, на оригинальность данного подхода, а с другой – на зависимость автора от стереотипных установок в отношении политической истории России.

Ключевые слова: презентация власти, метод сценариев.

Interpretation Opportunities and Limitations of «Wortman's Method» in Research Presentation Practice of Russian Political Power

Z.Z. Knyzhova

This article is devoted Scenarios methods in studies of the presentation of power, which was used in the construction of R. Wortman concept scenarios of Russia's policy. Retrospective method for constructing scenarios points to the originality of this approach, on the other hand, the dependence of the author of stereotypical attitudes towards the political history of Russia.

Key words: presentation of power, scenarios methods.

Исследование Р. Уортмана¹ посвящено церемониалам российской монархии. Свообразие подхода американского исследователя в том, что он использует собственную методологию изучения исторических реалий, основанную на принципе сценарирования. Он начинает построение ряда своих сценариев с эпохи московской государственности. Затем этот ряд продолжает эпоха Петра I, и повествование доводится до отречения Николая II. В центре каждого сценария, как отмечает исследователь творчества американского ученого Я. Добролюбов², у Р. Уортмана стоит микросценарий – «формула жизни» конкретного российского монарха, – который превращается в макросценарий – сценарий развития всей социально-политической системы. Таким образом, американский исследователь в новом теоретическом формате воспроизводит известную отечественной историографии со времен Н.М. Карамзина идею, что история народа «принадлежит» его государю. В этом воспроизведении в новом теоретическом облике довольно традиционного взгляда на суть политического процесса и место политической власти в нем и заключена основная проблема.

Начнем с характеристики основ метода сценаристики. Основные направления сценариотехники – это поисковое и нормативное. Поисковое направление подразумевает, что надо описывать варианты состояний, возможные тенденции их развития, последовательность событий, исходя из все вновь открывающихся фактов действительности. Нормативный же подход подразумевает, что нужна разработка четкого алгоритма того пути, по которому происходит движение исследуемого объекта к тому или иному состоянию³.

В обоих случаях подразумевается, что сценарий – это «отображение хода политического процесса, гипотетически связанная последовательность событий»⁴.

В психолого-политическом ракурсе⁵ сценарий рассматривается как «бессознательный, постепенно развертывающийся жизненный план, система поведенческих актов», а что касается политической сферы, – это «механизм циклически воспроизводящегося неэффективного поведения группы (организации), основанного на иррациональных психических механизмах»⁶.

Сценарирование в театральном деле и киноискусстве имеет свой смысл. Там идея и сюжет находятся во взаимозависимости, при этом идея находится под поверхностью сюжета⁷. Таким образом, сценарий ориентируется на построение ситуаций, которые направлены или на описание максимального спектра путей развития, или на отработку вероятных ситуаций, или на разработку всевозможных атрибутов предполагаемой реальности.

Сценарий Р. Уортмана строится на ретроспективном подходе, при котором в роли модели, описывающей движение объекта, но модели, созданной естественным ходом исторических процессов, выступает конкретный исторический период. Имеет место анализ исторического периода, в результате которого вводится авторская периодизация российской истории с ключевым определяющим механизмом властно-общественных отношений в качестве того или иного сценария.

Подобный метод исследования в рамках изучения природы презентации власти позволяет изучить влияние и взаимовлияние имеющихся в рассматриваемый период определенных элементов культуры, политики, социума, на основе чего можно делать теоретические построения касательно определенного периода времени. Но отрицательный момент подхода Р. Уортмана заключается в его принципе проекции современных взглядов и подходов на исторические периоды, что приводит к искажению трактовки тех или иных событий, их причин. Сценарии Р. Уортмана становятся инструментами «осовременивания» истории.

Р. Уортман вводит понятие сценария для раскрытия презентации власти каждым из российских императоров. На протяжении существования российской государственности автор выделяет четыре основных типа сценариев: византийский, «олимпийские», «смертных государей» и династический. В рамках последнего сценария выделяются персонафицированные.

Становление первого сценария, по мнению автора, начинается с периода правления Ивана III, после взятия турками-османами Константинополя. Американский исследователь в данном пункте следует за Н.М. Карамзиным. Достоверно известно, что корнями своими имперская атрибутика московской власти гораздо ближе к Византии, чем к политической атрибутике Священной Римской империи германской нации. Следующий сценарий – «олимпийский» – получает развитие с воцарения Петра I. Реформы Петра I в XVIII в. полностью, по мнению автора, меняют прежде существовавший символический ряд. Можно поспорить с Р. Уортманом. Петровские реформы придали прежним символам и смыслам большую официальную устойчивость, но не изменили принципиально структуры символического ряда. Даже появление новой столицы, освоенной идеей императорского Рима, не означало отказа от «мо-

сковской!» атрибутики столичности в элитарных практиках⁸. Усилился момент регламентированности и официозности этих практик.

Р. Уортман же полагает, что «византийскую традицию» вытесняет западно-европейская, которая базировалась на римской символике и стилистике барокко. По мнению Р. Уортмана, Петр I намеренно начал дистанцироваться от прошлого. Посредством заимствованных барочных и ренессансных церемониалов осуществлялась презентация новой идеологии XVIII в. – эпохи Просвещения⁹. Этот период послужил расцветом «олимпийского» сценария, который являлся идеальным воплощением прогресса европейской исторической действительности от Античности до Просвещения. Но ряд исследователей¹⁰ считает, что он искал синтез европейского и российского стиля, чтобы обеспечить преемство на символическом уровне. Удалось ли это ему?

Американский исследователь полагает, что да. Во всяком случае после него Екатерина II, считает Р. Уортман, заняла новую нишу во властных презентациях, заявив о себе как о законодательнице. В данном случае Р. Уортман «опускает» кризисные эпизоды российской истории (крестьянская война, реакция некоторых представителей дворянства). Подобные процессы свидетельствуют в контексте рассматриваемого просвещенного абсолютизма о том, что идеи европейского просвещения в российских условиях носили исключительно мимолетный характер, связанный с настроениями императрицы.

Сценарий «смертных государей» ознаменовал смену отношения к императору как божеству на отношение к нему как человеку. Павел I и Александр I сталкиваются, и в этом американский исследователь прав, с процессами десакрализации российской верховной власти, которые во многом также были спровоцированы Великой французской революцией. В данном случае в символическом ряду российской монархии появляются новые смыслы, но и старые не исчезают. Свидетельство этому – пристальное внимание власти к историческим изысканиям отечественных интеллектуалов той поры, к их попыткам расшифровать «базовые» символы российской монархии – православие, самодержавие и народность.

Следующий династический сценарий берет, как считает Р. Уортман, свое начало при Николае I. Далее он становится доминирующим (несмотря на введение локальных сценариев при каждом новом монархе) вплоть до отречения последнего императора. Вместо фигуры одного императора появляется образ семьи – в объектив публичной сферы попадают супруга императора и его дети. Проблема единения царя с народом стала главной темой сценария правления Александра II, названного Р. Уортманом «сценарием любви». Реформаторские настроения Александра требовали всенародной поддержки, которую

и призван был демонстрировать этот сценарий. Консервативные настроения определяли сценарий царствования Александра III. Целью ставилось построить национальный миф¹¹.

Сценарий поиска национальной «персоны» Николая II базировался на популяризации императора среди народа с помощью новейших средств массовой коммуникации. В конце XIX в. получает массовое распространение искусство фотографии, кино, рекламы. Это и стало методом показного единения императора с российским народом.

Р. Уортман концентрирует внимание в своем исследовании на господствующей мифологии российского самодержавия и методах ее воплощения в реальность при помощи всевозможных ритуалов. Автор подчеркивает важность символической сферы презентации власти для поддержания абсолютизма в условиях трансформации политической системы.

Николай I стал первым правителем в России, кто и далее активно стал использовать СМИ в качестве инструмента презентаций, особенно на идеологическом уровне. Помимо стандартной практики прославления царя добавляется еще одна – создание иллюзии массовой поддержки императора и его политики населением¹².

В качестве метода исследования политической реальности, политической презентации власти сценарный подход Р. Уортмана, несомненно, интересен, и в первую очередь тем, что сочетает авторское моделирование с имеющимися историческими условиями, на основе которых и формируются сценарии. Однако, последовательно наблюдая за изменчивостью своих сценариев, автор недостаточно, на наш взгляд, уделяет внимания моментам их внепространственной и вневременной устойчивости. Объясняя, что появляется нового и почему, он недостаточно объясняет, что и почему остается прежним. А в этом, вероятно, и кроется ответ на вопрос о причинах устойчивости отношения российского общества как такового к российской власти как таковой, о которой часто упоминают современные политологи как о почти мистическом свойстве российского «национального менталитета».

Примечания

- 1 Ричард Уортман, профессор Колумбийского университета, автор книг: *The Crisis of Russian Populism*. Cambridge, 1967; *The Development of a Russian Legal Consciousness*, Chicago, 1976 // Рос. издание – Уортман Р. Властители и судьбы. М., 2004.
- 2 См.: Добролюбов Я. Мифологии власти // Отечественные записки. 2002. № 4–5. (<http://www.strana-oz.ru/?numid=5&article=281>)
- 3 См.: Ахременко А.С. Политическое прогнозирование: сценарный метод: Учеб. пособие. М., 2004.
- 4 Там же. С. 280.

- ⁵ Эрик Берн – основоположник трансактного анализа, в основе которого находится теория личности, включающая в себя модель эго-состояний человека; теорию коммуникации; теорию детского развития, содержащую понятие «жизненного сценария», определяющего дальнейшие образцы поведения человека. См.: Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М., 1992.
- ⁶ См.: Ахременко А.С. Политический анализ и прогнозирование. М., 2006. С. 285.
- ⁷ См.: Волтер Р. Сценарное мастерство // Сайт «Виртуальный музей радио и телевидения» http://www.tvmuseum.ru/attach.asp?a_no=1034. – 15.08.2009.
- ⁸ См.: Успенский Б., Лотман Ю. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого // Успенский Б.А. Избранные труды. М., 2004. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 60–75.
- ⁹ См.: Уортман Р.С. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 1. С. 120–151.
- ¹⁰ См.: Павленко Н. Петр I. М., 1975; Анисимов Е.В. Петр Первый: Рождение империи // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. / Сост. Мироненко С.В. М., 1991.
- ¹¹ См.: Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. С. 349.
- ¹² См.: Уортман Р.С. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. С. 398.